

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»**

На правах рукописи

Нестерова Валерия Евгеньевна

**ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА ПОЛИЦИИ В
СМИ РОССИИ И США**

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:

кандидат филологических наук,
доцент С. О. Макеева

Екатеринбург, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
Глава 1. Теоретические основы исследования образа полиции в политическом медиадискурсе	15
1.1. Описание подходов к моделированию социального института полиции	15
1.2. Ценности и ценностные ориентации личности как фактор восприятия образа полиции	19
1.3. Реализация коммуникативных стратегий и тактик в процессе моделирования образа социального института в медиадискурсе	24
1.4. Образ полиции как объект изучения в политическом медиадискурсе	38
1.5. Газетный дискурс как структурный элемент лингвистического моделирования образа полиции	44
1.6. Процедура интерпретации лингвистических средств моделирования образа полиции	51
<i>Выводы по первой главе</i>	<i>66</i>
Глава 2. Лингвистическое моделирование образа российской полиции в политическом медиадискурсе	69
2.1. Вербализация ценностных компонентов образа полиции России в проправительственном газетном дискурсе	69
2.1.1. Компонент «профессионализм / непрофессионализм» в российских проправительственных газетах	69
2.1.2. Компонент «законность / произвол» в российских проправительственных газетах	80
2.1.3. Компонент «гуманность / жестокость» в российских проправительственных газетах	90
2.2. Вербализация ценностных компонентов образа полиции России в оппозиционном газетном дискурсе	98
2.2.1. Компонент «профессионализм / непрофессионализм» в российских оппозиционных газетах	98
2.2.2. Компонент «законность / произвол» в российских оппозиционных газетах	109
2.2.3. Компонент «гуманность / жестокость» в российских оппозиционных	

газетах	119
<i>Выводы по второй главе</i>	140
Глава 3. Лингвистическое моделирование образа американской полиции в политическом медиадискурсе	143
3.1. Вербализация ценностных компонентов образа полиции США в проправительственном газетном дискурсе	143
3.1.1. Компонент «профессионализм / непрофессионализм» в американских проправительственных газетах	143
3.1.2. Компонент «законность / произвол» в американских проправительственных газетах	151
3.1.3. Компонент «гуманность / жестокость» в американских проправительственных газетах	164
3.2. Вербализация ценностных компонентов образа полиции США в оппозиционном газетном дискурсе	173
3.2.1. Компонент «профессионализм / непрофессионализм» в американских оппозиционных газетах	173
3.2.2. Компонент «законность / произвол» в американских оппозиционных газетах	188
3.2.3. Компонент «гуманность / жестокость» в американских оппозиционных газетах	202
3.3. Лингвокультурологические особенности конструирования ценностной модели образа полиции в русскоязычном и англоязычном газетном дискурсе ...	212
<i>Выводы по третьей главе</i>	221
Заключение	225
Библиография	233
Приложение 1. Репрезентация ценностных моделей образа полиции России и США в газетном дискурсе	279
Приложение 2. Тематика медиатекстов, репрезентирующих деятельность полиции России и США	283
Приложение 3. Контексты, актуализирующие ценностные компоненты образа полиции России и США	295

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая диссертация посвящена лингвистическому моделированию образа полиции в проправительственных и оппозиционных средствах массовой информации (СМИ), в частности, в русскоязычном и англоязычном газетном дискурсе. Под лингвистическим моделированием в политическом медиадискурсе в настоящем диссертационном исследовании подразумевается способ оказания речевого воздействия на адресата, используемый адресантом газетного медиатекста с целью внедрения желаемого образа правоохранительных органов в массовое сознание целевой аудитории, способствующего признанию социального института полиции ценностью или антиценностью.

Одной из главных характеристик современного общества является его медиатизация, оказывающая значительное влияние на все сферы жизнедеятельности человека. Массмедийный дискурс, обладая огромным речевоздействующим потенциалом и специфическими средствами манипулирования сознанием массовой аудитории, превратился из средства популяризации социально значимой информации в один из ключевых инструментов реализации публичной власти, а также организации деятельности политических и социальных институтов. В связи с этим можно говорить об определенной корреляции между социально-политическими процессами и лингвистическими особенностями медиатекстов, в которых содержатся скрытые коммуникативные стратегии, тактики и приемы, направленные на моделирование востребованного образа индивида, явления или социального института.

В последнее десятилетие полиция становится одним из самых освещаемых в СМИ социальных институтов. Такое пристальное внимание массмедиа к правоохранительным органам обуславливается, прежде всего, основными функциями органов внутренних дел (ОВД), которые заключаются в обеспечении государственной, общественной и личной безопасности от различных угроз криминального характера. Постоянной критике со стороны СМИ и населения страны подвергаются как профессионально-деловые и морально-нравственные качества

сотрудников полиции, так и деятельность правоохранительной структуры в целом. В современном обществе существует довольно противоречивое отношение граждан к полиции, сформированное отчасти под влиянием ошибочных, не соответствующих действительности или сознательно искаженных сведений, репрезентированных в медиа с целью повышения рейтинга, что приводит к снижению уровня доверия граждан к рассматриваемому социальному институту и нивелированию его ценности.

К настоящему моменту в различных областях отечественной и зарубежной науки накоплен некоторый опыт исследований образа и имиджа силовых структур: в психологии (К. В. Злоказов, С. А. Мусатова, В. К. Пауков), педагогике (Н. П. Каданцева), политологии (Т. В. Агапова), социологии (О. В. Зуева, Н. Н. Демидов, В. В. Михайлова, Д. Г. Передня, А. В. Тищенко, L. Mayes, J. Schultz, O. Winkunle) и юриспруденции (М. В. Жерновой, Г. Ю. Шевчук, А. Л. Ситковский, Д. Г. Передня, О. В. Филимонов, Ю. В. Латов, Е. В. Червонных, Л. В. Важенина, C. Gallagher, E. R. Maguire, S. D. Mastrofski, M. D. Reisig, J. Mullis, R. J. Richard, W. L. Wayne). Одной из основных целей нефилологических исследований становится выявление отношения населения к полиции, а также определение концептуальных основ информационной политики и ее места в системе мероприятий по формированию позитивного имиджа ОВД.

В современной лингвистической науке также достойное место занимают исследования, посвященные изучению образа полиции (Э. В. Будаев, А. И. Золотайко, О. И. Михневич, А. Н. Мищенко, С. И. Окс, Л. А. Пушкина, С. М. Рязанов, Н. А. Сегал, Н. С. Скрипичникова, А. П. Чудинов, A. Ciabusa). Основным направлением в описании образа социального института, включая полицию, в филологических исследованиях выступает лингвистическое моделирование, получившее большое распространение благодаря его высокой объясняющей способности. С позиции лингвистики модель можно представить в виде некоторого искусственно созданного конструкта, повторяющего свойства оригинала, либо в виде схемы, обладающей свойством воспроизводимости. В связи с этим лингвистические модели относятся к познавательным типам моделей, предназначенным для

отображения устройства внешнего мира, а сам метод моделирования является по своей сути интегративным и междисциплинарным.

Актуальность исследования обусловлена, в первую очередь, недостаточным вниманием к проблемам лингвистического моделирования образа полиции в политическом медиадискурсе. Несмотря на разнообразие литературы, посвященной изучению имиджа силовых структур, существует определенный дефицит исследований в области моделирования медийного образа правоохранительных органов лингвистическими средствами. Во-вторых, на данный момент существует лишь несколько компаративных исследований, посвященных сопоставлению образа (А. И. Золотайко, Н. Е. Браженская, Е. Р. Чернобродов) и имиджа (В. В. Зудаева, Н. В. Бруева, К. В. Мордвинов, У. А. Удавихина) правоохранительных органов разных стран, но нет комплексных исследований, затрагивающих вопрос лингвистического моделирования образа российской и американской полиции в сопоставлении. В связи с этим целесообразным является изучение механизмов, коммуникативных стратегий, речевых тактик и приемов, реализуемых авторами в политическом медиадискурсе с целью оказания речевого воздействия на целевую аудиторию, конструирования или реконструирования образа полиции в русскоязычных и англоязычных медиатекстах. Кроме того, актуальным является расширение и углубление теоретических основ моделирования образа института полиции вербальными средствами.

Объектом исследования выступает образ социального института полиции в проправительственных и оппозиционных СМИ.

Предметом исследования являются актуализированные в проправительственном и оппозиционном газетном дискурсе ценностные компоненты образа полиции, реализованные в рамках стратегии оценочной аргументации и направленные на лингвистическое моделирование образа социального института полиции России и США.

Целью настоящего диссертационного исследования является выделение компонентов образа правоохранительных органов и построение на их основе ценностных моделей образа полиции России и США, конструируемых

лингвистическими средствами в русскоязычном и англоязычном проправительственном и оппозиционном газетном дискурсе.

В соответствии с целью данного исследования, автором решаются следующие **задачи**:

- сформулировать теоретико-методологические основы исследования образа полиции в политическом медиадискурсе;
- охарактеризовать газетный дискурс как структурный элемент лингвистического моделирования образа полиции, описать его специфику и функции;
- описать процедуру интерпретации лингвистических средств моделирования образа российской и американской полиции, репрезентируемого в проправительственных и оппозиционных газетах;
- построить ценностные модели образа российской полиции, сконструированные в проправительственном и оппозиционном газетном дискурсе посредством актуализации в рамках стратегии оценочной аргументации компонентов «профессионализм / непрофессионализм», «законность / произвол», «гуманность / жестокость»;
- построить ценностные модели образа американской полиции, сконструированные в проправительственном и оппозиционном газетном дискурсе посредством актуализации в рамках стратегии оценочной аргументации компонентов «профессионализм / непрофессионализм», «законность / произвол», «гуманность / жестокость»;
- сопоставить лингвистические средства моделирования образа российской и американской полиции и способы его вербализации в газетном дискурсе с позиции лингвокультурологии.

Для решения поставленных задач в исследовании применяется комплексный подход, основанный на ряде частных лингвистических теорий:

- *концепциях теории дискурса* (Н. Д. Арутюнова, И. Р. Гальперин, Т. ван Дейк, В. И. Карасик, П. Серио, И. П. Сусов), включая *теории политического дискурса* (А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Т. ван Дейк, Ю. Н. Караулов,

П. Ю. Паршин, Н. Б. Руженцева, Н. А. Сегал, О. А. Солопова, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал);

- *принципах лингвистической прагматики и теории речевого воздействия* (А. Вежбицкая, В. З. Демьянков, О. С. Иссерс, И. А. Стернин), а также постулатах теории речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль);

- *концепциях в области когнитивной лингвистики* (С. А. Аристов, А. П. Бабушкин, Н. Н. Болдырев, Е. В. Дзюба, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, Е. А. Нахимова, Н. А. Сегал, Т. В. Хвесько), в частности *принципах метафорического моделирования* (Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Э. В. Будаев, А. Гоатли, А. И. Золотайко, Ю. Н. Караулов, Э. МакКормак, К. Мюллер, В. Н. Телия, Ю. Б. Феденева, А. П. Чудинов);

- *теориях медиалингвистики* (А. Белл, Э. В. Будаев, П. Гранди, Т. Г. Добросклонская, Л. Р. Дускаева, М. Р. Желтухина, А. А. Кибрик, Н. И. Клушина, И. М. Кобозева, Д. МакКуэйл, С. И. Потапенко, Г. Г. Почепцов, О. Ф. Русакова, Н. Фэркло, Т. А. Ширяева);

- *теориях языковой личности и лингвоперсонологии* (Г. И. Богин, Н. Д. Голев, Е. В. Иванцова, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов);

- *принципах стилистики декодирования* (Н. Н. Амосова, В. Б. Апухтин, И. В. Арнольд, Н. Д. Арутюнова, Л. Г. Бабенко, В. В. Виноградов, Ю. В. Казарин, Дж. Лич, Ю. М. Лотман, М. Риффатер, М. Ю. Федосюк, Л. В. Щерба).

В диссертационном исследовании применяются такие общенаучные методы, как метод моделирования, сравнительно-сопоставительный метод, методы анализа, синтеза, комментирования, а также собственно лингвистические методы: дискурсивный, контекстуальный, стилистический и лингвопрагматический. Перечисленные методы позволяют структурировать материал исследования с учетом контекстуального, ситуативного, коммуникативно-прагматического, лингвокультурологического аспектов и сконструировать максимально объективную ценностную модель социального института полиции, репрезентированную в газетном дискурсе. Кроме того, комплексный характер научной работы включает в себя также теоретические исследования в области социологии, политологии, юриспруденции,

психологии и культурологии, направленные на изучение образа / имиджа социальных институтов.

Материалом исследования послужили медиатексты, репрезентирующие деятельность правоохранительных органов в период с 1 января 2020 по 1 января 2022 г., представленные в электронных версиях таких пользующихся высоким уровнем доверия у аудитории газетах, как «Российская газета», «Газета.Ru», «Коммерсант», «Новая газета», «The Associated Press», «The Wall Street Journal», «The New York Times», «The Washington Post». В сумме методом сплошной выборки было отобрано и проанализировано 2346 медиатекстов (Россия – 1190, США – 1156), которые ранее не подвергались лингвистическому анализу в других научных исследованиях.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые применен подход, позволяющий рассмотреть социальный институт полиции с позиции государственной, общественной и личностной ценности / антиценности. В исследовании построены четыре ценностные модели образа полиции, основанные на актуализированных в рамках стратегии оценочной аргументации ценностных компонентах «профессионализм / непрофессионализм», «законность / произвол», «гуманность / жестокость» образа полиции в проправительственном и оппозиционном газетном дискурсе. Рассмотрение правоохранительной структуры в качестве (анти)ценности может привести к трансформации медийного образа всей структуры органов правопорядка и способствовать смене парадигмы информационной политики.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в систематизации и обобщении коммуникативных стратегий и тактик, обладающих наибольшим речевоздействующим потенциалом формирования и эволюции массового сознания, а также в выявлении наиболее частотных лингвистических средств и приемов актуализации ценностных компонентов образа, способствующих эффективному моделированию востребованного образа социального института в политическом медиадискурсе.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения результатов исследования в разработке курсов как по лингвистическим, так и по

междисциплинарным наукам: когнитивной лингвистике, политической лингвистике, медиалингвистике, теории аргументации, лингвистике текста, лингвокультурологии, социалингвистике, лингвопсихологии, лингвоимиджелогии, педагогике. Данное исследование также может быть использовано при создании учебно-методических комплексов, учебных и учебно-практических пособий, предназначенных для профессиональной подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, а также реализовано на курсах повышения квалификации действующих сотрудников полиции.

Апробация материалов исследования осуществлялась в ходе обсуждений на заседаниях кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», а также на Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы филологии и методики преподавания русского и иностранных языков» (Екатеринбург, 2021, 2022), Международной научно-теоретической конференции «Актуальные проблемы лингвистики и формирования языковой компетенции юристов в современных условиях» (Ростов, 2021, 2022), VIII Международной научно-практической конференции молодых ученых на иностранных языках «Актуальные проблемы профессиональной сферы в современном мире» (Екатеринбург, 2021), Международной научно-практической конференции курсантов, слушателей и студентов «Актуальные проблемы правоохранительной деятельности органов внутренних дел» (Екатеринбург, 2021), Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы германистики, романистики, русистики» (Екатеринбург, 2022), IX Международной научно-практической конференции молодых ученых на иностранных языках «Актуальные проблемы профессиональной сферы в современном мире» (Екатеринбург, 2022), III Всероссийской научно-методической конференции «Проблемы формирования коммуникативной компетенции сотрудника органов внутренних дел в контексте профессиональной деятельности» (Воронеж, 2022), Всероссийской научно-практической конференции «Язык. Культура. Общение» (Санкт-Петербург, 2022). Результаты исследования отражены в 14 научных статьях, из которых 7 входят в Перечень рецензируемых

научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, 7 – в журналы РИНЦ. Кроме того, отдельные материалы исследования были использованы в учебном пособии, предназначенном для обучающихся образовательных организаций высшего образования системы МВД России.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. В политическом медиадискурсе наибольшим речевоздействующим потенциалом на сознание адресата обладают коммуникативные стратегии и тактики, базирующиеся на категориях оценки и оценочности, посредством которых правоохранительные органы и их представители наделяются профессиональными, социальными, психологическими, этическими и эстетическими характеристиками, трансформируемыми в контекстах в ценностные компоненты образа.

2. Вербализованные в рамках стратегии оценочной аргументации компоненты «профессионализм / непрофессионализм», «законность / произвол», «гуманность / жестокость» образа полиции представляют собой бинарные оппозиции, позволяющие сконструировать ценностные модели образа российской и американской полиции и репрезентировать правоохранительные органы в качестве ценности или антиценности.

3. В российском и американском проправительственном дискурсе преимущественно моделируется мелиоративный образ правоохранительных органов благодаря экспликации и/или импликации ценностных компонентов «профессионализм», «законность» и «гуманность» и объективации дополнительных номинантов, содержащих положительно-оценочные значения как профессионально-деловых, так и морально-нравственных качеств сотрудников полиции, что позволяет рассматривать социальный институт полиции в качестве общественной, личностной и государственной ценности.

4. В российском и американском оппозиционном газетном дискурсе конструируются контрадикторные модели образа правоохранительных органов, устанавливающие аксиологическую асимметрию в репрезентации полиции в качестве (анти)ценности.

5. Российский газетный дискурс характеризуется экспрессивностью и экспликацией авторской оценки, а конструирование образа полиции осуществляется преимущественно через контекст за счет употребления прямых внутрифразовых оценок. Лингвистическое моделирование образа правоохранительных органов в американском газетном дискурсе достигается преимущественно посредством реализации тактики дистанцирования и оказания скрытого воздействия на сознание адресата с помощью внутритекстовых косвенных оценок.

6. В процессе моделирования образа полиции в российском газетном дискурсе преобладает апелляция к ценностям в сфере гражданско-правовых отношений (38%), в то время как в американских изданиях на первое место выдвигаются абсолютные (42%) и этические (19%) ценности. Частотность апелляции к государственно-политическим (16% – Россия, 15% – США), религиозно-конфессиональным (2% – Россия, 1% – США) и профессиональным (4% – Россия, 3% – США) ценностям в русскоязычных и англоязычных контекстах не имеет существенных различий. Экономическим ценностям уделяется больше внимания в американском газетном дискурсе (1% – Россия, 5% – США), в то время как в российских газетах происходит апелляция к коммунитарным (5%), историческим (4%) и натуральным ценностям (1%), полностью отсутствующим в англоязычных контекстах.

Структура работы. Диссертационное исследование включает в себя введение, три главы, заключение, библиографический список и три приложения.

Во **введении** обосновываются актуальность, научная новизна и апробация настоящего диссертационного исследования, определяются объект и предмет, формулируются цель и задачи, методологическая основа исследования, отмечается теоретическая и практическая значимость полученных результатов, отражаются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** выделяются институциональные черты правоохранительных органов, положенные в основу создания существующих моделей образа полиции; раскрываются понятия «ценность» и «оценка», представляется классификация ценностей; приводится описание коммуникативных стратегий, тактик и приемов в понятийно-содержательном аспекте и проводится реферативный обзор исследований,

репрезентирующих образ социальных институтов и их отдельных представителей в СМИ. В рамках политического медиадискурса формулируются теоретико-методологические основы исследования образа полиции, дается характеристика газетного дискурса как структурного элемента лингвистического моделирования образа полиции, а также описывается процедура интерпретации лингвистических средств моделирования образа полиции России и США.

Во **второй главе** конструируются две ценностные модели образа российской полиции, репрезентированные в проправительственном и оппозиционном газетном дискурсе и базирующиеся на вербализованных в рамках стратегии оценочной аргументации ценностных компонентах «профессионализм / непрофессионализм», «законность / произвол», «гуманность / жестокость».

В **третьей главе** конструируются две ценностные модели образа американской полиции, репрезентированные в проправительственном и оппозиционном газетном дискурсе и основывающиеся на актуализированных в рамках стратегии оценочной аргументации ценностных компонентах «профессионализм / непрофессионализм», «законность / произвол», «гуманность / жестокость», а также рассматриваются лингвокультурологические особенности конструирования ценностных моделей образа правоохранительных органов в русскоязычном и англоязычном газетном дискурсе.

В **заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, делаются резюмирующие выводы по результатам проведенного исследования и обозначаются перспективы дальнейшего изучения лингвистического моделирования образа социального института полиции в политическом медиадискурсе.

Библиографический список представляет собой перечень исследований, положенных в основу формирования концепции диссертационной работы, и включает 298 наименования, в том числе 52 на иностранных языках.

В **приложения** вошли сводные таблицы, отражающие репрезентацию ценностных моделей образа российской и американской полиции в газетном дискурсе, основную тематику медиатекстов, освещающих основные направления деятельности правоохранительных органов России и США, а также русскоязычные и

англоязычные контексты, содержащие лингвистические средства вербализации ценностных компонентов образа полиции и направленные на моделирование мелиоративного и/или пейоративного образов полиции России и США.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗА ПОЛИЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В данной главе исследуются существующие подходы к моделированию социального института полиции и описываются теоретические модели правоохранительных органов. Раскрываются понятия «модель», «ценность», «языковая оценка», «коммуникативная стратегия», «коммуникативная тактика», «образ», а также дается определение массмедийному дискурсу, политическому медиадискурсу и газетному дискурсу. Выделяется наиболее эффективная с позиции оказания речевого воздействия на сознание адресата коммуникативная стратегия, положенная в основу процедуры интерпретации лингвистических средств моделирования образа российской и американской полиции.

1.1. Описание подходов к моделированию социального института полиции

Общество представляет собой систему, функционирование которой обусловлено в первую очередь факторами, регулирующими деятельность данной системы, то есть социальными институтами, одним из которых является полиция, обладающая рядом специфических признаков, детерминирующих ее уникальное положение в социуме. Несмотря на то, что понятие «социальный институт» широко используется в общественных науках, на сегодняшний день не существует общепринятого определения данного явления, так как институты – это «своеобразные конструкции, невидимые механизмы, созданные человеческим сознанием» [Бренделева 2006: 42] путем особого рода социального конструирования – «конструирования путем идеализации» [Collin 1997: 296–384] и сформированные в момент возникновения потребности в них.

По мнению Э. Дюркгейма, любой социальный институт включает три составляющих: 1) признание его «собственной природы», то есть структуры, подстраивающей социальную реальность посредством коллективного способа

действия и мышления; 2) принудительная сила института, то есть социальный институт можно рассматривать как совокупность норм, предписаний и требований, посредством которых деятельность людей в наиболее важных сферах общественной жизни контролируется и регулируется [Глоссарий.Ru: <http>] и 3) «историко-культурная укорененность коллективных способов действия и мышления» [Дюркгейм 1991: 20], так как «институты всегда имеют историю, продуктом которой они и являются. Невозможно адекватно понять институт, не понимая исторического процесса, в ходе которого он был создан» [Бергер 1995: 92].

Так, полиция представляет собой социальный институт с совокупностью четко структурированных учреждений и компетентных лиц, обладающий рычагами административного принудительного воздействия посредством федеральных законов и иных нормативно-правовых актов (НПА) для поддержания правопорядка и безопасности в стране, а также для обеспечения охраны жизни, здоровья, имущества как отдельных лиц, так и населения в целом, характеризующийся устойчивостью, должностной иерархией, строгой субординацией, профессиональной этикой и служением общепризнанным ценностям и идеалам [Тюнь 2016].

Исследователи из различных областей знания сходятся во мнении, что теоретическое описание институтов как социальных явлений требует создания их эффективной и действенной модели, обладающей объяснительной и прогнозирующей силой не только за счет таких свойств, как идеализация, функциональность, конструктивность, формальность, простота, адекватность и экономичность [Метод моделирования: <http>], но также разъясняющей специфические характеристики моделируемого института, например, его «системные и структурные признаки» [Козырева 2015: 214].

На наш взгляд, наиболее точное определение термину «модель» дается Ф. Н. Голдбергом, который рассматривает модель как «форму отображения определенного фрагмента действительности (предмета, явления, процесса, ситуации), то есть оригинала модели, который содержит существенные свойства моделируемого объекта и может быть представлен в абстрактной (мысленной или знаковой) или материальной (предметной) форме» [Гуманитарный портал: <http>]. В англоязычной

лингвистической модели термин «социальный институт» разводится на понятие “institute”, который в большей степени относится к социальным нормам, и “institution”, под которым подразумеваются социальные учреждения [Быченков 1996: 7]. В русскоязычной модели социального института такого разграничения не наблюдается.

Все модели реализуются в рамках того или иного подхода к рассматриваемому явлению. Основными подходами в рассмотрении социального института полиции можно считать нормативный, функциональный, социокультурный и информационный, позволяющие создать юридическую, социальную, ценностную и концептуальную модели соответственно.

Нормативный подход при рассмотрении понятия института акцентирует внимание на 1) комплексе норм, регулирующих правовые отношения [Глотов 2003]; 2) комплексе социально значимых действий, например, юридический закон, организационно оформленная религия, брак и т. д. [Бергер 1996] и 3) средствах упорядочивания деятельности и отношений, механизмах социального контроля, инструментах поддержания согласия в обществе [Дуран 2009], объединяющих значимые общественные ценности и процедуры, удовлетворяющие основные потребности общества [Фролов 1997]. Таким образом, нормативный подход способствует созданию **юридической модели** социального института, к рамках которого полиция как социальный институт является особым специфическим интегрированным комплексом образов, ценностей, норм, ролей и статусов, выполняющим специфические социальные функции в правоохранительной сфере посредством реализации индивидами социальных ролей, «исходя из институционально заданных норм и правил» [Тюнь 2016: 158].

В рамках **функционального подхода** социальный институт рассматривается с позиции «отношений между обществом и личностью с отдельно выполняемыми ими функциями» [Веблен 1984: 200-201], а также в совокупности ролей и статусов, предназначенных для «удовлетворения определенной социальной потребности» [Смелзер 1994: 659], то есть социальный институт выступает как объединение людей, выполняющих специфические функции по удовлетворению общих потребностей

[Давыдов 2006]. Так, функциональный подход позволяет создать **социальную модель** [Равочкин 2020], в которой институт полиции может рассматриваться как орган исполнительной ветви власти, предназначенный для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействия преступности, обеспечения общественной безопасности и охраны общественного порядка.

С позиции **информационного подхода** социальный институт следует рассматривать как «специфическое знание, выработанное многими поколениями людей, усвоенное ныне живущим поколением и содержащее рекомендуемые нормы поведения» [Корнейчук 2007: 11]. Информационный подход дает возможность сконструировать **концептуальную модель** [Максимова 2019] социального института, относительно которой знанием и представлением о правоохранительных органах выступает общественное мнение как о деятельности ведомства в целом, так и об отдельно взятых сотрудниках полиции, влияющее на общественное отношение граждан к данной структуре и выражающееся в уровне общественного доверия к полиции. Общественное мнение о полиции обычно складывается из личных контактов граждан с полицейскими и посредством СМИ.

Психологический подход, в рамках которого, как правило, создается **эвристическая модель** [Чернов 2017] объекта, предмета или явления, рассматривает образ как значимый процесс психической деятельности человека. Так, по мнению К.В. Злоказова, образ социального института полиции включает в себе три основных структурных компонента: когнитивный (представления населения о деятельности полиции страны), аффективно-оценочный (эмоционально окрашенные суждения, транслирующиеся с помощью различных способов передачи информации) и поведенческий (интерпретация и оценка опыта взаимодействия отдельных граждан с представителями правоохранительных органов) [Злоказов 2014].

Социокультурный подход направлен на изучение глубинных исторически сформированных и устойчивых социально-ценностных структур, задающих объективные границы для трансформации общества, а в центре внимания находится человек и его «нравственность, составляющая основание любой культуры» [Ахиезер 1997: 32]. Понятие «социальный институт» в данном подходе

рассматривается с позиции возможности обобщения абстрагированных от многообразных действий людей наиболее существенных типов деятельности и социальных отношений путем соотнесения их с фундаментальными ценностями и потребностями социальной системы [Пьянов 2011]. Исходя из данного определения, можно сделать вывод, что социокультурный подход способствует созданию **ценностной модели** [Стебляк 2018] социального института. Полиция, предназначение которой – защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан, с одной стороны, является защитницей наивысших ценностей, а с другой – может сама выступать в качестве общепризнанной ценности или антиценности.

Таким образом, особый интерес для нашего исследования представляет именно ценностная модель образа социального института полиции, конструирование которой позволит дать объективную оценку реальному состоянию двусторонних отношений между правоохранительными органами и гражданами страны, а также может способствовать прогнозированию вектора их дальнейшего развития. Следует особо подчеркнуть, что создание ценностной модели полиции выходит за пределы узколингвистических направлений и пересекается с философскими, общекультурными и социально-политическими аспектами.

1.2. Ценности и ценностные ориентации личности как фактор восприятия образа полиции

Все социальные институты возникли в связи с необходимостью удовлетворения тех или иных потребностей в обществе. Например, основной целью социального института семьи является удовлетворение потребности в воспроизводстве населения, продолжении рода, в воспитании детей; институт образования обеспечивает воспитание человека, готовит его как будущего специалиста и работника труда; институт религии устанавливает моральные нормы и запреты, жизненно важные для каждого общества. Институт полиции возник из потребности обеспечения охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, осуществляя тем самым внутреннюю безопасность государства. Другими словами, все социальные институты

ориентированы на производство некоей ценности, а успешность его функционирования зависит от признания значимости этой ценности социумом. Таким образом, основная цель социальных институтов достигается при осуществлении связи между «ценностью, которую они предоставляют, и потребителем, то есть населением» [Полтавская 2009: 71].

Исходя из вышеизложенного, представляется целесообразным рассмотреть понятие «ценность», выступающую в качестве «культурно значимых ориентиров поведения людей в социуме, задающих направленность и мотивированность человеческой жизни» [Грицанов 2003: 25].

По мнению В.И. Карасика, совокупность наиболее значимых для данной культуры смыслов и культурных доминантов, находящих отражение в ценностной картине мира, «детерминирует мировосприятие народа, его менталитет» [Карасик 2002: 166]. Ценностный аспект рассматривается ученым как «этические и утилитарные нормы поведения, свойственные определенному этносу в определенный период», языковыми индексами которых выступают, например, правила этикета, коммуникативные стратегии вежливости, оценочные значения слов и прочее [Карасик 2004: 22]. Основные функции ценности заключаются в создании «регламентов конструирования бытия» [Ильин 2005: 203], содействии индивидам в осуществлении социально одобряемого выбора поведения в жизненно значимых ситуациях, а также интеграции общества.

Пониманию понятия «ценность» способствует концепция, в рамках которой происходит превращение объекта в ценность в процессе практически преобразующей деятельности человека. Согласно данной концепции, ценность определяется как феномен, функционирующий в пределах человеческих отношений и выражающий субъективную оценку деятельности объекта, то есть ценность объекта состоит в его участии в процессе преобразования действительности. Ценности объекта, реализуемые с определенными целями, становятся субъективными ценностями. Применительно к правоохранительным органам можно сказать, что происходит превращение полиции как социального объекта общества в субъективно оцениваемую человеком и обществом ценность, в результате чего объект общества (полиция)

становится его субъектом, «активность которого направлена на созидательную деятельность» [Пьянов 2011: 167]. Другими словами, полиция как социальный институт будет представлять общественную ценность, если ее функционирование в определенных институциональных рамках соответствует общественным потребностям, или обладает ценностной значимостью для каждого отдельного индивида.

Существует множество различных классификаций ценностей, однако, одной из наиболее полных и системных является классификация, разработанная Ю. Г. Вешнинским. Автор подразделяет все ценности на *государственно-политические*, *военно-силовые*, *гражданско-правовые ценности* (государство, демократия, правительство, власть, закон, суверенитет, справедливость, безопасность, равенство, мир); *исторические ценности* (историческая память, наследие, парад Победы, бессмертный полк, патриотизм, национальная гордость); *«коммунитарные» ценности* (коллектив, община, родители, семья, братство, общество, солидарность, уважение и почтение к старшим); *«натуральные» / природные ценности* (полезность, природа, чистота, ресурсы); *научно-когнитивные ценности* (образование, знание, истинность, наука); *персоналистские ценности* (личность, самореализация, профессионализм, карьера, работа, труд); *религиозно-конфессиональные ценности* (Бог, духовность, вера, религия, спасение, душа); *социально-стратификационные ценности* (положение, статус, престиж, интеллигентность); *художественно-эстетические ценности* (литература, красота, искусство, культура, творчество, архитектура); *ценности урбанистических локально-территориальных сообществ* (столица, резервация, уединение, день города); *экономические ценности* (деньги, богатство, доход, благосостояние, имущество); *этические ценности* (добро, любовь, дружба, долг, честь, порядочность, сострадание, мораль); *этнические ценности* (язык, фольклор, обычаи, традиции) [Вешнинский 2010].

Однако, несмотря на такую детальную систематизацию общественно признанных ценностей, мы не обнаружили категории для отнесения таких наивысших ценностей, как жизнь и здоровье человека, которые по своей сути являются своеобразным фундаментом и вершиной для всех других ценностей. Кроме того,

именно эти два вида ценностей представляют особый интерес для нашего исследования в силу того, что основной задачей полиции является защита именно жизни и здоровья людей. Изучив различные подходы к определению и классификациям ценностей, применяемые в различных отраслях науки, мы пришли к выводу, что жизнь и здоровье во всех сферах признаются в качестве доминирующих общественных и культурных ценностей. По мнению философов, этот факт может быть обоснован идеей о том, что в представлениях современного человека «ценность» уже включена в понятие «жизнь», а ценность жизни в системе цивилизованных установок личности полагается как «нечто само собой разумеющееся, не подлежащее ни сомнению, ни обсуждению и не требующее теоретических исследований» [Жизнь как ценность 2000: 3]. Исходя из философского деления ценностей на *абсолютные* (ценность сама в себе, безусловно, оправданная, следовательно, имеющая характер добра с любой точки зрения, в любом отношении и для любого субъекта) и *относительные* (ценность, имеющая характер добра лишь в каком-либо отношении или для каких-нибудь определенных субъектов) [Лосский: <http>], мы полагаем, что ценность жизни и здоровья целесообразно отнести к первой категории. В своем учебном пособии «Политическая лингвистика» А. П. Чудинов придерживается подобной позиции и полагает, что жизнь и здоровье можно считать абсолютными ценностями [Чудинов 2006: 48]. Ввиду вышеизложенного, далее в работе мы будем использовать понятие «абсолютные ценности», говоря о жизни и здоровье людей.

Все без исключения ценности, представленные в рассмотренной выше классификации, находят отражение в деятельности ОВД. Так, восприятие института полиции гражданами страны может рассматриваться на двух «слоях» ценностей: 1) полиция как *государственная ценность*, так как «сотрудники полиции выступают в качестве посредника между правительством и населением, а поэтому являются проекцией власти в глазах общественности» [Золотайко 2020: 15] и 2) полиция как *общественная ценность*, так как правоохранительные органы выполняют свои обязанности по защите граждан и их интересов. Однако правоохранительные органы также могут выступать как 3) *ценность личностная*, так как «полиция незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в защите полиции от

преступных и иных противоправных посягательств» [ФЗ "О полиции": [http](http://)]. В последнем случае можно наблюдать индивидуально мотивированное, субъективное отношение конкретного индивида к уровню и качеству своей личной безопасности и защищенности. Следовательно, основанием для построения ценностной модели образа полиции является апелляция к потребности граждан страны в квалифицированных, грамотных, высокопрофессиональных и оперативных полицейских, предназначенных «для защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан ..., для противодействия преступности, охраны общественного порядка, собственности и для обеспечения общественной безопасности» [ФЗ "О полиции": [http](http://)]. Однако правоохранительные органы могут рассматриваться в качестве защитников и хранителей всех перечисленных выше видов ценностей и, наоборот, восприниматься как агрессоры и истребители общепризнанных ценностей. В данном случае полиция будет признана обществом антиценностью.

Основным способом отражения системы ценностей в лингвистике выступает категория языковой оценки, которая обладает наибольшим речевоздействующим потенциалом и выражается в положительных или отрицательных оценочных высказываниях, апеллирующих к разуму (логосу), нравственности (этосу) и пафосу (чувствам, эмоциям) [Руженцева 2004]. Ключевым назначением оценки является определение «качества ценностей» [Серебренникова 2011]. Языковая оценка понимается учеными как «общественно закрепленное отношение носителей языка («хорошо» – «плохо», «законно» – «незаконно», «друг» – «враг») к внеязыковому объекту, к фактам языка и речи» [Хидекель 1981: 7] и рассматривается как акт соотнесения объекта с ценностью, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту с точки зрения соответствия или несоответствия его качеств определенным ценностным критериям [Арутюнова 1988, Серебренникова 2011, Якушина 2003].

Так, оцениваемый объект может быть признан позитивно ценным, негативно ценным или ценностно-нейтральным в зависимости от идеальных представлений той языковой личности, которая производит оценку этого объекта [Ивин 1998], а категория оценочности в сообщении может эксплицироваться и/или имплицироваться

адресантом с помощью положительно / отрицательно-маркированных лексем, инвективных средств, различных тропов и фигур речи, эвфемизации и дисфемизации, навязывания пресуппозиций и смысловых лакун, которые реципиент вынужден восполнять навязанными ему суждениями на подсознательном уровне.

По мнению Н. Н. Казыдуб, ценности также играют важную роль в аргументации, а успешность аргументативного воздействия определяется выбором оптимальной стратегии, в которой стратегическое пространство аргументации формируется в процессе взаимодействия трех основных факторов: 1) фактор адресата, подразумевающий совокупность статусных, ролевых и/или личностных характеристик адресата, значимых для определенной коммуникативной ситуации; 2) фактор ценности, определяющий область взаимодействия адресанта и адресата на основе идентификации ценностной категории, имеющей значимость для обоих участников коммуникации; 3) фактор цели, предопределяющей ожидания адресанта относительно эффекта коммуникации [Казыдуб 2003]. Помимо субъекта и объекта оценки, в структуру оценочной категории также включают основание оценки и стереотип оценки [Катынская 2012].

Таким образом, категория языковой оценки является имманентной характеристикой, обладает прагматическим потенциалом и наиболее часто находит отражение в коммуникативных стратегиях и тактиках, применяемых адресантом с целью оказания речевого воздействия на сознание адресата, тем самым моделируя определенные образы, установки, стереотипы, ценностные ориентиры и мотивации, а также побуждая индивида к конкретным действиям.

1.3. Реализация коммуникативных стратегий и тактик в процессе моделирования образа социального института в медиадискурсе

Язык, кроме его основной коммуникативной функции, может реализовывать прагматическую функцию, которая заключается в способности языка осуществлять управление коммуникативными процессами, направленными на оказание речевого воздействия на реципиента с целью формирования или изменения его

конструктивных ценностных мотиваций, ориентаций и смыслов. Так, в рамках коммуникативно-прагматического направления основное внимание исследователей (Р. М. Блакар, М. Р. Желтухина, О. С. Иссерс, Л. А. Киселева, И. А. Стернин, В. Е. Чернявская и др.) уделяется изучению приемов речевого поведения, наиболее эффективных в плане стратегии говорящего, а также выбора адекватного способа вербального воздействия на адресата в конкретной коммуникативной ситуации [Катынская 2012].

Изучение коммуникативных стратегий и тактик в различных типах дискурса является актуальным направлением современной лингвистики, которое получило широкое распространение в конце 20 века и находит отражение в исследованиях таких отечественных и зарубежных ученых, как Т. А. ван Дейк и В. Кинч [Дейк, Т. А ван 1988], Р. Блакар [Блакар 1987], И. Н. Борисова [Борисова 1996], О. И. Иссерс [Иссерс 1999; 2009], О. Л. Михалева [Михалева 2009], О. Н. Паршина [Паршина 2005], Г. Г. Почепцов [Почепцов 1998; 2001a], Н. Б. Руженцева [Руженцева 2004], Е. В. Фролова [Фролова 2007], Е. И. Шейгал [Шейгал 2004], Т. Н. Янко [Янко 2001] и других лингвистов.

Реализация интенций является основной целью речевой деятельности адресанта, требующей от него выбора определенного плана речевого поведения, то есть коммуникативной стратегии, инструментом осуществления которой выступает тактика.

Термин «стратегия» (др. -греч. *στρατηγία*, «искусство полководца») пришел в лингвистику из военной науки, где он изначально обозначал общий, не детализированный план военной деятельности, охватывающий длительный период времени. Позднее сфера использования слова расширилась, и под стратегией стал пониматься долгосрочный план любой деятельности [Экономика – Аналитика – Этимология: <http>]. Термин «тактика» (др.-греч. *такτικός* «боевой порядок», «строй») также заимствован из военной сферы, в которой он употреблялся в значении «подготовка и ведение боя как составная часть военного искусства» [Этимологический словарь русского языка: <http>]. В настоящее время термины «стратегия» и «тактика» активно применяются в когнитивной, политической и

медиалингвистике, прагматике, в теории коммуникации и теории речевых жанров, а также в исследованиях различных типов дискурса, однако их трактовка неоднозначна и зачастую находится в прямой зависимости от материала исследования.

В своей работе «Стратегии понимания связного текста» Т. А. ван Дейк и В. Кинч обращают внимание на то, что структуры представления знаний реализуются посредством определенных стратегий, которые зависят от существующих когнитивных структур (знания, установки, планы, намерения) и от когнитивных ограничений, например, типа предельного объема кратковременной памяти [Дейк 1988]. Позже Т.А. ван Дейк определяет стратегию как характеристику когнитивного плана общения, контролирующую оптимальное решение системы задач гибким и локально управляемым способом в условиях недостатка информации о соответствующих (последующих) действиях других участников коммуникации или о локальных контекстуальных ограничениях на собственные (последующие) действия [Дейк 2000].

О. С. Иссерс полагает, что все стратегии можно объединить тем, что «они представляют своего рода гипотезы относительно будущей ситуации и обладают большей или меньшей степенью вероятности» [Иссерс 1999: 55]. По мнению ученого, коммуникативная стратегия является «планом комплексного речевого воздействия, который осуществляет говорящий для “обработки” партнера... своего рода “насилие” над адресатом, направленное на изменение его модели мира, на трансформацию его концептуального сознания» [Иссерс 1999: 102]. Р. Блакар рассматривает стратегию с позиции выбора и структурирования языковых средств, присущих любой коммуникации, так как высказывание в принципе не может быть нейтральным, а, следовательно, коммуникация обязательно носит стратегический характер [Блакар 1987]. Г.Г. Почепцов определяет коммуникативную стратегию как невербальную детерминированность речевого поведения, то есть она представляет собой структуру, задающую невербальные зависимости между высказываниями, это некий объединяющий элемент, создающий единую рамку для набора разнородных высказываний, выстраивающий их в единую систему [Почепцов 2001] для достижения определенной коммуникативной цели [Кашкин 2000]. Для нашего

исследования образа полиции в газетном дискурсе особую значимость приобретает определение, данное В. И. Карасиком, который трактует стратегию как последовательность интенций речевых действий, реализуемую в конкретной последовательности коммуникативных ходов, которая определяется целями дискурса и отражается в его жанрах [Карасик 1999].

В эпиграфе к своей монографии Н. Б. Руженцева цитирует слова Ю. Лобова: «Стратегия имеет привычку вечно путаться под ногами у тактики. Дело кончается нередко тем, что тактика отшвыривает ее в сторону и выдает себя за стратегию» [Руженцева 2004: 7]. Данное высказывание свидетельствует о сложной и неоднородной природе коммуникативных стратегий и речевых тактик, которая способна вызвать затруднения в понимании данного явления и привести к подмене этих двух понятий. По наблюдениям ученого, при трактовке термина «коммуникативная стратегия» многие лингвисты отмечают его близость к понятию замысла, мотива, интенцией, планом построения речи и направленностью стратегии на реализацию прогнозируемого эффекта речевого воздействия [Руженцева 2004]. Так, И. Н. Борисова определяет коммуникативную стратегию как «способ организации речевого поведения в соответствии с замыслом, интенцией коммуниканта, которая представляет собой «совокупность, единство коммуникативных и практических целей», предполагает отбор фактов и их подачу в определенном освещении с целью оказания «воздействия на интеллектуальную, волевою и эмоциональную сферу адресата» [Борисова 1999: 85-86] и задается соотношением «действительность – автор – текст – адресат» [Борисова 1996: 23].

Большинство ученых придерживаются мнения о контролируемом характере коммуникативных стратегий, например, О. С. Иссерс считает, что адресант осознает «стратегическое назначение дискурса и воспринимает речь как способ достижения определенных целей» [Иссерс 2009: 178-179]. Согласно М. В. Катynской, стратегии имеют сознательный характер и позволяют выявить структуру речевого воздействия, проследив связь между интенциональным аспектом коммуникации и выбором языковых средств [Катynская 2012]. Однако некоторые лингвисты полагают, что стратегии могут использоваться как сознательно, так и неосознанно [Сазонова 2003].

С. Н. Плотникова отмечает, что речевым действиям свойственна неосознаваемая стратегичность, и термин «стратегия» следует использовать только в тех случаях, когда речь идет о неосознаваемом сценарии, то есть «человек действует стратегично, не понимая, почему, исходя из каких рациональных предпосылок, он поступает именно так, а не иначе». В случае если адресант осознает цель своего высказывания, следует употреблять термин «технология» [Плотникова 2008: 141].

Лингвисты при трактовке термина «технология» делают акцент на таких критериях, как: 1) достижение цели высказывания, где технология понимается как некий алгоритм, управляемые правила, гарантирующие успешное достижение цели при условии их корректного применения, в то время, как «в стратегиях такого гарантированного успеха нет» [Иссерс 2009: 182]; 2) количество адресантов, то есть использование понятия «стратегия» предпочтительнее, когда речь идет об отдельном человеке как свободном субъекте действия, а «технология» – о группе людей, действующей в рамках жестко детерминированной системы [Плотникова 2011]. М. В. Катинская определяет термин «технология» как «основанное на квалифицированном знании средство планирования речевого взаимодействия в рамках институционального дискурса, нацеленное на заданный результат и реализуемое группой людей в соответствии с определенными условиями коммуникации» [Катинская 2012: 76].

Структурообразующей единицей стратегии считается тактика. Существует множество определений термина «коммуникативная тактика», однако, все они сводятся к тому, что тактика представляет собой более частное явление, нежели стратегия, определенный шаг к поставленной цели речевого взаимодействия, включающий в себя приемы и формы деятельности, которые направлены на реализацию той или иной стратегии на определенном этапе. Так, О. С. Иссерс определяет тактику как «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии» [Иссерс 2009: 110]. Именно тактики, по мнению ученого, «производят впечатление действительно доступных изучению единиц – по-видимому, они и являются практическим инструментом говорящего» [Иссерс 2009: 111]. О. Н. Паршина трактует тактику как «выбор и последовательность речевых действий,

характеризующихся своей задачей в рамках реализуемой коммуникативной стратегии» [Паршина 2005: 28]. По мнению В. Е. Чернявской коммуникативная тактика представляет собой интенцию, обуславливающую конкретный «речевой акт в соответствии с протекающей ситуацией» [Чернявская 2006: 45-46]. В определении И. Н. Борисовой тактика рассматривается как «ближайшая задача, решаемая в рамках избранной стратегии» [Борисова 1996: 102]. И. В. Труфанова рассматривает тактику как «компонент речевого жанра» [Труфанова 2001: 61], минимальные речевые действия, ведущие к достижению (макро)цели говорящего в рамках стратегии в соответствии с избранным речевым жанром [Карпова 2010].

Наиболее полное определение тактики, на наш взгляд, приводится в исследовании Н. Б. Руженцевой «Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе», в котором тактика рассматривается как «одновременно способ реализации локальной интенции в рамках интенции глобальной, стратегической, имплицитный или эксплицитный метод манифестации и трансляции авторского мнения, основной коммуникативный ход, связанный с выбором формы демонстрации суждения и его обоснования и направленный на то, чтобы мнение автора в максимальной степени стало достоянием адресата», то есть это некая «форма высказывания, которая служит для манифестации и трансляции оценочного суждения и его обоснования» [Руженцева 2004: 31-32]. По мнению ученого, тактика как конкретный способ реализации стратегии не может сводиться ни к интенциональному, ни к предметно-логическому, ни к стилистическому, ни к прагматическому текстовому компоненту, так как при реализации тактических схем адресант учитывает одновременно «план содержания, план выражения, план коммуникативной организации высказывания и план восприятия» [Руженцева 2004: 41].

Инструментом реализации необходимой тактики выступают приемы или частные коммуникативные (речевые) ходы, которые трактуются как «синтагматически определенные элементы речевого акта» [Карасик 1992], «функциональные единицы последовательности действий, способствующие решению определенной задачи под контролем стратегии и тактики» [Дейк 2000:274], которые

связывают реплику говорящего и реплику слушающего и определяются относительно «предполагаемой реакции партнера и с учетом предыдущей реплики» [Иссерс 1999: 117]. П. В. Зарецкий понимает под коммуникативным ходом «гибкое динамическое использование говорящим имеющихся у него вербальных умений построения речевого хода согласно намеченному плану речевых действий с целью достижения языковой задачи общения, ограниченной рамками речевого взаимодействия» [Зернецкий 1988: 39].

Многие ученые считают, что коммуникативные стратегии и тактики представляют собой национально и культурно обусловленные модели речевого поведения в определенной ситуации, то есть они не являются универсальными для всех культур мира. В каждой культуре существует свой набор стратегий, тактик и соответствующих им языковых средств, которые позволяют оказать наиболее эффективное воздействие на адресата [Карпова 2010].

Коммуникативные стратегии и тактики, реализуемые в процессе лингвистического моделирования образа социальных институтов как объект лингвистических исследований привлекает все большее внимания российских и зарубежных ученых. Однако неоспоримым является тот факт, что количество работ, посвященных изучению данного явления, невелико. Проведем краткий обзор филологических работ, направленных на изучение коммуникативных стратегий и тактик в СМИ и способствующих формированию образа социального института в целом, а также медийного имиджа / образа лиц, выступающих представителями различных социальных институтов, с целью выявления наиболее эффективной стратегии, в рамках которой нами будет проводиться интерпретация лингвистических средств моделирования образа полиции в русскоязычных и англоязычных контекстах с последующим построением ценностных моделей образа полиции России и США.

О. С. Иссерс является одним из основоположников теории речевого воздействия и автором наиболее распространенной типологии коммуникативных стратегий и тактик. Несмотря на то, что автором не рассматривается какой-то определенный тип дискурса, О. С. Иссерс полагает, что «нет достаточных оснований, чтобы утверждать, что в других сферах ... используются совершенно другие приемы

и ресурсы речевого воздействия, нежели в печати, на радио и телевидении» [Иссерс 1999: 24-25]. По мнению ученого, с функциональной точки зрения выделяются **основные стратегии (семантические или когнитивные стратегии)**, к которым относятся стратегии, наиболее значимые с точки зрения иерархии мотивов и целей, непосредственно связанные с воздействием на адресата, его поведением и моделью мира, и **вспомогательные стратегии (прагматические, диалоговые и риторические стратегии)**, способствующие эффективной организации диалогового взаимодействия адресанта с адресатом. Основные стратегии являются гибкими и определяют, какие именно языковые средства необходимо выбрать для достижения поставленной цели (семантические, прагматические и стилистические) в зависимости от прагматических факторов, например, возраста и пола коммуникантов, их социальных ролей и проч. Семантический / когнитивный тип может иллюстрироваться **стратегией подчинения**, реализуемой **тактикой уговоров, просьб, убеждений**, где в качестве коммуникативного хода выступает апелляция к чувствам, разуму, авторитету. Прагматический тип может актуализироваться **стратегией самопрезентации**, реализуемой посредством **тактик «обозначить своих» и «обозначить чужих»**. Автор полагает, что общая стратегия дискредитации реализуется в частных стратегиях обвинения, издевки, оскорбления, насмешки. Диалоговые или **конверсационные стратегии** могут быть представлены стратегией контроля над инициативой, стратегиями выбора темы, смены темы, уклонения от темы¹. Риторический аспект речевых действий предусматривает наивысшую оптимальность стратегических целей говорящего и связан с приемами убеждения, аргументацией, приказом и т.д. [Иссерс 1999].

Еще одной из самых распространенных классификаций коммуникативных стратегий является классификация, разработанная О. Л. Михалевой, которая выделяет: 1) **стратегию на понижение**; 2) **стратегию на повышение**; 3) **стратегию театральности** [Михалева 2009], положенные в основу других исследований. Так, в процессе рассмотрения стратегий и тактик, позволяющих оказывать влияние на политическую позицию адресата, Д. Р. Акопова в рамках **стратегия на понижение**

¹ Выделение Нестеровой В. Е.

выделяет *тактику анализ* - «минус», *тактику обвинения*, *тактику обличения*, *тактику оскорбления*, *тактику угрозы*. Стратегия на повышение реализуется за счет таких тактик, как *анализ-«плюс»*, *презентации*, *самопрезентации* и *отвода критики*. В стратегии театральности автором выделяются *тактика побуждения*, *тактика размежевания* и *тактика обещания*². Автор также отмечает, что с целью выражения косвенной оценки чаще всего используются метафоры, включая индивидуально-авторские, сравнения, аллюзии, эвфемизмы и другие стилистические средства косвенной оценки [Акопова 2013].

А. С. Суханова в своей статье проводит анализ таких стратегий, как: 1) стратегия самопрезентации, реализуемая *тактикой солидаризации*, *тактикой отождествления* и *тактикой оппозиционирования*; 2) стратегия дискредитации; 3) агитационная стратегия, актуализируемая *тактикой призыва*; 4) стратегия формирования эмоционального настроения адресата, суть которой заключается в апелляции к ценностям аудитории за счет реализации *тактики учета ценностных ориентиров*; 5) информационно-интерпретационная стратегия, отраженная в *тактике признания существования проблемы* и *тактике указания пути решения проблемы*; 6) стратегия убеждения и аргументативная стратегия, реализованные через *тактику указания на перспективы*³ [Суханова 2017].

Е. Б. Каган в процессе анализа прощальной речи Д. Трампа отводит особую роль *тактике кооперации*⁴, основанной на апелляции к ценностям и идеям читательской аудитории. Автор полагает, что универсальный прагматический потенциал рассматриваемой тактики позволяет адресанту объединить людей различных политических и идеологических взглядов и тем самым повысить эффективность речевого манипулирования [Каган 2022].

Одним из наиболее детальных исследований, посвященных изучению коммуникативных тактик в политическом дискурсе, является монография Н. Б. Руженцевой, которая полагает, что при использовании трех основных стратегий (дискредитирующей, превозносящей и самопрезентационной) реализуются

²Выделение Нестеровой В. Е.

³Выделение Нестеровой В. Е.

⁴Выделение Нестеровой В. Е.

одновременно две фоновые вспомогательные стратегии (**редукционная и диалогизирующая**). По мнению автора, категория оценки является самой значимой. В рамках стратегии дискредитации ученый выделяет **универсальные тактики**, например, *тактику поляризации и ссылку на дискредитируемое или дискредитировавшее себя лицо*; **прямые тактики эмоционального воздействия**, реализуемые, например, *тактикой бездоказательного умаления авторитета, наклеиванием ярлыков и тактикой доведения ситуации до абсурда*; **прямые социально ориентированные тактики**, к которым относит *тактику обманутого ожидания и тактику восстановления целостности Я-образа*; **косвенные дискредитирующие тактики**, актуализированные *тактикой создания ловушки на противоречиях, тактикой приглашения к совместному размышлению, тактикой навязчивого комментирования* и другие⁵. В результате своего исследования автор приходит к выводу, что дискредитирующая стратегия реализуется с помощью целого арсенала прямых и косвенных коммуникативных тактик и речевых приемов. Однако большая часть косвенных тактик представляет трудность в реализации и достижении перлокутивного эффекта по внедрению в массовое сознание авторского мнения и оценки [Руженцева 2004].

Е. В. Маркарян за основу своего анализа берет классификацию стратегий и тактик, разработанных О. Н. Паршиной, по мнению которой, к наиболее часто используемым стратегиям и тактикам относятся: 1. **Стратегия самопрезентации**, реализуемая *тактикой отождествления, тактикой солидаризации и тактикой оппозиционирования*; 2. **Стратегии борьбы за власть**, подразделяющиеся на 1) стратегию дискредитации и нападения, которая актуализируется *тактиками оскорбления и обвинения*; 2) манипулятивную стратегию, реализуемую *тактикой вежливости, тактикой утрирования / гиперболизации*, для которых характерно употребление демагогических приемов и 3) **стратегия самозащиты**, при которой адресант использует *тактику оправдания, тактику критики и тактику оспаривания*; 3. **Стратегии удержания власти**, которые подразделяются на: 1) **информационно-интерпретационную стратегию** с присущей ей *тактикой*

⁵ Выделение Нестеровой В. Е.

признания существования проблемы, тактикой разъяснения и комментирования, тактикой рассмотрения проблемы под новым углом зрения и тактикой указания пути решения проблемы; 2) стратегию формирования эмоционального настроя адресата, в рамках которой осуществляется *тактика единения, тактика апеллирования к эмоциям, тактика учета моральных и духовных ценностей;* 4. Стратегии убеждения, представление 1) аргументативной стратегией, реализуемой посредством *тактики аргументированных оценок, тактики контрастивного анализа, тактики указания на перспективу и тактики иллюстрирования;* 2) агитационной стратегией, актуализированной *тактикой обещания и тактикой призыва*⁶ [Маркарян 2016].

В своей классификации коммуникативных стратегий Ю. К. Пирогова, опираясь на цели и задачи стратегий, выделяет **позиционирующие стратегии (ценностно-ориентированная стратегия, стратегия дифференциации, стратегия присвоения оценочных значений)**, направленные на формирование фиксированного восприятия объекта, и **оптимизирующие стратегии (стратегия повышения узнаваемости сообщения, стратегия согласования между языком и картиной мира коммуникантов, стратегия положительного отношения к сообщаемой информации, стратегия аргументации материала и стратегия разделения информации по степени ее важности)**⁷, основной задачей которых является рационализация воздействия сообщения и нейтрализация неблагоприятных ситуаций, возникших в ходе коммуникации [Пирогова 2001].

Е. В. Тенева в своем исследовании эмоционально-оценочного воздействия при освещении событий в медиадискурсе особое внимание уделяет изучению **стратегии эмоционализации**, которая рассматривается как намеренное использование эмоционально-оценочных средств и риторических приемов с целью манипуляции мнением аудитории. По мнению автора, распространенными *приемами* обозначенной стратегии выступают использование в дискурсе отзывов, отсылок к мнению авторитетных личностей и экспертов, приведение статистических данных

⁶ Выделение Нестеровой В. Е.

⁷ Выделение Нестеровой В. Е.

(употребление цифр является примером скрытой оценки), прямое выражение личного мнения автора, а также употребление эмоционально-окрашенных слов. В отличие от других ученых, которые полагают, что **самопрезентация** является стратегией, Е. В. Тенева относит ее к **риторическому приему**, который используется для усиления эмоциональности приводимых аргументов⁸ [Teneva 2018].

Отдельное внимание заслуживает диссертационная работа А. И. Золотайко, посвященная метафорическому моделированию образа правоохранительных органов в неинституциональном полицейском интернет-дискурсе США и Великобритании. Хотя автор не анализирует метафору в рамках какой-либо стратегии или тактики, в диссертации подчеркивается, что метафора представляет собой способ познания окружающего мира с точки зрения дискурсивного подхода, с помощью которого возможно осуществить интерпретацию фактов окружающей действительности. Автором выявляются такие доминантные метафорические модели, репрезентирующие образ американской и британской полиции, как «преступность», «человеческий организм», «война», «религия», «мир живой природы», «мир неживой природы» [Золотайко 2020].

Исследование Катинской М. В. посвящено моделированию имиджа австралийского образования в СМИ. В своей монографии ученый рассматривает аргументативные стратегии, как эффективный способ моделирования имиджа социального института. **Стратегия рациональной аргументации** конституируется *тактикой создания и поддержания имиджа, тактикой преуменьшения / смягчения и преувеличения / гиперболизации, тактикой привлечения внимания, тактикой установления доверительных отношений с аудиторией и тактикой придания особой значимости*. **Стратегия оценочной аргументации**⁹ основана на положении об аксиологичности человеческого сознания, его ориентаций на выработанные обществом и принятые субъектом ценности. Автор полагает, что на уровне дискурса реализация выделенных тактик совместно с

⁸ Перевод Нестеровой В. Е.

⁹ Выделение Нестеровой В. Е.

вербализацией ценностных признаков способны представить целостную модель имиджа австралийского образования [Катынская 2012].

Зарубежные лингвисты также проявляют интерес к изучению коммуникативных стратегий и тактик в политическом и медиадискурсе. Так, французский лингвист П. Шародо в своей книге «A conquista da opinião pública: como o discurso manipula as escolhas políticas» обнаруживает постоянный диалог или конфликт между политическими и общественными институтами, направленный на завоевание власти посредством манипулирования общественным мнением. По мнению профессора, манипуляции реализуются посредством **стратегии убеждения** и **стратегии соблазнения**, которая понимается как наделение объекта харизмой для придания его личности авторитета и легитимности, **стратегий употребления театрализованной речи и драматизации** (могут реализовываться в *тактике негодования* и апеллируют к сантиментам), **возвышения ценностей**, **супердраматизации информации** и **опросов общественного мнения**¹⁰ [Charaudeau 2016].

В своем исследовании А. Дейган и М. К. Мехди особое внимание уделяют изучению **стратегий убеждения и манипуляции**. Авторы вслед за Б. Джонстоуном [Johnstone 1989] выделяют три лингвистические стратегии убедительного дискурса: 1) **квазилогическая стратегия** (The quasi-logical arguer), которая реализуется такими приемами, как употребление силлогистических рассуждений при построении аргументов, логические связи «таким образом», «отсюда», «поэтому», «соответственно», «следовательно» и т. д. Квазилогическому аргументу характерно употребление сложноподчиненных предложений с придаточными условия и причины и риторических вопросов; 2) **презентационная стратегия** (Presentational Strategy), основными приемами которой выступают поэтическая аллитерация, параллелизм, повторение и перефразирование утверждений, сравнение и метафора; 3) **аналогичная стратегия** (Analogical Strategy) заключается в построении аргументов, основываясь

¹⁰ Перевод Нестеровой В. Е.

на различных аналогиях, связанных с житейской мудростью, ценностями, пословицами и прочее¹¹ [Deygan 2019].

Таким образом, исходя из существующих определений коммуникативных стратегий и тактик, можно сделать вывод, что аналогичные стратегии в разных классификациях получают сходные наименования и могут репрезентироваться различным набором тактик. Оба эти понятия можно отнести к планированию речевой деятельности, однако, «стратегия предполагает планирование в наиболее общем виде» [Чудинов, 2009: 61]. Эти два термина тесно взаимосвязаны, а «та или иная стратегия и конкретная тактическая схема ее реализации находятся в отношениях “общее-частное”» [Руженцева 2004: 11-12]. Коммуникативная стратегия является сложной единицей, которая строится из иерархически более мелких единиц – тактик, представляющих собой набор приемов (коммуникативных ходов) и способствующих реализации стратегии. Именно эти три иерархически связанных понятия («стратегия – тактика – прием») мы выбрали в качестве понятийной основы для анализа речевого воздействия, оказываемого российскими и американскими проправительственными и оппозиционными газетами при моделировании образа полиции.

Проведенный обзор научных исследований в области коммуникативных стратегий и тактик, реализуемых в различных типах дискурса, свидетельствует об отсутствии единой универсальной классификации, что, в первую очередь, связано с ситуативностью человеческой речи, обусловленной лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Большинство исследователей сходятся во мнении, что основной категорией в рамках реализации коммуникативных стратегий и тактик является категория оценки и оценочности, так как оценки, рассчитанные на эмоциональное восприятие адресата, способны заменить в тексте логическую аргументацию, а также сами могут приобретать характер аргументов. Поэтому, на наш взгляд, стратегии убеждения, представленные аргументативной стратегией с тактикой аргументированных оценок (О. Н. Паршина), стратегией оценочной аргументации с анализом компонентов образа (М. В. Катинская), ценностно-ориентированная стратегией с присвоением оценочного значения (Ю. К. Пирогова) и

¹¹ Перевод Нестеровой В. Е.

стратегией формирования эмоционального настроения адресата, реализуемой тактикой учета ценностных ориентиров (А. С. Суханова), являются наиболее эффективными при лингвистическом моделировании образа института полиции в политическом и массмедийном дискурсах.

1.4. Образ полиции как объект изучения в политическом медиадискурсе

Как уже было сказано ранее, язык способен выполнять прагматическую функцию, наиболее ярко и эффективно реализуемую в СМИ, которые обладают способностью глобально воздействовать на сознание индивидов с целью формирования особой медиа-картины мира. Медиалингвистика является актуальной областью современной лингвистики, которая исследуется в работах таких известных ученых, как Т. М. Грушевская [Грушевская 2002; 2015; 2016], Т. Г. Добросклонская [Добросклонская 2000; 2005; 2006; 2008], М. Р. Желтухина [Желтухина 2003; 2007], В. В. Катермина [Катермина 2018], А. А. Кибрик [Кибрик 2011], А. А. Негрышев [Негрышев 2006], С. Н. Плотникова [Плотникова 2008; 2011], А. Бергер [Berger 2013], Дж. Бигнелл [Bignell 2002], Г. Лассуэлл [Lasswell 1948], Л. Монович [Monovich 2001], М. Монтгомери [Montgomery 2007], Н. Фэркло [Fairclough 2006] и другие.

Так, Г. Лассуэлл выделяет четыре основные функции СМИ: 1) сбор и распространение информации; 2) «редактирование»/отбор и комментирование информации; 3) формирование общественного мнения; 4) распространение культуры [Lasswell 1948]. Однако за последние десятилетия СМИ стремительно проникли в политическую сферу и превратились в один из инструментов политического процесса – четвертую власть. В связи с этим представляется целесообразным выделить еще одну важную функцию массмедиа – политизация общества и политическое просвещение широких слоев населения [Космодемьянская 2014: 176]. В этой связи следует отметить, что массмедиа выступают фактически главным каналом осуществления политической коммуникации и является основной средой ее

существования [Шейгал 2000], отражающей идеологические закономерности функционирования современных политических систем.

Именно медиатизацией политической сферы обусловлено выделение в лингвистике нового типа дискурса – политического медиадискурса, под которым понимается «специфический тип институционального дискурса» [Ишменев 2012], осуществляемого на базе политического информирования с целью привлечения внимания адресата [Грушевская 2002], «результатом которого является создание иной, «параллельной» информационной реальности, построенной на интерпретациях смысла, политически ангажированном комментарии и воспроизведении определенного политического и культурно-идеологического фона» [Добросклонская 2014: 114-115]. СМИ (печать, радио, телевидение, Интернет) создают единое медиaprостранство, в котором медиадискурс помимо сообщения и канала распространения включает в себя также разнообразные экстралингвистические факторы, охватывающие особенности создания медиасообщения, его получателя, обратную связь, культурообусловленные способы кодирования и декодирования, социально-исторический и политико-идеологический контекст, а также национально-культурную специфику [Добросклонская 2006], приобретающие в политическом медиадискурсе ключевое значение и формирующие «иное коммуникативное пространство» [Добросклонская 2014: 108-109].

Универсальной единицей медиапотока выступает медиатекст, объединяющий в себе «газетную статью, радиопередачу, телевизионный текст, интернет-рекламу, блоги» [Добросклонская 2008: 46] и представляющий собой динамическую «сложную единицу высшего порядка» [Кузьмина 2011: 6], посредством которой осуществляется речевое общение в СМИ. Медиатекст представляет собой комплексное явление, отличительным признаком которого считается наличие поликодового характера, то есть совокупности единиц разных семиотических систем – вербальной (текст), визуальной (шрифт, иллюстрации, общий дизайн и т.п.), аудиальной (звуковое сопровождение) [Чернявская 2003]. Главной единицей политического медиадискурса выступают любые типы текстов массовой информации, освещающие «вопросы в

политической сфере и относящиеся к области политических коммуникаций» [Добросклонская 2014: 110].

Таким образом, медиадискурс является особым синкретичным функционально-стилевым образованием, сочетающим в себе практически все остальные типы дискурса (устного и письменного) и обладающий способностью оказывать дифференцированное воздействие на максимально широкую аудиторию путем информирования и оценки сообщаемой информации [Желтухина 2007], а политический медиадискурс представляет собой «функционально обусловленный тип дискурса, представленный совокупностью речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере политических коммуникаций, актуализированных в средствах массовой информации, во всем богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская 2014: 110].

Все медиатексты, независимо от типа массмедиа (проправительственные, независимые, оппозиционные), в определенной степени содержат провокационную и манипулятивную составляющие, направленные на внедрение конкретного знания в сознание читателя, а также на формирование или изменение его картины мира. В лингвистике отсутствует единая точка зрения на феномен манипуляции, однако, большинство ученых сходятся во мнении о наличии отрицательных черт манипулятивной интеракции, основанной на подчинении одного коммуниканта другому [Алексеев 2018: <http>]. По мнению Л. Макенсена, «... мы создали огромное количество стереотипов ... почти каждое высказывание — манипуляция» [Mackensen 1973: 96-97]. Т. В. Анисимова и Н. А. Крапчцова рассматривают понятие манипуляции через призму признания ее функционирования как прагматической категории, нацеленной на достижение успеха и приводящей оратора к желаемому результату [Анисимова 2010].

Одной из характерных особенностей современных медиа является скрытое внушение, при котором адресат не осознает манипуляцию, а воспринимает ее как часть объективной информации [Van Dijk 2006] и воспринимает заданную идеологическую установку, мировоззренческую позицию и оценку автора медиасообщения на эмоциональном или интеллектуальном уровне [Клушина 2001].

Следовательно, в процессе оказания коммуникативного воздействия можно наблюдать онтологизацию знаний, происходящую посредством целенаправленного внедрения определенной информации в модель мира реципиента за счет коммуникативно-прагматических средств с целью конструирования востребованного образа социально значимого объекта или явления.

Интерес к исследованию проблемы образа существует с древних времен, а концепция понятия «образ» складывается, уточняется и претерпевает значительные изменения на протяжении всей истории. Так, например, древнегреческие философы полагали, что образ представляет собой «вторичное отражение какого-то более «сущностного» источника, находящегося вне человеческого существа». В эпоху Возрождения образ начинает рассматриваться как творческая, трансформирующая и изначальная сила, действующая внутри человеческой природы. И. Кант полагает, что «процесс формирования образа неотъемлемое условие любого знания». На современном этапе применительно к образу используются такие дефиниции, как «вымысел или допущение, факт идеального бытия, архетип, знак, средство смысловой коммуникации» [Серикова 2010]. Исследователи из различных областей знания сходятся во мнении, что образ представляет собой некий «конструкт сознания» [Белоусова 2012: 28], «факт идеального бытия, схематический объект, надстроенный над своим материальным субстратом» [Роднянская 2003: 669], сочетающий в себе предметный и духовный планы [Гартман 2004] и обладающий способностью производить осмысление и давать оценку объективной действительности [Гиршман 2008].

Понятие «медиаобраз» следует рассматривать в широком и узком значениях. Так, в широком значении медиаобраз представляет собой конструирование в медиапространстве «второй реальности» [Белоусова 2015], преломляющей «объективно существующую реальность» [Драчева 2019: 136]. В узком значении медиаобраз можно рассматривать как созданные только профессиональными журналистами фрагменты реальности, «отражающие их мировоззрение, ценностные ориентации, политические предпочтения, а также психологические качества» [Галинская 2013: 91].

Как было сказано ранее, содержательный план медиакommunikации за последние годы характеризуется все большей политической составляющей, а большинство медиатекстов в той или иной мере посвящены интерпретации политических вопросов, которые затрагивают проблемы взаимодействия власти и общества. Особо пристальное внимание в СМИ уделяется освещению деятельности социальных институтов, особенно это касается правоохранительных органов, являющихся частью исполнительной ветви власти и, по сути, «проекцией государственной власти» [Золотайко 2020: 15] в сознании населения страны. В контексте стремительно меняющихся политических, экономических и социальных условий институт полиции как в России, так и за рубежом, постоянно подвергается критике со стороны общественности, что может быть обусловлено внутривластными и внешнеполитическими событиями и реакцией социума на события и действия полиции. На телевидении, в прессе, интернете и художественной литературе часто моделируется карикатурный образ представителей ОВД, что выставляет в негативном свете все ведомство и способствует формированию отрицательного и стереотипного образа.

Медийный образ социального института полиции и его сотрудников представляет собой воспринятое общественным сознанием представление о типичных сотрудниках правоохранительных органах и структуре в целом, моделируемое в СМИ. С одной стороны, с целью добиться положительной оценки и общественного одобрения, опровержения недостоверных материалов относительно ОВД и укрепления положительного образа сотрудника полиции, правоохранительные органы целенаправленно влияют на формирование своего медийного образа, создавая режим делового партнерства и взаимного доверия со СМИ и общественными объединениями, размещая и корректируя информацию о деятельности полиции в медиа, включая электронные ресурсы. С другой стороны, применяя социальные технологии в новостных сообщениях, аналитических комментариях, телесериалах и фильмах, телевизионных ток-шоу, печатных изданиях, СМИ создают необходимый им образ стражей порядка.

Разнообразные подходы к определению образа правоохранительных органов, репрезентируемого в массмедиа, отражены в работах как отечественных, так и зарубежных исследователей (Т. В. Агапова, Т. А. Бондаренко, Э. В. Будаев, Л. В. Важенина, М. В. Жерновой, Г. Ю. Шевчук, А. И. Золотайко, О. В. Зуева, Н. Н. Демидов, А. А. Костенко, Ю. В. Латов, Э. В. Намураева, С. И. Окс, Д. Г. Передня, Л. А. Пушкина, С. М. Рязанов, А. Л. Ситковский, Н. С. Скрипичникова, О. В. Филимонов, Е. В. Червонных, А. П. Чудинов, A. Ciabuca, A. Franklin, R. Perkins, M. Kirby, K. Richmond, G. Lovell, G. Mullis, R. Richard, G. Sadulski, G. Schultz, W. Wayne).

Способом оценки деятельности органов правопорядка выступают не только статистические данные, предоставляемые частными или государственными фондами общественных исследований, определяющими уровень доверия граждан к полиции [Золотайко 2012], но и лингвистические средства, с помощью которых происходит усвоение и обработка новых знаний о действительности, а также комплексная интерпретация происходящих событий и явлений. В связи с этим изучение процесса моделирования образа полиции лингвистическими средствами в политическом медиадискурсе является перспективной и актуальной областью исследования.

Итак, в современных массмедиа на первый план выдвигается прагматическая функция, которая реализуется в медиатекстах за счет интерпретации информации сквозь призму системы общепризнанных национальных ценностей, а также идеологических и политических ориентиров. Создавая определенное информационное и социальное посредничество между адресантом медиасообщения, позиционирующим себя в качестве транслятора действительности, и когнитивными установками адресата, представленного различными социальными общностями, СМИ посредством тщательного отбора информации и экспликации и/или импlications авторской оценки способны оказывать регулятивное воздействие как на общественное мнение, так и на отдельно взятые представления индивида о реальной действительности, конструируя разнообразные образы, имиджи, распространяя стереотипные и ложные установки.

Необходимость моделирования образа правоохранительных органов и их представителей возникла в результате возросших требований общества к качеству работы полиции и совершенствованию информационного обеспечения их оперативно-служебной деятельности. Образ сотрудников полиции, сформированный под влиянием СМИ, наделяющих полицейских социальными, психологическими, эстетическими, этическими и морально-нравственными качествами, стал одновременно инструментом и объектом управления деятельностью правоохранительных органов.

1.5. Газетный дискурс как структурный элемент лингвистического моделирования образа полиции

Одной из самых обширных сфер, способных оказать речевое воздействие на аудиторию, является публицистика, которая характеризуется своим разнообразием (газета, журнал, телевидение и радио, реклама, электронные медиатексты различных жанров) и широтой тематики, посвященной актуальным и острым проблемам современного общества. Публицистическая сфера выступает в качестве средства выражения плюрализма мнений и играет важную роль в формировании политической и идеологической позиций индивидов, общественного мнения, поведенческих стереотипов, оценок и прочее. Публицистическое выступление представляет собой «всегда политически и идеологически четко ориентированное воздействие, имеющее целью реальный социально преобразовательный эффект» [Токарева 1988: 131].

Одним из наиболее продуктивных «регистраторов» общественного мнения, связанного с социальной ориентацией людей, выступают газеты, обладающие способностью влиять на позицию адресата за счет своей территориальной неограниченности, массовости, регулярности, актуальности, информативности, разнообразия тематики, неоднородности аудитории по национальному, социальному, политическому и другим признакам, а также ввиду отсутствия жесткой социальной или иной зависимости между коммуникантами. «Газета является яркой иллюстрацией реальных тенденций в развитии языка, поскольку именно газета была и будет всегда своеобразным испытательным полигоном речевых способностей носителей

языка» [Намитокова 1997: 7]. И. В. Арнольд также рассматривает газету как средство информации и как средство убеждения и полагает, что специфика газеты обуславливает необходимость «признания газетного стиля как одного из функциональных стилей» [Арнольд 2021: 343], представляющего собой исторически и социально обусловленную категорию, выделяющуюся в языковой системе на основе комплекса стилеобразующих факторов (экстралингвистических и содержательно-лингвистических). По мнению А. А. Котова, все газетные тексты направлены на выявление и осмысление общесоциального смысла и значения любого исследуемого явления действительности [Котов 2003].

Газетный дискурс является "топосом" для различных коммуникативных систем, поскольку он сочетает понятия, терминологию и лексические единицы, присущие дискурсам разнообразных сфер жизнедеятельности: политический, юридический, экономический, религиозный, рекламный, медицинский, спортивный и другие [Куек 2005]. Однако, несмотря на тот факт, что язык газет вбирает в себя лексику других стилей и жанров, газетный дискурс характеризуется наличием определенной совокупности языковых средств, присущих только данному стилю, что свидетельствует об устойчивости, речевой системности и семантико-стилевой доминанте функционального стиля газет с «развернутой внутрителиевой парадигмой» [Присяжнюк 2012: 103], допускающей дальнейшее деление на подстили и жанры. Таким образом, с одной стороны, газетный дискурс представляет собой конвергенцию речевых жанров и стилей, а с другой – универсальность газетного дискурса позволяет ему активно вмешиваться в процессы нормализации, обработки литературного языка и, тем самым, моделировать национальный язык.

К основным функциям газетного дискурса можно отнести: 1) информационную функцию (ознакомление аудитории с политическими, социальными, экономическими, культурными событиями и явлениями в стране и за рубежом); 2) аналитическую функцию (комментирование излагаемого события или явления); 3) регулятивную функцию (изменение мнения и отношения адресата относительно сообщаемого события или явления); 4) оценочную функцию (оценка излагаемой информации); 5) прогнозирующую функцию (побуждение адресата рефлексировать относительно

проекции полученной информации на предполагаемую действительность) [Грушевская 2002].

В газетном дискурсе всегда присутствуют три параметра, которым соответствует трехмодульный ряд: 1) синтаксический параметр определяется структурно-графическим, тема-рематическим, собственно синтаксическим модулями; 2) семантический параметр состоит из концептуального, информационно-смыслового и тематического модулей; 3) прагматический параметр характеризуется оценочным, эмоциональным и аргументативным модулями [Грушевская 2002: 81-217].

Как было сказано ранее, прагматическая функция в СМИ зачастую реализуется с помощью аргументации, под которой понимается «макроречевой акт» [Бокмельдер 2000: 6], направленный на введение новых знаний в модель мира адресата [Баранов 1990] с целью «оправдания или опровержения определенного мнения, изменения позиции и/или убеждений» реципиента [Ивин 1997: 8-9]. Для реализации успешной аргументации необходимо наличие у адресанта знания содержательной области, самого процесса аргументирования и средств достижения эффекта убеждения, то есть говорящий должен выбрать максимально эффективную стратегию [Демьянков, 1983], результатом которой будет «приведение системы оценок объекта убеждения в соответствие с таковой субъекта убеждения» или формирование желательных для говорящего убеждений [Бокмельдер 2000: 7-10].

Центральными понятиями, лежащими в основе аргументации, выступают тезис (точка зрения), аргумент (довод) и основание (правило рассуждения) [Катынская 2012]. Тезис – это «суждение, истинность которого необходимо доказать в процессе аргументации» [Шипелик 2016: 30]. Тезисы подразделяются на оценочные (тезис ценности), дескриптивные (тезис факта) и рекомендательные (тезис линии поведения) [Куницына 2003]. Аргумент представляет собой составную часть доказательства и рассматривается как мысль, выступающая в качестве обоснования «истинности или ложности высказанного положения» [Николаева 2004: 99]. Под основанием принято считать логическое умозаключение или рассуждение, посредством которого «высказывание преобразуется в аргумент» [Катынская 2012: 82]. Приводя аргументы с целью убеждения адресата в истинности и справедливости

своего суждения, адресант может применять различные виды доказательства, включающие в себя авторитетные и фактические основания (статистические данные, мнения экспертов и авторитетных лиц) и мотивационные основания (основание оценки), апеллирующие к потребностям, ценностям и чувствам адресата [Куницына 2003].

Однако стоит отметить, что аргументации в газетном дискурсе присущи характерные черты, отличающие ее от аргументации, употребляемой в других сферах жизнедеятельности человека. Так, одной из центральных отличительных черт аргументации в газетном медиатексте является не поиск объективной истины, присущей, например, научной аргументации, а поиск истины в пределах позиции автора. Аргументы тщательно отбираются таким образом, чтобы подтвердить авторскую позицию, а все остальное, с ней не согласующееся, отбрасывается как ложное [Тертычный 2016].

Моделируя образ конкретного объекта или явления, адресант формирует своеобразное аргументативное поле, представленное в совокупности субъектов, информации, коммуникации, процессов и когнитивных моделей. Аргументы создают некое аргументативное пространство, пересекающееся в контексте с информационным, интеллектуальным, культурологическим и другими видами пространств и способствующее моделированию цельного образа [Поле аргументации и его характеристики: <http>]. Исходя из этого, можно предположить, что аргументативное пространство в политических медиатекстах, репрезентирующих информацию о социальном институте полиции и его отдельных сотрудниках, представляет собой сложноорганизованную структуру с множеством аргументов, организованных во взаимосвязи. Процесс моделирования ценностно-значимого образа полиции в газетном дискурсе будет происходить посредством убеждения адресата в наличии или отсутствии ценностных характеристик (компонентов образа), присущих правоохранительным органам, представляющих государственную, общественную и/или личностную ценность.

Воздействие современного газетного дискурса перестало носить характер прямой директивности и превратилось в косвенную, зачастую скрытую оценку,

направленную на побуждение адресата совершить то или иное социальное действие. Оценка, репрезентируемая в газетных сообщениях, в большинстве случаев обуславливается социальными и идеологическими факторами: целями и задачами политической борьбы, противостоянием идеологий, потребностями в самопрезентации и прочее. В современном мировом медиапространстве ведется активная борьба за доминирование как на политической арене, так и во всех остальных сферах деятельности, что зачастую представляет собой конфликтный по форме социальный диалог между общественными институтами и индивидами, между институтами власти и оппозицией, способствуя созданию множества репрезентаций одного и того же явления или события действительности, порой взаимно исключаящих друг друга.

Наиболее очевидное социальное, политическое и идеологическое противостояние находит отражение в проправительственных и оппозиционных газетах, в которых формируется личностно-смысловое отношение адресата к идеям, нормам, ценностям, ориентациям и установкам, репрезентируемых адресантом, за счет чего и достигается эффект речевого воздействия или даже манипуляция. Цели и задачи проправительственных и оппозиционных изданий, также как цели власти и оппозиции в политической коммуникации изначально «амбивалентны и конфликтны» [Воробьев 2010: 209]. В связи с этим, О. С. Иссерс считает, что «борьба идей приводит к борьбе дискурсов» [Иссерс 2013: 41].

Основной целью *проправительственных газет* является поддержание государственной власти и ее решений, обеспечение национальной безопасности за счет нейтрализации вредного воздействия в политической, национальной, конфессиональной, экономической, информационной и иных сферах жизнедеятельности общества и формирование «здорового» медийного фона. Информационная политика проправительственных изданий обычно характеризуется общим нейтральным тоном комментирования внутренней политики страны со смещением фокуса с резонансных вопросов на менее острые темы [Сизьмин 2013]. Основным методом работы с аудиторией в проправительственных газетах выступает убеждение.

Прежде чем переходить непосредственно к описанию специфики оппозиционных газет, целесообразно кратко остановиться на существующих типах оппозиции, кардинально отличающихся друг от друга. На сегодняшний день выделяются два основных типа оппозиций: 1) системная (парламентская / лояльная / партийная), к которой относятся оппозиционные силы, принимающие основные ценности существующей общественной системы, но расходящиеся с правительством в выборе путей и средств достижения стратегических целей и 2) несистемная (внепарламентская / внесистемная / нетерпимая / принципиальная), к которой относятся все движения, открыто, часто агрессивно, выступающие за смену существующего политического курса с целью реализации своей политической линии. Первый тип оппозиции представлен в парламенте и имеет реальные возможности соперничать с правящей властью, участвуя в выборах в органы государственной власти и применяя легальные или системные методы политической борьбы, в то время как второй тип не имеет права или возможности принимать участие в борьбе за власть, поэтому использует нелегальные методы политической борьбы [Топольская 2020: <http>]. Дискурс этих двух типов оппозиции будет резко отличаться друг от друга, тем не менее, представляется возможным проследить и общие черты.

Оппозиционные газеты своей основной задачей ставят критику существующей власти и режима, интерпретацию информации путем разоблачения мифов, ложных установок, манипулятивных стратегий и тактик коммуникантов, а также выдвижение собственных альтернативных проектов развития общества [Гаджиев 1999]. В оппозиционных изданиях объектами дискредитации становятся политики, чиновники, сотрудники правоохранительных органов, официальные и проправительственные СМИ, а также все, кто представляют интересы других политических или идеологических групп. Основным пропагандистским методом работы с аудиторией в оппозиционных изданиях является внушение. Контент газет характеризуется преобладанием материалов, дискредитирующих власть и ее представителей, а главным методом структурирования информационного потока выступает «селективный вентиль», ограничивающий тематическое разнообразие

изданий статьями политической тематики и акцентирующий внимание на наиболее острых проблемах, интерпретируя их с выгодной для издательства позиции, блокируя и искажая дополнительную информацию. Как правило, несмотря на позиционирование себя как независимых и объективных СМИ, анализирующих актуальные проблемы с разных точек зрения, оппозиционной прессе присуща односторонняя подача информации, которая, тем не менее, хоть и направлена на критику действующей власти и ее представителей, не всегда освещает события и явления агрессивным антиправительственным тоном [Сизьмин 2013]. Тексты оппозиционного политического дискурса имеют ярко-выраженную авторскую позицию и индивидуальный авторский стиль, а также «систему нестандартных приемов воздействия на аудиторию» [Лекова, 2018: 80]. Оппозиционный политический дискурс всегда манипулятивен и ему присущи такие характерные черты, как активность отрицательной оценочной номинации, заранее заданный характер оценок, многообразная манифестация узнаваемых адресатом оценок, преобладание интерпретации над фактом и другие [Какорина 1996].

Подводя итог, можно отметить, что вербальное моделирование желаемого образа в газетном дискурсе может быть осуществлено с помощью оценочных аргументативных средств, направленных на изменения когнитивных структур адресата и приведение его иерархии ценностей и системы оценок в соответствие с желаниями и установками адресанта. Изучение процесса лингвистического моделирования образа полиции в проправительственном и оппозиционном газетном дискурсе может предоставить дополнительные возможности для выявления корреляция между сложившимся в общественном сознании образом правоохранительных органов, олицетворяющих закон и власть, и одобрением или осуждением гражданами страны решений, принимаемых на государственном уровне.

1.6. Процедура интерпретации лингвистических средств моделирования образа полиции

На основе результатов, полученных в ходе изучения теоретического материала, посвященного конструированию образа социального института в политическом и массмедийном дискурсах, нами будет описана процедура интерпретации лингвистических средств моделирования образа полиции России и США в проправительственном и оппозиционном газетном дискурсе.

Исследование можно разделить на четыре основных этапа: 1) определение тематики, источников и временных рамок тематической выборки газетных текстов; 2) отбор контекстов, содержащих информацию о деятельности правоохранительных органов; 3) интерпретация лингвистических средств актуализации ценностных компонентов образа полиции и построение на основе выделенных компонентов четырех ценностных моделей образа института полиции, вербализованных в проправительственных и оппозиционных изданиях России и США; 4) сопоставление русскоязычных и англоязычных моделей образа полиции с целью выявления сходства и различия моделей восприятия, отражающих особенности языкового и культурного сознания носителей языка.

На первом этапе нами было проведено определение тематики и базовых источников, а также временных рамок тематической выборки текстов. Основной тематикой отобранных новостных сообщений стали медиатексты, представленные в проправительственных и оппозиционных газетах и репрезентирующие информацию о деятельности правоохранительных органов в России и США в период с 01.01.2020 по 01.01.2022. Выбор данного временного отрезка обусловлен социальными и политическими проблемами, для решения которых было необходимо возложить на полицию дополнительные обязанности. Во-первых, повсеместное распространение пандемии коронавирусной инфекции потребовало от глав государств и органов местного самоуправления принять меры, направленные на снижение риска распространения эпидемии COVID-19 и предусматривающие ограничительные и принудительные меры в период карантина, контроль за соблюдением которых был

возложен на сотрудников ОВД. Данные меры вызвали всплеск негодования у большинства населения, проявляющегося в неподчинении законным требованиям полицейских и, как следствие, недовольство деятельностью всего ведомства.

Во-вторых, обозначенный период ознаменован несколькими политическими событиями, повлиявшими на отношение населения к действующему правительству и правоохранительным органам. По мнению авторитетных ученых Э. В. Будаева и А. П. Чудинова, в периоды политических кризисов силовые структуры играют важнейшую роль, и именно от них зачастую «зависит исход политических противостояний» [Будаев 2022: 50]. Так, важным политическим событием в России стало принятие поправок в Конституцию РФ, вступивших в силу 03.07.2020. Данное событие раскололо российское общество на два лагеря: граждан, полагающих, что поправки нужны для совершенствования управления государством в интересах большинства населения (44%), и лиц, убежденных в незаконности данного действия, нацеленного исключительно на удержание власти (47%) [Мухаметшина 2020: [http](#)]. Таким образом, можно сделать вывод, что половина российского населения поддерживает действующее правительство РФ во главе с президентом, а другая половина выступает в качестве его оппозиции. Такое противостояние вылилось в серию политических акций протеста, забастовок, а также громких уголовных дел против активистов оппозиции. Примером таких акций протеста стали несанкционированные митинги в поддержку А. А. Навального, проходившие на всей территории России 23 и 31 января 2021 г., а также 21 апреля 2021 г. Во время проведения публичных и массовых мероприятий основными задачами сотрудников полиции являются пресечение преступлений и административных правонарушений, массовых беспорядков и иных противоправных действий, нарушающих движение транспорта, работу средств связи и организаций, обеспечение безопасности граждан и общественного порядка в местах проведения мероприятия [ФЗ «О полиции»: [http](#)], а также составление протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 20.2 КоАП – доставление и административное задержание граждан [КоАП РФ: [http](#)].

Двумя ключевыми событиями, подорвавшими авторитет правоохранительных структур США и снизившими уровень доверия населения к полиции как институту, за исследуемый период стали: 1) резонансное дело, связанное с неоправданно жестоким задержанием афроамериканца Дж. Флойда 25.05.2020, чья гибель вызвала массовые протесты против виктимизации со стороны полиции по всей стране; 2) несанкционированный захват здания Капитолия 6 января 2021 г., когда толпа американцев, поддерживающих попытки экс-президента Д. Трампа отменить результаты президентских выборов 2020 г., штурмовала здание Капитолия, сорвав процедуру официального оглашения результатов выборов. Из-за непрофессиональных действий и неподготовленности офицеров полиции Капитолия во время штурма был нанесен крупный ущерб зданию, вред жизни и здоровью граждан, в том числе сотрудников полиции. Таким образом, перечисленные события в России и США повлекли за собой увеличение нагрузки на ОВД по противодействию преступности, охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Материалом исследования послужили 2346 медиатекстов, представленных в электронных версиях таких ведущих российских (1190 медиатекстов) и американских (1156 медиатекстов) изданий, как «Российская газета», «Газета.Ru», «Новая газета», «Коммерсант», «The Wall Street Journal», «The Associated Press», «The New York Times», «The Washington Post», освещающих информацию о различных направлениях деятельности полиции России и США. Редакционная политика издания (проправительственные / оппозиционные), место в национальном и мировом рейтинге, уровень доверия граждан к газете, а также индекс цитируемости стали основными критериями при выборе указанных газет. Сбор языкового материала осуществлялся методом сплошной выборки в каждом из номеров за период с 01.01.2020 по 01.01.2022, содержащих новостные статьи, заметки, интервью, репортажи и очерки, в которых в заголовках и/или текстах встречаются такие языковые единицы, как «полиция», «правоохранительные органы», «сотрудники / офицеры полиции», «полицейские», «Министерство внутренних дел / МВД», «Органы внутренних дел / ОВД», «отдел полиции», «деятельность

полицейской», «police / police service», «local police», «law enforcement», «police officer / activity / department», «Ministry of Internal Affairs / the Interior», «Home Office», «Federal Bureau of Investigation / FBI», «Interpol».

К ведущей проправительственной прессе в России относятся «Газета.Ru» и «Российская газета», оппозиционные издания представлены «Новой газетой» и «Коммерсантом» [Россия: СМИ под контролем государства: <http://>]. Говоря о печатных и электронных массмедиа в США, необходимо отметить, что все без исключения американские СМИ работают на коммерческой основе и позиционируют себя в качестве хранителей демократических норм, независимых от влияния конкретной политической партии, и стремящихся к максимально объективной подаче новостных сообщений [Калягин 2012: <http://>]. Тем не менее представляется возможным проследить социально-политическую направленность того или иного газетного издания, а также тенденцию к разделению американской прессы на проправительственную и оппозиционную¹². Так, исходя из рубрикации и тематики газеты, характера подачи информации и ее интерпретации, лингвистических средств репрезентации материала, а также исторических событий и политических скандалов с участием представителей обозначенных газет можно провести следующее деление: «The New York Times» и «The Washington Post» относятся к оппозиционной прессе, а «The Associated Press» и «The Wall Street Journal» являются проправительственными изданиями.

На втором этапе исследования в отобранных методом сплошной выборки медиатекстах нами были выделены контексты, в которых оценочная аргументация способствует экспликации и/или импликации компонентов образа¹³, представляющих общественно значимые ценности, так как ценности являются неотъемлемым

¹² Вопреки стереотипным ожиданиям аудитории о быстрой смене политического вектора американских СМИ в зависимости от партийного лидерства, можно отметить последовательную оппозиционность и поддержку правительства газетных изданий США независимо от партии, находящейся у власти.

¹³ В исследовании автор придерживается термина «компонент образа», а не «концепт» ввиду того, что, концепт приравнивается «к мысленному образованию, способному заместить в нашем сознании некоторое количество однопорядковых объектов», т.е. концепт выступает общим представлением, выполняет функцию заместительства [Аскольдов 1997: 267], а также характеризуется «переживаемостью» [Степанов 1997:41] и «интенсивностью» [Перельгина 1993:5] духовных ценностей, к которым он отправляет [Ангелова 2004: 4]. Понятия «профессионализм / непрофессионализм», «законность / произвол», «гуманность / жестокость» можно рассматривать только в качестве когнитивных компонентов образа, «определяющих направление использования языка и его воздействие на процесс восприятия мира в конкретных ситуациях общения» [Кравченко 2004: 15].

элементом любой деятельности, а аргументация как вид деятельности «пронизана ценностями и без них немыслима» [Ивин 1997: 180].

В настоящей работе под контекстом подразумевается «относительно законченная в смысловом отношении часть текста, высказывания» [Ожегов: <http>]. Контекст может быть представлен двумя разновидностями контекстуального окружения: 1) лингвистическим, включающим в себя совокупность языковых условий, в рамках которых единица языка функционирует в тексте; 2) экстралингвистическим, характерным для дискурсивных исследований ввиду своей направленности на изучение коммуникативной ситуации, включающей условия общения, время, место, характер коммуникации и отношения между коммуникантами [Аникеева 2021].

На наш взгляд, образ правоохранительных органов реализуется в широком контексте, поэтому в данном исследовании контекст может быть представлен как фрагментом на уровне абзаца, так и совпадать по объему с целым медиатекстом. Кроме того, в рамках широкого контекста можно наблюдать примеры реализации сразу нескольких компонентов образа полиции (см. страницы 80-81, 83-84, 84-86, 89, 98-99, 101-102, 103-104, 110-112, 114-115, 120-122, 124-128, 128-130, 132-135, 151-152, 154-156, 174-176, 181-184, 193-195, 195-197).

Для настоящего исследования актуальными являются оценочные тезисы и мотивационные основания, с помощью которых в газетном дискурсе наиболее эффективно достигается речевое воздействие на адресата и, следовательно, происходит формирование общественного мнения посредством внедрения в сознание индивида определенных моделей образа. Под основанием оценки мы, вслед за М. В. Никитиным, подразумеваем ту сторону или признак денотата, которые подвергаются оценке, а результатом оценки является «мнение о наличии или отсутствии, количестве и качестве признаков» у интересующего нас объекта [Никитин 2000: 14-15].

Так, с целью выделения наиболее релевантных ценностных компонентов образа полиции нами были проанализированы нормативно-правовые акты (НПА), регламентирующие процедуру оценивания деятельности правоохранительных

органов в России и США. По мнению американских авторов, издавших справочник по подотчетности и надзору за деятельностью полиции, в демократическом обществе должны быть предприняты усилия по улучшению процедуры контроля за деятельностью полиции, способствующие повышению уровня доверия населения к данному институту, пресечению неправомерных действий сотрудников и сокращению коррупционной составляющей [Handbook on police accountability, oversight and integrity 2011: 11].

Сложность осуществления корректной и эффективной оценки и мониторинга деятельности полиции заключается в том, что на сегодняшний день не существует универсальной классификации критериев для осуществления этой оценки, поэтому в разных странах принята своя система и разработаны свои критерии по надзору и оценке деятельности полиции. Так, в зарубежных странах существуют три базовых исследования, направленных на оценку конкретных показателей эффективности института полиции (А. Maslov [Maslov 2016: [http](#)], К. Ward, С. Chibnall, R. Harris [Ward 2007: [http](#)], М. К. Sparrow [Sparrow 2015: [http](#)]):

1) исследование Э. Р. Магуайера и Д. Джонсона (США), в котором авторы исследуют шестимерную концептуализацию, разработанную С. Мastroфски и устанавливающую уровень удовлетворенности граждан работой правоохранительных органов по таким критериям, как внимательность, надежность, отзывчивость, компетентность и справедливость¹⁴ [Maguire 2010: [http](#)];

2) исследование Т. Г. Коулмана (Канада), в котором автором выделяются семь факторов, определяющих эффективность деятельности полиции: легитимность, лидерство и управление, правоприменение, чувство коллективной безопасности, уровень преступности и массовых беспорядков, неправомерное поведение личного состава, отношения между полицией и общественностью¹⁵ [Coleman 2012 : [http](#)];

3) в исследовании британских ученых отмечается, что модель общества, основанная на ценностях, мотивирует население на законопослушное поведение, а отсутствие ценностей приводит к увеличению уровня преступности. Исходя из этой

¹⁴ Перевод Нестеровой В. Е.

¹⁵ Перевод Нестеровой В. Е.

теории, авторами была разработана дорожная карта, включающая в себя индикаторы, позволяющие выявить доверие европейских граждан к системе правосудия. Основными индикаторами выступают легитимность системы, нормативная обоснованность власти и законность действий¹⁶ [Jackson 2011].

Разработанные критерии в вышеперечисленных работах зачастую ложатся в основу полицейских отчетов, руководств и научных исследований по измерению эффективности деятельности полиции в Европе и Северной Америке. Однако из-за отсутствия единой классификации критериев оценивания различные авторы, официальные и неофициальные эксперты, специализирующиеся на оказании услуг по составлению отчетности и мониторингу за деятельностью правоохранительных структур, добавляют свои критерии, к которым относятся, например, специальная подготовка офицеров полиции, награды, моральный дух, стратегии по обеспечению охраны общественного порядка и патрулированию, снижение факторов риска и частоты совершения преступлений [Ward 2007: [http](#)], уровень бдительности сотрудников полиции, гибкость и оперативность в принятии решений, опыт работы [Sparrow 2015: [http](#)]), добросовестность и культура сотрудников, использование специальной техники и оборудования, процедуры отчетности, эффективность по оказанию помощи населению, политическая принадлежность, доля женщин-полицейских, процент потерянного рабочего времени из-за болезни сотрудников [Handbook on police accountability, oversight and integrity 2011: [http](#)], прозрачность деятельности полиции, прогресс в снижении и недопущении предвзятости полицейских¹⁷ [An Assessment of the San Francisco Police Department 2016: [http](#)].

В отличие от рассмотренных выше иностранных государств, не имеющих четких критериев и процедуры для проведения оценки эффективности деятельности полиции, в Российской Федерации существует строго регламентированная процедура оценки деятельности правоохранительных органов в целях совершенствования оперативно-служебной деятельности территориальных органов МВД РФ, концентрации усилий личного состава на достижение конечных результатов при

¹⁶ Перевод Нестеровой В. Е.

¹⁷ Перевод Нестеровой В. Е.

выполнении возложенных задач и реализации функций. Согласно Приказу МВД РФ №1040 от 31.12.2013, все территориальные органы представляют ежегодный отчет об оценке своей деятельности с учетом показателей вневедомственной, ведомственной, статистической и экспертной оценки, осуществляемой в соответствии с такими критериями, как: 1) оценка деятельности ОВД по материалам, размещенным в СМИ и информационно-телекоммуникационной сети "Интернет"; 2) защита личности, общества, государства от противоправных посягательств, включая количество граждан, погибших от противоправных действий, количество предварительно расследованных тяжких и особо тяжких преступлений и прочее; 3) предупреждение и пресечение преступлений, включая такие показатели, как количество предварительно расследованных преступлений по ст. 112, 115, 119, 150, 151, 151(1), ч. 1, 2 ст. 213 УК РФ, доля преступлений, совершенных несовершеннолетними, количество побегов и прочее; 4) розыск лиц; 5) производство по делам об административных правонарушениях, исполнение административных наказаний; 6) обеспечение правопорядка в общественных местах; 7) уверенность граждан в защищенности (безопасности) своих личных и имущественных интересов; 8) уровень доверия к ОВД; 9) оценка эффективности деятельности ОВД как государственного органа по защите интересов граждан; 10) уровень виктимизации; 11) обеспечение безопасности дорожного движения и другие критерии [Приказ МВД РФ №1040 от 31.12.2013: [http](http://)].

Таким образом, исходя из результатов, полученных в ходе анализа НПА, отчетов, справочников и иных исследований по оценке эффективности деятельности полиции как института, выполняющего надзорно-принудительную функцию в России и за рубежом, нами было выделено три критерия, имеющих наибольшую релевантность при оценивании правоохранительных органов в России и США: **1) эффективность полиции по защите личности, общества, государства от противоправных посягательств; 2) легитимность и 3) уровень виктимизации.** На наш взгляд, именно эти три критерия будут способствовать формированию наиболее адекватного образа полиции в общественном сознании.

Однако требования, предъявляемые государством и обществом к полиции и ее сотрудникам, претерпевают языковую трансформацию в СМИ поскольку, во-первых,

специфика публицистического стиля характеризуется такими критериями, как эмоциональность и выразительность, реализация которых невозможна посредством использования юридической терминологии, а, во-вторых, в силу «распредмечивания» юридических терминов с целью обеспечения доступности в понимании смыслового содержания медиатекста неподготовленным к восприятию юридического языка адресатом. Таким образом, выделенные нами критерии будут иметь свою лингвистическую интерпретацию в политическом медиадискурсе, а ценностная модель полиции в русскоязычных и англоязычных проправительственных и оппозиционных газетах будет конструироваться с учетом таких ценностных компонентов, представленных в бинарных оппозициях, как **«профессионализм / непрофессионализм»**, **«законность / произвол»** и **«гуманность / жестокость»**, что, на наш взгляд, позволит создать максимально объективный и приближенный к современным реалиям образ российских и американских правоохранительных органов.

Так, оценочная составляющая ценностного компонента «профессионализм / непрофессионализм» будет складываться из таких показателей, как способность или неспособность правоохранительных органов обеспечить защиту личности, общества, государства от противоправных посягательств; действия полиции по предупреждению, пресечению, выявлению и раскрытию преступлений, обеспечению правопорядка в общественных местах и безопасности дорожного движения; розыск лиц и осуществление экспертно-криминалистической деятельности. Оценочными маркерами компонента «законность / произвол» будут выступать такие показатели, как следование правовым принципам демократического государства, общечеловеческим идеалам и ценностям; правомерность применения законов и НПА, а также процедурной легальности при осуществлении полицейскими своих должностных обязанностей. Основанием оценки компонента «гуманность / жестокость» будет служить правомерность / неправомерность применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, а также использование насильственных мер принуждения и подчинения требованиям представителей власти.

На третьем этапе нами была осуществлена интерпретация лингвистических средств, с помощью которых в контекстах осуществляется вербализация ценностных компонентов «профессионализм / непрофессионализм», «законность / произвол» и «гуманность / жестокость», направленных на моделирование мелиоративного и/или пейоративного образов полиции России и США. Интерпретация языковых средств в настоящей диссертации будет осуществляться в рамках стилистики декодирования, преимущественно по схеме «комментирование», детально разработанной И. В. Арнольд и Н. Я. Дьяконовой [Арнольд 1979]. Комментирование в сочетании с методами дискурсивного, контекстуального, стилистического анализа и элементами лингвопрагматического анализа позволят заполнить лакуны в понимании интенций адресанта, направленных на репрезентацию различных граней образа правоохранительных органов.

В работе мы обратимся к стратегии оценочной аргументации, так как компоненты образа полиции, содержащие в себе основание оценки и репрезентированные в аргументах, «будучи явно или неявно выраженными, в конечном счете, позволяют создать впечатление и мнение как о создателе / интерпретаторе текста, так и о самом характере предмета текста» [Серебренникова 2011: 30]. Оценка может проявляться на уровне слова в зависимости от характера оценочного признака (общая и частная), на уровне слова и высказывания в соответствии с критерием наличия эмотивного компонента (рациональная и эмоциональная), на уровне высказывания в зависимости от количества оцениваемых объектов и формулировки оценочного высказывания (абсолютная и сравнительная), на уровне текста с учетом влияния контекста на реализацию семантики оценочных единиц (ингерентная / языковая / узуальная и адгерентная / речевая / окказиональная). Однако лингвист также полагает, что типология на основе критерия аксиологической интерпретации (положительная и отрицательная оценка) является центральной и возможна на всех уровнях, так как признание или непризнание ценности объекта и есть суть акта оценки [Фомина 2007]. В своем исследовании мы будем руководствоваться системой базисных оценок, организованных в двухуровневую структуру по принципу «хорошо – плохо», так как, по нашему мнению, такая система

наиболее соответствует целям интерпретации в рамках стратегии оценочной аргументации.

Статьи, репрезентирующие деятельность правоохранительных органов, являются своего рода прецедентными текстами для данной профессиональной группы, поэтому им свойственны специфические лингвистические средства, способствующие наиболее эффективному моделированию востребованного образа полиции в газетном дискурсе.

Так, для построения эффективной ценностной модели образа института полиции, в первую очередь в медиатексте необходимо выделить контексты, которые содержат оценочную аргументацию, направленную на экспликацию и/или импликацию ценностных компонентов образа полиции и их дополнительных номинантов, приобретающих в контексте индивидуально-авторскую репрезентацию. Под эксплицитной репрезентацией компонентов образа мы вслед за Клебановой Н. Г. будем понимать отображенную в толковых словарях вербальную форму лексической единицы, наиболее часто используемую представителями национального лингвокультурного сообщества с целью вербализации того или иного явления, концепта или компонента [Клебанова 2005]. Имплиcitная репрезентация компонентов образа включает в себя «неотъемлемые элементы глубинной формы текста» [Баранов 1997: 18], которые адресант создает посредством «недосказанности с целью воздействия на внутренний мир адресата» [Мартышова 2020: 28].

Дополнительные номинанты образа правоохранительных органов, например, *квалифицированность, компетентность, оперативность, бдительность, результативность, беспристрастность или халатность, некомпетентность, враждебность, беспринципность, жестокость* и прочие, помогут построить текстовые ассоциаты, способствующие формированию текстового ассоциативно-смыслового поля компонента образа полиции на основе ассоциативно-семантических, грамматических и других связей лексических единиц [Метод моделирования: <http>]. Обобщение репрезентированных в контексте направлений ассоциирования и формирование текстового ассоциативного поля компонента позволят конкретизировать содержание ценностного компонента, эксплицируя и/или

имплицитно, которое адресант выстраивает определенную модель образа полиции, транслируемую реципиенту, и задает социально-психологическую установку.

Таким образом, экспликация и импликация ценностных компонентов и вспомогательных номинантов образа может рассматриваться в качестве одного из ключевых способов реализации стратегии оценочной аргументации в контексте, который позволит описать лингвокогнитивные и лингвопрагматические механизмы актуализации целостного образа в исследуемом дискурсивном пространстве и сконструировать ценностные модели образа российской и американской полиции (Рис. 1).

Рис 1. Ценностная модель социального института полиции в газетном дискурсе

Интерпретация лингвистических средств вербализации ценностных компонентов образа полиции России и США в проправительственных и оппозиционных контекстах будет осуществляться в соответствии со следующим алгоритмом:

1. На основании словарей-тезаурусов выявить в контексте эксплицитные средства вербализации компонентов «профессионализм / непрофессионализм», «законность / произвол», «гуманность / жестокость» и дополнительные номинанты образа полиции России и США, которые позволяют последовательно осуществить

смысловую контаминацию рассматриваемых лексем и реализовать общую коммуникативно-прагматическую установку медиатекста и интенцию адресанта.

2. Идентифицировать в контексте имплицитные средства вербализации компонентов «профессионализм / непрофессионализм», «законность / произвол», «гуманность / жестокость» и дополнительные номинанты образа полиции России и США, которые могут способствовать:

- *убеждению адресата*, включающие тропы (метафора, эпитет, метонимия, сравнение, гипербола, литота), фигуры речи (градация, антитеза, параллельные, эллиптические и инверсивные конструкции, риторические вопросы, лексический повтор), ссылки на мнение авторитетных лиц, официальные источники, действующее законодательство и НПА, статистические данные и другие, способствующие реализации разнообразных коммуникативных тактик (анализ-плюс, оправдания, солидаризации, аргументативных оценок, создания и поддержания образа), приема противопоставления, а также семантической категории «свой-чужой»;

- *внушению или «навязыванию» оценки происходящего адресату*, к которым можно отнести тропы (метафора, эпитет, метонимия, сравнение, ирония, олицетворение, гипербола, литота), фигуры речи (градация, антитеза, параллельные, вводные и эллиптические конструкции, риторические вопросы, лексический повтор), ссылки на мнение авторитетных лиц, официальные источники, действующее законодательство и НПА, статистические данные и другие, способствующие реализации тактик анализ-минус, обвинения, обличения, навязчивого комментирования, навешивание ярлыков, речевых приемов (подмена понятий, противопоставление, парадокс, прием ненадежного рассказчика), а также семантической категории «свой-чужой»;

- *оказанию воздействия на эмоционально-психический фон адресата*, включающие тропы (метафора, эпитет, ирония, аллегория, перифраз, эвфемизм), фигуры речи (аллюзия, оксюморон, зевгма, игра слов, лексический повтор, аллитерация, анафорический / эпифорический повтор, эллиптические, эмотивные и усилительные конструкции, риторические вопросы), жаргонную, сленговую, пейоративную лексику, наличие сильной позиции в тексте и другие [Сафина 2015];

-установлению доверительных отношений с адресатом и побуждению занять определенную позицию по отношению к правоохранительным органам, включающие ссылки на мнение авторитетных лиц, официальные источники и действующее законодательство, статистические данные, имена собственные, юридическую и экономическую терминологию, разговорную, профессиональную, жаргонную, сленговую, пейоративную лексику, речевые клише, повелительное наклонение, вопросительные предложения, адресующее обращение, вводные конструкции, местоимения, модальные глаголы и глаголы волеизъявления, сравнительную и превосходную степени прилагательных и наречий и другие, направленные на реализацию тактик разъяснения, единения, кооперации;

- созданию эффекта достоверности повествования, включающие статистические данные, ссылки на мнение авторитетных лиц, официальные источники, действующее законодательство и НПА, имена собственные, фразеологические единицы, риторические вопросы, параллельные конструкции, вводные слова и другие, способствующие реализации тактики придания особой значимости;

- концептуальной иронизации, к которым можно отнести тропы (эпитеты, метафоры, ирония, аллегория, перифраз, гипербола, литота), фигуры речи (аллюзия, градация, контекстуальная синонимия / антонимия, лексический повтор, игра слов, риторические вопросы), жаргонную, сленговую, пейоративную лексику, речевые приемы (парадокс, противопоставление, навешивание ярлыков), средства выдвижения (сцепление, контаминация, конвергенция, обманутое ожидание) и другие [Петрова 2011].

3. Выявить корреляцию между отбором коммуникативно-прагматических средств актуализации ценностных компонентов образа полиции и интенцией адресанта.

4. Провести анализ степени репрезентации эксплицитных и имплицитных средств актуализации ценностных компонентов образа полиции России и США (тематические повторяющиеся слова; повторяющиеся лексико-семантические

варианты сем; коннотации лексем; пресуппозиции стилистических приемов) и представить частотность их употребления в контекстах.

5. Построить на основе интерпретации коммуникативно-прагматических средств актуализации компонентов «профессионализм / непрофессионализм», «законность / произвол», «гуманность / жестокость» образа полиции четыре ценностные модели правоохранительных органов, репрезентированные в проправительственном и оппозиционном газетном дискурсе России и США.

На заключительном этапе исследования нами будет проведен сравнительно-сопоставительный анализ полученных моделей в рамках лингвокультурологического подхода, способствующего выявлению общих и национально-специфических черт в восприятии образа полиции представителями российской и американской лингвокультур в соответствии с их ценностными картинками мира, так как язык является отражением человеческой культуры и средством выражения единства национального и интернационального. Национальные различия в восприятии мира и особенности отражения действительности в различных языках приводят к появлению национально-специфичной языковой картины мира, которая получает в каждом национальном языке национальную форму выражения, проявляющуюся в устойчивых привычках, традициях и ценностях, формирующихся под влиянием условий духовной и материальной жизни и особенностей исторического развития данной нации [Сердюк 2008: <http>]. Все социальные и политические явления приобретают в культуре народа, в его сознании определенный символический смысл. Данный феномен получил название «социальный символизм» и понимается как отражение в сознании людей семиотической функции, которую приобретает в определенной культуре конкретное действие, факт, событие, тот или иной элемент предметного мира. Социальный символизм зачастую зависит от национального менталитета, который можно определить как национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации, схем объяснений явлений и событий, механизмов каузальной атрибуции. Однако нельзя утверждать, что системное типизированное описание коммуникативного поведения народа предполагает обязательное наличие

совокупности коммуникативных стереотипов, обнаруживающихся у каждого носителя языка, то есть, определенные коммуникативные стереотипы существуют в национальной культуре, в ее концептосфере, но их совокупность не всегда присуща отдельным индивидам, которые овладевают определенной частью коммуникативного поведения народа [Стернин 2003: 12-42].

Таким образом, единицей анализа в настоящем диссертационном исследовании выступает контекст, а интерпретация языковых средств по схеме «комментирование» сочетается с: 1) методами анализа и синтеза, использованными при отборе оценочных аргументов и вычленении в них структурных компонентов образа полиции; 2) методами дискурс-анализа, контекст-анализа, стилистического анализа и элементами лингвопрагматического анализа, направленными на описание лингвистических средств, вербализующих компоненты образа; 3) методом моделирования, включая элементы метафорического моделирования образа, примененным для построения четырех моделей образа полиции России и США в проправительственном и оппозиционном газетном дискурсе; 4) сравнительно-сопоставительным методом, использованным для выявления общих и национально-специфических характеристик восприятия моделей образа полиции в русской и американской культурах.

Описанная процедура интерпретации языкового материала позволит комплексно рассмотреть эксплицированные и имплицированные компоненты образа правоохранительных органов и интенционально заданные адресантом смыслы, актуализированные лексико-семантическими, синтаксическими и стилистическими средствами, а также построить ценностные модели российской и американской полиции, репрезентированные в политическом медиадискурсе.

Выводы по первой главе

На основе проанализированного теоретического материала мы пришли к выводу, что СМИ занимают важное место в системе социального диалога и выступают в качестве основной формы организации как публичной, так и политической сферы. Политическая медиакоммуникация на сегодняшний день

выступает не только средством отражения актуальной политической реальности, но и представляет собой инструмент управления системой ценностей, убеждений и социальных установок, обеспечивающий контроль за восприятием динамических процессов в социально-политической сфере и обладающий возможностью передачи позитивной или деструктивной информации о личности, институте или явлении действительности в зависимости от идеологизированности коммуникативного пространства.

Социальный институт полиции, являющийся одним из центральных звеньев в цепочке «государство – общество», на сегодняшний день претерпевает существенные изменения. Правоохранительные органы представляют собой устойчивые формы социальной практики по обеспечению безопасности личности, защите жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, сохранению материальных и духовных ценностей общества, а также конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности государства. Эффективность и результативность выполнения возложенных на органы правопорядка задач по поддержанию необходимого уровня государственной, личной и общественной безопасности, обеспечению защищенности населения от различных угроз криминального характера непосредственно влияют на отношение граждан страны к полицейским, что отражается на уровне их доверия к полиции как институту, способствует признанию или непризнанию его легитимности и позволяет рассматривать правоохранительные органы в качестве государственной, общественной и личностной (анти)ценности.

Массмедиа наделяют правоохранительные структуры и их представителей социальными, психологическими, эстетическими, профессиональными и морально-нравственными характеристиками и, тем самым, посредством оценивания этих качеств создают желаемую модель социального института полиции, реализуя при этом прагматическую функцию, которая, в свою очередь, является доминирующей стилевой чертой газетного дискурса. Идеологизированные формы мышления находят отражение в проправительственных и оппозиционных газетах.

Одним из наиболее эффективных способов создания медийного образа полиции в газетном дискурсе является лингвистическое моделирование, где образ

правоохранительных органов можно рассматривать в качестве информационного фильтра, абстрактной модели, детерминирующей восприятие и категоризацию носителя данного образа. Большинство лингвистов солидарны в признании категории оценки и оценочности основной категорией, с помощью которой выстраиваются определенные модели в политическом медиадискурсе. Семантика положительной или отрицательной оценки обладает способностью оказывать воздействие на ценностную картину мира индивида и манипулировать общественным мнением и сознанием.

Интерпретация лингвистических средств моделирования образа российской и американской полиции в проправительственном и оппозиционном газетном дискурсе позволяет выявить взаимозависимость между использованием языковых единиц и прагматическими установками адресанта, варьирующимися в зависимости от ценностных и идеологических ориентаций участников коммуникации. Выражаемые авторами медиатекстов оценочные суждения и аргументация способствуют актуализации в контекстах таких ценностных компонентов, как «профессионализм / непрофессионализм», «законность / произвол», «гуманность / жестокость» образа полиции России и США и влияют на формирование векторных отношений между правоохранительными органами и гражданами страны.

ГЛАВА 2. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИЙСКОЙ ПОЛИЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В данной главе на основе интерпретации лингвистических средств, способствующих актуализации в рамках стратегии оценочной аргументации компонентов «профессионализм / непрофессионализм», «законность / произвол», «гуманность / жестокость», конструируются две ценностные модели образа правоохранительных органов, репрезентированные в российском проправительственном и оппозиционном газетном дискурсе.

2.1. Вербализация ценностных компонентов образа полиции России в проправительственном газетном дискурсе

2.1.1. Компонент «профессионализм / непрофессионализм» в российских проправительственных газетах

За указанный период методом сплошной выборки было отобрано 194 медиатекста, размещенных в таких проправительственных изданиях, как «Российская газета» (103 статьи) и «Газета.Ру» (91 статья). Контексты в публикациях содержат оценочную аргументацию, направленную на конструирование исключительно мелиоративного образа полиции России посредством актуализации ценностного компонента «профессионализм». Стоит отметить, что ни в одном из рассмотренных нами контекстов не было обнаружено моделирования пейоративного образа правоохранительных органов или их сотрудников и вербализации компонента «непрофессионализм». Основной тематикой в перечисленных газетах стали статьи о деятельности полиции, направленной на: 1) охрану общественного порядка и привлечение к уголовной и административной ответственности лиц, участвующих или подстрекающих к участию в несанкционированных публичных и массовых мероприятиях; 2) предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступных посягательств на жизнь и здоровье, права и свободы, имущество граждан,

в том числе с использованием IT-технологий; 3) контроль за соблюдением гражданами масочного режима и карантинных мер в связи с риском распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19, а также проведение рейдов по проверке исполнения антиковидных мер в юридических организациях; 4) предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений против нравственности.

Рассмотрим приемы вербализации ценностного компонента «профессионализм» образа полиции России в контекстах, представленных в самом большом блоке новостных статей, где освещается деятельность правоохранительных органов, направленная на обеспечение охраны правопорядка во время проведения несанкционированных митингов и пикетов в поддержку оппозиционера А. А. Навального.

В медиатексте «Чтобы снег не стал красным. Грамотные действия правоохранителей позволили избежать серьезных ЧП» [РГ, 24.01.2021] заголовок занимает сильную позицию и обеспечивает выдвижение на первый план позитивной оценки действий полиции. Эллиптическая конструкция *чтобы снег не стал красным* отсылает читателя к роману немецкого писателя Г. Хофе «Красный снег» о Второй Мировой войне, либо к роману советского писателя Т. Рыбаса «Красный снег» о событиях гражданской войны 1917-18 гг. и выступает аллюзией, которая апеллирует к эмоциям адресата с целью вызвать ассоциации, связанные с кровопролитием, войной и смертью, благодаря чему адресант влияет на эмоционально-эмпатическое восприятие рассматриваемых событий. Порождаемые в заголовке ассоциации способствуют приращению негативного смысла к основной информации. Экспликация ценностного компонента «профессионализм» в заголовке происходит за счет эпитета грамотные действия, а в самом контексте реализуется с помощью конвергенции различных приемов. Конструирование мелиоративного образа правоохранительных органов происходит на фоне отрицательного контекста и перечисления неправомерных действий митингующих, включая их девиантное поведение. Компонент «профессионализм» эксплицируется в аргументе первого заместителя председателя Комиссии Общественной палаты РФ по экспертизе общественно значимых законопроектов и иных правовых инициатив А. Ю. Кирьянова

посредством лексемы *мягкий*, указывающей на терпимость и выдержку российских полицейских (*"ответные действия правоохранительных органов на провокации носили достаточно мягкий характер"*) и лексемы *критично* в отрицательной форме (*По его словам, есть некоторое количество пострадавших с обеих сторон. Но это все-таки не критично для такой ситуации*), свидетельствующего о готовности представителей власти идти на определенные жертвы ради общего блага. Положительно-маркированная лексема *выдержка* в аргумент *«Все эксперты отмечают выдержку российских правоохранителей»* усиливает интенцию убеждения аудитории в квалифицированности стражей порядка, заключающейся в самоорганизации и способности полицейских сохранять самообладание в экстренных ситуациях. Компетентность стражей порядка эксплицируется в контексте также за счет эпитета *серьезные инциденты* и антитезы с противительным союзом *но* (*Были и стычки с полицией. Но правоохранителям удалось избежать серьезных инцидентов*). Наречия *терпеливо* и *спокойно* в аргументе *«Стоявшие в оцеплении росгвардейцы и полицейские терпеливо и спокойно общались с подходившими к ним людьми»* способствуют моделированию образа гуманной полиции, которые помимо своих прямых обязанностей по обеспечению охраны общественного порядка (*государственно-политические ценности*) и сдерживания *«перерастания единичных провокаций в массовые столкновения»*, следили также за здоровьем населения (*«раздавали участникам несогласованных акций маски» – абсолютные ценности*) и оказывали своевременную помощь гражданам (*... к омоновцам за помощью обратился мужчина. У него в толпе потерялась 9-летняя дочь <...> Спецназовцы нашли перепуганную девочку спустя сорок минут и вернули отцу*). Разговорные слова *стычки, росгвардейцы, правоохранители, спецназовцы, омоновцы*, употребленные адресантом на фоне преобладающей положительно-окрашенной лексики, служат средством повышения экспрессивности текста, создания стилистического контраста и реализации тактики установления доверительных отношений с аудиторией. Речевое воздействие, направленное на убеждение адресата в эффективности сотрудников полиции, усиливается в контексте с помощью ссылки на мнение должностных лиц (официального представителя МВД России И. В. Волк и

официального представителя Росгвардии В. Грибакина), ссылки на Уголовный Кодекс РФ (ст. 318 УК РФ, пп. "а, в" ч. 2 ст. 151.2), а также статистических данных (собрались около 4 тысяч человек; задержаны около 600 человек; нашли спустя сорок минут).

В контексте, представленном в статье «В Госдуме сравнили действия полиции в РФ и на Западе» [Газета.Ру, 31.01.2021], также можно наблюдать экспликацию компонента «профессионализм», реализуемую в аргументе героя России А. Красова, который уверен в профессионализме полиции, стоящей на страже закона и общественного порядка (*государственно-политические ценности*), прав и свобод человека и гражданина (*гражданско-правовые ценности*): *Наши сотрудники полиции действуют спокойно и профессионально по отношению к тем гражданам, которые находятся на несогласованных акциях протеста <... > Там, где заканчивается право граждан на митинги и собрания — там начинается право других граждан на безопасность и на отдых. Участники несанкционированного митинга приравниваются к преступникам (обычное преступление), с которыми правоохранительные органы ведут борьбу, однако, «действуют спокойно», «очень уважительно и профессионально и не поддаются на провокации».* Наречия *спокойно*, *профессионально* и *уважительно* служат средством вербализации ценностного компонента «профессионализм» образа полиции, а притяжательное местоимение *наши* способствует реализации семантической категории «свой-чужой», апеллирующей в рассматриваемом контексте к чувству патриотизма и национальной гордости (*исторические ценности*). Речевая интенция убеждения адресата в истинности аргументов, достигается в контексте за счет ссылки на Конституцию РФ (*Это не просто выражение какого-то волеизъявления по Конституции*). Резкие высказывания в адрес правоохранительных органов Европы и США и сравнение их тактики с действиями «*нацистских преступников в концентрационных лагерях*» создают эмфазу, а отрицательно маркированные лексемы *непродуманные* и *необдуманнные* (Такие же действия — *непродуманные* и *необдуманнные* — мы можем вспомнить и в Америке, когда ветеран ВВС США была застрелена из боевого

оружия) позволяют усилить контраст, направленный на конструирование образа компетентной и действенной полиции России.

Вербализация компонента «профессионализм» в контексте, взятом из статьи «Действия полиции позволили избежать серьезных ЧП на незаконных акциях. Малочисленность воскресных акций и грамотные действия правоохранителей позволили избежать серьезных ЧП» [РГ, 31.01.2021] осуществляется в заголовочном комплексе эксплицитно с помощью эпитетов *грамотные действия, серьезные ЧП*, а в контексте актуализируется за счет оценочных наречий *корректно, сдержанно, спокойно*, способствующих конструированию положительного образа правоохранительных органов и убеждению аудитории в результативности и оперативности полицейских, действующих компетентно по отношению к провокациям «разгоряченных активистов», устроивших «незаконные акции». Речевая интенция в контексте усиливается за счет инверсивной конструкции (*не оправдали провокационных ожиданий организаторов акции и правоохранители*) и антитезы с противительными союзами *хотя* и *но* (*... хотя попытки вызвать их на силовой ответ предпринимались, и не раз..., но действия полиции скорректировали их план*). Адресантом конструируется модель образа профессиональных, квалифицированных и гуманных сотрудников полиции, которые не только выполняли свои прямые обязанности по задержанию правонарушителей и пресечению их действий (*уже задержана группа, прибывшая из соседнего региона; задержала 32 правонарушителя*), но также помогали гражданам, оказавшимся в затруднительном положении, обеспечивая им защиту и безопасность (*поднять девушку помогли сотрудники Росгвардии; оказали ей первую помощь; помогли мужчине в инвалидной коляске спуститься по лестнице; сотрудники Росгвардии пришли на помощь девушке, у которой лопнуло колесо автомобиля; полицейский вывел из толпы беременную девушку, которой угрожала опасность*) и даже «приглашали в палатку, где угощали горячим чаем». Таким образом, в рассматриваемом контексте полиция, стоящая на страже закона, внутренней безопасности государства, прав и свобод человека и гражданина, а также физического благополучия населения, представлена

хранителем *государственно-политических, гражданско-правовых и абсолютных ценностей*.

К следующему по объему блоку можно отнести медиатексты, репрезентирующие деятельность силовых структур, направленную на борьбу с преступлениями и правонарушениями в сфере здравоохранения, в частности, мошенничество с сертификатами, медотводами и тестами на COVID-19. Так, контекст, взятый из статьи «Подделка сертификатов о вакцинации и QR-кодов грозит лишением свободы» [РГ, 14.07.2021], содержит пример импликации компонента «профессионализм», актуализированный в контексте с помощью юридической терминологии (*уголовное дело; уголовная ответственность; повлекшие по неосторожности; принудительные работы; ограничение свободы; лишение свободы; за приобретение, хранение, перевозку в целях использования или сбыта, ... использование заведомо поддельного официального документа; наказание в виде денежного штрафа; должностные лица; преступный промысел*), ссылки на Уголовный Кодекс РФ (*статья УК "Мошенничество"; ч. 1 ст. 236 УК РФ "Нарушение санитарно-эпидемиологических правил"; ч. 3 ст. 327 УК РФ, части 1-4 ст. 160 УК РФ, ст. 285 УК РФ "Злоупотребление должностными полномочиями"*) и статистических данных (*возбудили 55 уголовных дел; по 32 уголовным делам; по 16 ..., по 9 ...*). Ссылки на слова должностного лица (*начальника управления организации дознания ГУ МВД по Москве П. Милованова*) и мнение авторитетных лиц (*доктора юридических наук, заслуженного юриста России И. Соловьева и члена Ассоциации юристов России М. Спиридоновой*) апеллируют к сознанию законопослушных граждан и акцентируют внимание на недопустимости приобретения поддельного QR-кода, а разговорная фраза *отправить за решетку* направлена на реализацию тактики привлечения внимания адресата к серьезности последствий совершенного деяния.

Имплицитную вербализацию компонента «профессионализм» также можно проследить на примере газетной заметки «В Ивановской области завели дело о покупке COVID-сертификатов» [РГ, 09.09.2021]. Оценочная аргументация в контексте отличается от аргументации, представленной в медиатекстах по схожей тематике тем, что помимо юридической терминологии (*уголовное дело; подделка*

документов; подлинность), профессиональной лексики (в ходе проверки; рейд), а также ссылки на Уголовный Кодекс РФ (часть 5 статьи 327 УК РФ (использование заведомо подложного документа)), употребленных с целью моделирования образа юридически грамотных сотрудников полиции, действующих оперативно и результативно в экстренных ситуациях, в рассматриваемом контексте основной акцент делается на бдительность, проявленную полицейскими при проверке справок о наличии антител к коронавирусной инфекции (подлинность документов вызвала у полицейских сомнение; проверка установила, что медики справок этим гражданам не выдавали). Интенция убеждения адресата в компетентности правоохранительных органов реализуется благодаря апелляции к **абсолютным ценностям**, на страже которых стоят бдительные полицейские, строго следящие за физическим благополучием населения страны и препятствующие распространению COVID-19 на территории РФ. Лексемы и словосочетания, принадлежащие к разговорно-фамильярному стилю (липовые сертификаты; правоохранители; медики) способствуют реализации тактики установления доверительных отношений с аудиторией.

На страницах проправительственных газет много внимания также уделяется вопросам предупреждения, пресечения, раскрытия и расследования преступлений против жизни и здоровья граждан. Так, в контексте, взятом из статьи «Колокольцев наградил четверых московских полицейских» [РГ, 29.05.2020], ценностный компонент «профессионализм» образа полицейских эксплицируется благодаря таким положительно-маркированным оценочным лексемам, как *самоотверженность, отвага, опытный и доблесть*, а также эпитетам грамотные и решиительные действия, употребленных в отношении полицейских, которые «с риском для жизни задержали опасных вооруженных бандитов». Интенция убеждения адресата в оперативности и результативности полиции достигается с помощью глаголов совершенного вида *задержать, прибыть, выяснить, сориентироваться, рассредоточиться, заметить, броситься, догнать, обезвредить* и клишированных фраз *принять меры, брать пример*, модальных глаголов *надо задержать, могли пострадать* и глаголов в отрицательной форме *не дал закрыть двери и не стал применять табельное оружие*.

Лексемы *опасный, быстро, страшно / не страшно* способствуют моделированию образа смелых и отважных стражей порядка. Так, в контексте конструируется образ квалифицированных (*рассредоточились на местности и приняли меры к задержанию правонарушителей*), оперативных (*полицейские прибыли к жилому комплексу в течение нескольких минут; быстро сориентировались*), грамотных (*сотрудник патрульно-постовой службы ... не стал применять табельное оружие, так как в замкнутом пространстве могли пострадать посторонние граждане*), уверенных (*уверенно ответил*) и бесстрашных (*Не страшно. Я знал, что это злоумышленники, и их надо задержать. Такая наша работа*) полицейских, стоящих на страже закона и общественного порядка (*государственно-политические ценности*), физической безопасности мирных граждан (*абсолютные ценности*) и пресекающих любые противоправные деяния с риском для своей собственной жизни и здоровья. Ссылка на авторитетных лиц (Министра Внутренних Дел Российской Федерации В. А. Колокольцева и официального представителя МВД России И. В. Волк), признающих действия сотрудников грамотными и профессиональными, способствует убеждению адресата в достоверности информации. Разговорные слова *стрельба, бандит, взяли*, перечисление имен должностных лиц (*старший сержант полиции М. Калашников, сержант полиции Р. Гагин, старший лейтенант полиции А. Сычевский и сержант полиции А. Чечеткин*) и указание места происшествия (*дом 65Б по Каширскому шоссе, Большая Сухаревская площадь*) способствуют реализации тактики установления доверительных отношений с аудиторией и конструированию мелиоративного образа полицейских.

В медиатексте «Глава МВД наградил таймырских полицейских за спасение туристов» [РГ, 26.08.2021] компонент «профессионализм» находит вербальное воплощение в контексте посредством оценочных наречий *решиительно, профессионально, деликатно, благополучно*, прилагательных *грамотные, решительные* и существительных *мужество, отвага, смелость*, способствующих экспликации образа сотрудников полиции в качестве героев-спасителей и защитников жизни и здоровья людей, попавших в беду (*абсолютные ценности*). Интенция убеждения адресата в компетентности стражей порядка реализуется в аргументе с

помощью антитезы с противительным союзом *но* и предлогом *несмотря на* (*Перед ними стояли совсем другие задачи, но увидев, что мы в опасности, они решили спасти нас; Несмотря на ночь, шторм, предельную загрузку катера, сотрудники полиции благополучно доставили группу в Игарку и разместили в общежитии*), идиоматического выражения (*по счастливому стечению обстоятельств*), а также эпитетов сильное волнение; грамотные и решиительные действия; экстремальная обстановка. Убеждение аудитории в истинности аргументов и установление доверительных отношений с аудиторией, как и в предыдущем примере, достигаются за счет ссылки на авторитетных лиц (В. А. Колокольцева и И. В. Волк) и перечисления имен должностных лиц (*майор полиции И. Думлер, капитан полиции А. Шваб, прапорщик полиции В. Корякин и старший сержант внутренней службы Р. Верховецкий*). Речевая интенция в контексте усиливается благодаря краткому причастию *восхищены* (*Мы восхищены сотрудниками полиции*), а также лексемы с положительной семантикой *чудо* (*Когда мы увидели полицейский катер, мы решили, что происходит чудо*).

3% (5 контекстов) от общего числа проанализированных контекстов посвящены предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений против нравственности. Так, медиатекст под заголовком «Задержания продолжаются: полиция ищет провокационные фото на фоне храмов» [Газета.Ру, 19.11.2021] представляет интерес для исследования образа полиции с позиции защиты **религиозно-конфессиональных ценностей**. Языковыми средствами актуализации компонента «профессионализм» образа полиции в рассматриваемом контексте выступают юридическая терминология (*делопроизводство; уголовное дело; административная ответственность; признать виновным*), профессиональная лексика (*проверка в отношении*) и ссылка на Уголовный Кодекс РФ (*ст. 148 УК РФ («Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий»)*). Профессиональная заинтересованность правоохранительных органов в пресечении деяний, способных оскорбить чувства верующих, и сохранении религиозно-конфессиональных ценностей аргументируется в контексте с помощью глагола совершенного вида *задержать*, глагольных словосочетаний *заводить ... уголовное дело, находить в сети*

*фотографию, начать делопроизводство, признать виновными, начать проверку в отношении, объединенных семантикой проведения процедуры доследственной проверки, а посредством страдательного залога доставлены в отдел полиции подчеркивается однозначный результат предпринятых мер. Речевое воздействие в контексте усиливается за счет лексем, содержащих в себе значение последовательности действий *очередное, черед*, эпитетов *громкое дело* и *провокационное фото*. Ссылка на мнение представителей РПЦ способствует реализации тактики установления доверительных отношений с адресатом.*

Медиатест «Россияне описали типичного полицейского» [Газета.Ру, 10.11.2021] не представляется возможным отнести ни к одному из перечисленных тематических блоков, тем не менее, его можно рассматривать в качестве примера конструирования мелиоративного образа ОВД. Так, оценочные прилагательные *опрятный, храбрый, вежливый, сильный, крепкий, дружелюбный, грамотный, порядочный, положительный и работающий*, употребленные в контексте в отношении сотрудников полиции, глагол *доверяют* и статистические данные (*Более половины – 57% – россияне заявили, что доверяют полицейским своего региона*) позволяют эксплицировать ценностный компонент «профессионализм» образа полиции России. Убеждение реципиента в благонадежности ОВД происходит в контексте за счет ссылки на Президента России В. В. Путина, который *«поздравил сотрудников МВД и пообещал дальнейшую поддержку им и их семьям»*, что можно рассматривать как пример моделирования образа полиции, представляющей ценность в глазах правительства страны.

Итак, положительная оценка полиции в российских проправительственных изданиях выдвигается на первый план на фоне описания проблем, с которыми сталкиваются правоохранительные органы в своей профессионально-служебной деятельности. Вербализация ценностного компонента «профессионализм» и целенаправленное моделирование положительного образа полиции осуществляется в контекстах с помощью прямых номинаций и лексем, которые в совокупности с имплицитными средствами вербализации компонента позволяют выделить

дополнительные номинанты образа: «компетентность» (59%), «бесстрашие» (23%), «оперативность» (18%).

Приведем статистику встречаемости средств выразительности, способствующих актуализации компонента «профессионализм».

Экспликация			Импликация		
	Количество примеров в контексте			Количество примеров в контексте	
Лексемы со значением компетентность	- профессионально	23	лексико-семантические средства	- юридическая терминология	24
	- помогать, прийти на помощь, оказать помощь	19		- разговорная лексика	13
	- грамотный	17		- профессиональная лексика	10
	- задержать	17			
	- уважительный, вежливо	11			
	- корректно	7			
	- выдержка, сдержанно	6			
	- спокойно	6			
	- терпеливо	5			
	- опытный	4			
	- бдительность	3			
	- выяснить	2			
	- обезвредить	2			
	- сориентироваться	2			
	- деликатно	1			
Лексемы со значением бесстрашие	- смелость	10	лексико-стилистические средства	- эпитеты	26
	- храбрость, храбрый	10		- аллюзия	1
	- отвага	4			
	- мужество	3			
	- с риском для жизни	3			
	- самоотверженность	2			
	- доблесть	1			
Лексемы со значением оперативность	- оперативный, оперативно	14	лексико-синтаксические средства	- антитеза	9
	- быстро	9		- инверсивные конструкции	5
	- решительный, решительно	6		- эллиптические конструкции	3
			лексико-прагматические средства	- ссылки на авторитетных лиц и официальные источники	21
				- ссылки на действующее законодательство	16
				- статистические данные	9
Итого: 188			Итого: 144		

Таблица 1. Сводная таблица вербализации компонента «профессионализм» образа полиции в российских проправительственных контекстах

Актуализация ценностного компонента «профессионализм» образа российской полиции посредством объективации вспомогательных номинантов образа, отражающих профессионально-деловые и морально-нравственные качества сотрудников, способствует репрезентации правоохранительных органов в качестве защитников и хранителей абсолютных (36%), государственно-политических (31%),

гражданско-правовых (23%), исторических (6%) и религиозно-конфессиональных (4%) ценностей, что позволяет приравнять российскую полицию к ценности на всех трех уровнях: личностная (36%), государственная (35%) и общественная (29%).

2.1.2. Компонент «законность / произвол» в российских проправительственных газетах

Согласно Федеральному закону «О Полиции» от 07.02.2011 N 3-ФЗ, правовую основу деятельности полиции составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ, федеральные конституционные законы, НПА Президента и Правительства РФ, НПА федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел и другие федеральные законы и НПА [ФЗ «О полиции»: [http](http://www.consult.ru/document/cons_doc_law_72181/)]. Соответственно, соблюдение представителями правоохранительных органов личных, политических, социальных, экономических и культурных прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в вышеперечисленных законах и НПА, можно рассматривать как легитимность и законность действий социального института полиции, а нарушение перечисленных прав и свобод будет приравниваться к неправомерным действиям сотрудников полиции, превышению должностных полномочий и транслироваться в СМИ как произвол со стороны силовой структуры.

За обозначенный период методом сплошной выборки нами было отобрано 108 медиатекстов («Российская газета» – 69 статей, «Газета.Ru» – 39 статей), репрезентирующих деятельность органов охраны правопорядка и содержащих примеры актуализации ценностного компонента «законность / произвол». Основной тематикой в рассмотренных изданиях стали статьи и заметки, посвященные деятельности МВД России, направленной на: 1) предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступных посягательств на жизнь, здоровье и имущество граждан; 2) контроль за соблюдением масочного режима, карантинных

мер и режима самоизоляции; 3) обеспечение правопорядка в общественных местах во время проведения публичных, массовых и спортивных мероприятий; 4) предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование уголовных преступлений и административных правонарушений; 5) обеспечение безопасности дорожного движения. Кроме того, небольшое количество публикаций посвящено освещению вопросов, связанных с внесением поправок к действующему законодательству, принятием новых законов о расширении прав и полномочий сотрудников полиции, а также с превышением полицейскими своих должностных полномочий.

Рассмотрим яркие примеры вербализации компонента «законность / произвол» образа полиции в контекстах, представленных в наибольшем по объему блоке статей – предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступных посягательств на жизнь и здоровье граждан, включая мошенничество в сфере здравоохранения и предупреждение распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19.

В контексте, взятом из статьи под заголовком «Рейды по барам: регионы усиливают меры по COVID-19» [Газета.Ру, 13.06.2021], адресантом имплицитно задается компонент «законность» образа полиции. Так, ссылка на слова представителей правительства в лице губернатора Санкт-Петербурга А. Д. Беглова, мэра Москвы С. С. Собянина и главы департамента торговли и услуг А. А. Немерюка, поддерживающих ужесточение мер по борьбе с новой коронавирусной инфекцией, а также аргумент А. Д. Беглова по поводу лиц, нарушающих *«противоэпидемические нормы и правила»* и ставящих *«под угрозу здоровье свое и окружающих и репутацию Петербурга»* (**абсолютные ценности, государственно-политические**), актуализируют компонент «законность» действий правоохранительных органов, которые *«проведут рейды на предмет соблюдения барами, клубами, караоке, ресторанами запрета на работу с 23.00 до 06.00»* (**гражданско-правовые ценности**). Интенция убеждения адресата в необходимости введения жестких мер по борьбе с пандемией и легальности действий исполнительной ветви власти реализуется с помощью эпитета, выраженного наречием, *резко* *осложнилась*, эпитета *пиковые значения* и прилагательного в превосходной степени сравнения *самое тревожное*,

усиливающих экспрессивно-оценочную функцию в рассматриваемом контексте. Окационализмы *нулевая толерантность* и *новая нормальность* могут быть использованы адресантом с целью реализации функции инграциации и тактики установления доверительных отношений с аудиторией за счет придания аргументу характера большей наукоемкости, о чем свидетельствует суффикс *-ость*, свойственный для терминологии и абстрактных понятий.

Имплицитную вербализацию компонента «законность» также можно проследить в нейтральном контексте, представленном в статье «В Новосибирске возбудили 17 дел о подделке сертификатов и ПЦР-тестов» [Газета.Ру, 25.10.2021]. В контексте адресантом выстраиваются аргументы в пользу юридической обоснованности действий полиции, направленных на пресечение преступлений и правонарушений, связанных со *«сбытом поддельных сертификатов о прохождении вакцинации против коронавируса, а также подложных результатов ПЦР-тестирования» (гражданско-правовые ценности)* и стоящих на страже *«санитарно-эпидемического благополучия населения» (абсолютные ценности)*. Статистические данные (*возбудила 17 уголовных дел; зафиксировано 89 сообщений о незаконной торговле; составлено 318 административных протоколов; оформлено 67 протоколов об административных правонарушениях*), юридическая терминология (*уголовное дело; сбыт поддельных сертификатов; незаконная торговля; административный протокол; административное правонарушение*) и профессиональная лексика (*проводить рейды; пресечение нарушений*) способствуют реализации интенции убеждения читательской аудитории в законности действий правоохранительных органов и их процедурной легальности, что подкрепляется ссылкой на законодательную власть: *«... с 12 октября власти региона ввели обязательную вакцинацию от COVID-19 для работников сферы услуг, транспорта и ЖКХ. С 8 ноября начнет действовать система QR-кодов для посещения массовых мероприятий с присутствием более 500 человек».*

В медиатексте ««Человек без маски может заразить других»: Журова о задержанном тренере» [Газета.Ру, 23.11.2021] можно наблюдать пример актуализации бинарной оппозиции «законность / произвол» образа полиции. Так, депутат Госдумы

С. С. Журова высказывает свое мнение по поводу правомерных действий сотрудников полиции, которые задержали в аэропорту тренера по плаванию за отказ соблюдать антиковидные меры. Экспликация законности действий полицейских реализуется в аргументе: *Я не верю, что, если человек не ругается, не оскорбляет, не возмущается и надевает маску, его задерживают. Это действительно вопрос безопасности. <...> Не бывает так, чтобы полицейские просто задержали человека. <...> можно сколько угодно говорить про справки, про QR-коды, но маска — это единственное, что обеспечивает безопасность.* Речевое воздействие на адресата в данном аргументе усиливается за счет глаголов с отрицательной частицей «не» *не верить, не ругаться, не оскорблять, не возмущаться, не надевать*, наречия *действительно*, антитезы с противительным союзом *но*, а также лексического повтора лексики *безопасность*, которые способствуют убеждению читателя в том, что безответственное поведение одного индивида может угрожать здоровью целой нации (*абсолютные ценности*). Однако ссылка на слова политика в заголовке способствует реализации стратегии дистанцирования, нехарактерной для российского проправительственного газетного дискурса, и свидетельствует о нежелании автора нести ответственность за сказанное в контексте. Положительно-маркированная лексема *заслуженный* и приведение фактов из биографии известного тренера апеллируют к эмоциям адресата с целью вызвать эмпатию к пострадавшему от полицейского произвола лицу. Жаргонизмы *скрутили, заломали* и лексема с отрицательной семантикой *дико* объективируют жестокость и агрессию сотрудников полиции, а эмфатические конструкции (*«Я не понимаю, зачем его взяли. Я не ношу маску! Для меня это дико. Это неправильно! Я поддержу Ильина»*), употребленные мастером спорта В. Симоновой, способствуют вербализации компонента «произвол» и привлечению внимания аудитории к факту нарушения полицейскими *абсолютных и гражданско-правовых ценностей*. Моделирование пейоративного образа стражей порядка происходит также посредством эмотивной конструкции *«Так бы преступников задерживали!»*, направленной на приуменьшение заслуг полиции по поимке лиц, вовлеченных в преступную деятельность. Тем не менее, апелляция к нравственности за счет упоминания информации о допинговом скандале с участием

вышеупомянутой спортсменки преследует цель вызвать сомнение в честности и искренности ее аргументов и оставляет адресату право выбора позиции относительно признания или непризнания законности действий стражей порядка.

Еще один значительный блок медиатекстов, репрезентирующих деятельность правоохранительных органов, представлен новостными статьями и заметками, посвященными обеспечению охраны правопорядка во время проведения несанкционированных митингов в поддержку А. А. Навального.

Во фрагменте, взятом из заметки «Песков назвал оправданными действия полиции в отношении участников несанкционированных акций» [РГ, 02.02.2021], адресантом приводятся аргументы в пользу легитимности действий представителей правопорядка и эксплицируется компонент «законность» образа полиции за счет ссылки на слова пресс-секретаря президента Д. С. Пескова, уверенного в том, что меры, предпринятые полицией с целью обеспечения общественной безопасности во время публичного мероприятия, *«были и продолжают оставаться оправданными»*. В своем аргументе Д. С. Песков противопоставляет профессиональных и действующих согласно инструкции сотрудников полиции *“провокаторам и хулиганам”*, проявляющим *“агрессивное поведение”*, что можно трактовать как угрозу внутренней безопасности страны (*государственно-политические*) и ее мирному населению (*абсолютные и гражданско-правовые ценности*). Наречие *абсолютно* и глагольное словосочетание *были и продолжают оставаться* способствуют усилению речевого воздействия, направленного на убеждение адресата в правомерности и целесообразности действий сотрудников полиции в конкретных обстоятельствах, а также свидетельствуют о беспрестанной поддержке силовых структур со стороны правительства РФ.

В контексте, представленном в статье «Полиция законно применяла спецсредства и самбо на акциях в Москве» [РГ, 10.03.2021], компонент «законность» эксплицируется в заголовке с помощью наречия *законно*, а также в аргументе начальника ГУ МВД России по Москве О. А. Баранова, направленном на убеждение аудитории в мотивированности и обоснованности действий полиции, которая *«действовала в соответствии с действующим законодательством о полиции»*,

применяя «указанные меры к правонарушителям и лицам, совершавшим преступления на несанкционированных акциях». Так, в контексте адресант выстраивает доверительные отношения с аудиторией за счет упоминания, а не утаивания информации по факту применения правоохранительными органами физической силы и специальных средств в ходе обеспечения общественного порядка во время проведения несанкционированного публичного мероприятия. Положительный оценочный смысл в рассматриваемом контексте реализуется с помощью клишированной фразы¹⁸ в соответствии с действующим законодательством и причастия *разрешено* (*Сотрудниками полиции применялись физическая сила, приемы самбо, а также специальные средства, которые разрешено использовать в случае необходимости пресечения как правонарушений, так и преступлений*), способствующих моделированию мелиоративного образа полицейских, выступающих в качестве защитников государства и населения от противоправных посягательств (*государственно-политические и гражданско-правовые ценности*). Перифраз *стражи порядка* способствует объективации сотрудников полиции в качестве лиц, строго следящих за соблюдением закона и порядка в обществе.

Среди многочисленных медиатекстов, моделирующих исключительно положительный образ полиции, нами была найдена серия статей, опубликованных в обеих рассматриваемых проправительственных газетах, посвященных одному событию – задержанию школьницы, переходившей дорогу на красный свет светофора, и репрезентирующих сотрудников полиции как лиц, превышающих свои должностные полномочия. Однако следует отметить различный подход этих двух изданий к освещаемой проблеме.

Так, в «Российской газете» данному событию уделяется мало внимания – в небольшой заметке «В Петербурге на полицейских завели дело за жесткое задержание школьницы» [РГ, 19.11.2021] нейтральным тоном сообщается информация о том, что

¹⁸ Общей чертой для проправительственных и оппозиционных медиатекстов является высокая степень клишированности. Речевое клише – это стандартный, устойчивый оборот речи, частая воспроизводимость которого обусловлена либо экстралингвистическими факторами, либо литературным / речевым жанром [Лагута 1999]. На наш взгляд, клишированность в публицистических текстах может свидетельствовать о реализации тактики дистанцирования.

«Следственный комитет Санкт-Петербурга возбудил уголовное дело о превышении должностных полномочий в связи с задержанием 14-летней девочки в Калининском районе». Экспликация компонента «произвол» в действиях сотрудников полиции происходит в аргументе: ... по предварительным данным, полицейские без оснований применили силу к школьнице, посадили ее в машину и увезли в отдел. При этом законного представителя школьницы - например, родителей - рядом не было (абсолютные и гражданско-правовые ценности) посредством словосочетания без оснований и конструкции законного представителя ... не было. Одновременно с компонентом «произвол» в данном контексте адресантом эксплицируется также компонент «законность»: Как сообщили в СК по Северной столице, действиям сотрудников полиции будет дана юридическая оценка. Сейчас устанавливаются все обстоятельства случившегося. Ход расследования поставлен на контроль прокуратурой Петербурга. Так, юридический термин юридическая оценка и профессиональная лексика устанавливаются все обстоятельства случившегося, ход расследования способствуют убеждению аудитории в беспристрастности органов, осуществляющих полномочия в сфере уголовного судопроизводства, которые в результате проверки обстоятельств инцидента вынесут вердикт и привлекут виновных к ответственности.

Примером вербализации одновременно трех компонентов («произвол», «жестокость» и «законность») является статья под заголовком «Изверги в форме довели девочку до истерики и избили» [Газета.Ru, 19.11.2021]. Уже в заголовке вербализация компонента «жестокость» реализуется с помощью метафоры *изверги в форме*, способствующей актуализации метафорической модели «ПОЛИЦИЯ – это ЗЛО», которая позволяет сконструировать пейоративный образ полиции, чьи сотрудники действуют жестоко, грубо, незаконно, беспринципно в отношении ребенка, которого они «довели до истерики и избили» (*абсолютные ценности*). Экспликация компонента «произвол» в контексте происходит с помощью речевого клише *дело о превышении должностных полномочий*, разговорных выражений *скручивать руки и заталкивать в автомобиль*, наречия *насильно*. Фраза *двое мужчин в форме*, но без каких-либо опознавательных знаков аргументирует наличие

должностного нарушения по ношению форменной одежды и знаков различия (**профессиональные ценности**). Конструирование образа полиции, готовой идти на должностной подлог, происходит в контексте на фоне выявления противоречия между заявлением сотрудников, что «задержанная была доставлена в отдел за «грубое нарушение ПДД», которое «могло привести к аварии», но «она (девочка) отказалась сообщать правоохранителям свои данные и ехать в отделение, оказав тем самым сопротивление», и данными видеосъемки, опровергающими эти показания: ... подростки передвигались по дублеру (карману) проспекта, на узкой улице не были установлены светофоры. <...> по асфальтовой дорожке люди идут к остановке, к проезжей части — и там нет пешеходного перехода (**гражданско-правовые ценности**). Эпитеты жесткое задержание, неравнодушные обычные люди / граждане, шоковое состояние и отрицательно-маркированные наречия грубо и насильно в аргументе «Они внятером пытались затолкать ее в полицейскую машину и только благодаря неравнодушным обычным людям, которые отогнали извергов в форме, всю эту историю удалось стормозить до приезда отца девочки. Они довели девочку до истерики, нанесли ей побои, что ребенок не может пошевелить руками ...» способствуют усилению речевой интенции убеждения аудитории в жестокости, самоуправстве и безжалостности представителей закона. Однако нельзя не отметить, что в данном контексте, также как и в предыдущем примере, имеет место имплицитная вербализация компонента «законность», которая актуализируется с помощью информации о возбуждении следственным комитетом «уголовного дела о превышении должностных полномочий в отношении полицейских», расследование которого «находится на особом контроле ГСУ СК России по Санкт-Петербургу». Юридическая терминология (уголовное дело; юридическая оценка; административный протокол; санкции в виде штрафа), профессиональная лексика (вменять; доследственная проверка; наносить побои; снятие побоев; профилактическая беседа; наряд) и ссылка на Уголовный Кодекс РФ (ч.1 ст.286 УК РФ) способствуют объективации ценностного компонента «законность» образа правоохранных органов, которые борются с различными проявлениями

непрофессионального поведения в своих рядах и пресекают попытки превышения служебных полномочий.

Итак, построение медийной модели образа полиции России в проправительственном газетном дискурсе основывается на убеждении реципиента в наличии / отсутствии у сотрудников полиции юридической компетентности, заключающейся в знании действующего законодательства, а также в соблюдении / несоблюдении конституционных прав граждан, в частности в процессе привлечения их к уголовной и административной ответственности, а также в ходе расследования и судебного рассмотрения дел.

В ходе интерпретации лингвистических средств, актуализирующих компонент «законность / произвол» образа правоохранительных органов, мы пришли к выводу, что, несмотря на редакционную политику по поддержанию действующей государственной власти и конструированию исключительного мелиоративного образа ее институтов и представителей (86% – 93 контекста), российские проправительственные издания также освещают события и явления действительности, способствующие моделированию пейоративного образа полиции, чьи сотрудники демонстрируют юридическую некомпетентность и превышают свои служебные полномочия (14% – 15 контекстов).

Ценностный компонент «законность» эксплицируется в контекстах с помощью лексем и словосочетаний с положительной и нейтральной оценочной семантикой, которые не позволяют выделить дополнительные номинанты образа, а лишь аргументируют *правомерность / легитимность* (59%) и *целесообразность / мотивированность* (18%) применения полицейскими мер, направленных на обеспечение общественного порядка, а также *юридическую компетентность* (23%) полицейских. Экспликация и импликация компонента «произвол» в контекстах способствуют объективации таких вспомогательных номинантов, как «*беззаконие*» (51%), «*насилие*» (49%).

Суммируя вышеизложенное, приведем статистику частотности употребления средств выразительности, представляющих ядро дискурсивной лексики и

реализующих авторскую интенцию моделирования образа правоохранительных органов в рамках актуализации ценностного компонента «законность / произвол».

	Экспликация			Импликация		
Компонент		Количество примеров в контексте			Количество примеров в контексте	
Законность	Лексемы со значением <i>правомерность / легитимность</i>	- законно	24	лексико-семантические средства	- юридическая терминология	29
		- иметь право	13		- профессиональная лексика	12
	- разрешено	9				
	Лексемы со значением <i>целесообразность / мотивированность</i>	- оправданный	8	лексико-стилистические средства	- метафоры	8
		- обоснованно	6		- эпитеты	6
- окказионализмы		2				
Лексемы со значением <i>юридическая компетентность</i>	- в соответствии с действующим законодательством	17	лексико-синтаксические средства	- антитеза	7	
			лексико-прагматические средства	- ссылки на авторитетных лиц и официальные источники	14	
- ссылки на действующее законодательство		13				
	Итого: 77			Итого: 91		
Произвол	Лексемы со значением <i>беззаконие</i>	- без оснований	6	лексико-семантические средства	- профессиональная лексика	12
		- в отсутствии достаточных оснований	5		- разговорная лексика	3
		- при отсутствии законного представителя	2			
	Лексемы со значением <i>насилие</i>	- грубо	5	лексико-стилистические средства	- эпитеты	7
- насильно		4	- метафоры		2	
- необоснованное применение физической силы		3				
Итого: 25				лексико-прагматические средства	ссылки на действующее законодательство	5
				Итого: 29		

Таблица 2. Сводная таблица вербализации компонента «законность / произвол» образа полиции в российских проправительственных контекстах

Оценочная аргументация, направленная на актуализацию компонента «законность», позволяет репрезентировать полицию в качестве органа, стоящего на страже гражданско-правовых (50%), абсолютных (30%) и государственно-политических ценностей (20%) и приравнять его к общественной (45%), личностной (35%) и государственной ценности (20%). Объективация компонента «произвол» посредством дополнительных номинантов направлена на

конструирование отрицательного образа полиции, которая рассматривается как орган, зачастую не соблюдающий права граждан на свободу и личную неприкосновенность и пренебрегающий гражданско-правовыми (56%), абсолютными (39%) и профессиональными (5%) ценностями, что позволяет рассматривать полицию в качестве личностной (68%) и общественной (32%) антиценности.

2.1.3. Компонент «гуманность / жестокость» в российских проправительственных газетах

Согласно статье 20 Федерального закона «О полиции» сотрудники полиции имеют право «применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, если несиловые способы не обеспечивают выполнения возложенных на полицию обязанностей для: 1) пресечения преступлений и административных правонарушений; 2) доставления в служебное помещение ... лиц, совершивших преступления и административные правонарушения, и задержания этих лиц; 3) преодоления противодействия законным требованиям сотрудника полиции» [ФЗ «О полиции»: [http](http://)].

Однако применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, а также насильственные меры принуждения и подчинения законным требованиям сотрудников полиции зачастую расцениваются населением как виктимизация со стороны правоохранительных органов и транслируется в СМИ как жестокое обращение с гражданами.

За обозначенный период методом сплошной выборки нами были отобраны 136 медиатекстов («Российская газета» – 49 статей, «Газета.Ru» – 87 статей), освещающих различные аспекты деятельности полиции и содержащих примеры вербализации ценностного компонента «гуманность / жестокость». К основной тематике в анализируемых изданиях можно отнести статьи, заметки, интервью и репортажи, репрезентирующие деятельность российской полиции по следующим направлениям: 1) обеспечение правопорядка в общественных местах во время проведения публичных, массовых и спортивных мероприятий; 2) предупреждение,

пресечение, раскрытие и расследование незаконной деятельности и преступных посягательств на жизнь и здоровье, а также имущество граждан; 3) контроль за соблюдением гражданами масочного режима, карантинных мер и режима самоизоляции; 4) предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование иных уголовных преступлений и административных правонарушений; 5) обеспечение безопасности дорожного движения; 6) предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. Кроме того, в обозначенных медиатекстах также освещаются вопросы превышения должностных полномочий сотрудниками полиции.

Рассмотрим наиболее яркие примеры актуализации компонента «гуманность / жестокость» в медиатекстах, освещающих деятельность полиции по обеспечению общественной безопасности на массовых и публичных мероприятиях, в частности во время проведения несанкционированных митингов в поддержку А. А. Навального.

Контекст, взятый из статьи под заголовком «Действия полиции позволили избежать серьезных ЧП на незаконных акциях» [РГ, 31.01.2021], был рассмотрен ранее в параграфе 2.1.1. с позиции вербализации компонента «профессионализм», однако, его многоаспектность и оценочный потенциал, способствующий актуализации одновременно нескольких ценностных компонентов, позволяют нам рассмотреть данный источник с позиции экспликации компонента «гуманность», которая реализуется в аргументах *«На кадрах съемки отчетливо видно, что никакого физического воздействия к ней не применялось»* и *«... Пострадавшая вела себя агрессивно: громко ругалась и выкрикивала оскорбления, размахивала руками, однако полицейские не реагировали на ее провокации. Тогда женщина демонстративно легла на землю ...»*. Речевая интенция убеждения адресата в том, что полицейские действуют взвешенно и не применяют физическую силу безосновательно, в рассматриваемых аргументах достигается с помощью наречий *отчетливо, агрессивно, громко, демонстративно*, глаголов в отрицательной форме *не применять, не реагировать* и усиливаются в аргументе *«... Решив, что женщине стало плохо, полицейские вызвали бригаду медиков»*. Так, на фоне отрицательного контекста

осуществляется репрезентация представителей правопорядка в качестве лиц, способных действовать целесообразно в каждой конкретной ситуации, проявляющих даже к правонарушителям и провокатором человечность и сострадание, а также строго соблюдающих *абсолютные ценности*.

В новостной заметке «В СЖР напомнили об ответственности за нападения на журналистов» [Газета.Ru, 03.02.2021] компонент «жестокость» эксплицируется в аргументе главы Союза журналистов России В.Г. Соловьева, заявляющем о недопустимом поведении сотрудника полиции, который действовал безжалостно и *«ударил дубинкой представителя СМИ»*, пренебрегая тем самым *абсолютными* и *профессиональными ценностями*. Речевое воздействие на адресата в контексте достигается с помощью наречия *абсолютно* и юридического термина *ответственность за нападение*. Однако в предложении *«Он рассказал, что в СЖР поступило видео, на котором запечатлено, как сотрудник полиции бьет дубинкой человека в оранжевом жилете, возможно журналиста»* адресантом употребляется лексема *возможно*, которая может свидетельствовать о неуверенности говорящего в предоставленной информации, так как нет оснований полагать, что сотрудник полиции целенаправленно применил специальное средство с целью причинения физического вреда именно представителю СМИ. Таким образом, на наш взгляд, данный аргумент можно рассматривать как частичное опровержение тезиса о неправомерном применении сотрудниками полиции специальных средств и физической силы в конкретных обстоятельствах.

В контексте, представленном в статье «Участница акций в защиту Навального заявила, что оговорила полицейских за деньги» [Газета.Ru, 23.08.2021], не конструируется конкретный образ правоохранительных органов, однако, на его примере можно проследить неаргументированную концептуализацию института полиции, чьи сотрудники сами стали жертвами клеветы. Так, в контексте опровергается положение о насильственных действиях сотрудников ОВД в отношении участницы акции в поддержку А. А. Навального М. Романовой, которая вначале *«обвиняла сотрудников правоохранительных органов в избиении за денежное вознаграждение»* и выставила *«историю с ... избиением так, как это выгодно*

*оппозиции», а позднее опровергла свои публикации «о том, что нападение организовали силовые структуры» и заявила, что ее попросили «не прямо сказать, что это сделали силовики, а вставить фразу, что мне передали привет от уголовного розыска». Интенция убеждения адресата в невинности представителей силовых структур к описываемому происшествию, реализуются за счет лексемы *выгодно* и эвфемизма *денежное вознаграждение*, под которым в конкретном контексте подразумевается регулярный характер трудовых отношений между Романовой М. и штабом Навального, признанным в 2021 г. экстремистской организацией. Аргумент *«Меня избили мои же соратники, с которыми мы вместе выходили на митинг <...> Они сказали, что я сотрудничаю с полицией, и поэтому у меня такой маленький штраф»* способствует опровержению ложных установок о бесосновательной и регулярной виктимизации населения со стороны полиции.*

Далее рассмотрим медиатексты, репрезентирующие информацию о деятельности полиции по борьбе с преступными посягательствами на жизнь и здоровье граждан, включая преступления и правонарушения в сфере здравоохранения, в том числе предупреждение распространения коронавирусной инфекции.

В контексте, представленном в медиатексте «Екатеринбуржцы устроили митинг против введения QR-кодов» [Газета.Ру, 13.11.2021], вербализация компонента «гуманность» образа полиции осуществляется в эксплицитной форме посредством оценочного наречия *мирно* и словосочетания *без задержаний*, несмотря на большое количество людей, вышедших на митинг (*более 200 человек*), *«которые держали в руках плакаты и транспаранты с лозунгами «QR-коды — инструмент принуждения к вакцинации», «Люди — не товар!», «Мы против сегрегации»*. Таким образом, в рассматриваемом нейтральном контексте, адресантом моделируется образ правоохранительных органов, соблюдающих права граждан на свободу слова и собраний (*гражданско-правовые ценности*), а также акцентируется внимание читателей на сдержанности и терпимости сотрудников полиции.

Аргументацию законности и обоснованности применения сотрудниками полиции физической силы в отношении троих подозреваемых, которые *«зверски*

избили пассажира в московском метро» можно наблюдать в контексте, представленном в медиатексте «Суд может "закрыть" задержанных за избиение мужчины в метро на десятилетие» [РГ, 07.10.2021]. Жаргонизм *закрыть* в заголовке, разговорное слово *физиономия* и глагольное словосочетание *уложить на пол*, употребленные далее в контексте, создают эмфазу и выступают средством реализации тактики установления доверительных отношений с аудиторией. В контексте с помощью конвергенции различных лингвистических средств адресантом выстраивается аргументативная база, направленная на создание мелиоративного образа сотрудников правоохранительных органов, действующих тактически грамотно, целесообразно ситуации и выполняющих свои профессиональные обязанности по защите *абсолютных* и *гражданско-правовых ценностей*. С целью обоснования необходимости применения силовых мер по отношению к гражданам, нарушающим общественный порядок и угрожающим безопасности пассажиров метро, адресантом посредством противопоставления злоумышленников мирным гражданам и сотрудникам полиции с помощью пейоративной лексики *отморозки*, *негодяи*, *трусы*, *подонки*, употребленной в антонимичном значении лексемы *герои* и наречий с отрицательной семантикой *зверски* и *жестoko* реализуется семантическая категория «свой-чужой», где мирные граждане занимают позицию свой, а злоумышленникам отводится позиция «чужой», соответственно, правоохранительные органы, ведущие борьбу с «чужими», автоматически причисляются к «своим». Аргумент «... *они оказали вооруженное сопротивление сотрудникам полиции - один из них бросился на патрульного с ножом, другой пытался применить перцовый баллончик*» свидетельствует о высоком уровне опасности, исходящей от нападавших. Аргумент «*На кадрах камер видеонаблюдения запечатлено, как его (пострадавшего Р. Ковалева) борцовским приемом валят на пол вагона и профессионально наносят удары ногами в лицо и голову. Бьют со всей силы, пол вокруг забрызган кровью. Любой из таких ударов мог бы оказаться смертельным, попади он в висок или, скажем, в основание черепа. <...> негодяи метили именно в эти, самые уязвимые, места. Можно считать, что Роман лишь чудом остался жив. В вагоне в основном были женщины, которым тоже угрожали расправой, если те вмешаются*» служит

средством реализации интенции убеждения реципиента в рациональности и мотивированности применения силовых методов противодействия правонарушителям. Эпитеты "полицейский беспредел" и добрый дядя, который *«стал заступаться»* за хулиганов, свидетельствуют о предвзятом и стереотипном отношении граждан к полиции и их деятельности, готовых, не разобравшись в происходящем, сразу осудить действия сотрудников. Кроме того, заинтересованность правоохранительных органов в отстаивании интересов и прав граждан, а также в привлечении обвиняемых к ответственности за содеянное обосновывается за счет ссылки на мнение председателя СК России А. И. Бастрыкина, потребовавшего ужесточить статью, *«инкриминируемую нападавшим, с хулиганства на покушение на убийство - часть 3 статьи 30, часть 2 статьи 105 УК РФ»*.

В продолжение темы, рассмотренной выше, нами был обнаружен нейтральный медиатекст под заголовком «Участников жестокой драки в московском метро отправили в карцер СИЗО» [РГ, 08.10.2021], контекст которого можно рассматривать в качестве примера экспликации ценностного компонента «гуманность». Так, аргумент *«Жалоб на условия содержания под стражей ни у кого из них нет (Г. Залибекова, М. Ханмагомедова и И. Мусалаева)»* направлен на обоснование положения о цивилизованном обращении сотрудников полиции с задержанными, а также о соблюдении прав заключенных под стражей и их условий содержания (*гражданско-правовые ценности*).

Контекст, представленный в новостной статье «Задушил мать, сжег дом, пытался убить подругу. Что известно о стрельбе в Подмоскowie» [Газета.Ру, 21.11.2021], может выступать примером моделирования мелиоративного образа полиции, стоящей на страже *абсолютных ценностей*. Глаголы и глагольное словосочетание с деструктивной семантикой *задушить, сжечь, пытаться убить*, употребленные в заголовке, иллюстрируют крайнюю степень опасности, исходящую от В. Шарикова, в отношении которого сотрудниками полиции был открыт огонь на поражение. В контексте выстраивается аргументация, направленная на обоснование правомерности и мотивированности тактических действий стражей порядка. Противопоставление *«злоумышленника», «скандалиста»* и *«будущего убийцу»*

невинным жертвам и полицейским, отстаивающим права и интересы граждан и обеспечивающим их безопасность, способствует реализации семантической категории «свой-чужой», где полиция и мирные граждане относятся адресантом к категории «свой», а преступник – к категории «чужой». Экспликация компонента «гуманность» образа правоохранительных органов происходит в контексте посредством демонстрации антисоциального поведения злоумышленника и попыток полицейских урегулировать ситуацию без применения огнестрельного оружия (*«преследовали мужчину, открывшего огонь из ружья посреди улицы», «начал стрелять в силовиков и пытался скрыться от них на автомобиле», «стрелял в полицейских даже после требования прекратить огонь»*) и подкрепляется информацией о том, что сотрудники нейтрализовали правонарушителя только после *«предупредительных выстрелов» «в соответствии с действующим законодательством»*. Эпитет *трагические события*, употребленный в контексте, усиливает речевую интенцию убеждения в законности и целесообразности действий полиции и Росгвардии, а разговорные слова *силовики, росгвардейцы, правоохранители, пальба* способствуют реализации тактики установления доверительных отношений с аудиторией.

Итак, актуализация ценностного компонента «гуманность / жестокость» в российском проправительственном газетном дискурсе происходит преимущественно в отрицательных контекстах, а конструирование ценностной модели образа полиции России базируется на обосновании мотивированности и целесообразности применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками ОВД, а также законности применения насильственных мер принуждения со стороны представителей власти.

В рассматриваемых контекстах конструируется как мелиоративный, так и пейоративный образ института полиции посредством экспликации и/или импликации ценностных компонентов «гуманность» (104 контекста – 77%) и «жестокость» (26 контекстов – 19%). Кроме того, нами были обнаружены примеры неаргументированной концептуализации социального института полиции с помощью актуализации в контекстах субъективно-оценочных ассоциаций адресанта и

обобщенно-образного представления о полиции, а также апелляции к стереотипам и ложным установкам, укорененным в сознании читательской аудитории (6 контекстов – 4%).

Конструирование положительного образа стражей порядка осуществляется посредством актуализации ценностного компонента «гуманность», эксплицированного в аргументах за счет прямых номинаций, которые в совокупности с имплицитными приемами вербализации компонента позволяют объективировать такие дополнительные номинанты образа, как **«цивилизованность»** (60%), **«правомерность»** (34%) и **«этичность»** (6%). Моделирование отрицательного образа полиции России и актуализация компонента «жестокость» осуществляется за счет лексем и словосочетаний с отрицательной семантикой и коннотацией, а также разнообразных лингвистических средств в имплицитной форме, которые в сумме способствуют выделению таких вспомогательных номинантов образа, как **«безжалостность / бесчеловечность»** (64%) и **«дикость»** (36%).

Приведем статистику частотности употребления средств выразительности, способствующих актуализации компонента «гуманность / жестокость» образа правоохранительных органов России.

Компоненты	Экспликация			Импликация		
		Количество примеров в контексте			Количество примеров в контексте	
Гуманность	Лексемы со значением <i>цивилизованность</i>	- физического воздействия не применялось	14	лексико-семантические средства	- разговорная лексика	20
		- без задержаний	10		- юридическая терминология	17
		- предупредительные выстрелы	4		- пейоративная лексика	8
					- жаргонная лексика	5
	Лексемы со значением <i>правомерность</i>	- в соответствии с действующим законодательством	16	лексико-стилистические средства	- эпитеты	12
	Лексемы со значением <i>этичность</i>	- жалоб на условия содержания под стражей нет	5	лексико-синтаксические средства	- ирония	3
				лексико-прагматические средства	- антитеза	6
					- ссылки на авторитетных лиц и официальные источники	4
					- ссылки на действующее законодательство	3
	Итого: 49			Итого: 78		

Жестокость	Лексемы со значением <i>безжалостность/ бесчеловечность</i>	- бить, избивать	4	лексико-семантические средства	- разговорная лексика	13
		- наносить удары, ударить дубинкой	2		- юридическая терминология	9
		- пнуть ногой	1		- жаргонная лексика	4
		- заломать	1			
		- скрутить	1			
	Лексемы со значением <i>дикость</i>	- дико, дикость	3	лексико-синтаксические средства	- эмотивные конструкции	2
- жестко	2					
Итого: 14				Итого: 28		

Таблица 3. Сводная таблица вербализации компонента «гуманность / жестокость» образа полиции в российских проправительственных контекстах

Номинанты образа полиции с положительной оценкой дают основание для репрезентации правоохранительных органов в качестве блюстителей гражданско-правовых (55%) и абсолютных ценностей (45%), что позволяет рассматривать институт полиции в качестве общественной (49%), личностной (44%) и государственной (7%) ценности соответственно. Номинанты, выделенные в рамках компонента «жестокость», свидетельствуют о том, что сотрудники полиции при выполнении своего профессионального долга игнорируют абсолютные (57%), гражданско-правовые (29%) и профессиональные (14%) ценности, что приравнивает полицию к личностной (69%), общественной (24%) и государственной (7%) антиценности.

2.2. Вербализация ценностных компонентов образа полиции России в оппозиционном газетном дискурсе

2.2.1. Компонент «профессионализм / непрофессионализм» в российских оппозиционных газетах

Методом сплошной выборки за указанный период нами было отобрано 217 медиатекстов, посвященных деятельности полиции и представленных в таких оппозиционных изданиях, как «Новая Газета» (111) и «Коммерсант» (106). Все контексты, рассмотренные в обозначенных медиатекстах, содержат оценочную аргументацию, способствующую актуализации ценностного компонента «профессионализм / непрофессионализм» образа российской полиции. Основной

тематикой стали медиатексты о деятельности правоохранительных органов, направленной на: 1) охрану общественного порядка во время проведения массовых, публичных и спортивных мероприятий; 2) предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений против личности, включая преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства, конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также против собственности; 3) предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование экологических преступлений; 4) предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений против несовершеннолетних; 5) обеспечение безопасности дорожного движения. Кроме того, достаточное количество публикаций посвящено вопросам условий содержания под стражей и превышения должностных полномочий сотрудниками полиции.

Как и в проправительственных печатных изданиях, в оппозиционных газетах самый большой блок статей посвящен деятельности силовых структур в период проведения несанкционированных митингов в поддержку главного оппозиционера государственной власти А. А. Навального. Рассмотрим примеры, способствующие вербализации ценностного компонента «профессионализм / непрофессионализм» в положительных, отрицательных и нейтральных контекстах.

В нейтральном контексте, представленном в новостной заметке «В Краснодаре акция в поддержку Алексея Навального прошла практически без задержаний» [Коммерсант, 23.01.2021], компонент «профессионализм» образа полиции имплицитно создается с помощью антитезы с противительным союзом *однако* в аргументе «... в автомобилях с ОМОНОм какие-то люди кидали снежки, однако сотрудники полиции не реагировали на провокации», способствующей конструированию образа полицейских, руководствующихся здравым смыслом и обладающих одним из ключевых профессиональных качеств – стрессоустойчивостью. Придаточное изъяснительное предложение с подчинительным союзом *чтобы* (*При этом сотрудники ГАИ перекрывали параллельные улицы для проезда автомобилей, чтобы они не мешали идти колонне людей*) способствует репрезентации представителей правопорядка в качестве лиц, оказывающих содействие лицам, желающим выразить свою гражданскую позицию (*государственно-политические ценности*). Интенция

убеждения аудитории в компетентности и легитимности сотрудников полиции, чья деятельность строго регламентируется административным законодательством, в частности Ст. 20.21 КоАП РФ (Появление в общественных местах в состоянии опьянения), а также обеспечивающих охрану общественного порядка и безопасность мирных граждан, усиливается за счет прилагательного со значением степени *сильное опьянение*, которое способствует эффективному снижению образа задержанных и протестного движения в целом (*За все время были задержаны два человека в состоянии сильного опьянения*).

В нейтральном контексте, взятом из медиатекста «В Анапе в акции протеста в поддержку Навального участвовали несколько сотен человек» [Коммерсант, 23.01.2021], компонент «профессионализм» образа полиции эксплицируется в аргументе *«Издания отмечают, что сотрудники полиции вели себя корректно по отношению к протестующим, тем не менее в ходе мероприятия были задержаны два человека»* с помощью оценочного наречия *корректно*. Антитеза, выраженная частицей *и* союзом *тем не менее*, направлена на репрезентацию правоохранительных органов, соблюдающих права и свободы граждан на свободу слова (*гражданско-правовые ценности*) и одновременно стоящих на страже закона (*государственно-правовых ценностей*).

Медиатекст «Появились «тихари. Особенности протеста в Саратове: полицейская фонограмма, люди в штатском и провокаторы» [НГ, 31.01.2021] представляет интерес для исследования образа полиции, в первую очередь тем, что он содержит в себе комбинацию различных функциональных стилей: основное содержание статьи выстраивается в художественном стиле, а постскрипtum написан в публицистическом стиле. Таким образом, моделирование пейоративного образа полиции осуществляется посредством сочетания в контексте нескольких функций – воздействия, убеждения, эстетической и функций сообщения. В заголовке можно выделить такой прием, как зевгма (*Полицейская фонограмма, люди в штатском и провокаторы*), основной функцией которой является создание комического эффекта за счет нарушения смысловой однородности слов в сочинительной цепочке. В самом начале адресант развлекает аудиторию и подготавливает читателей к абсурдности

происходящего. Однако далее в контексте мы можем наблюдать реализацию такого приема, как эффект обманутого ожидания. Так, в начале статьи, построенной в форме рассказа, адресант конструирует в целом положительный образ правоохранительных органов, использующих средства индивидуальной защиты (*... подносит (полицейский) к медицинской маске мегафон*), предупреждающих об административной и уголовной ответственности за участие в «несогласованных публичных мероприятиях» и призывающих «разойтись». Отсутствие ОМОНа и других подразделений свидетельствует о мирном настрое силовых структур по отношению к митингующим. Однако в данном положительном контексте имплицитно выстраивается отрицательный образ полиции за счет иронии, направленной на конструирование карикатурного образа полиции посредством перифразы *человек с погонами майора и товарищи в штатском*. Положительно-маркированный эпитет *хорошо поставленный* голос и метафора *левитановский баритон* контрастируют в контексте с отрицательно-маркированным кратким прилагательным *невыносим*. В постскриптуме моделируется образ безнравственной, беспринципной и даже подлой полиции, которая «начала задержания по окончании акции», а «участников забирали с улиц по пути домой, из кафе, с остановок общественного транспорта». Компоненты «непрофессионализм» и «произвол» актуализируется также в аргументе «Примечательно, что во многих случаях задержание производили сотрудники в гражданской одежде», направленном на апелляцию к эмоциям адресата с целью формирования их предвзятого отношения к законности и эффективности методов, применяемых правоохранительными органами, где наречие *примечательно* и профессионализм *гражданская одежда* способствуют усилению речевого воздействия.

Второй по объему блок новостных статей, репрезентирующих деятельность полиции России, представлен медиатекстами, освещающими деятельность полиции по предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений и правонарушений против жизни и здоровья граждан.

На примере контекста, представленного в статье «Перевозчики Татарстана не хотят проверять QR-коды у пассажиров» [Коммерсант, 07.11.2021], можно

проследить экспликацию компонента «профессионализм» образа полиции, который реализуется благодаря наречию *грамотно* в аргументе председателя Ассоциации транспортных предприятий республики Татарстан С. Темлякова: *Они (полицейские) наделены всеми полномочиями и проверяют документы и выписывают штрафы. Самое главное, если будут конфликтные ситуации, а они скорее всего будут и не исключено что с кулаками, сотрудники полиции смогут грамотно ситуацию разрешить.* Интенция убеждения адресата в результативности действий правоохранительных органов, достигается в контексте с помощью вводной конструкции *самое главное* и метонимического переноса *с кулаками*, а образ эффективной и компетентной полиции в контексте моделируется за счет противопоставления «*хрупкой девушке кондуктора*» сотрудникам полиции, которые в случае экстренной ситуации способны профессионально урегулировать конфликт.

Медиатекст «Противники вакцинации воззвали к «светлым силам космоса» [Коммерсант, 21.11.2021] содержит в себе контекст, позволяющий проследить имплицитную вербализацию компонента «профессионализм». Аллитерация *светлые силы космоса* в заголовке, а также в самом контексте (*У собравшихся была возможность подписать обращение к органам государственной власти за отмену QR-кодов и ознакомиться с другим обращением — «к Светлым Силам Космоса»*) способствует комической оценке происходящего и созданию впечатления о неадекватном поведении митингующих. Реализация семантической категории «свой-чужой» в контексте осуществляется с помощью противопоставления правоохранительных органов, профессионально выполняющих свои должностные обязанности по охране общественного порядка и стоящих на страже *государственно-политических ценностей* в виде федерального проекта закона о введении QR-кодов (*наблюдали за порядком на мероприятии; составили административные протоколы о нарушении порядка проведения массовых акций; задержали нескольких граждан, включая первого секретаря обкома КПРФ Валерия Ижицкого и председателя общественной организации «Ассоциации предпринимателей малого и среднего бизнеса Иркутской области» Михаила Ожиганова*, что свидетельствует о соблюдении одного из самых главных принципов Конституции – равенства всех

граждан перед законом), агрессивно настроенным участникам акции против введения QR-кодов, которые даже *«в момент задержания <...> попытались перевернуть автомобиль полиции»*. Интенция убеждения аудитории в квалифицированности правоохранительных органов в рассматриваемом контексте достигается преимущественно благодаря профессиональной терминологии *задержание, составление административного протокола, нарушение порядка проведения массовых акций*.

На страницах оппозиционной прессы также много места отводится вопросам превышения должностных полномочий сотрудниками полиции. Так, контекст, представленный в новостной заметке «Иркутские полицейские пытались разбудить пассажира такси электрошокером, после чего он умер» [Коммерсант, 28.02.2020], можно рассматривать как пример вербализации компонента «непрофессионализм», который эксплицируется в аргументе начальника межмуниципального управления МВД России «Иркутское» О. Савина с помощью инверсивной конструкции *«Имеют место быть факты ошибок и непрофессионализма»*. Однако данный контекст нельзя полностью рассматривать в качестве моделирования исключительно пейоративного образа социального института полиции, так как, во-первых, сама правоохранительная система признает наличие некомпетентности своих отдельных сотрудников и, во-вторых, предпринимает все необходимые меры по устранению подобных инцидентов (*полицейские уволены; двоим бывшим сотрудникам ППС предъявлено обвинение; оба подозреваемых арестованы*). Так, на фоне отрицательного контекста, конструирующего образ непрофессиональных и жестоких полицейских, адресантом одновременно приводится контраргумент в пользу беспристрастности правоохранительных органов, стоящих на страже **гражданско-правовых и абсолютных ценностей**, посредством юридической терминологии (*превышение должностных полномочий; применение специальных средств; причинение тяжких последствий*), профессиональной лексики (*предъявлено обвинение; применили в отношении; спецсредство*), а также ссылки на Уголовный Кодекс РФ (п. «б», «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ).

В контексте, взятом из статьи «Силовое и дело. СПЧ призывает уточнить регламент действий сотрудников силовых структур» [Коммерсант, 16.12.2020], аргументация направлена на вербализацию компонентов «непрофессионализм» и «произвол» как в эксплицитной, так и в имплицитной формах. В заголовке адресант прибегает к языковой игре *силовое и дело*, направленной на привлечение внимания читателей к проблеме превышения должностных полномочий сотрудниками силовых структур, реализуя тем самым аттрактивную функцию, которая усиливается в контексте за счет конвергенции различных стилистических средств. В контексте прослеживается явный конфликт между позицией государственной власти и ее оппозиций в отношении полномочий правоохранительной структуры. Позиция главы государства В. В. Путина, не усматривающего незаконных действий правоохранительных органов в деле о самоубийстве журналистки И. Славиной, противопоставляется мнению главы Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека В. А. Фадеева, руководителя Комитета против пыток И. А. Каляпина и адвоката А. А. Матасова, уверенных в том, что *«за последнее десятилетие государство расширяет полномочия силовиков»* и *«размывают полномочия сотрудников МВД»*. Вербализация компонента «непрофессионализм» образа полиции эксплицируется в аргументе В. А. Фадеева, призывающего *«разобраться, зачем они (полиция) это делают: то ли из-за непрофессионализма, то ли действительно кого-то хотят устроить»* за счет отрицательно-маркированной лексемы *непрофессионализм* и глагола с деструктивной семантикой *устрашать*. Интенция внушения адресату идеи о некомпетентности и противозаконности действий сотрудников правоохранительных органов реализуется в контексте за счет эпитетов *унизительные следственные мероприятия, недобросовестный полицейский, нужные очевидцы, нужные оперативные действия, минимальная ответственность*, наречий *легко, постоянно, невозможно*, разговорных слов *травля, силовики*, глаголов с негативной коннотацией *устрашать, размывать* и причастия *вынужден*. Юридическая терминология (*неприкосновенность жилища и личной жизни; отказные постановления; превышение полномочий*) в данном контексте, напротив, становится средством убеждения в компетентности и

юридической грамотности экспертов, выступающих за защиту *гражданско-правовых ценностей* населения, игнорируемых правоохранительными органами.

Рассмотрим медиатексты, освещающие деятельность полиции, направленную на пресечение, раскрытие и расследование преступлений против личности, нравственности, а также экологических преступлений. Так, в заголовке «Полиция встала на страже радиации» [Коммерсант, 18.03.2020] с помощью метонимии *на страже радиации* дается негативная оценка действиям правоохранительных органов, защищающих объекты, потенциально опасные для жизни и здоровья людей (*абсолютные ценности*). В контексте адресант репрезентирует полицейских антагонистами граждан, обеспокоенных состоянием экологии и возможными последствиями от радиоактивного загрязнения в Москве, вызванного строительством, за счет лексем и словосочетаний *экипированные в шлемы и бронежилеты, цепь полицейских, конфликт, полицейские в касках и бронежилетах*. Адресантом целенаправленно используется лексический повтор в словосочетаниях *экипированные в шлемы и бронежилеты* и *полицейские в касках и бронежилетах* с целью усиления противопоставления местных жителей, недоумевающих о причине возникновения *конфликта* (*Какая акция?* – риторический вопрос), мирно пытающихся разъяснить причины их поведения (*местная жительница объясняла двум полицейским, что опасается загрязненной радиацией пыли*) и полицейских, в начале проявляющих безразличие к происходящему, не идущих на контакт (*Полиция отвечала коротко: «Все вопросы через пресс-службу»; Полицейские слушали молча*) и только призывающих разойтись (*Уважаемые граждане, ваши действия незаконны! Просьба разойтись. Не мешайте проходу других граждан!*), а в конце применяющих физическую силу для подавления незаконных действий граждан (*пытались выталкивать людей*). Такое противопоставление направлено на реализацию категории «свой-чужой», где непрофессионально действующей и враждебно настроенной полиции отводится позиция «чужой». Моделирование пейоративного образа полиции, действующей стихийно, хаотично и некомпетентно, осуществляется также в аргументе депутата Мосгордумы от КПРФ П. Тарасова, урегулировавшего ситуацию звонком в управление собственной безопасности МВД, после которого

«*полиция отступила*». Таким образом, употребленные в контексте лингвистические средства позволяют имплицировать компонент «непрофессионализм» и «жестокость» образа российской полиции.

В контексте, представленном в заметке «Полиция начала проверку постов студента СПбГУ на «гей-пропаганду». Ранее его не взяли в вузовский ансамбль из-за ориентации» [НГ, 14.11.2021], репрезентируется образ правоохранительных органов, стоящих на страже *этических ценностей*. Несмотря на разговорные слова (*силовики* и *правоохранители*), зачастую употребляющиеся с целью конструирования отрицательного образа полиции, данный контекст можно рассматривать в качестве примера актуализации компонента «профессионализм», который эксплицируется за счет употребления лексем *начать проверку, уведомить, повестка*, объединенных семантикой проведения процедуры доследственной проверки, и ссылки на Кодекс РФ об административных правонарушениях (*ст. 6.21 КоАП*).

Новостная статья под заголовком «В Пензе задержали трех работников псевдомедцентра, подозреваемых в похищении и незаконном лишении свободы 37 человек» [НГ, 23.11.2021] содержит контекст, в котором конструируется образ полиции, стоящей на страже *гражданско-правовых, абсолютных и этических ценностей*. Адресантом в логически выстроенных аргументах вербализуется компонент «профессионализм» посредством ссылки на авторитетный источник информации (*пресс-служба УМВД России по Пензенской области*), ссылки на Уголовный Кодекс РФ (*ст. 126 УК («Похищение человека»); ст. 127 УК («Незаконное лишение свободы»); п. «а» ч. 2 ст. 127 и п. «а», «з» ч. 2 ст. 126 УК*), юридической терминологии (*похищение и незаконное лишение свободы; противоправные деяния; похищение людей; по предварительному сговору*) и профессиональной лексики (*задержать; подозреваемый; злоумышленник; соучастник; моральное и психологическое давление*).

В приведенном ниже фрагменте, взятом из статьи «Полиция Приморья возбудила уголовное дело по факту убийства краснокнижного амурского тигра» [НГ, 28.11.2021], можно проследить актуализацию компонента «профессионализм», направленного на создание образа компетентной и беспристрастной системы ОВД,

защищающей не только **натуральные ценности**, но также следящей за соблюдением исполнения законов всеми членами общества, включая самих представителей ведомства и чиновников (**государственно-политические** и **гражданско-правовые ценности**). Импликация компонента «профессионализм» осуществляется в контексте посредством юридических терминов *наказание по статье предусматривает, лишение свободы штраф в размере*, а также ссылки на Уголовный Кодекс РФ (ч. 1 ст. 258.1 УК; ч. 1, ст. 258 УК). Эпитеты особо ценное животное и краснокнижное животное служат средством усиления экспрессивной составляющей речевого акта, направленного на выражение авторского отношения к проблеме незаконного уничтожения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных. Конструирование мелиоративного образа полиции осуществляется также за счет профессиональных клише *возбудить уголовное дело, по факту незаконной охоты, по предварительным данным, огнестрельное ранение* и усиливаются с помощью упоминания, а не утаивания, имен фигурантов дела (*начальник отдела экономической безопасности и противодействия коррупции УМВД по городу Владивосток, 44-летний подполковник полиции Илья Корчевец; депутат Госдумы от КПРФ Валерий Раишкин*), что является свидетельством прозрачности системы МВД.

Таким образом, вопреки сложившемуся мнению, в оппозиционном газетном дискурсе далеко не всегда прослеживается тенденция к конструированию исключительно пейоративного образа института полиции. Так, вербализация ценностного компонента «профессионализм» образа полиции России (154 контекста – 71%) осуществляется за счет лексем с положительной оценочной семантикой, которые в совокупности с имплицитными средствами вербализации способствуют объективации таких дополнительных номинантов образа, как **«компетентность»** (82%), **«правомерность»** (11%), **«эффективность / результативность»** (7%). Вербализация компонента «непрофессионализм» (63 контекста – 29%) осуществляется с помощью прямых номинаций и разнообразных средств выразительности, которые в своем лексическом значении эксплицируют дополнительные номинанты **«беззаконие»** (66%), **«некомпетентность»** (17%), **«враждебность»** (14%), **«халатность»** (3%). Кроме того, семантическая категория

«свой-чужой» часто реализуется в контекстах с целью моделирования отрицательного образа полиции, а эффект обманутого ожидания способствует привнесению пейоративной оценки в осмысление образа стражей правопорядка.

Приведем статистику встречаемости языковых средств, актуализирующих компонент «профессионализм / непрофессионализм» образа полиции России.

	Экспликация			Импликация										
Компоненты		Количество примеров в контексте			Количество примеров в контексте									
Профессионализм	Лексемы со значением компетентность	- грамотно	21	лексико-семантические средства	- профессиональная лексика - юридическая терминология	22								
		- корректно	16			17								
		- составлять протокол	13											
		- возбудить	9											
		- начать проверку	6											
		- наблюдать за порядком	4											
Профессионализм	Лексемы со значением правомерность	- не реагировать на провокации	4	лексико-стилистические средства	- эпитеты	15								
		- уведомить	3											
		Лексемы со значением эффективность / результативность	- быть наделенным полномочиями				7	лексико-синтаксические средства	- антитеза - вводные конструкции	8 3				
			- разрешить ситуацию				3				лексико-прагматические средства	- ссылки на действующее законодательство - ссылки на авторитетных лиц и официальные источники - имена собственные	12 9 7	
Итого: 82				фонетические средства	- аллитерация	1								
				Итого: 94										
Непрофессионализм	Лексемы со значением беззаконие	- превышение должностных полномочий	18	лексико-семантические средства	- юридическая терминология - профессиональная лексика - разговорная лексика	31								
		- задержание по окончании акций	4			19								
		- проводить задержание в гражданской одежде	2				7							
		Лексемы со значением некомпетентность	- непрофессионализм					5	лексико-стилистические средства	- эпитеты - метафоры - ирония - лексический повтор - перифраз - зевгма - метонимия	15 8 5 4 2 1 1			
			- причинение тяжелых последствий					1						
Непрофессионализм	Лексемы со значением враждебность	- устрашать	2	лексико-синтаксические средства	- риторические вопросы - инверсивные конструкции	8								
		- травля	2			4								
		- выталкивать	1				4							
		Лексемы со значением недобросовестность	- недобросовестность					3	- ссылки на					

	значением <i>халатность</i>	- минимальная ответственность	1	лексико- прагматические средства	авторитетных лиц и официальные источники - ссылки на действующее законодательство	14 10
	<i>Итого: 39</i>			<i>Итого: 129</i>		

Таблица 4. Сводная таблица вербализации компонента «профессионализм / непрофессионализм» образа полиции в российских оппозиционных контекстах

В ходе обоснования квалифицированности и компетентности сотрудников полиции оценочная аргументация направлена на убеждение аудитории в том, что правоохранительные органы стоят на страже государственно-политических (33%), гражданско-правовых (28%), абсолютных (17%), этических (11%), профессиональных (6%) и натуральных (5%) ценностей, следовательно, сами могут рассматриваться в качестве государственной (39%), общественной (33%) и личностной (28%) ценности. Апелляция к гражданско-правовым (57%), абсолютными (29%) и этическими (14%) ценностями, игнорируемым полицейскими при исполнении своего служебного долга, позволяет рассматривать социальный институт полиции общественной (64%) и личностной (36%) антиценностью.

Таким образом, в российском оппозиционном газетном дискурсе, в отличие от проправительственного, ценностная модель как мелиоративного, так и пейоративного образа полиции конструируются преимущественно в имплицитной форме. Актуализация компонента «профессионализм» происходит посредством апелляции к сознанию граждан, в то время как компонент «непрофессионализм» реализуется за счет оценочной аргументации, апеллирующей чаще к эмоциям и нравственности адресата.

2.2.2. Компонент «законность / произвол» в российских оппозиционных газетах

За отмеченный период методом сплошной выборки нами было отобрано 182 медиатекста (101 статья в «Новой газете» и 81 статья в «Коммерсанте»), содержащих контексты, в которых экспликация и импликация ценностного

компонента «законность / произвол» образа российской полиции способствует конструированию как мелиоративного, так и пейоративного образа ведомства в целом и его отдельно взятых представителей. Основная тематика газетных статей представлена медиатекстами, репрезентирующими деятельность правоохранительных органов по: 1) обеспечению правопорядка в общественных местах и пресечение беспорядков на массовых и публичных мероприятиях; 2) предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию незаконной деятельности и преступных посягательств на жизнь и здоровье, имущество граждан; 3) обеспечению безопасности дорожного движения; 4) предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с жестоким обращением с животными. Вопросам, касающихся внесения поправок в действующее законодательство и принятия новых законов о расширении прав и полномочий сотрудников полиции, а также превышения их должностных полномочий, отводится много места на страницах оппозиционной прессы.

Рассмотрим примеры вербализации ценностного компонента «законность / произвол» образа правоохранительных органов в блоке статей, посвященных действиям полиции в период проведения несанкционированных митингов в поддержку А. А. Навального и привлечению к административной ответственности лиц, принявших участие в данных митингах.

В контексте, взятом из статьи «В ГУ МВД заявили, что журналистов с акций протеста в Петербурге увозили в полицию законно» [Коммерсант, 01.03.2021], адресантом нейтральным тоном сообщается информация о проверке ГУ МВД по Санкт-Петербургу и Ленобласти *«по фактам доставления в отделы полиции журналистов, которые выполняли редакционные задания на акциях в поддержку Алексея Навального в конце января»*. Компонент «законность» в заголовке эксплицируется с помощью наречия *законно* и актуализируется в контексте за счет глаголов и глагольных словосочетаний *нарушений законодательства ... допущено не было и жалоб ... не поступало*. Аргумент о том, что все действия правоохранительных органов были направлены на *«установление личностей, а также подтверждение нахождения в месте проведения несогласованного*

публичного мероприятия с целью осуществления профессиональной деятельности журналиста» свидетельствует о соблюдении сотрудниками правоохранительных органов процедурной легальности и подчеркивает законный характер их действий.

Медiateкст «Полиция не оценила дресс-код журналиста» [Коммерсант, 17.08.2021] освещает процессуальные нарушения со стороны правоохранительных органов по делу об участии журналиста Н. А. Могутина в несогласованной акции в поддержку А. А. Навального. Ирония в заголовке реализуется посредством глагола в отрицательной форме *не оценить* и англицизма *дресс-код*. Актуализация компонента «произвол» образа полиции в контексте осуществляется в аргументах обвиняемого Н.А. Могутина, его адвоката А. В. Михальчика и руководителя Центра защиты прав СМИ Г. Ю. Араповой посредством наречия *формально*, риторического вопроса *Как возможно штрафовать человека за нарушение чего-либо, не доказав сам факт нарушения этого чего-либо?*, размытой статистики *многочисленные процессуальные нарушения*, а также в аргументах *«материалы собраны с нарушением прав журналиста»*, *«не вызывали на опросы как указано в документах»*, *«не вызывали даже на заседания суда — хотя указано обратное»*, *«участие в митинге также не доказано»*, способствующих выделению таких дополнительных номинантов образа полиции, как *«формализм»* и *«беззаконие»*. Аргументация противоправности действий сотрудников полиции актуализируется, во-первых, на безосновательном задержании обвиняемого (*Его автомобиль (Н. А. Могутин) остановили и сообщили, что мужчина «проходит по ориентировке»*). По словам господина Могутин, инспектор признался, что *«сам не знает, с чем связано задержание»* и, во-вторых, на расхождении сведений, зафиксированных в рапорте сотрудников полиции (*Однако при этом аккредитация, отличительные знаки представителя СМИ на жилете (надпись «Пресса», нанесенная черным цветом на прямоугольную белую световозвращающую полосу с кантом черного цвета, размещенная на спине и спереди на груди отсутствовали; Никита Могутин «не является официальным представителем СМИ» и «под видом» такового, «игнорируя разъяснения сотрудников полиции, добровольно принял участие» в митинге)* и показаний самого обвиняемого (*Никита Могутин на опросе*

пояснил, что работал на акции по редакционному заданию <...> На записи с камер наблюдения видно, что он стоит в жилете, с пресс-картой, у него микрофон, рядом с ним оператор в таком же жилете; «На всех предоставленных полицией снимках я не держу плакатов, не кричу ничего и просто передвигаюсь по улице. Является ли мое нахождение на улице нарушением?»). Аргументация противозаконности действий правоохранительных органов и попытки сфальсифицировать доказательства осуществляется в предложениях «Господин Михальчик рассказал “Ъ”, что просил судью вызвать для допроса полицейских-авторов рапорта и свидетелей работы Никиты Могутина на акции, но в этом защите было отказано» и «Однако в отношении журналиста все равно было возбуждено административное дело» за счет антитезы с противительным союзом *но* и *однако*, а предвзятость полиции в предъявлении необоснованного обвинения объективируется в предложении «... В первый раз главред «Базы» был оштрафован за пикет в поддержку экс-корреспондента “Ъ”, советника главы Роскосмоса Ивана Сафронова, который второй год находится в СИЗО «Лефортово» по обвинению в госизмене (ст. 275 УК РФ)». Таким образом, в рассматриваемом контексте полиция репрезентируется в качестве органа, пренебрегающего **гражданско-правовыми** и **профессиональными ценностями**.

В «Новой газете» нами была найдена провокационная статья «Реестром по башке. Как выглядят репрессии в современной России» [НГ, 05.11.2021], посвященная конфликту правящей государственной власти и ее оппозиции. Нарушение стилевого регистра посредством контаминации в заголовке заимствованного из латинского языка слова *реестр* и просторечного слова *башка* создает иронический эффект, а отрицательно-маркированная лексема *репрессия* выступает эмоционально-оценочным маркером и предопределяет восприятие полиции в качестве карательного органа. Адресантом в контексте моделируется резко отрицательный образ силовых структур, игнорирующих **гражданско-правовые ценности**: 1) право на свободу слова (Активисты чаще получают административные наказания за твиты – информация о предстоящих акциях протеста в соцсетях сотрудниками полиции рассматривается как анонс и организация); 2) право на участие в собраниях (полиция

сорвала съезд муниципальных депутатов – около 200 человек были задержаны по статье КОАП 20.33 об участии в деятельности «нежелательной организации». Силовики увидели связь «Объединенных демократов», которые организовывали мероприятие, с признанной нежелательной британской Open Russia. Вторая попытка провести форум уже в Великом Новгороде тоже не состоялась. Силовики разогнали участников и арестовали четверых человек); 3) право на получение юридической помощи (Адвокаты стали чаще становиться объектом давления. <...> силовики стали чаще мешать задержанным получать юридическую помощь — полицейские объявляли план «Крепость» и не пускали в отделы адвокатов»); 4) нарушение условий содержания под стражей (В Москве и Петербурге из-за этого случился коллапс – в спецприемниках закончились места. Арестованным пришлось отбывать наказание в центре временного содержания мигрантов в Сахарово и областных спецприемниках, в Петербурге часть людей отправляли в следственные изоляторы и ближайшие города Ленинградской области). Помимо несоблюдения гражданско-правовых ценностей, в контексте аргументируется положение о нарушении полицией **абсолютных ценностей** (Адвоката Мансура Гильманова избили в отделе полиции, когда тот приехал к своему подзащитному, 22 января его арестовали на пять суток за неповиновение полицейскому). Кроме того, исходя из Ст. 8 Федерального Закона РФ «О полиции» открытость и публичность признаны основными принципами деятельности органов внутренних дел [ФЗ «О полиции»: [http](http://...)], однако, адресантом акцентируется внимание на том, что «... Под предлогом коронавируса на судебные заседания не пускают журналистов ...» и « ... МВД стало реже предоставлять журналистам и правозащитникам информацию о ходе уголовных дел, возбужденных из-за акций протеста или активистской деятельности ...», тем самым осуществляется обоснование тезиса о несоблюдении сотрудниками полиции действующего законодательства. Беззаконие со стороны правоохранительных органов и компонент «произвол» имплицитно также за счет упоминания информации о возбуждении сфабрикованных уголовных и административных дел (Если протесты все-таки состоялись, то участников арестовывают за нарушение правил проведения публичного мероприятия, часто уже

спустя несколько дней после проведения самой акции; для задержаний активистов используются статьи о распространении экстремистских материалов и публичном демонстрировании символики запрещенных организаций). Интенция убеждения читателей в незаконности действий полиции достигается в контексте посредством использования разговорной лексики сорвала, силовики, обезглавить. Лексема коллапс, употребленная в переносном значении и обозначающая в данном контексте системный кризис, служит маркером ярко выраженной отрицательной оценки, указывающей на нарушение условий содержания под стражей. Тезис о безнаказанности представителей власти обосновывается в предложении «Самые популярные составы преступлений — применение насилия к полицейскому, при этом ни один сотрудник силовых органов не был осужден за превышение полномочий во время разгона митинга». Прагматические установки, направленные на конструирование образа беспринципной (Незаметность репрессий обеспечивают утренние и ночные обыски, приходы к активистам уже после проведения протестных акций, давление на СМИ и соцсети) и беззаконной полиции, реализуются также за счет включения в текст статистических данных (фигурантами «дворцового дела» <...> стали 134 человека. Из них 15 человек уже получили сроки с реальными лишениями свободы, 19 — осуждены условно, прекращено только одно дело <...> По подсчетам ОВД-Инфо, на протестах в поддержку Алексея Навального в январе-феврале этого года было задержано около 11 тысяч человек, МВД отчитывалось же о 17 тысячах) и ссылки на Кодекс РФ об административных правонарушениях (статья 20.2 КоАП; статья 20.33 КоАП). Противопоставление изложенной информации мнению правительства страны со ссылкой на слова президента В. В. Путина (... в России «нет массовой записи в «иноагенты» и риска уголовного преследования из-за этого статуса) и пресс-секретаря президента Д. С. Пескова, критикующего «присуждение премии Сахарова Алексею Навальному, уверяя, что Европарламент «конкретно в этом эпизоде, конкретно в истории с этим осужденным, отбывающим наказание, просто не располагает достоверной информацией», свидетельствует о наличии острого и непримиримого конфликта между руководством страны и ее оппозицией.

Теперь рассмотрим статьи, вошедшие в другие менее распространенные тематические блоки. Так, в медиатексте «Протестующих слишком мало, чтобы они могли повлиять на ситуацию» [Коммерсант, 22.11.2021] представлен контекст, в котором можно проследить параллель между действиями исполнительной ветви власти и решениями, принимаемыми на законодательном уровне: *«Такая серьезная подготовка на высшем законодательном уровне и жесткое поведение правоохранительных органов и судов говорит о серьезности намерений власти ввести QR-коды для их повсеместного применения»*. Ссылка на административное законодательство (ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ) и юридический термин *инкриминировать* способствуют импликации компонента «законность» и моделированию образа профессиональной полиции, стоящей на страже *абсолютных* и *государственно-политических ценностей*. Аргумент *«В случае с QR-кодами отечественное законодательство позволяет ограничивать права населения, поскольку конституция, трудовое законодательство и нормативные правовые акты предусматривают ограничение прав граждан в условиях сложной санитарно-эпидемиологической обстановки»* направлен на обоснование жестких ограничительных мер со стороны правительства и правоохранительных органов, эксплицированных в контексте с помощью наречия *жестко* и эпитетов *серьезная подготовка*, *жесткое поведение*. Кроме того, адресантом дается обоснование необходимости введения таких мер в связи с условиями *«режима повышенной готовности на территории, где существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации. А массовое заражение людей смертельно опасной инфекцией вполне может попасть под этот критерий»*. Законность применения ограничительных мер со стороны исполнительной и законодательной власти поддерживается третьей ветвью – судебной *«... в российских судах уже пытались оспорить вводимые ограничения, однако суды последовательно поддерживают исполнительную власть и встают на сторону введенных ограничений, указывая в своих решениях, что ограничения сами по себе не нарушают право передвижения или иные права граждан России»*.

В контексте, представленном в статье «Избирательные охранители. Глава ЦИК просит полицию перестать мешать сборщикам подписей» [Коммерсант, 19.07.2021],

адресантом акцентируется внимание на воспрепятствовании правоохранительными органами деятельности сборщиков подписей за выдвижение кандидатов на выборы, что также можно расценивать, как нарушение *государственно-политических и гражданско-правовых ценностей* путем ограничения «пассивного избирательного права граждан». Окказионализм *избирательные охранители* в заголовке способствует созданию комического эффекта. Экспликация компонента «произвол» осуществляется в аргументах задержанного полицией волонтера Р. Мацапулиной, указывающей на то, что «... «охота» объявлена на всех независимых кандидатов, однако к ней есть особое внимание. В этом электоральном цикле мы были первыми, кто на это пошел, поэтому и машину получения по шапке тоже первые на себе опробовали», и усиливается посредством упоминания имени авторитетного лица – министра внутренних дел В.А. Колокольцева, к которому обратились «с требованием повлиять на сотрудников, чтобы те не препятствовали пассивному избирательному праву граждан». Аргумент в пользу неправомерности действий сотрудников полиции реализуется за счет ссылки на законодательство «... Статьи полиция предлагала разные: кому-то 7.1 КоАП РФ (самовольное занятие земельного участка), кому-то 8.6.1 КоАП СПб (нарушение санэпидемнорм), кому-то 20.2 (нарушение правил проведения публичного мероприятия) ...», где глагольная единица *предлагать* является неуместной в отношении норм административного законодательства и свидетельствует о нарушениях процессуального права. Речевая интенция убеждения адресата в необоснованном принудительном характере действий полицейских реализуется в контексте также с помощью глагола *наведываться*, типичного для разговорной речи, глаголов с отрицательной семантикой *заставить* и *прогонять*, а также фразеологической трансформации *машина получения по шапке*. Лексема *охота* в данном контексте выступает зооморфной метафорой, которая способствует актуализации метафорической модели «ПОЛИЦИЯ – это ХИЩНИК», направленной на репрезентацию института полиции в качестве доминирующего органа, способного истребить всех тех, кто не обладает властными полномочиями, то есть, жертв, заранее обреченных на проигрыш в борьбе за существование.

В новостной статье «Возбуждено уголовное дело об оскорблении судьи после акции нацболов» [Коммерсант, 16.11.2021] адресантом в аргументации сторонников партии Лимонова (лимоновцы) эксплицируется, во-первых, компонент «непрофессионализм» образа сотрудников полиции (*Из-за непрофессионализма старшего следователя Карины Шилковой опознание и обыск у нацбола прошли только под утро*), а, во-вторых, актуализируется компонент «произвол» за счет клишированной фразы *задним числом*, разговорной лексики *состряпать* в словосочетании *состряпали дело* и глаголов с отрицательной семантикой *угрожать*, *склонять*. Безосновательность задержания и возбуждения дела на активиста партии «Другая Россия», участника Нижегородского гражданского движения Ю. В. Староверова объективируется в его аргументе: *Чтобы закрыть меня, задним числом состряпали дело по событиям 16 августа, когда на Театральной проходили одиночные пикеты. А меня назначили их организатором. Из доказательств – только рапорт майора Курицына, которому показалось, что я распределял между участниками агитацию и «осуществлял расстановку и смену участников». Мы с адвокатом угорали, такого он еще не видел. Интенция убеждения аудитории в безосновательности и противозаконности действий полицейских в контексте достигается благодаря глаголу *показаться*, сленговому слову *угорать* и частицы *только*. Еще одним аргументом в пользу неправомерности действий правоохранительных органов можно рассматривать утверждение «... На выходе из спецприемника 13 ноября полиция задержала встречающую Юрия Староверова его супругу Елену Миронычеву и вскоре отпустила без протокола, забрав у женщины телефон. В отделе МВД ей сообщили о проверке по уголовному делу о баннере, уточнив, что она якобы находилась рядом с активистами в тот день ...». Нарушение процессуальных действий аргументируется в высказывании «... вскоре отпустила без протокола, забрав у женщины телефон», а несостоятельность выдвинутого против женщины обвинения объективируется с помощью частицы *якобы*, указывающей на недостоверность имеющейся у правоохранительных органов информации по делу. Так, в рассматриваемом контексте адресантом моделируется пейоративный образ полиции, способной на деструктивные действия и*

пренебрегающей *государственно-политическими* и *гражданско-правовыми ценностями*.

Таким образом, в оппозиционном газетном дискурсе интенции авторов медиатекстов преимущественно направлены на моделирование резко отрицательного образа полиции посредством вербализации компонента «произвол» в 161 контексте (88%). Только в 21 нейтральном контексте (12%) обнаружены примеры экспликации ценностного компонента «законность» образа российской полиции.

Аргументация правомерности действий правоохранительных органов и экспликация компонента «законность» происходит в контекстах за счет положительно / нейтрально-маркированных лексем и словосочетаний, направленных на конструирование образа полиции, стоящей на страже государственно-политических (71%), гражданско-правовых (19%) и абсолютных (10%) ценностей, а также способствующих признанию института полиции государственной (48%), общественной (33%) и личностной (19%) ценностью. Ассоциативно-смысловое поле компонента «произвол» складывается из таких дополнительных номинантов образа, как «*беззаконие*» (58%), «*насилие*» (27%), «*формализм*» (10%) и «*подлог*» (5%).

Приведем статистику частотности употребления коммуникативно-прагматических средств актуализации компонента «законность / произвол» образа российской полиции.

Компоненты	Экспликация			Импликация		
		Количество примеров в контексте			Количество примеров в контексте	
<i>Законность</i>	Лексемы со значением <i>правомерность</i>	- законно	11	лексико-семантические средства	- юридическая терминология	7
		- нарушений нет / допущено не было	6			
		- жалоб нет / не поступало	2	лексико-стилистические средства	- эпитеты	4
				лексико-прагматические средства	- ссылки на действующее законодательство	5
					- ссылки на авторитетных лиц и официальные источники	2
			<i>Итого: 19</i>	<i>Итого: 18</i>		
	Лексемы со	- неоправданный	12	лексико-семантические	- разговорная лексика	16
		- необоснованно	7			

Произвол	значением <i>беззаконие</i>	- нарушение (российского) законодательства	5	средства	- речевые клише - сленговая лексика	10 5
	Лексемы со значением <i>насилие</i>	- грубо - угрожать	8 3	лексико- стилистические средства	- ирония - эпитеты - метафоры - гиперболизация	14 12 7 3
	Лексемы со значением <i>формализм</i>	- формально, формальный	4	лексико- синтаксические средства	- антитеза - риторические вопросы	11 6
	Лексемы со значением <i>подлог</i>	- задним числом - состряпать дело - склонять	2 1 1	лексико- прагматические средства	- статистические данные	11
					- ссылки на действующее законодательство	9
					- ссылки на авторитетных лиц и официальные источники	9
Итого: 43				Итого: 113		

Таблица 5. Сводная таблица вербализации компонента «законность / произвол» образа полиции в российских оппозиционных контекстах

Таким образом, институт полиции в российском оппозиционном газетном дискурсе рассматривается преимущественно как карательный орган, применяющий принудительные меры воздействия на граждан и нарушающий их гражданско-правовые (54%), абсолютные (20%), профессиональные (13%) и в отдельных случаях государственно-политические (13%) ценности, что способствует приравниванию полиции к личностной (60%), общественной (27%) и государственной (13%) антиценности. Кроме того, реализация семантической категории «свой-чужой» позволяет актуализировать оппозицию полиция-народ, где правоохранительная структура репрезентируется в качестве инструмента оказания давления на население страны, с одной стороны, полностью поддерживаемого государственным аппаратом, а с другой стороны, действующего своевольно и беспринципно.

2.2.3. Компонент «гуманность / жестокость» в российских оппозиционных газетах

За указанный период методом сплошной выборки нами было отобрано 353 медиатекста («Новая газета» – 196 статей, «Коммерсант» – 157 статей), освещающих деятельность структуры МВД России и содержащих контексты,

эксплицирующие и/или имплицитные компонент «жестокость / гуманность» образа полиции. Основной тематикой в анализируемых изданиях стали статьи, заметки и интервью, репрезентирующие деятельность полиции по: 1) охране общественного порядка во время проведения массовых, публичных и спортивных мероприятий; 2) предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию незаконной деятельности и преступных посягательств на жизнь и здоровье, имущество граждан, их права и свободы; 3) контролю за соблюдением гражданами масочного режима, карантинных мер и режима самоизоляции; 4) обеспечению безопасности дорожного движения; 5) предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, а также экстремизма и терроризма. В 6 медиатекстах (2% от общего количества) поднимаются вопросы, связанные с условиями содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых.

Рассмотрим контексты, в которых можно проследить вербализацию компонента «жестокость / гуманность» образа полиции, объединенные в самый крупный блок новостных статей, освещающих деятельность правоохранительных органов по обеспечению охраны общественного порядка в период проведения несанкционированных митингов в поддержку А. А. Навального.

Интерес с точки зрения рассмотрения конфликта между действующим правительством и его оппозицией представляет медиатекст «Силовики сделали очередной подарок Алексею Навальному» [Коммерсант, 26.01.2021], освещающий информацию о сотруднике ОМОНа, который *«ударил ногой в живот 54-летнюю женщину Маргариту Юдину»* и стал инструментом в руках власти. Обоснование его агрессивных и жестоких действий в контексте проходит несколько стадий трансформации в связи с тем, что *«вертикаль явно попыталась этот процесс возглавить, перехватить ситуацию у оппозиции»*. Парадокс, высказанный адресантом в заголовке статьи, в самом контексте превращается в явную иронию (*Силовики дружно бросились извиняться, сам нарушитель пришел с цветами в палату к пострадавшей, просил простить, что, мол, бес попутал*), где лицо, призванное стоять на страже личности, общества и государства от различных угроз

криминального характера, сам становится правонарушителем. Ирония также прослеживаются в аргументе, направленном на высмеивание высокопарных слов известных и авторитетных лиц для большей части населения о профессионализме и доблести правоохранительных органов «...Владимир Соловьев назвал произошедшее провокацией, а омоновца предложил наградить квартирой, Хинштейн забрал заявление, в Госдуме депутат Андрей Исаев под аплодисменты коллег произнес речь о том, какие разумные и грамотные у нас силовики — берегут наш мирный труд от экстремистов и провокаторов: «За редким исключением эти люди, очень достойные граждане нашей страны, действовали профессионально, мужественно, умело, с достоинством и честью, защищая безопасность людей, законность и независимость нашей родины»». Сарказм в адрес В. Соловьева реализуется посредством включения в контекст поэтически возвышенной лексемы *лик*, способствующей внушению недоверия к заявлениям адресата о благородстве полицейских. Так, на фоне положительного контекста моделируется пейоративный образ правоохранительных органов, чьи сотрудники действуют крайне непрофессионально, необдуманно и жестоко, нарушая принципы цивилизованного общества. Отрицательная оценка полицейских усиливается в контексте с помощью эпитета *прогрессивное сообщество*, способствующего реализации категории «свой-чужой» и актуализации оппозиции «полиция-народ». Конструирование образа полиции, нарушающей *государственно-политические, гражданско-правовые и абсолютные ценности* населения, осуществляется с помощью сослагательного наклонения в аргументе «... а ведь все просто: есть закон, суды, правила работы полиции, а также права человека и гражданина. Если всем этим руководствоваться, то, очевидно, проблем было бы меньше». Внушение аудитории идеи о безжалостности, бесчеловечности, садизме и тирании силовых структур, поддерживаемых правительством, в интерпретируемом контексте реализуется с помощью конвергенции таких тропов и фигур речи, как эпитеты *агрессивные молодчики*, *серьезная опасность*, *хаотичная реакция*, метафоры *всплеск возмущения*, *волна мемов*, фразеологизм *бес попутал*, сравнение *как снежный ком*, аллюзии *Правая рука не знает, что делает левая и наоборот* с отсылкой на цитату из Библии, а также *Вот так и рождаются очередные Джорджи Флойды* с

намеком на инцидент, повлекший за собой гибель афроамериканца Дж. Флойда и вызвавший массовые протесты американского населения против деспотизма правоохранительных органов США. Риторический вопрос «*Станет ли петербурженка Маргарита Юдина, дай бог ей здоровья, конечно, «русским Джорджем Флойдом», героем новых отечественных протестов и одновременно сакральной жертвой?*» содержит стертую метафору *сакральная жертва*, принесение которой способствует уничтожению старого строя и построению на его месте нового общества с прогрессивными политическими идеями, позволяющую актуализировать метафорическую модель «ПОЛИЦИЯ – это УПАДОК». Обозначенная метафорическая модель способствует репрезентации правоохранительных органов в качестве инстанции, разрушающей духовные ценности народа и препятствующей процветанию страны. Кроме того, аллюзия «*Станет ли петербурженка Маргарита Юдина, <...> «русским Джорджем Флойдом»*» является крайне неудачной. Прецедентное имя, соотносимое с представителем другого гендера, в большей мере создает эффект нарушения гендерной идентичности, чем героизации жертвы. В общем и целом, в контексте наблюдаются значительные нарушения норм сочетаемости русского языка, следовательно, подобного рода тексты могут оказывать речевое воздействие только на крайне непритязательную аудиторию.

Вербализацию одновременно компонентов «жестокость» и «произвол» образа российской полиции можно проследить также на примере контекста, взятого из статьи ««Россия – это и мы тоже». Как в Москве прошел митинг в поддержку политика Алексея Навального» [НГ, 22.04.2021]. В начале статьи адресантом приводится диалог между сотрудником полиции и гражданами, направленный на привлечение внимания читателя к проблеме равнодушия и безразличия к потребностям населения, а также демонстративного неуважения со стороны представителей власти, пренебрегающих конституционным правом граждан на свободное передвижение и, соответственно, их *государственно-политическими, гражданско-правовыми* и «*коммунитарным*» ценностями («*молодой полицейский*» проявляет неуважение к «*пожилым женищинам, одна из которых ходит с костылем*», ограничивает их передвижение и заставляет «*мучиться*», а на возмущение граждан

подобным поведением отвечает безразличным «спасибо»). Однако эту ситуацию можно рассмотреть через призму ответственного подхода полицейского к выполнению своих служебных обязанностей. Во-первых, описываемый сотрудник строго выполняет приказ и обеспечивает безопасность нахождения граждан на перекрытой территории (*абсолютные ценности*). Во-вторых, «сардоническое» «спасибо» в ответ на презрительное пожелание пожилой женщины «*Вот чтобы у вас так же мама мучилась, как вы ее мучаете*» можно рассматривать как одно из основных профессиональных качеств полицейского – стрессоустойчивость и способность противостоять провокациям (компонент «профессионализм»). Далее весь контекст направлен исключительно на моделирование резко отрицательного образа правоохранительных органов. Глумление со стороны сотрудника полиции отражено в следующем аргументе: *Мы идем на Пушкинскую и становимся чуть ли не последними людьми, которых пустили на площадь, прямо за нами полицейский замкнул забор со словами: «Ну все, опоздали, мы закрываемся»*. Личное местоимение *мы* способствует реализации семантической категории «свой-чужой», где «народ» занимает позицию «свой», а насмешливые полицейские – «чужой». Одновременно две категории «произвол» и «жестокость» образа правоохранительных органов эксплицируется в аргументе: *За час, что мы стоим на Пушкинской в ожидании начала шествия, на моих глазах происходят две аварии. Одна из них — с участием автозак, который разворачивался, пересекая двойную сплошную, и задел черную «тойоту», за рулем которой оказался театральный режиссер Юрий Шерлинг. По словам Шерлинга, силовики попытались его убедить, что в аварии виноват именно он, и отобрали личные документы*. Моделирование беспринципной и уверенной во вседозволенности полиции осуществляется в данном аргументе посредством уточнения информации о том, что автозак «разворачивался, пересекая двойную сплошную, и задел черную «тойоту», что является серьезным нарушением правил дорожного движения, тем не менее «силовики попытались его убедить, что в аварии виноват именно он (Ю. Шерлинг)», а экспликация компонента «произвол» происходит за счет глагола с отрицательной семантикой *отобрать*. Сложившееся стереотипное отношение к полицейским и их действиям отражено также в следующем фрагменте: *На этой*

*акции полиция почему-то не выхватывает из толпы каждого, кто подвернется под руку, она даже не глушит особо лозунги митингующих призывами разойтись и «не мешать проходу граждан». Это становится поводом для обсуждения среди собравшихся людей — все гадают, почему на этот раз полиция так себя ведет и стоит ли видеть в этом какой-то подвох. Разговорные лексемы гадать и подвох, неопределенное местоименное наречие почему-то, фразеологический оборот кто подвернется под руку, частица даже и наречие особо употреблены в данном контексте с целью акцентирования внимания на проблеме недоверия граждан к полиции как социальному институту, которая, по мнению населения, всегда применяет только насильственные методы подчинения. Внушение идеи о чрезмерной жестокости полиции происходит в аргументе «...силовики в этот раз тратили все силы не на то, чтобы задерживать и избивать людей, а на то, чтобы перекрывать улицы» с помощью глаголов с отрицательной семантикой задерживать и избивать, а также устойчивого словосочетания тратить все силы. Таким образом, в анализируемом контексте медиаобраз полиции строится на репрезентации правоохранительной структуры в качестве разрушителей **абсолютных, государственно-политических, гражданско-правовых и коммуитарных ценностей**.*

Компонент «жестокость» также эксплицируется в заголовочном комплексе «Колыбель «космонавтов». В жестоком обращении с протестующими Петербург обогнал всю Россию: массовые задержания, избиения, электрошокеры без разбора и смысла» [НГ, 26.04.2021] посредством отрицательно-маркированных лексем *жестокий, задержание, избиение* и словосочетания *без разбора и смысла*. Далее в контексте все повествование строится на ироничном противопоставлении «*дюжих полицейских в масках и в латах*», «*здоровенных гвардейцев*», которые «*носились по Петербургу в броуновском движении, наугад выхватывая жертвы*», «*не забывали отходить дубинками или подсечь электрошокерами*», «*хватали первого, кого достанут*» и их «*жертв*», состоящих из «*немолодых женицин*», «*щуплого парня*» и «*людей с фонариками*», которые «*сопротивляться вооруженным и закованным в латы бойцам не пытались*». Такое противопоставление используется адресантом с

целью реализации категории «свой-чужой» с оппозицией «полиция-народ». Превышение должностных полномочий и немотивированное применение физической силы офицерами полиции подчеркивается в аргументе: *«За основу взяли тактику, опробованную минувшим летом в Минске: не дать демонстрантам прийти в назначенное место» «начали людей брать. Брали хаотично. Хватали первого, кого достанут. Вели в автозак, кого-то валили на землю».* Необоснованная жестокость эксплицируется в таких аргументах, как *«Задержанных не забывали отходить дубинками или подсесть электрошокерами. Хотя сопротивляться вооруженным и закованным в латы бойцам никто не пытался», «Щуплого парня двое здоровенных гвардейцев чуть не расплющили о железную решетку, чтобы отнять у него российский триколор», «Людей с фонариками винтили жестко. Кого-то отходили дубинками, кого-то били электрошокером» (абсолютные ценности).* Глумление и беспринципность со стороны полицейских репрезентируется в цитате стража порядка, который на просьбу предъявить свой жетон, отвечает: — *Не покажу я вам свой жетон, я вообще не знаю, кто вы, — хохотал в лицо женщине тот, что без жетона, демонстративно стиснув кулаки в перчатках. — Должен? Да что вы говорите? Да жалуйтесь куда хотите!* Описание действий, свойственных конфронтационному речевому акту, происходит в контексте посредством клишированных фраз *хохотать в лицо* и *стиснуть кулаки*, а также наречий *вообще* и *демонстративно*, которые способствуют репрезентации неуважительного и даже презрительного отношения полицейских к гражданам. Риторические вопросы *Должен?*, *Да что вы говорите?* и эмотивная конструкция *Да жалуйтесь куда хотите!* свидетельствуют об уверенности полицейских в своей вседозволенности и безнаказанности. Внушение идеи о жестокости, неправомерности и непрофессионализме сотрудников полиции осуществляется в широком контексте за счет наречий *хаотично*, *наугад*, *лихорадочно*, *яростно*, *грозно*, *жестко*, *под завязку*, эпитетов *жестокое обращение*, *здоровенные гвардейцы*, *дюжие полицейские*, *вражеские танки*, *мрачные группы*, метафоры *броуновское движение*, жаргонных лексем *зек*, *повязать*, *винтить*, разговорной лексики *валишь на землю*, *расплющить*, *отходить дубинками*, *рвануть на голос*, *слоняться по площади*, *одуревший*. Навешивание метафорических ярлыков

космонавты, «юные зрители» в скафандрах и шлемоносцы акцентирует внимание аудитории на основных характеристиках космического пространства – вакуум, удаленность, отсутствие границ, наличие черных дыр, что позволяет сконструировать образ неконтролируемых полицейских, обладающих безграничной властью, несущих хаос и разрушения.

В контексте, взятом из статьи под заголовком «Володин назвал действия правоохранителей на протестах 23 января “филигранными”» [Коммерсант, 26.01.2021], можно наблюдать эффект обманутого ожидания, в результате которого формируется двойственное отношение к действиям сотрудников полиции. С одной стороны, адресант достигает эффекта убеждения посредством ссылки на мнение авторитетного лица – спикера Госдумы В. В. Володина, который *«высоко оценил работу правоохранительных органов»* и в своем аргументе убеждает в правомерности и законности действий полицейских в ходе обеспечения общественного порядка на несанкционированном митинге (*государственно-политические ценности*). Положительно-оценочные наречия *высоко, очень, эффективно* и *филигранно* направлены на моделирование образа полицейских-профессионалов, задержавших *«3893 человека» «тех, кто понимал, что нарушают закон»*. С другой стороны, в заголовке наречие *филигранно* взято в кавычки, что можно рассматривать либо как цитату В.В. Володина *«Правоохранительные органы действовали очень эффективно, филигранно, задерживали тех, кто понимал, что нарушают закон»*, либо как проявление крайней степени недоверия автора к заявлению политика. Клишированная фраза *широкий резонанс* направлена на апелляцию к эмоциям адресата и формирование в сознании читателя образа жестокого полицейского, применяющего методы насилия даже по отношению к женщинам и представителям прессы, выполняющим редакционное задание (*кто-то из полицейских ударил ее дубинкой по голове, несмотря на надетую «яркую желтую жилетку с надписью "Пресса"; сотрудник полиции с силой ударил ногой в живот женщину»*) – *профессиональные ценности*. Таким образом, языковые средства способствуют дискредитации сотрудников полиции, которые *«в некоторых случаях ...*

применяли силу», проявляя чрезмерную жестокость, пренебрегая тем самым абсолютными ценностями.

Несмотря на превалирующее количество медиатекстов, направленных на резкую критику ОВД и их представителей, в российском оппозиционном газетном дискурсе встречаются контексты, содержащие в себе позитивную оценку полиции и способствующие моделированию мелиоративного образа ведомства и его сотрудников. Так, в контексте, представленном в статье «И сам себя сковал наручниками. Как проходили акции в поддержку Навального в регионах: от Смоленска до Омска. Обзор «Новой»» [НГ, 22.04.2021], моделируется двойственное отношение к полиции и реализуется эффект обманутого ожидания. С одной стороны, как и в большинстве новостных статей и заметок, представленных на страницах «Новой Газеты», адресантом в рассматриваемом контексте актуализируются одновременно такие компоненты, как «жестокость» (*После жесткого разгона протестующих на акции в поддержку Навального 23 января, последовавших арестов и морального прессинга со стороны местных силовиков ...; Меня потащили за руки и за ноги во время задержания, при этом куртка пережала горло, и я стал задыхаться, о чем говорил полицейским. Они лишь послали меня матом; Брили (А. Шварца) в больнице. Заломили руки за спину и вывели полусогнутым. Его девушку, севишую за ним в машину, немолодой мужчина в штатском вышвырнул ...)* и «произвол» (*Причем задержание проводили не сотрудники полиции или Росгвардии, а дружинники, у которых на это нет законных полномочий. Никто ей не представился, ее просто схватили и поволокли в автозак; К нему (А. Шварцу) не пустили защитника, имеющего нотариальную доверенность на представление интересов; Плаката не было, лозунгов не выкрикивал. Я не успел совершить противоправные действия, которые подходили бы под состав административного правонарушения. Меня проводили в автозак, затем в отдел полиции № 2).* С другой стороны, адресант акцентирует внимание аудитории на зависимости правоохранительных органов от решений, принимаемых на государственном уровне, и, соответственно, рассматривает институт полиции лишь в качестве инструмента в руках власти (*И раз не было указания сверху распахать всех по автозакам, между протестующими и*

полицейскими развернулся спор; По переговорам силовиков было слышно, что есть установка задерживать людей с плакатами). Кроме того, данный контекст представляет интерес для исследования с точки зрения нарушения прав не со стороны правоохранительных органов, задерживающих и составляющих протоколы на участников акции, а со стороны граждан, заботящихся о соблюдении своих конституционных прав (*Пожилый мужчина рассказывал представителям губернатора, что в Конституции закреплено право граждан на мирные собрания*), тем не менее, первыми нарушивших российское законодательство (*В ответ Толмачев и Юхин говорили, что акция 21 апреля – незаконная, потому что уведомление о ее проведении никто не подавал. <...> Они пытались объяснить протестующим, что «выходить на акции без подачи уведомления не стоит»*). Компонент «гуманность» образа российской полиции эксплицируется с помощью наречия *мягко*, противопоставленного наречию *жестко* с целью реализации семантической категории «свой-чужой» в следующем аргументе: *Советник губернатора, политтехнолог Сергей Толмачев и еще один политтехнолог Сергей Юхин <...> пытались объяснить протестующим, <...> что «в западных странах протестующих жестко избивают, а не мягко, как в России*. Интенция убеждения аудитории в гуманности и высокой квалифицированности полиции также достигается в следующих аргументах: *«20 апреля, накануне митинга, сотрудники полиции вручали активистам предостережения о недопустимости участия в несанкционированной акции, подписанные прокурором города» и «За день до митинга самарская полиция выдала журналистам предостережения «о недопустимости участия в несанкционированном мероприятии» и пыталась вызвать на «беседы» местных активистов (гражданско-правовые ценности)*. Упоминание информации о предпринятых полицией превентивных мерах свидетельствуют о намерении правоохранительных органов предотвратить возможные последствия от незаконных действий граждан и разрешить возникшие трудности мирным путем. Аргументом в пользу толерантности и терпимости сотрудников полиции можно рассматривать диалог между представителем центра по противодействию экстремизму и молодыми людьми, пытающимися «выяснить <...> «несколько правовых нюансов»»: – Если я

будут стоять меньше чем в 50 метрах от всех с пикетом за Путина, то меня тоже арестуют? – Привлекут за несоблюдение масочного режима, – ответил он (полицейский). Один из участников акции включил музыку на телефоне, а девушка уточнила у эшника: «А за музыку арестуют? Или еще меньше 23.00, и можно шуметь?» – Это сейчас подколы пошли? – обиженно усмехнулся боец. – Нет, ну серьезно, тут такое законодательство. Предотвращение назревающего конфликта и готовность сотрудника идти на контакт с очевидно провоцирующими его гражданами, терпеливо разъясняющего им последствия от нахождения в месте массового скопления людей без средств индивидуальной защиты, свидетельствует о квалифицированности конкретного полицейского, а наречие *обиженно* и разговорное слово *подкол* способствуют созданию образа полицейского, обладающего, наравне с другими людьми, чувствами, которые можно задеть. Либеральность и компетентность стражей правопорядка подкрепляются следующими аргументами: «Полицейские собираться не мешали», «Большинство из задержанных отпустили после составления протокола», «Сотрудники ОМОНа задерживали протестующих довольно мягко», «В полиции была дружелюбная атмосфера, все корректно», «Они нам даже улыбались. К ОМОНу можно было спокойно подойти и поговорить. Гашиник останавливал движение, чтобы пропустить людей на красный сигнал светофора. Никто не слышал о задержанных. По отношению к силовикам люди также вели себя корректно. Все участники митинга <...> отметили «более чем корректную работу» правоохранителей», «Полиция, по словам шествующих, вела себя спокойно». Однако стереотипное мышление и ложные установки, сформировавшиеся в сознании населения о насильственных мерах, применяемых сотрудниками силовых структур в отношении мирных граждан, препятствуют адекватному восприятию действий полиции как вынужденной меры по защите внутренней безопасности страны (*государственно-политические ценности*). Так, в аргументах участников митинга прослеживается явная ирония в адрес полиции, подкрепленная не конкретными аргументами, а лишь предположениями и догадками («Подозрительно добрыми были в этот день (полиция), либо приказ был не хватать всех подряд, как в январе. Может, дождя испугались? Нам же лучше» и «Удачный

момент для массовых задержаний, но полиция особо не напрягалась, хоть и преследовала нас на Ново-Садовой»). В другом фрагменте происходит конструирование образа саркастичного и циничного полицейского: *Молодая мамочка подошла к полицейскому с просьбой не пугать ее сына: «криками на ухо через усилитель». Страж порядка дотронулся до головы мальчика и начал рассуждать о том, что заботиться о ребенке должна мать, и она же несет за него ответственность.* В рассматриваемом фрагменте прослеживается явное неуважение к представителю закона, выполняющего свои служебные обязанности по обеспечению общественной безопасности на публичном мероприятии, и, несмотря на такое бесцеремонное поведение женщины, сотрудник полиции проявляет эмпатию к ребенку и пытается разъяснить матери возможные последствия ее безответственного поведения, а, именно, появление в месте большого скопления людей с маленьким ребенком, которому может угрожать серьезная опасность. Такое предвзятое отношение к правоохранительным органам нельзя рассматривать в качестве моделирования оценки конкретных компонентов образа, а только как неаргументированную концептуализацию института полиции. Аргумент «... кто-то забросил в интернет-ресурс информацию, что всех задержат» направлен на обоснование идеи о целенаправленном моделировании пейоративного образа полиции и создании ложных установок о противоправности и деспотичности правоохранительных структур. Так, конструирование отрицательного образа полиции осуществляется в широком контексте с помощью эпитетов жесткий разгон, жесткое задержание, насильственный путь, несправедливое отношение, эмотивной конструкции *Позор!* и конструкции с контекстуальными антонимами *можно заковать руки, а душу все равно не получится*. Положительный образ социального института полиции конструируется благодаря клишированной фразе *дискуссионная плоскость*, эпитетам дружелюбная атмосфера, корректная работа, а также наречиям *мягко, корректно, спокойно*.

Далее рассмотрим контексты, посвященные информации о деятельности полиции по предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений и правонарушений, способствующих распространению новой

коронавирусной инфекции. Так, контекст, взятый из статьи «Нагнетается определенный психоз. Митинг КПРФ против принудительной вакцинации кончился задержаниями» [Коммерсант, 26.06.2021], представляет особый интерес для нашего исследования, в первую очередь тем, что в нем, в отличие от других подобных оппозиционных медиатекстов, прослеживается не конфликт, а союз оппозиции с исполнительной ветвью власти в лице правоохранительных органов, которые выступают инструментом реализации властных и принудительных полномочий. В контексте, построенном в форме художественного рассказа, посредством разговорных слов *потасовка, лазейка, маскироваться, лукавить, стращать* и жаргонизма *ширнуться* достигается комический эффект. Далее за счет объективации номинанта «*предвзятость*» конструируется образ полицейских, заискивающих перед представителями законодательной власти. Так, несмотря на существующее распоряжение мэра Москвы С. С. Собянина, который «*категорически запретил проведение массовых мероприятий, к которым были причислены даже одиночные пикеты, что уж говорить о политических митингах*», адресант с помощью глаголов *поздороваться* и *обрадоваться*, наречия *горячо* и частицы *просто* акцентирует внимание аудитории на том факте, что полиция находится в дружественных отношениях с представителями оппозиции (*... подошли трое полицейских — просто поздороваться, «Николай Григорьевич! Здравствуйте!» — обрадовался один из тройки депутату Мосгордумы Зубрилину <...> мужчины горячо пожали друг другу руки*) и поэтому не препятствует проведению «*настоящего митинга*», который «*даже не особо маскировался под «встречу»*». Антитеза с противительным союзом *хотя*, речевые клише *сделать вид* и *нецензурная брань*, наречие *легко*, частица *именно* также способствуют выделению номинанта «*попустительство*» образа полиции в аргументе: *Полицейские сделали вид, что не слышали нецензурной брани депутата в общественном месте, хотя не так давно их коллеги легко доказали суду, что именно по этой причине задержали ночью активиста Pussy Riot Александра Софеева и фотографа Дмитрия Воронцова*. В последнем абзаце можно проследить моделирование образа двуличной полиции, которая после официального и публичного задержания (*Группа примерно из 40 человек торопилась следом — все*

были уверены, что их лидера задержали) депутата, спровоцировавшего конфликт между полицией и народом, в итоге сразу отпускает его (Валерий Раикин в сопровождении полиции почти побегал по Тверской. <...> дойдя до ближайшего входа в метро, нырнул туда. «Поехал вызволять товарищей», — пояснил “Ъ” по телефону активист КПРФ Владислав Мезецкий). Противопоставление коалиции исполнительной и законодательной власти обычным гражданам способствует реализации категории «свой-чужой», где народ занимает позицию «свой», а депутаты и их интересы, охраняемые силовыми структурами, причисляются к категории «чужой». Предвзятое отношение полиции к народу и попустительское несанкционированным и провокационным действиям депутатов аргументируется с помощью антитезы с противительными союзами *хоть и но* «Тогда (в мае) полиция *хоть и задержала два десятка граждан, но проведению акции не мешала*», направленной на апелляцию к эмоциям адресата, вызванным жесткими мерами, которые были предприняты полицией по подавлению митингующих во время проведения других публичных мероприятий, в частности несанкционированных митингов в поддержку А. А. Навального. Актуализация компонента «жестокость» образа правоохранительных органов осуществляется в аргументе: *Но тут начались задержания. Рядовые полицейские уводили и даже уносили людей в автозаки, сотрудники ОМОНа их страховали — отодвигали активистов, которые пытались отбить своих.* <...> *Когда в автозак буквально поволокли молодую девушку, на омоновца налетела женщина с тростью.* Интенция убеждения аудитории в антигуманности сотрудников полиции, пренебрегающих **абсолютными** и **гражданско-правовыми ценностями**, достигается в аргументе посредством глаголов *уводить, уносить, отодвигать, волоочь*, объединенных общим семантическим компонентом, репрезентирующим правоохранительные органы в качестве инстанции, осуществляющей контроль над ситуацией. Лексема с отрицательной семантикой *конфликт* в аргументе «... полиция переключила на себя все внимание, создав на всей территории сквера несколько точек конфликта» способствует подтверждению стереотипных представлений граждан о неспособности сотрудников полиции урегулировать инциденты мирным путем, без применения насильственных методов.

Сравнительная конструкция *«Напряжение росло, как и столбик термометра»* способствует реализации экспрессивно-усилительной функции и заостряет внимание читателя на потенциальной угрозе, исходящей от стражей порядка.

Вербализацию компонента «жестокость» образа российской полиции можно наблюдать в контексте, представленном в статье *«“Все равно по-нашему будет”*. Акция против QR-кодов в Казани закончилась массовыми задержаниями» [Коммерсант, 26.11.2021]. В рассматриваемом контексте адресант реализует семантическую категорию «свой-чужой» за счет противопоставления мирных граждан (*Вы видите тут хоть одного агрессивно настроенного человека? – риторический вопрос*), отстаивающих свои конституционные права (*... собрались, решив, что «пришло время воспользоваться конституционными правами»*) и выступающих против введения QR-кодов для вакцинированных от коронавируса, сотрудникам ОМОНа, применяющим физическую силу против митингующих (*Силовики сразу же двинулись в сторону протестующих и начали уводить их под руки в автозаки. <...> Одну такую даму в автобус препровождали пятеро полицейских*). Моделирование образа полиции, грубо нарушающей **гражданско-правовые ценности** населения, осуществляется также в аргументах *«Вскоре к протестующим вышел замначальника полиции УВД Казани Сергей Чанкин и через мегафон призвал всех разойтись под угрозой административного ареста до 15 суток и штрафа до 30 тыс. руб. Одновременно подъехали два автомобиля с сотрудниками ГИБДД, которые начали оттеснять участников акции к забору ...», «... Уже примерно через 10 минут два автобуса с задержанными покинули место проведения акции. Остатки протестующих — в основном это были пожилые женщины — омоновцы разогнали»*. Разговорные слова *силовики*, *омоновцы* и словосочетание с отрицательной оценочной семантикой *под угрозой* служат средством создания сниженного образа сотрудников полиции, руководствующейся только силовыми методами урегулирования конфликтов. Вставная конструкция *в основном это были пожилые женщины* указывает на беспринципность и цинизм стражей порядка, готовых вступать в неравную борьбу даже с физически слабыми представителями населения. Волонтаризм в действиях полицейских акцентируется также в аргументе

«...омоновцы уводили не только тех, кто был у здания мэрии, но и тех, кто наблюдал за происходящим, находясь через дорогу, у здания Национального музея Татарстана», а убеждение адресата во вседозволенности полицейских, усиливается за счет цитирования полицейского: «Женщина, не сопротивляйтесь, все равно по-нашему будет», где наречие по-нашему также способствует реализации категории «свой-чужой», отделяющей полицию от народа, которому она призвана служить.

Далее рассмотрим медиатексты, отнесенные к менее распространенным блокам и направленные на вербализацию компонента «жестокость / гуманность» образа российской полиции. Так, в контексте, представленном в статье под заголовком «Автора «Новой» Викторину Ивлеву оштрафовали на 150 тысяч рублей, правозащитника Юрия Самодурова — на 20 тысяч за пикет в поддержку «Мемориала»» [НГ, 22.11.2021], адресантом поднимается вопрос об условиях содержания под стражей и нарушения **гражданско-правовых** и **этических ценностей**. Утверждение задержанной В. Ивлевой вначале можно рассматривать в качестве аргумента в пользу приемлемых условий содержания под стражей: *«Я оказываюсь в камере, в которой стоят буквой "П" три лавки. И это такие кровати, топчаны. Мне приносят матрас, ничего не могу сказать, удобный. Подушка камнями набита, но можно пережить. Одноразовое белье приносят, одеяло. И вроде как все хорошо. За маленьким исключением».* Однако метафора *подушка камнями набита* и частица *вроде* направлены на последовательный переход к освещению нарушений условий содержания в ОВД, реализуемый посредством эллиптической конструкции с литотой за маленьким исключением. Нарушение этических норм аргументируется в следующем фрагменте: *«Наблюдает за мной в видеокамеру мужчина. Я говорю: "Как это за мной наблюдает мужчина, а я должна тут раздеваться и спать ложиться?". Мне отвечают: "А у нас нет тетеньки, у нас одна только, не хватает сотрудников. И вообще, вы что, раздеваетесь, когда спать ложитесь в камере?" Он очень удивляется».* Конструирование образа циничного сотрудника полиции осуществляется с помощью разговорно-фамильярного слова *тетенька* и риторического вопроса *И вообще, вы что, раздеваетесь, когда спать ложитесь в камере?* с намеком на неоднократное пребывание задержанной в камере

временного содержания. Ущемление прав задержанных и нарушение *абсолютных ценностей* эксплицируется в следующем аргументе: *Однажды больше трех часов нас не выводили в туалет, и мне пришлось писать в мисочку пластмассовую, которая была там в пайке для каши.* Градация, реализуемая за счет синонимичных рядов негативно-оценочных существительных, в аргументе *«Я открыто об этом говорю, потому что считаю, что это абсолютное безобразие, издевательство и унижение»* способствуют усилению речевой интенции моделирования пейоративного образа всей правоохранительной системы. Однако далее адресантом приводятся доводы в пользу наличия эмпатии у сотрудников полиции, понимающих всю сложность ситуации, но не обладающих полномочиями что-либо исправить: *«И когда я об этом пыталась разговаривать с полицейскими-женщинами, они понимающе кивали, но беседу не продолжали. Видимо, они не имеют права критиковать полицию сами»*». Эпитет *понижающе кивали*, вводное слово *видимо*, глагольные единицы *критиковать* и *не иметь права* делают самих полицейских заложниками сложившейся системы. Таким образом, в данном контексте мы также можем наблюдать реализацию эффекта обманутого ожидания.

Медiateкст под заголовком «Гостиница с полицейскими звездами. Начальника отдела УГРО судят за побои и удержание женщины в номере отеля. Адвокаты называют его “непревзойденным профессионалом сыска”» [НГ, 20.11.2021] представляет интерес с позиции рассмотрения профессиональной деформации и девиантного поведения представителя правоохранительных органов. Парадокс в заголовке, реализуемый с помощью метафоры *полицейские звезды* и эпитета *непревзойденный профессионал*, способствует созданию противоречивого образа майора полиции А. Пожиткова, который, с одной стороны, обвиняется в *«превышении должностных полномочий с применением насилия»*, а, с другой стороны, по версии защиты, сам стал жертвой сфабрикованного дела, а *«... все представленные стороной обвинения доказательства <...> идут в ногу с позицией защиты»*. В контексте автором приводятся ряд неоспоримых аргументов в пользу выдвинутой следствием версии о причастности обвиняемого к инкриминируемому ему преступлению. Так, деепричастие в отрицательной форме *не убедившись* в аргументе *««Не убедившись»*,

согласно обвинительному заключению, «в достоверности показаний Шарапова», Пожитков решил опросить тещу Моисеева и Михайлова Наталью Царькову» способствует моделированию образа неквалифицированного полицейского, пренебрегающего своими должностными обязанностями по проведению тщательной проверки всех обстоятельств дела. Компонент «жестокость» эксплицируется в утверждении потерпевшей за счет отрицательно-маркированного глагола *орать* и глагола с деструктивной семантикой *ударить*: *Пожиткову, очевидно, такой ответ не понравился, он начал орать на меня, а затем ударил рукой по шее так, что я упала на пол (абсолютные ценности)*. В следующем аргументе адресантом актуализируется компонента «произвол» *«Хотя у Царьковой был статус свидетеля, Пожитков, видимо, считал ее подстрекателем. По версии следствия, он поручил подчиненным отвезти женщину в гостиницу «Степные огни», а своему начальству пояснил, что Царькова якобы опасается за свою жизнь и просит обеспечить безопасность. В СК утверждают, что таким образом Пожитков «организовал фактическое задержание женщины без составления протокола»»,* который усиливается за счет антитезы с противительным союзом *хотя* и констатации факта нарушения процессуального порядка производства следственных и иных процессуальных действий (*гражданско-правовые ценности*). Аргументом, свидетельствующем о девиантном поведении майора полиции и его профессиональной деформации, можно рассматривать утверждение *«... скандал для Александра Пожиткова не первый. <...> в августе 2019 года майор вместе с подчиненными приезжал в село Малый Сурмет к пожилой паре Клавдии и Алексея Кондрашиовых, чтобы узнать, где находится их сын, которого разыскивали по делу о разбое. <...> между ними и полицейскими завязалась потасовка. Врачи зафиксировали у Алексея Кондрашова ссадины и гематомы на лице и голове, закрытую черепно-мозговую травму, сотрясение головного мозга, перелом ребра. Полицейские заявили, что мужчина сам напал на них с гаечным ключом. Обе стороны подали заявления в Следственный комитет, но уголовное дело возбудили только против Кондрашова — по статье о применении насилия в отношении представителя власти»*. Таким образом, в анализируемом контексте вся аргументативная база,

подтверждающая виновность начальника отдела уголовного розыска А. Пожиткова, и конструирование образа непрофессионального, агрессивного, предвзятого и действующего самовольно представителя правоохранительных органов строится с помощью ссылок на материалы дела, обвинительное заключение (*по версии следствия; согласно обвинительному заключению; в СК утверждают; в материалах дела говорится; в обвинительном заключении*) и на мнение юриста «Комитета против пыток» Т. Рахматулина. Усиление интенции убеждения в непрофессионализме, безнравственности и жестокости полицейского достигается посредством юридического термина *привлечение к дисциплинарной ответственности*, речевых клише *превышение должностных полномочий, применение насилия*, глаголов с деструктивной семантикой *избить, удерживать*, а также наречия *незаконно*. Однако лексический повтор союзов *якобы, будто бы* и вводных слов *очевидно, видимо* наводят на размышление о неуверенности адресанта в достоверности освещаемой информации и оставляют право адресату решать, чью позицию принять – официальную версию следствия или версию обвиняемого, который *«не признает свою вину»*, утверждает, что *«Царькову не оскорблял, угрозы не высказывал, в кабинете с ней разговаривал вежливо»*, а *«действовал так, потому что был введен в заблуждение»* и преследовал *«только цель устранения опасности, угрожающей Царьковой и Шарпову»*. Таким образом, можно сделать вывод, что в данном контексте адресантом реализуется прием ненадежного рассказчика, а прагматический эффект, направленный на убеждение аудитории в невиновности обвиняемого, достигается благодаря ссылке на слова адвоката обвиняемого Н. Хабибуллина и усиливается за счет наречий *заведомо, парадоксально, незаконно*, глагольных словосочетаний *будучи невиновным, признаваться не в чем*.

Итак, в ходе рассмотрения примеров актуализации компонента «жестокость / гуманность» образа полиции мы пришли к выводу, что в российском оппозиционном газетном дискурсе авторами медиатекстов моделируется как резко отрицательный образ правоохранительных органов (63% – 223 контекста), так и положительный образ (32% – 112 контекстов). Кроме того, в отдельных контекстах

прослеживается тенденция к неаргументированной концептуализации института полиции (5% – 18 контекстов).

Моделирование мелиоративного образа полиции в контекстах происходит благодаря экспликации компонента «гуманность» с помощью положительно-маркированных лексем, которые в сумме с имплицитными средствами вербализации компонента способствуют объективации таких дополнительных номинантов образа, как «*уважение*» (56%), «*толерантность*» (42%) и «*компетентность*» (2%).

Пейоративный образ конструируется посредством вербализации компонента «жестокость» за счет лексем и словосочетаний с отрицательной семантикой и коннотацией, которые совместно с имплицитными средствами вербализации позволяют выделить следующие номинанты: «*агрессия*» (74%), «*беззаконие*» (13%), «*предвзятость*» (6%), «*цинизм / глумление*» (4%), «*неорганизованность*» (3%). Кроме того, в оппозиционном газетном дискурсе адресантом с целью моделирования резко отрицательного образа полиции реализуется тактика навешивания ярлыков, семантическая категория «свой-чужой», а также прием ненадежного рассказчика.

Приведем статистику встречаемости коммуникативно-прагматических средств, способствующих вербализации компонента «гуманность / жестокость».

Компоненты	Экспликация			Импликация		
		Количество примеров в контексте			Количество примеров в контексте	
<i>Гуманность</i>	Лексемы со значением <i>уважение</i>	- корректно, корректный - уважительно, уважением - внимательный - дружелюбный	19 с 4 2 2	лексико-семантические средства	- юридическая терминология - разговорная лексика	14 5
	Лексемы со значением <i>толерантность</i>	- спокойно - мягко	13 7	лексико-стилистические средства	- эпитеты - метафоры - лексический повтор	18 8 3
	Лексемы со значением <i>компетентность</i>	- филигранно	1	лексико-синтаксические средства	- антитеза	6
	<i>Итого: 48</i>			лексико-прагматические средства	- ссылки на действующее законодательство - ссылки на авторитетных лиц и официальные источники	10 7
		- жестоко, жестокий,	22	лексико-	- разговорная лексика - юридическая	28
				<i>Итого: 71</i>		

Жестокость	Лексемы со значением агрессия	жестокость - агрессивный - избивать - ударить (рукой / ногой / дубинкой) - насильственный - яростно - грозно -повязать - винтить - волочь - одуревший - расплющить о землю - отходить дубинками - подсечь электрошокерами	17 16 9 5 4 2 1 1 1 1 1 1	семантические средства	терминология - жаргонная лексика - речевые клише	25 6 5
	Лексемы со значением беззаконие	- незаконный, незаконно - отбирать документы / паспорт - безобразия	8 4 2	лексико-стилистические средства	- эпитеты - метафоры - ирония - парадокс - аллюзия - сравнение - литота	24 21 12 3 3 3 1
	Лексемы со значением предвзятость	- несправедливый	7	лексико-синтаксические средства	- антитеза - риторические вопросы - градация - эмфатические конструкции - сослагательное наклонение - эллиптические конструкции	8 6 5 3 2 2
	Лексемы со значением цинизм / глумление	- унижение - издевательство	3 1	лексико-прагматические средства	- ссылки на действующее законодательство - ссылки на авторитетных лиц и официальные источники	6 4
	Лексемы со значением неорганизованность	- хаотично - наугад (выхватывая)	2 1			
	Итого: 110				Итого: 167	

Таблица 6. Сводная таблица вербализации компонента «гуманность / жестокость» образа полиции в российских оппозиционных контекстах

Лингвистические средства, используемые авторами текстов с целью вербализации ценностного компонента «гуманность» и вспомогательные номинанты образа, способствуют репрезентации правоохранительных органов в равной степени государственной (34%), общественной (33%) и личностной (33%) ценностью, стоящей на страже государственно-политических (43%), гражданско-правовых (29%), абсолютных (14%) и этических (14%) ценностей. Выделенные в рамках компонента

«жестокость» номинанты и языковые средства, свидетельствуют о пренебрежении сотрудниками полиции абсолютными (33%), гражданско-правовыми (28%), государственно-политическими (16%), профессиональными (8%), этическими (8%) и коммунитарными (7%) ценностями, что позволяет рассматривать институт полиции как личностную (56%), общественную (24%) и государственную (20%) антиценность.

Таким образом, российские оппозиционные издания конструируют довольно противоречивую модель социального института полиции, которая основывается как на интерпретации текущих событий в стране, так и на сложившихся устойчивых стереотипах.

Выводы по второй главе

В процессе интерпретации лингвистических средств моделирования образа полиции в российском газетном дискурсе мы пришли к выводу, что актуализация ценностных компонентов «профессионализм / непрофессионализм», «законность / произвол», «гуманность / жестокость», представленных в бинарных оппозициях, характерна для конструирования цельного образа полиции как в проправительственных, так и оппозиционных изданиях, однако, коннотативный вектор вербализации компонентов и средства оказания речевого воздействия резко различаются.

Ценностная модель образа российской полиции в проправительственном газетном дискурсе складывается из обоснования наличия у представителей правопорядка профессионально-деловых и морально-нравственных качеств, репрезентированных в контекстах посредством дополнительных номинантов «компетентность», «оперативность», «бесстрашие», выделенных в рамках вербализации компонента «профессионализм», «цивилизованность», «правомерность», и «этичность», актуализирующих компонент «гуманность», а также за счет аргументации *юридической компетентности* сотрудников полиции, *правомерности / легитимности* и *целесообразности / мотивированности* их тактических действий в рамках компонента «законность». Обозначенные номинанты способствуют моделированию образа представителей правопорядка,

руководствующих в своей профессиональной деятельности не только государственно-охранительными приоритетами, но также стоящих на страже жизни, здоровья, прав, свобод и интересов граждан, что позволяет рассматривать сотрудников полиции в качестве блюстителей гражданско-правовых, абсолютных, государственно-политических, экономических, исторических и религиозно-конфессиональных ценностей и приравнивать социальный институт полиции к общественной, личностной и государственной ценности.

Выделенные в проправительственных контекстах вспомогательные номинанты «*беззаконие*» и «*насилие*» способствуют объективации компонента «произвол» образа полиции, а компонент «жестокость» актуализируется с помощью таких номинантов, как «*безжалостность / бесчеловечность*» и «*дикость*». Перечисленные номинанты свидетельствуют о превышении должностных полномочий сотрудниками полиции, которые при осуществлении своих служебных обязанностей игнорируют абсолютные, гражданско-правовые и профессиональные ценности, что превращает социальный институт полиции в личностную, общественную и государственную антиценность.

Редакционной политикой оппозиционных изданий является дискредитация правительства и его институтов, однако, в ходе интерпретации языкового материала, мы пришли к выводу, что в российском оппозиционном газетном дискурсе конструируется противоречивая модель полиции. Так, авторами медиатекстов моделируется как резко отрицательный образ полиции, так и положительный. Кроме того, в отдельных контекстах прослеживается тенденция к неаргументированной концептуализации института полиции, основанной на наличии в общественном сознании устойчивых стереотипов, препятствующих адекватному восприятию и интерпретации текущих событий и способствующих распространению негативных ассоциаций и ложных установок относительно полиции и ее деятельности.

Позитивно-ценностная модель полиции базируется на обосновании наличия у сотрудников полиции профессионально-деловых и морально-нравственных качеств, способствующих актуализации положительных прагматических смыслов и выделению таких дополнительных номинантов образа, как «*компетентность*», «*правомерность*», «*эффективность / результативность*», «*толерантность*» и

«уважение», которые способствуют восприятию образа правоохранительных структур в качестве стражей государственно-политических, гражданско-правовых, абсолютных, этических, профессиональных и натуральных ценностей, следовательно, сами могут в равной степени рассматриваться как государственная, общественная и личностная ценность.

Негативно-ценностная модель образа полиции актуализируется посредством обоснования положения о превышении полицейскими своих должностных полномочий, которое заключается в отсутствии необходимости и целесообразности применения физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия и насильственных методов принуждения, что актуализируется в контекстах с помощью вербализации компонентов «непрофессионализм», «произвол» и «жестокость». Тезис о пренебрежении полицейскими своими служебными обязанностями подкрепляется аргументами об отсутствии у представителей власти юридической компетентности и наличии высокого уровня профессиональной деформации, способствуя выделению таких дополнительных номинантов, как «беззаконие», «халатность», «формализм», «некомпетентность», «подлог», «враждебность», «предвзятость», «насилие», «агрессия», «цинизм / глумление», «неорганизованность». Выявленные номинанты направлены на конструирование пейоративного образа полиции, пренебрегающей гражданско-правовыми, абсолютными, государственно-политическими, этическими, профессиональными и коммунитарными ценностями, и репрезентацию правоохранительных органов в качестве личностной, общественной и государственной антиценности. Таким образом, оппозиционные газеты, поддерживающие тенденцию к гуманизации общества и либерализации правового сознания граждан, репрезентируют институт полиции не только в качестве государственного инструмента подавления и принуждения, но и как карательный орган, действующий самоуправно и беспринципно.

ГЛАВА 3. ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ОБРАЗА АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В данной главе на основе интерпретации языковых средств, способствующих актуализации в рамках стратегии оценочной аргументации компонентов «профессионализм / непрофессионализм», «законность / произвол», «гуманность / жестокость», конструируются две ценностные модели образа правоохранительных органов США, репрезентированные в американском проправительственном и оппозиционном газетном дискурсе.

3.1. Вербализация ценностных компонентов образа полиции США в проправительственном газетном дискурсе

3.1.1. Компонент «профессионализм / непрофессионализм» в американских проправительственных газетах

В период с 1 января 2020 по 1 января 2022 г. методом сплошной выборки нами было отобрано 167 медиатекстов, размещенных в таких американских проправительственных изданиях, как «The Associated Press» (102 статьи) и «The Wall Street Journal» (65 статьи), где в контекстах посредством вербализации ценностного компонента «профессионализм» моделируется положительный образ правоохранительных органов. Контексты, актуализирующие компонент «непрофессионализм», в данном параграфе не будут рассматриваться по причине того, что основной упор в них делается на применении полицейскими физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, что мы в своем исследовании относим к компоненту «жестокость» и интерпретируем в третьем параграфе данной главы (3.1.3. Компонент «гуманность / жестокость» в американских проправительственных газетах). Основная тематика в обозначенных изданиях представлена медиатекстами, освещающими деятельность полиции по: 1) обеспечению общественного порядка во время публичных и массовых мероприятий; 2) предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступных посягательств на жизнь и здоровье, а также имущество граждан;

3) предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере киберпреступности, огнестрельного оружия, незаконного оборота наркотиков, миграции и незаконного пересечения границ, экстремизма и терроризма; 4) предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений с применением огнестрельного оружия, а также на почве национальной и расовой неприязни, включая случаи с участием представителей общественного движения Black Lives Matter. Кроме того, издания публикуют информацию о законопроектах, направленных на реформирование полиции, и полицейские отчеты.

Рассмотрим актуализацию компонента «профессионализм» образа полиции США в контекстах, представленных в газетных публикациях, которые посвящены одному из самых ключевых политических событий в истории США за последнее десятилетие, поставившего под угрозу принципы демократии и поднявшего вопрос об упразднении правоохранительной структуры как института – митинг у здания Капитолия США, переросший в вооруженное столкновение с полицией.

В контексте, представленном в статье «After deadly siege, lawmakers ask why police so outnumbered» [AP, 09/01/2021], адресантом моделируется образ высококвалифицированных, надежных и самоотверженных офицеров полиции Капитолия, чьи высокопрофессиональные действия способствовали эффективному обеспечению безопасности жизни и физического благополучия конгрессменов: *Once the breach of the Capitol building was inevitable, officers prioritized lives over property, leading people to safety. <...> Not one member of Congress or their staff was injured*). Лексема *safety*, словосочетание *prioritized lives* и отрицательное местоимение *not one* направлены на конструирование образа полиции, ставящей **абсолютные ценности** превыше всего. В рассматриваемом контексте ценностный компонент «профессионализм» образа полиции США эксплицируется в аргументах председателя Союза полицейских Капитолия Г. Папатанасиу, который заявил, что «*гордится отдельными офицерами*» (*Gus Papathanasiou <...> said he was “incredibly proud of the individual officers whose actions protected the lives of hundreds of members of Congress and their staff”*) и начальника полиции С. Санда, который считает, что полиция в данных обстоятельствах действовала «*доблестно*» (*... officers “acted valiantly when*

faced with thousands of individuals involved in violent riotous actions”). Речевая интенция усиливается за счет противопоставления агрессивно настроенной толпы мятежников (*thousands of rioters; running wild*) офицерам полиции, уступающим по численности участникам беспорядков (*Only a few dozen guarded the West front of the Capitol*). Глаголы с деструктивной семантикой *to injure, to mock, to ridicule, to threaten* и существительные с негативной семантикой *pain* и *scream* в аргументах «... *police officers were injured, mocked, ridiculed and threatened*» и «*The young officer is pinned between a riot shield and metal door. Bleeding from the mouth, he cries out in pain and screams, “Help!”*» способствуют апелляции к эмоциям адресата с целью вызвать эмпатию к представителям правоохранительных органов, оказавшихся в затруднительном положении. Готовность сотрудников полиции пожертвовать своей жизнью ради спасения других людей аргументируется в следующих предложениях «*Capitol Police officer, Brian Sicknick, died Thursday night from injuries suffered during the riot. Four other people also died because of the capitol violence*» и «*In one stunning video, a lone police officer tries to hold off a mob of demonstrators from cracking into the lobby*». Классический пример сцепления можно проследить в аргументе Г. Папатанасиу: *Our officers did their jobs. Our leadership did not. Our law enforcement partners that assisted us were remarkable*. Так, прием контраста, реализуемый за счет противопоставления офицеров полиции руководству страны, способствует убеждению аудитории в эффективности и надежности правоохранительных органов, репрезентируемых на фоне халатного отношения правительства к своим обязанностям по обеспечению государственной безопасности. Притяжательное местоимение *our* и прилагательное *remarkable* способствуют также реализации семантической категории «свой-чужой», где полиция причисляется к категории «свой», а политические лидеры – «чужой». Кроме того, правоохранительные органы рассматриваются в данном контексте в качестве защитников символов демократии, исторически представляющих для американского населения *государственно-политические ценности*, а вооруженное восстание в здании Капитолия может быть приравнено к осквернению храма (*религиозно-конфессиональные ценности*) за счет эпитета *hallowed symbols of democracy: They (rioters) breached the line moments later, and rioters soon broke into the*

building, taking over the House and Senate chambers and running wild in Statuary Hall and other hallowed symbols of democracy. Репрезентация полицейских в качестве лиц, самоотверженно служащих своей стране и народу, а также заботящихся об **абсолютных** и **государственно-политических ценностях**, осуществляется в контексте также с помощью эпитетов *violent riotous actions*, *incredibly dangerous situation*, *incredibly proud*, метафоры *Capitol violence* и эмотивной конструкции *Help!*.

Вербализацию ценностного компонента «профессионализм» можно проследить в нейтральном контексте, взятом из медиатекста «Washington Legislature set to meet amid pandemic, unrest» [AP, 10/01/2021], в котором офицеры полиции репрезентируются в качестве блюстителей общественного порядка и безопасности членов Конгресса США. Предлог *amid*¹⁹ придает заголовку оттенок официально-делового звучания, а запятая устанавливает знак равенства между существительными *pandemic* и *unrest*, делая их контекстными синонимами. Конструирование образа надежной и квалифицированной полиции, которой можно доверить обеспечение правопорядка происходит за счет положительно-маркированной лексики *security* и прилагательного *strong* в аргументе: *The Washington State Patrol, which oversees security of the Capitol campus, has said there will be a strong law enforcement presence.* Лексемы с положительной коннотацией *faith* и *security*, употребленные сенатором М. Дхингра (*Democratic Sen. Manka Dhingra <...> said she had faith in law enforcement officials who have been working with the legislature to address security concerns*), способствуют репрезентации правоохранительных органов в качестве защитников государственных и общественных интересов.

Теперь рассмотрим вербализацию компонента «профессионализм» образа полиции США в медиатекстах, посвященных борьбе правоохранительных агентств с киберпреступностью. Так, в медиатексте «Inside the Secret Service's Training Lab for Cyber Crime Fighters» [WSJ, 19/11/2021], построенном в форме интервью, сообщается информация о качественной подготовке офицеров Секретной службы, в чьи обязанности входит как защита президента, так и расследование финансовых

¹⁹ *amid preposition* : in the middle of or during something, especially something that causes excitement or fear (formal) [Oxford Learner's Dictionary: [http](http://)]

преступлений, в том числе киберпреступлений. В анализируемом контексте адресантом в эксплицитной форме аргументируется положение о компетентности правоохранительных органов, способных принять своевременные меры по противодействию преступлениям в сфере компьютерной информации: *These guys (police officers) cover all elements of digital evidence forensics from analyzing computers through to, more recently, things like drones, increasingly things like cryptocurrency and everything else as well, everything that investigators might need to really get to grips with all kinds of digital crimes*. Разговорная лексема *guy*²⁰, наречие *really* и идиома *get to grips*²¹ способствуют реализации тактики установления доверительных отношений с аудиторией. Речевая интенция достигается в контексте за счет упоминания президента США Д. Байдена и его администрации, рассматривающих киберпреступность как угрозу национальной безопасности наравне с терроризмом: *... especially with the way that cybercrime has now been elevated by the Biden administration to the level of a national security threat*), и усиливаются в параллельной конструкции *now increasingly you're seeing the justice department, you're seeing treasury, you're seeing the energy department, commerce, the state department, all these levers of government coming together to respond to it in a way that is very analogous to how government responds to terrorism and other threats as well*. Так, намеренное нарушение грамматических норм языка (глагол *to see*, принадлежащий к группе глаголов восприятия, не используется в длительном времени) может указывать на желание адресата привлечь внимание аудитории к острой стоящей в американском обществе проблеме – терроризму и подчеркнуть сплоченность государственных институтов в борьбе с организованной преступностью. Интенция убеждения аудитории в высокой эффективности полиции и конструирование образа правоохранительных органов, способных защитить государство, общество и граждан от различных угроз, реализуются на фоне противопоставления способностей и ресурсов современных полицейских с их ограниченными возможностями несколько лет назад, усиливающегося за счет метафор *mountain of digital evidence* и *a handful of specialists: What states and local*

²⁰ *guy* noun : a man (informal) [Cambridge Dictionary: <http>]

²¹ *come/get to grips with something* : to make an effort to understand and deal with a problem or situation (idiom) [Cambridge Dictionary: <http>]

governments found was that there was a growing mountain of digital evidence they needed to process, but the only people who could really handle it were the Federal Bureau of Investigation and a handful of specialists around the country. <...> it was taking months sometimes to get evidence, get forensics back and everything else. Речевое воздействие и оценочный компонент в широком контексте достигаются также с помощью наречий *increasingly, obviously, mostly, immediately, seriously*, эпитетов *the real destructive force, pretty effective, a huge benefit*, профессиональной лексики *to combat cybercriminals, to deter and catch cyber, to investigate financial crimes, to detect hackers on networks, to grip with network intrusion, transmission of money*, юридической терминологии *bank fraud, wire fraud, hacking, ransomware, cyber stalking, harassment* и научно-технических терминов *digital means, drones, ransomware attacks*, а также сравнительной степени прилагательных *more complex scenarios, more applicable*. Таким образом, в рассматриваемом контексте правоохранительные органы США репрезентируются в качестве блюстителей ***государственно-политических, абсолютных, экономических ценностей*** на фоне описания угроз, создаваемых киберпреступностью во всем мире, и усилий, предпринимаемых полицией, по борьбе с ней.

Далее рассмотрим медиатексты, отнесенные к блоку «Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование незаконной деятельности и преступных посягательств на жизнь и здоровье граждан». Так, в нейтральном контексте, взятом из медиатекста «Five Dead in Wisconsin After Driver Plows Into Waukesha Christmas Parade» [WSJ, 22/11/2021], адресантом в имплицитной форме актуализируется компонент «профессионализм». Вербальная метафора *plowed* в предложении «*A red SUV plowed through police barricades and into a local Christmas parade Sunday afternoon, killing five people and injuring more than 40, including children*» дает представление о силе воздействия, оказанного нарушителем ПДД на граждан и полицию, а также в определенной степени создает эффект деперсонализации пострадавших. Ссылка на слова начальника городской полиции Д. Томпсона служит аргументом в пользу грамотных действий правоохранительных органов, способствующих поимке правонарушителя (*Police have recovered the vehicle and a person of interest is in custody, city police Chief Daniel Thompson said*). Оборот *a person of interest*, способствующий

снижению степени эмоциональности и оценочной маркированности происходящего, в сочетании с информацией, о том, что имена погибших не разглашаются, свидетельствует о соблюдении полицией этических норм. Глагол *to work*, употребленный в прошедшем длительном времени в предложении «*The police were working with the medical examiner to confirm fatalities*», аргументирует положение о добросовестном выполнении сотрудниками полиции своих служебных обязанностей, направленных на выяснение всех обстоятельств по делу. Таким образом, в рассматриваемом фрагменте правоохранительные органы выступают в качестве защитников *абсолютных и этических ценностей*.

Агенты Федерального бюро расследований признаются гражданами США эталоном профессионализма, что находит подтверждение в нейтральном контексте, представленном в статье «FBI Confirms Brian Laundrie's Remains Found in Florida Nature Reserve»: *Human remains found in a Florida nature reserve are those of Brian Laundrie, a person of interest in the death of his fiancée Gabby Petito, the Federal Bureau of Investigation said Thursday, after a weekslong manhunt that garnered national attention. Investigators earlier this week had found what appeared to be human remains and a backpack and notebook that belonged to Mr. Laundrie in the Carlton Reserve near Myakkahatchee Creek Environmental Park in North Port, Fla., Michael McPherson, special agent in charge of the FBI's Tampa field office, said Wednesday. The area had been underwater until recently, Mr. McPherson said, making search efforts for the team more challenging* [WSJ, 21/10/2021]. Экспликация компонента «профессионализм» в рассматриваемом контексте происходит за счет словосочетаний *weekslong manhunt*, *search efforts*, *more challenging*, свидетельствующих об ответственном подходе стражей порядка к выполнению своих должностных обязанностей, а также опытности в расследовании преступлений. Предлог *among* в словосочетании *among other measures* указывает на компетентность и эффективность ФБР по процедуре расследования уголовных дел (*The investigation included an examination of Mr. Laundrie's skeletal remains and work with a forensic anthropologist involving skeletal reconstruction, among other measures*). Так, на фоне нейтрального контекста

адресантом конструируется положительный образ правоохранительной системы, стоящей на страже *абсолютных ценностей*.

Таким образом, в американском проправительственном газетном дискурсе конструируется исключительно мелиоративный образ полиции посредством актуализации ценностного компонента «профессионализм», в рамках которого нами были выделены такие дополнительные номинанты образа, как «компетентность» (59%), «безопасность» (34%), «надежность» (6%) и «эффективность» (1%).

Приведем статистику встречаемости средств выразительности, способствующих вербализации ценностного компонента «профессионализм».

<i>Экспликация</i>			<i>Импликация</i>		
	Количество примеров в контексте			Количество примеров в контексте	
Лексемы со значением <i>компетентность</i>	- a search, to search	29	лексико-семантические средства	- юридическая терминология	38
	- to combat crime / criminals / cybercriminals	24		- профессиональная лексика	19
	- to fight against crime / criminals / criminality	19		- техническая терминология	5
	- to investigate (financial) crimes	12		- контекстуальная синонимия	1
	- to detect (hackers on networks)	6			
Лексемы со значением <i>безопасность</i>	- safety	21	лексико-стилистические средства	- эпитеты	34
	- security	18		- метафоры	13
	- to protect the lives	11		- сцепление	1
	- prioritized lives	2			
Лексемы со значением <i>надежность</i>	- faith	7	лексико-синтаксические средства	- параллельные конструкции	6
	- to be proud of the individual officers	2		- эмотивные конструкции	5
Лексемы со значением <i>эффективность</i>	- remarkable	5	лексико-прагматические средства	- антитеза	5
	- challenging	2		- ссылки на авторитетных лиц и официальные источники	25
	- weekslong manhunt	1			
Итого: 159			морфологические средства	- сравнительная степень прилагательных	16
			Итого: 168		

Таблица 7. Сводная таблица вербализации компонента «профессионализм» образа полиции в американских проправительственных контекстах

Выделенные номинанты образа и коммуникативно-прагматические средства актуализации компонента способствуют обоснованию положения о том, что правоохранительные органы выступают блюстителями абсолютных (41%), государственно-политических (27%), экономических (16%), этических (9%),

гражданско-правовых (5%) и религиозно-конфессиональных (2%) ценностей, следовательно, исходя из процентного соотношения, социальный институт полиции можно рассматривать как личностную (59%), общественную (26%) и государственную (15%) ценность.

Подводя итог, можно отметить, что в рассмотренных контекстах мелиоративный образ органов правопорядка США моделируется в большинстве случаев (91%) на фоне отрицательных и нейтральных контекстов с помощью разнообразных лингвистических способов выражения позитивной оценки действиям правоохранительных органов.

3.1.2. Компонент «законность / произвол» в американских проправительственных газетах

В отличие от российского законодательства, строго регламентирующего деятельность структуры МВД России в Конституции РФ, международных договорах, федеральных законах и различных НПА, в США не существует единого федерального закона, закрепляющего правовой статус сотрудника полиции, его права и обязанности, поэтому деятельность американских правоохранительных органов, согласно поправке 10 Конституции США [US Constitution: [http](http://www.usconstitution.net/USConst.html)], осуществляется в соответствии с Конституциями и законами штатов, а также НПА органов местного самоуправления, к которым относятся, например, городской полицейский ордонанс, закрепляющий правовой статус правоохранительных органов в определенном населенном пункте, «Клятва полицейского» и «Моральный кодекс сотрудника правоохранительного органа» [Каримов 2021: 3].

На наш взгляд, ввиду размытости границ полномочий, возложенных на правоохранительную структуру США, и отсутствия единых централизованных механизмов их регулирования, полиция на протяжении длительного времени сталкивается с проблемами легитимности, основными критериями которой выступают общественное доверие и признание полиции в качестве социального института, реализующего властные и принудительные полномочия с опорой на

юридические нормы, обязательные для исполнения всеми членами общества. Так, одной из важнейших функций полиции является защита конституционных прав, имеющих непосредственное отношение к состоянию личной безопасности граждан страны, однако существует огромное количество примеров антиконституционного поведения самих сотрудников полиции, нарушающих нормативно-правовые, организационно-управленческие и общественно-надзорные механизмы обеспечения прав и свобод человека и гражданина. В связи с этим, для построения максимально объективной ценностной модели образа американской полиции целесообразно рассмотреть контексты, репрезентирующие деятельность правоохранительных органов США, с позиции вербализации ценностного компонента «законность / произвол».

За указанный период нами была составлена выборка из 114 медиатекстов, размещенных в газетах «The Wall Street Journal» (61 статьи) и «The Associated Press» (53 статьи) и содержащих контексты, эксплицирующие и/или имплицитные ценностный компонент «законность / произвол». Основными направлениями деятельности правоохранительных органов в отобранных медиатекстах являются: 1) предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений на почве национальной и расовой неприязни; 2) предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступных посягательств на жизнь и здоровье, а также имущество граждан; 3) обеспечение общественной безопасности во время массовых и публичных мероприятий; 4) предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений в сфере компьютерной безопасности, незаконного оборота огнестрельного оружия и наркотиков, домашнего насилия; 5) обеспечение безопасности дорожного движения и патрулирование территории. Помимо обозначенных направлений деятельности полиции США, проправительственные издания освещают вопросы, связанные с превышением должностных полномочий сотрудниками полиции и реформированием правоохранительной структуры.

Рассмотрим вербализацию компонента «законность / произвол» в контекстах статей, освещающих преступления по мотивам национальной и расовой неприязни и деятельность полиции, направленную на предупреждение, пресечение, раскрытие и

расследование этой категории преступлений, а также взаимодействие правоохранительных органов с представителями движения Black Lives Matter.

В заголовке статьи «Black Lives Matter vs. Eric Adam» [WSJ, 11/11/2021] прослеживается явная оппозиция между органами местного самоуправления в лице мэра города Нью-Йорк Эрика Адамса и активистами движения Black Lives Matter, поддерживающими политику по упразднению полиции как института. Далее в контексте эта оппозиция усиливается за счет реализации семантической категории «свой-чужой», которая реализуется посредством противопоставления позиции главы города, содействующего правоохранительным органам и планирующего укомплектовать и усилить отделы полиции, патрулирующие улицы города (*Mr. Adams has plans to increase the street policing*), а также восстановить полицейские подразделения в штатском (*Mr. Adams's proposal to reinstate plainclothes police units*), агрессивно настроенным представителям активистского движения Black Lives Matter (*... there will be riots that will be fire and there will be bloodshed Mr. Newsome told the New York daily news referring to Mr. Adams is proposal to reinstate plainclothes police units. <...> we will give him hell and make it a nightmare. Now this is no empty threats*). Глагол *will* в данном контексте можно рассматривать как в его первичном значении – указание на будущность событий, так и во вторичном значении, при котором он выступает в качестве модального глагола, указывающего на потенциальную возможность реализации угроз, а его повтор направлен на усиление авторской интенции. Отрицательно-маркированная лексема *threat*, метафоры *hell* и *nightmare*, параллельная конструкция *there will be riots* и *there will be bloodshed* способствуют усилению речевой интенции убеждения аудитории в исходящей для них угрозы от движения Black Lives Matter. Такая враждебность активистов связана с нашумевшим делом Дж. Флойда, погибшего во время задержания 25 мая 2020 года, в результате чего афроамериканское население объединилось против полицейского произвола. Однако радикальные методы ведения антиполицейской политики, принятые активистами Black Lives Matter, выходят за рамки Уголовного Кодекса США и представляют угрозу для мирного населения страны, что аргументируется в контексте за счет глаголов с деструктивной семантикой *to kill*, *to damage* и *to loot*, а также

статистических данных (*After an officer killed George Floyd in Minneapolis last year riders in New York damaged or looted about 450 businesses and a 12 day period*). Употребление соучредителем группы Х. Ньюсом жаргонного слова *cop* и его заявление «*“Everybody talks about ‘good cops,’ said group co-founder Hawk Newsome. “We don’t believe in good cops”*» свидетельствуют о недоверии к мэру и его политике в силу того, что сам Э. Адамс прослужил в полиции 22 года до вступления на эту должность (*Mr. Adams spent 22 years as a cop before entering politics*). Намерения главы города восстановить в правах полицейские подразделения в штатском аргументируются их эффективностью по борьбе с незаконным оборотом оружия (*These officers (NYPD's) had seized hundreds of illegal guns each year in dangerous neighborhoods*) и служат примером имплицитной вербализации ценностных компонентов «законность» и «профессионализм» образа американской полиции, стоящей на страже **государственно-политических и абсолютных ценностей**.

Нашумевшим делом об убийстве по мотивам расовой неприязни в 2020 г. стало дело А. Арбери, цинично убитого тремя белыми мужчинами. Все статьи, посвященные этому инциденту, содержат схожую информацию о причинах, обстоятельствах и месте происшествия, однако, нами была обнаружена статья «*What’s the Latest in the Ahmaud Arbery Murder Trial*» [WSJ, 19/11/2021], в которой адвокат подсудимых пытается переложить ответственность за убийство афроамериканца на полицейских: *Defense attorneys argued he was killed by men trained in law enforcement who were protecting their neighborhood after a rash of burglaries and thefts*. Лексему *rash* в данном контексте можно рассматривать в ее вторичном значении, обозначающем большое количество чего-то, однако, особый интерес представляет ее первичное значение, где существительное *rash*²² является медицинским термином, употребленным в конкретном контексте с целью уподобления преступлений высыпаниям на теле, что предоставляет возможность говорить о частном случае реализации метафорической модели «ПРЕСТУПНОСТЬ – это БОЛЕЗНЬ», следовательно, общество, в котором повсеместно царит преступность тоже является

²² *rash noun* :

1. a lot of small red spots on the skin;
2. a large number of unpleasant events of the same type [Cambridge Dictionary: <http://>]

зараженным из-за попустительства и недостаточных мер, предпринимаемых полицией, по борьбе с угрозами криминального характера. Заявление адвоката было нацелено на зарождение сомнений в виновности обвиняемых у суда присяжных, имеющего в своем составе афроамериканца, который мог потребовать пересмотра материалов дела, ссылаясь на множественные прецеденты проявления чрезмерной жестокости с применением огнестрельного оружия и физической силы сотрудниками полиции и их предосудительное поведение по отношению к цветному населению: *Ransom, a 35-year-old social worker, was the only Black man on the jury that spent a week in a Brunswick, Georgia, courtroom hearing the hate crimes case in U.S. District Court jury.* Бессоюзный тип подчинения в данном атрибутивном придаточном предложении нарушает связность изложения, придавая информации характер фоновых обстоятельств. Юридический термин *hate crime*²³ – преступление на почве ненависти, вынесенное в некоторых штатах США в отдельную юридическую категорию, по своей сути является безэквивалентной лексикой ввиду того, что в Уголовном кодексе РФ не содержится понятия «преступление на почве ненависти», а лишь упоминается несколько статей, например, ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», где акцентируется мотив ненависти в качествеотягчающего уголовную ответственность обстоятельства [УК РФ: [http](http://)]. Таким образом, анализируемый контекст может выступать примером стереотипизации облика стражей порядка в общественном сознании. Однако в медиатексте «3 men charged in Ahmaud Arbery's death convicted of murder» [AP, 25/11/2021] содержится аргумент, полностью опровергающий версию адвоката о причастности офицеров полиции к инциденту: *Bryan joined the pursuit in his own pickup and recorded cellphone video of Travis McMichael fatally shooting Arbery.* Кроме того, далее в контексте, представленном в статье «What's the Latest in the Ahmaud Arbery Murder Trial» [WSJ, 19/11/2021], обосновывается законность действий правоохранительных органов, что указывает на импликацию компонента «законность»: *It put laws authorizing citizens' arrest under scrutiny and led to the passage*

²³ hate crime *noun* : violent acts that are committed against people because they are of a different race or ethnic group, because they are gay, etc. [Oxford Learner's Dictionary: [http](http://)]

of a hate crime law in Georgia. Юридические термины *scrutiny*²⁴ и *passage*²⁵ подчеркивают официальный характер аргумента и усиливают интенцию убеждения реципиента в квалифицированности полиции, стоящей на страже **абсолютных, этических и гражданско-правовых ценностей**.

Далее рассмотрим медиатексты, освещающие вопросы обеспечения охраны общественного порядка во время захвата здания Капитолия. В контексте, взятом из статьи «‘The Protesters Are in the Building’. Inside the Capitol Stormed by a Pro-Trump Mob» [WSJ, 06/01/2021], приведенные адресантом аргументы моделируют крайне неоднозначный образ полиции Капитолия, а оценка квалифицированности и законности действий правоохранительных органов дается на фоне репрезентации их тактики в процессе обеспечения общественного порядка в здании Капитолия во время восстания сторонников экс-президента Д. Трампа. Так, ссылка на слова сенатора К. Кунса направлена на выявление нарушений правил ношения офицером полиции форменной одежды и служебного оружия (*Sen. Chris Coons (D., Del.) said the officer was dressed very casually and carried the weapon in a pink and gray sling that said “police” on it*), а аргумент «*An officer holding what appeared to be a semiautomatic weapon*» свидетельствует о халатности и пренебрежении полицейским своей экипировкой, что можно расценивать как неподготовленность офицеров к обеспечению правопорядка, оказанию сопротивления мятежникам и защите жизни и здоровья конгрессменов (**абсолютные ценности**). Наречие *casually* и глагольное словосочетание *appear to be*, употребленное в аргументе с целью показать неожиданность происходящего, усиливают речевые интенции адресанта. Глагол *to whisk*, указывающий на неожиданность и спешку, в аргументе «*In the House Chamber, the first sign that something was wrong was when Capitol Police whisked Mrs. Pelosi from the podium, where she was presiding*», способствует конструированию образа полиции, действующей необдуманно, бесцеремонно и даже грубо. Вместе с тем такое поведение полицейского можно также трактовать как быстрое реагирование на угрозу жизни и здоровья спикера палаты представителей. Адресант не уделяет

²⁴ *scrutiny noun* : careful and complete examination (formal) [Oxford Learner’s Dictionary: [http](http://)]

²⁵ *passage noun* : the official approval of something, especially a new law (formal) [Cambridge Dictionary: [http](http://)]

должного внимания информации об убийстве женщины (*The unidentified woman shot inside the Capitol died*), однако, делает акцент на действиях офицеров полиции, распыляющих химические вещества в толпу (... *police, who sprayed them with chemical agents*), что можно рассматривать, с одной стороны, как применение насильственных мер и жестокое обращение с гражданами, а, с другой стороны, как выбор офицерами полиции наиболее лояльных методов сдерживания агрессивно настроенных протестующих, угрожающих не только жизни и здоровью конгрессменов, но и конституционным и демократическим устоям американского общества. Данное положение реализуется также в другом аргументе с помощью эпитета *violent tumult* и причастия (Participle I) *threatening*: *Lawmakers and aides described how a typically uneventful proceeding descended into violent tumult, threatening the session and undermining the democratic process*. Аллитерация *Dismal Day for Democracy* и превосходная степень прилагательного *the most dismal* в аргументе члена палаты Представителей Э. Кливера способствуют усилению прагматической функции прогнозирования негативных последствий данного события для всей страны: *“This is the most dismal day for democracy probably since the Civil War,” said Rep. Emanuel Cleaver <...> “We are experiencing, unless something happens to turn it around, the decline of the American empire”*. Кроме того, нельзя не отметить, что конструирование противоречивого образа представителей правопорядка базируется на противопоставлении позиции Д. Трампа, единолично поддерживающего действия правоохранительных органов и призывающего своих сторонников оказать содействие полиции Капитолия (*At 2:38 p.m., Mr. Trump tweeted: “Please support our Capital police and law enforcement. They are truly on the side of our Country. Stay peaceful!”*), и мнения отдельных членов Конгресса, которые выразились резко и критично в отношении офицеров полиции (*Some privately expressed anger toward the Capital police for not doing more to constrain the mob*). Наречие *truly* подчеркивает истинность заверения о преданности полиции народу и стране в целом, а лексема с отрицательной семантикой *anger* апеллирует к эмоциям реципиента и способствует формированию негативных установок в отношении полиции. Конструирование мелиоративного образа представителей закона осуществляется в широком контексте также за счет эпитетов

uneventful proceeding, *violent tumult*, *violent scene*, технического термина *explosive devices*, глаголов и глагольных словосочетаний, придающих динамизм происходящему *to resist*, *to rush*, *to shelter in place* и отрицательно-маркированного существительного со значением эмоционального состояния *horror*. Пейоративный образ правоохранительных органов строится посредством употребления наречий *casually*, *haltingly*, *safely* в словосочетании *couldn't leave the buildings safely*, прилагательного *chaotic*, глагола *to retreat* в словосочетании *outnumbered officers retreated*, глагола *to spray* в словосочетании *sprayed them with chemical agents*, а также с помощью реализации тактики навешивания ярлыков (*traitor*). Таким образом, анализируемый контекст можно рассматривать в качестве примера актуализации аксиологической оппозиции в репрезентации образа полиции Капитолия посредством вербализации диаметрально противоположных компонентов «произвол» и «законность», а ценностная модель образа правоохранительных органов основывается на аргументации в пользу прилагаемых усилий офицеров полиции по сохранению **государственно-политических** и **абсолютных ценностей**, несмотря на пренебрежение некоторыми правилами и принципами несения службы (**профессиональные ценности**).

В контексте, представленном в статье «2 Seattle officers placed on leave in probe into Capitol mob» [AP, 09/01/2021], можно наблюдать актуализацию ценностного компонента «законность» образа правоохранительных органов в аргументе заместителя начальника полиции Капитолия А. Диаза, заверяющего аудиторию в проведении проверки по факту участия офицеров полиции в незаконной деятельности и их участия в мятеже: *If any SPD officers were directly involved in the insurrection at the U.S. Capitol, I will immediately terminate them*. Глагол *will* в условном предложении первого типа выступает в качестве модального глагола в значении угрозы, а наречие *immediately* свидетельствует о принципиальности и серьезности намерений руководства полиции привлечь к ответственности своих подчиненных в случае выявления факта нарушения политики департамента. Однако употребление пассивного залога (*were involved*) указывает на косвенную причастность сотрудников ведомства, что частично, во-первых, снижает их ответственность за содеянное, а, во-

вторых, способствует реализации стратегии дистанцирования и снижению степени эмоциональной вовлеченности адресанта в проблему. Аргументом, подтверждающим позицию А. Диаза, выступает ссылка на слова директора Управления подотчетности полиции Э. Майерберга о проведении расследования по факту причастности офицеров полиции к событиям в Капитолии: *There's a picture that circulated on social media of the two officers at the protest rally. So, yes, we believe they were there, but we don't know all the facts yet, so that's why we're doing the investigation.* Так, оборот *So, yes*, указывающий на признание истинности происходящего, и антитеза с противительным союзом *but* способствуют моделированию образа объективной и беспристрастной полиции, руководствующейся в своих действиях нормами права, соблюдающей все процессуальные процедуры (**гражданско-правовые ценности**), а также ведущей борьбу с личностями, подрывающими авторитет силовых структур (**этические и профессиональные ценности**) и наносящими ущерб демократическим устоям общества и государства.

Далее рассмотрим медиатексты, которые можно отнести к менее распространенным блокам. Так, в статье под заголовком «Police Have a Tool to Take Guns From Potential Shooters, but Many Aren't Using It» [WSJ, 15/11/2021] поднимается вопрос о пренебрежении полицией законами о контроле за огнестрельным оружием (*red-flag laws*), которые разрешают временное изъятие огнестрельного оружия у лица, представляющего опасность для окружающих: *The most broadly adopted gun-control measure in the U.S. in recent years is rarely being used in many cities and counties, government data show. <...> The sporadic use of red flag laws has frustrated some prosecutors and police who say more frequent use could prevent shootings and suicides.* Однако антитеза с противительным союзом *but* в сочетании с глаголом *to use*, употребленным в настоящем длительном времени, в заголовке свидетельствуют о попустительстве стражей порядка, имеющего место на протяжении долгого периода времени, в результате чего неоднократно возникала угроза жизни и здоровья мирного населения (**абсолютные ценности**). Наречия *broadly* и *rarely* можно рассматривать как пример контекстуальной антонимии. Тезис о недобросовестном исполнении правоохранительными органами своих служебных обязанностей, выдвинутый в

заголовке, аргументируется в предложении «*In some cases police failed to use the laws despite warnings about people who went on to carry out mass shooting*», где предлог *despite* усиливает речевую интенцию и способствует выделению номинанта «*халатность*». Такое излишне снисходительное отношение со стороны офицеров полиции укореняет в сознании одних граждан идею о безнаказанности и несостоятельности полиции в применении законодательства, а у других людей складывается мнение о безответственности офицеров полиции, в результате чего возникают предубеждения и недоверие к структуре в целом.

Вопрос о сокрытии местными полицейскими департаментами своих нарушений и препятствование ФБР в обнародовании случаев превышения должностных полномочий офицерами полиции поднимается в медиатексте «*Local Law-Enforcement Agencies Thwart FBI Push to Track Police Use of Force*» [WSJ, 09/12/2021]. Глагол с выраженной негативной семантикой *to thwart*²⁶ в заголовке способствует экспликации компонента «произвол» образа американской полиции. В контексте интенция убеждения адресанта в неповиновении и своевластии полицейских подразделений усиливается за счет наречия *too*²⁷, подчеркивающего возмущение агентов ФБР неподчинением нижестоящих инстанций, а также обосновываются с помощью обнародования статистических данных: *The Federal Bureau of Investigation might have to eliminate a program that aims to track how often law-enforcement officers across the U.S. use force against citizens because too few agencies have submitted their statistics, according to a newly released government watchdog report. <...> ... collected data representing about 57% of local state and federal officers in the US those officers were part of the roughly 7500 law-enforcement agencies that provided data to the bureau out of more than 18,000 queried across the country.* Такое несоблюдение субординации и отказ от выполнения требований вышестоящих органов свидетельствует о нарушении **этических** и **профессиональных** норм и **ценностей**, а также принципа открытости и публичности в деятельности правоохранительной структуры.

²⁶ *thwart verb transitive* in American English : to hinder, obstruct, frustrate, or defeat (a person, plans, etc.) [Collins Dictionary: [http](http://)]

²⁷ *too adverb* used to emphasize something, especially your anger, surprise or agreement with something [Oxford Learner's Dictionary: [http](http://)]

Вербализацию компонента «законность» посредством признания легитимности правоохранительной системы и одобрения ее деятельности со стороны органов местного самоуправления можно проследить в контексте, представленном в статье «Refunding the San Francisco Police» [WSJ, 16/12/2021]. Так, анафорический повтор *It's time* выступает экспозицией для последующего повествования, придавая ему эмоциональную окраску: *It's time that the reign of criminals who are destroying our city — it is time for it to come to an end ... And it comes to an end when we take the steps to be more aggressive with law enforcement, more aggressive with the changes in our policies, and less tolerant of all the bull — that has destroyed our city*». Анализируемый аргумент способствует конструированию образа полиции в роли союзника государства по борьбе с преступностью, а легитимность правоохранительных органов и законность применения ими жестких мер эксплицируется с помощью лексического повтора прилагательного *aggressive*, контекстуальной антонимией с прилагательными в сравнительной степени *more aggressive – less tolerant*, глагола с деструктивной семантикой *to destroy*, употребленного в настоящем совершенном времени, а также разговорного слова с отрицательной коннотацией *bull*²⁸. Повтор притяжательного местоимения *our* способствует реализации семантической категории «свой-чужой», где полиция, стоящая на *страже государственно-политических и гражданско-правовых ценностей*, относится к категории «свой». Убеждение аудитории в легитимности и значимости правоохранительных органов происходит в контексте с помощью сравнительной степени прилагательных *more* в словосочетаниях *more policing, more funding* и наречия *even*, подчеркивающих важность оказания поддержки полиции всеми членами общества: *As crime has risen, the defund-the-police movement has become a political liability even for Democrats in progressive cities <...> She'll introduce a supplement to the current budget to pay for more policing. She also wants more funding in the next budget for officer overtime and police academy classes.*

Итак, в ходе рассмотрения контекстов, актуализирующих компонент «законность / произвол» образа американской полиции, мы пришли к выводу, что, несмотря на признание существующих проблем в правоохранительной структуре,

²⁸ *bull noun* : complete nonsense or something that is not true (informal) [Cambridge Dictionary: <http://>]

речевые интенции преимущественно направлены на моделирование мелиоративного образа (79 контекстов – 69%), основанного на признании легитимности данного института государством и населением страны. В 25 контекстах (22%) конструируется пейоративный образ полиции посредством вербализации компонента «произвол», а в 10 контекстах (9%) имеет место апелляция к стереотипам и ложным установкам в репрезентации правоохранительных органов, поэтому здесь можно говорить только о неаргументированной концептуализации института полиции.

Ассоциативно-смысловое поле компонента «законность» в американском проправительственном газетном дискурсе складывается из номинантов «*надежность*» (49%), «*правомерность*» (22%), «*компетентность*» (17%) и «*оперативность / результативность*» (12%), а лексико-семантическое поле компонента «произвол» позволяет выделить такие вспомогательные номинанты образа полиции США, как «*насилие*» (61%), «*халатность*» (15%), «*неорганизованность*» (10%), «*самоуправство*» (5%) и «*бесцеремонность / грубость*» (3%). Кроме того, одним из приемов актуализации компонента «произвол» в американском проправительственном газетном дискурсе выступает тактика «навешивания ярлыков», а также реализация стратегии дистанцирования.

Приведем статистику частотности употребления коммуникативно-прагматических средств, способствующих актуализации ценностного компонента «законность / произвол» образа полиции США.

	Экспликация			Импликация		
Компоненты		Количество примеров в контексте			Количество примеров в контексте	
	Лексемы со значением <i>надежность</i>	- to protect people / lives / neighborhood / property - safety, safe	27 16	лексико-семантические средства	- юридическая терминология - техническая лексика - разговорная лексика - жаргонная лексика - модальные глаголы - контекстуальная антонимия	27 13 8 4 4 1
	Лексемы со значением	- laws authorizing (arrests) - red-flag law	10 4		лексико-стилистические средства	- эпитеты - метафоры - лексический повтор

Законность	правомерность	- passage - gun-control measure - scrutiny	2 2 1			
	Лексемы со значением компетентность	- to patrol (streets) - to seize guns / drugs	8 7	лексико- синтаксические средства	- параллельные конструкции - антитеза - анафорический повтор	6 5 1
	Лексемы со значением оперативность / результативность	- immediately - to resist - to rush - to shelter	5 4 1 1	лексико- прагматические средства	- ссылки на авторитетных лиц и официальные источники - статистические данные	14 6
				морфологические средства	- сравнительная и превосходная степень прилагательных	9
				фонетические средства	- аллитерация	1
				Итого: 88		
Произвол	Лексемы со значением насилие	- violent, violence - to spray chemicals / chemical agents - to treat	14 7 5	лексико- семантические средства	- профессиональная лексика - юридическая терминология - жаргонная лексика - контекстуальная антонимия	15 14 3 2
	Лексемы со значением халатность	- to retreat - dressed casually - weapon in a pink and grey sling	3 2 1	лексико- стилистические средства	- эпитеты - метафоры	18 11
	Лексемы со значением неорганизованность	- chaotic - sporadic - haltingly	2 1 1	лексико- синтаксические средства	- антитеза - условное наклонение	12 2
	Лексемы со значением самоуправство	- to thwart	2	лексико- прагматические средства	- статистические данные - ссылки на авторитетных лиц и официальные источники	13 9
	Лексемы со значением грубость / бесцеремонность	- to whisk	1			
	Итого: 39					
				Итого: 99		

Таблица 8. Сводная таблица вербализации компонента «законность / произвол» образа полиции в американских проправительственных контекстах

Выделенные в рамках компонента «законность» номинанты позволяют нам сделать вывод, что американские проправительственные издания целенаправленно конструируют образ полиции, стоящей на страже гражданско-правовых (42%), абсолютных (33%), государственно-политических (25%) ценностей, что позволяет

относить правоохранительные органы к личностной (50%), общественной (33%) и государственной (17%) ценности. Номинанты, выделенные в рамках компонента «произвол», способствуют моделированию образа полиции, игнорирующей абсолютные (50%), этические (33%) и профессиональные (17%) ценности, что направлено на признание института полиции личностной (72%), общественной (21%) и государственно (7%) антиценностью.

Стоит особо подчеркнуть, что признание гражданами легитимности правоохранительных структур США и их эффективности зачастую зависит от позиции правящей и оппозиционной партий, а политические и идеологические разногласия приводят к разделению социума на людей, выступающих в поддержку полиции и ее политики, и тех, кто выражает недовольство и отстаивает идеи по упразднению полиции как социального института.

3.1.3. Компонент «гуманность / жестокость» в американских проправительственных газетах

Существенное отличие между тактическими действиями сотрудников полиции России и США при выполнении ими служебных обязанностей по охране и обеспечению общественного порядка, задержанию и доставлению преступников и правонарушителей в территориальные отделы полиции, а также по другим аспектам правоохранительной деятельности, где необходимо применение физической силы, специальных средств (палки, газовые средства, электрошоковые устройства, служебные животные, средства принудительной остановки транспорта и другое) и огнестрельного оружия в отношении граждан заключается в том, что российская полиция преимущественно применяет физическую силу и специальные средства, а американская полиция прибегает к огнестрельному оружию. Такое различие в специфике действий полицейских организаций двух стран связано в первую очередь с их законодательством. Так, в России сотрудникам полиции запрещено применять огнестрельное оружие «при значительном скоплении граждан, если в результате его применения могут пострадать случайные лица» [ФЗ «О полиции»: [http](http://www.consult.ru/document/cons_doc_num_152821)], в то время как, согласно второй поправке к Конституции США [US Constitution: [http](http://www.usconstitution.net/USC.htm)], в

большинстве штатов гражданам разрешается официально приобретать, хранить и владеть огнестрельным оружием (Lethal/deadly force), следовательно, офицеры полиции должны быть готовы к быстрому и более жесткому реагированию на исходящую от вооруженного гражданина потенциальную угрозу для себя и окружающих. В связи с этим, ниже рассмотрим контексты, репрезентирующие деятельность полиции США с применением огнестрельного оружия, специальных средств и физической силы, где происходит актуализация компонента «жестокость / гуманность» образа американской полиции.

За отмеченный период методом сплошной выборки нами было отобрано 249 медиатекстов, размещенных в проправительственных изданиях «The Associated Press» (134 статьи) и «The Wall Street Journal» (115 статей). Основная тематика в обозначенных изданиях представлена статьями, репрезентирующими деятельность американских правоохранительных структур по таким аспектам, как 1) предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений с применением огнестрельного оружия; 2) предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений на почве национальной и расовой неприязни; 3) обеспечение общественного правопорядка во время публичных и массовых мероприятий; 4) предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков и огнестрельного оружия; 5) борьба против экстремизма и терроризма; 6) предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений против свободы, чести и достоинства личности, включая похищение и торговлю людьми, использование рабского труда, а также против половой неприкосновенности и половой свободы личности; 7) предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Помимо обозначенных направлений деятельности полиции в изданиях освещаются вопросы, связанные с превышением должностных полномочий офицерами и реформированием всей правоохранительной системы.

Рассмотрим контексты, в которых освещаются тактические действия правоохранительных органов, направленные на предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений с применением огнестрельного оружия.

В контексте, представленном в статье под заголовком «Rifle shooting suspect dies in Santa Rosa police custody» [AP, 19/11/2021], адресантом без употребления экспрессивно-оценочной лексики имплицруется ценностный компонент «гуманность» образа правоохранительных органов, которые, несмотря на исходящую от вооруженного и не вполне вменяемого гражданина угрозу (*A 40-year-old man who witnesses said had been acting erratically and firing a rifle at random in a Santa Rosa street <...> was shirtless, holding a large rock and sweating profusely <...> Residents told the newspaper they saw the man walking around the neighborhood, shouting and firing a rifle*), даже после отказа повиноваться законным требованиям офицеров полиции применяют только физическую силу и специальные средства (*The man (Jordon Pas, 40) did not comply with orders from officers, so one of the officers shocked him with his stun gun <...> The man fell to the ground and continued to resist, but officers were able to handcuff him and turn him on his side*). Обоснование целесообразности применения специальных средств реализуется в контексте с помощью наречия *erratically* и идиомы *at random*, указывающих на спонтанность и непредсказуемость поведения правонарушителя, а глагольное словосочетание *continue to resist* способствует обоснованию его агрессивности. Конструкция *to be able to*, употребленная в контексте в прошедшем времени, свидетельствует о квалифицированности офицеров полиции и их способности противостоять вооруженным гражданам, находящимся в состоянии аффекта, на что указывают лексема *rock* и словосочетание *sweating profusely*. Несмотря на тот факт, что мужчина скончался в результате применения электрошокера, интенция убеждения адресата в квалифицированности, оперативности и эффективности стражей порядка, выбравших наиболее гуманный способ нейтрализации угрозы и потенциальной опасности, усиливается с помощью аргумента «*No one else was injured*». Таким образом, в рассматриваемом контексте происходит конструирование образа полиции, стоящей на страже жизни и здоровья мирных жителей (*абсолютных ценностей*).

Рассмотрим контекст, взятый из статьи «Prosecutor: No charges for officer in fatal court shooting» [AP, 20/11/2021]: *A police officer was justified in using deadly force and will not be charged with any crimes for fatally shooting a defendant who was scuffling with an armed bailiff in a North Carolina courtroom, a prosecutor said Friday. Wake County District Attorney Lorrin Freeman said <...> that his office concluded that Roxboro police officer, J.G. “Trey” Wright III, reasonably believed that he and others were in danger when he shot Christopher Thomas Vaughan <...> “There is not sufficient evidence to support a prosecution. No further investigation is warranted,” <...> Vaughan began arguing with Judge Caroline Burnette before he threw a chair and then rushed toward her <...> ... a sheriff’s deputy working as a courtroom bailiff blocked Vaughan and scuffled with him on the ground. Wright ran to help when Vaughan reached for the deputy’s gun and shot Vaughan in the head during the altercation.* Несмотря на употребление в одном контексте единиц различной стилистической окраски (лексема *altercation*²⁹, принадлежащая официально-деловому стилю, и стилистически нейтральная лексема *to scuffle*³⁰), что, как правило, несет негативный заряд и реализуется с целью дать отрицательную оценку событиям или участникам происшествия, в рассматриваемом контексте происходит объективация целесообразности действий полицейского в ситуации, требующей немедленного устранения угрозы жизни и здоровью людей, даже посредством применения огнестрельного оружия на поражение. С одной стороны, глагол *to scuffle* указывает на непрофессиональное поведение заместителя шерифа Дж. Г. Райта III, а с другой – наречие *reasonably*, глагол *to justify*, употребленный в пассивном залоге (*was justified*), и эпитет *sufficient evidence* с отрицательной частицей *not* способствуют признанию решения о своевременном применении оружия в конкретных обстоятельствах причинно-обусловленным действием, направленным на обеспечение безопасности членов суда и участников судебного слушания (**абсолютные ценности**).

Далее рассмотрим медиатексты, посвященные действиям американской полиции по обеспечению общественного порядка в здании Капитолия во время

²⁹ *altercation noun* : a noisy argument or disagreement (formal) [Oxford Learner’s Dictionary: <http>]

³⁰ *scuffle verb* : to struggle at close quarters with disorder and confusion [Merriam-Webster Dictionary: <http>]

восстания сторонников Д. Трампа. Так, в контексте, представленном в статье «Chicago police union head apologizes for defending mob» [AP, 08/01/2021], адресантом приводится ряд аргументов в оправдание полиции Капитолия, применившей силовые методы подавления мятежа. Ссылка на слова с извинениями за защиту сторонников Трампа, принесенные президентом профсоюза полицейских Чикаго Дж. Кантазара, является примером установления доверительных отношений с аудиторией посредством апелляции к наивысшей ценности – человеческой жизни (... *assault <...> left four other people dead, including a woman who was shot by police*). Наречия *certainly* и *never*, неопределенное местоимение *any* в аргументе «*I certainly would never justify any attacks on citizens, democracy or law enforcement*» служат основанием для репрезентации полиции в качестве пацифистского органа, применяющего силовые методы только в экстренных ситуациях. В аргументе президента Национального Братского ордена полиции П. Йоса осуществляется реализация семантической категории «свой-чужой» с помощью притяжательного местоимения *our*, способствующего апелляции к одним из превалирующих ценностей американского народа – демократии и верховенству закона (**гражданско-правовые ценности**) посредством приравнивания Конгресса к священному месту (**религиозные ценности**): *The National FOP ... sees the incident for what it was — a violent mob of looters and vandals, visiting fear and destruction on one of our nation's most sacred spaces ...*. Эпитет *most sacred spaces*, выраженный прилагательным в превосходной степени, эпитет *violent mob*, пейоративные лексемы *looter and vandal*, существительное со значением эмоционального состояния *fear* и существительное с деструктивной семантикой *destruction* способствуют усилению речевых интенций убеждения аудитории в крайней степени опасности последствий инцидента, на фоне которого конструируется мелиоративный образ полиции и обосновывается необходимость принятия правоохранительными органами незамедлительных и радикальных мер по устранению беспорядков и кровопролития.

В заголовке медиатекста «Capitol Police Officer Said He Shot Ashli Babbitt as 'Last Resort'» [WSJ, 26/08/2021] употребление так называемой «пугающей цитаты»

(Scare Quotes)³¹ в словосочетании *'last resort'* могут, с одной стороны, использоваться адресантом как цитата лейтенанта М. Берда, застрелившего Э. Бэббит во время восстания в здании Капитолия в январе 2021 г., а, с другой – их можно рассматривать в качестве приема выражения скептицизма в отношении заверений полицейского. Далее в контексте сравнительная конструкция *as long as*, употребленная в аргументе *"I tried to wait as long as I could"*, способствует смягчению последствий негуманного поступка офицера полиции, а аргумент *«... he opened fire as a "last resort" as a crowd of rioters smashed through a door of the Speaker's Lobby and approached the lawmakers he said he was trying to protect»* служит обоснованием безвыходности положения полиции Капитолия, которой пришлось выбирать между защитой жизни и здоровья членов Конгресса (**абсолютные ценности**) и обеспечением общественной безопасности путем сдерживания вооруженных мятежников, прорвавших через полицейское оцепление. Однако оборот *he said* в предложении способствует реализации стратегии дистанцирования и может свидетельствовать о неуверенности адресанта в истинности высказывания. Предлог *despite* в предложении *«Lt. Michael Byrd <...> revealing his face and identity on national television despite what he said has been a flood of death threats since the shooting»* акцентирует внимание аудитории на мужестве офицера полиции, который несмотря на бесчисленное количество угроз в свой адрес (метафора *a flood of death threats*), раскрывает общественности свое имя, что позволяет говорить о соблюдении лейтенантом принципа открытости и прозрачности правоохранительной системы и его готовности понести общественное порицание и другие виды взыскания за содеянный поступок. Лексический повтор глагола *to try (tried, trying to protect)* способствует усилению интенции убеждения реципиента в многочисленности попыток, предпринятых полицейским по предотвращению инцидента мирным путем.

Далее рассмотрим медиатекст под заголовком *«Plan to replace Minneapolis PD worries many Black residents»* [AP, 31/10/2021], посвященный вопросам превышения должностных полномочий сотрудниками правоохранительных органов и их расовых предубеждений, ставящих под сомнение эффективность и квалифицированность

³¹ Scare quotes *noun* : quotation marks that a writer puts around a word or phrase to show that it is used in an unusual way, usually one that the writer does not agree with [Oxford Learner's Dictionary: <http://>].

полиции как института. Так, в контексте поднимается вопрос об упразднении института полиции и замене городского полицейского управления новым Департаментом общественной безопасности (... *to replace the city's police department <...> with a new Department of Public Safety*). Однако, несмотря на признание существующих в правоохранительной системе США недостатков (чрезмерная жестокость со стороны полиции – *We have seen Minneapolis police take lives over the last several years and they've taken the lives of all races and backgrounds* (**абсолютные ценности**); расовые предрассудки – *The debate over racial justice in policing that erupted after Floyd's death has brought national attention to Tuesday's vote* (**этические ценности**); нехватка сотрудников – *That trend is compounded by the fact the city is down about 300 officers from its authorized force of 888, partly due to officers claiming post-traumatic stress disorder after Floyd's death and the unrest in the city that followed*), адресантом отстаивается идея о сохранении правоохранительной структуры, поддерживаемой даже афроамериканским населением. Совмещение в контексте художественного и публицистического стилей способствует реализации одновременно функций сообщения, воздействия и убеждения. С целью привлечения внимания аудитории к поставленной в заголовке проблеме адресантом в первом абзаце используется художественный стиль, а интенция убеждения аудитории в озабоченности афроамериканского населения проблемами общественной безопасности в их районе и уверенность в необходимости сохранения правоохранительной системы достигаются с помощью наречия *predominantly*, эпитетов *depressingly routine occurrence* и *staunch opposition*. Далее в заявлении афроамериканского активиста М. Армстронга аргументируется тезис о необходимости реформирования правоохранительной структуры, но отстаивается идея о невозможности ее упразднения в связи с потенциальными опасностями, которые могут возникнуть в результате ликвидации ее как института: *"Everybody says we want the police to be held accountable and we want fair policing. No one has said we need to get rid of the police," said Armstrong, a Black activist <...> "There needs to be a huge overhaul from the ground up, but we need some form of community safety because over here shots are ringing out day and night"*. Так, параллельная конструкция *we want*,

определительное местоимение *everybody* и неопределенное местоимение *no one*, выступающие в аргументе контекстуальными антонимами, выражают субъективную эмоциональную оценку деятельности полиции, которая признается хоть и не вполне удовлетворительной, однако, способной обеспечить общественную безопасность, что усиливается за счет антитезы с противительным союзом *but*. Схожее мнение можно также проследить в утверждении епископа Д. Кемпа «*Bishop Divar Kemp <...> said the police department needs to be changed, but the current proposal is dangerous. “We need the police – there’s no other way I can say that”*», в котором антитеза с противительным союзом *but* и лексема с отрицательной семантикой *dangerous* акцентируют внимание адресата на возможных неблагоприятных последствиях упразднения института полиции, что также подтверждается в следующем аргументе: *Many people of color who live in the city’s highest-crime areas say they fear a steep drop in the number of police officers will leave them more vulnerable amid a dramatic spike in violent crime*. Превосходная степень *highest-crime areas* и сравнительная степень прилагательных *more vulnerable*, эпитеты *a steep drop*, *a dramatic spike*, *violent crime*, а также глагол с отрицательной семантикой *to fear* способствуют обоснованию тезиса о реализации драматического сценария в случае ликвидации правоохранительных органов. Контаминация *Murderapolis*, обладающая ярко выраженным экспрессивно-оценочным характером, и статистические данные в аргументе «*There have been roughly 80 homicides in Minneapolis so far this year – 35 on the north side <...> Three victims were children, including one who was shot while jumping on a trampoline at a birthday party. The city could near the record 97 homicides of 1995, when it drew the nickname “Murderapolis”*» способствуют убеждению аудитории в необходимости сохранения правоохранительной структуры и конструированию образа стражей порядка в качестве блюстителей жизни и здоровья населения (*абсолютные ценности*) и общественной безопасности (*государственно-политические ценности*).

Таким образом, в ходе интерпретации языкового материала мы пришли к выводу, что, несмотря на распространенное мнение о чрезмерной жестокости и насильственных методах, применяемых правоохранительными службами США по

отношению к гражданскому населению, проправительственные издания конструируют преимущественно мелиоративный образ полиции. Однако в отличие от русскоязычных контекстов, вербализация компонентов «гуманность» или «жестокость» образа правоохранительных агентств не носит явный характер и не способствует выделению дополнительных номинантов, а аргументация зачастую направлена лишь на обоснование *целесообразности / рациональности* (51%), *правомерности / легитимности* (17%) и *своевременности* (8%) применения офицерами полиции силовых методов предупреждения и подавления антисоциального поведения, правонарушений и преступлений, а также в качестве *самообороны* (24%). Моделирование пейоративного образа полиции США в проправительственном газетном дискурсе осуществляется исключительно в виде констатации факта применения офицерами полиции огнестрельного оружия (29 контекстов – 12%).

Приведем статистику частотности употребления лингвистических средств, способствующих моделированию мелиоративного образа полиции США.

<i>Экспликация</i>			<i>Импликация</i>		
	Количество примеров в контексте			Количество примеров в контексте	
Лексемы со значением <i>целесообразность / рациональность /</i>	- reasonably, reasonable	11	лексико-семантические средства	- юридическая терминология	24
	- certainly	5		- пейоративная лексика	6
	- no one was injured	4		- контекстуальная синонимия	2
Лексемы со значением <i>правомерность / легитимность</i>	- to justify, justified	13	лексико-стилистические средства	- эпитеты	27
	- within the law	7		- метафоры	12
	- We need Police	3		- контаминация	1
			лексико-синтаксические средства	- антитеза	16
				- параллельные конструкции	8
			лексико-прагматические средства	- ссылки на авторитетных лиц и официальные источники	18
			морфологические средства	- сравнительная степень прилагательных	13
<i>Итого: 43</i>			<i>Итого: 127</i>		

Таблица 9. Сводная таблица вербализации образа полиции в рамках компонента «гуманность / жестокость» в американских проправительственных контекстах

Перечисленные лингвистические средства способствуют репрезентации полиции в качестве защитников абсолютных (52%), государственно-

политических (27%), этических (18%) и религиозно-конфессиональных (3%) ценностей, что позволяет рассматривать полицию США как личностную (62%), государственную (28%) и общественную (10%) ценность.

3.2. Вербализация ценностных компонентов образа полиции США в оппозиционном газетном дискурсе

3.2.1. Компонент «профессионализм / непрофессионализм» в американских оппозиционных газетах

За период с 01.01.2020 по 01.01.2022 методом сплошной выборки нами были отобраны 143 медиатекста, размещенных в таких американских оппозиционных газетах, как «The New York Times» (76 статей) и «The Washington Post» (67 статей) и содержащих контексты, которые можно рассматривать в качестве примеров вербализации ценностного компонента «профессионализм / непрофессионализм» образа американской полиции. К основной тематике в указанных газетах можно отнести новостные статьи, заметки, интервью и репортажи о деятельности правоохранительных структур по: 1) обеспечению общественного порядка во время массовых и публичных мероприятий; 2) предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений на почве национальной и расовой неприязни, а также преступлений с применением огнестрельного оружия; 3) предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере компьютерной информации, незаконного оборота наркотиков, огнестрельного оружия, экстремизма и терроризма, похищения и торговли людьми; 4) предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых несовершеннолетними, включая обеспечение охраны учебных заведений; 5) обеспечению безопасности дорожного движения; 6) борьбе с вандализмом. Кроме того, в американских оппозиционных изданиях также публикуются полицейские сводки и отчеты.

Рассмотрим примеры вербализации ценностного компонента «профессионализм / непрофессионализм» в контекстах, содержащих информацию о

деятельности полиции, направленной на обеспечение общественного порядка и безопасности в здании Капитолия во время вооруженного восстания в поддержку экс-президента Д. Трампа.

Актуализацию компонента «профессионализм» образа полиции Капитолия можно наблюдать в контексте, представленном в статье «Police Officer Who Responded to Capitol Riot Dies Off Duty» [NYT, 10/01/2021], которая, по сути, представляет собой некролог, где все аргументы направлены на репрезентацию офицеров полиции в качестве лиц, защищающих демократию и историческое наследие страны (*государственно-политические ценности*), жизнь и здоровье граждан (*абсолютные ценности*) ценой своей собственной жизни. Так, эпитеты *deepest sympathies*, а *tragic day*, глагол *to mourn*³², обладающий сильной эмоциональной окраской, и глагол *to reel*, используемый в настоящем длительном времени (*are reeling*) и свидетельствующий о крайней степени возмущения адресанта (председателя профсоюза правоохранительного ведомства США Г. Папатанасиу), способствуют апелляции к эмпатии адресата с целью вызвать сочувствие и жалость к погибшему при исполнении служебных обязанностей полицейскому: “We extend our deepest sympathies to Officer Liebengood’s family, and we mourn the death of a friend and colleague who worked alongside us to protect the lives of the members of Congress, their staff and all who serve at the U.S. Capitol <...> We are reeling from the death of Officer Liebengood, <...> Every Capitol Police officer puts the security of others before their own safety, and Officer Liebengood was an example of the selfless service that is the hallmark of U.S.C.P. This is a tragic day”. Наречие *alongside* способствует реализации семантической категории «свой-чужой», где полиция (исполнительная ветвь) и члены Конгресса (законодательная ветвь) относятся к категории «свой» и противопоставляются жестокой толпе мятежников (*violent mob stormed the Capitol* (категория «чужой»)), чьи действия повлекли множество смертей. Эпитет *the selfless service* и аргумент «Every Capitol Police officer puts the security of others before their own safety ...» способствуют моделированию образа полицейских, самоотверженно и

³² *mourn verb* : to feel and show that you are sad because somebody has died; to feel sad because something no longer exists or is no longer the same [Oxford Learner’s Dictionary: <http://>]

героически выполняющих свой долг по защите страны и ее населения от внешних и внутренних угроз. Одобрение действий полиции и сочувствие по поводу гибели офицера, который репрезентируется как патриот своей страны, также реализуется в речи члена палаты Представителей Д. Филипса (*“The U.S. Capitol Police just announced the tragic death of Officer Howard Liebengood — for whom I mourn <...> Our officers need more than gratitude. They need authentic, capable leadership and meaningful support, and I call on my colleagues to join me demanding it immediately”*) и спикера палаты Представителей Н. Пелоси (*Speaker Nancy Pelosi also offered condolences in a statement that called Officer Liebengood “a patriot who dedicated his life to defending the Capitol and protecting all who serve, work in and visit this temple of our democracy. “His passing is a great tragedy that compounds the horror of this past week”*). Интенция убеждения адресата в потере доблестного офицера полиции в рассматриваемых аргументах, усиливается благодаря эпитетам *tragic death*, *meaningful support*, *great tragedy* и эвфемизму *his passing*. Однако метафора *temple of our democracy*, во-первых, придает контексту оттенок партийной политизированности и подчеркивает противостояние демократического Конгресса и республиканских приверженцев Д. Трампа, что противоречит жанру некролога; во-вторых, существительное *temple*³³ употребляется относительно религий, отличных от христианства, в то время как 69% американцев исповедуют именно его [Религия в США: [http](http://)], поэтому данная метафора придает контексту комическое звучание. Ссылка на слова демократа Я. Коски *“He was a real person and a good guy, and this is a terrible tragedy”* и размещенная им в Твиттере фотография погибшего офицера Либенгуда с печеньем в руках (*Ian Koski, a former aide to Senator Chris Coons, Democrat of Delaware, posted to Twitter a photo of Officer Liebengood smiling with a handful of cookies in December 2014*) способствуют репрезентации полицейских не только как профессионалов, призванных исполнять роль блюстителей общественного порядка, но и как личностей (эпитеты *a real person* и *a good guy*), обладающих своими эмоциями, потребностями, интересами и достоинствами.

³³ temple noun : a building used for religious worship, especially in religions other than Christianity [Oxford Learner’s Dictionary: [http](http://)]

В заголовке медиатекста «Capitol Police Officer Dies From Injuries in Pro-Trump Rampage» [NYT, 08/01/2021] также наблюдается контаминация жанра некролога с конфронтационным политическим дискурсом, усиленная за счет негативно-окрашенной лексемы *rampage*³⁴, обладающей сильным оценочным потенциалом. В контексте адресантом выстраивается бинарная оппозиция из двух диаметрально противоположных компонентов «профессионализм» и «непрофессионализм» образа американской полиции. С одной стороны, лексема с положительной семантикой *the bravery* и грамматическая конструкция *protect us every day* в аргументе демократа из палаты Представителей Т. Района (“*This tragic loss is a reminder of the bravery of the law enforcement who protect us every day,*” *Mr. Ryan wrote*) позволяют выделить дополнительный номинант образа представителей правоохранительных органов – «мужество» офицеров полиции, ежедневно стоящих на защите безопасности населения. Аргумент демократа Р. ДеЛауро направлен на выражение соболезнований в связи с трагической гибелью офицера Сикника и представляет собой призыв привлечь к ответственности лиц, повинных в его смерти (*Representative Rosa DeLauro <...> said her “heart breaks over the senseless death <...> To honor his memory, we must ensure that the mob who attacked the People’s House and those who instigated them are held accountable”*). Речевая интенция в рассматриваемых аргументах усиливается благодаря эпитетам *tragic loss*, *senseless death*, стертой метафоре *heart breaks*, перифразу *the People’s House* и модальному глаголу *must*, позволяющим эксплицировать ценностный компонент «профессионализм» образа полиции. Однако, с другой стороны, компонент «непрофессионализм» актуализируется в аргументе «*But the loss of life also underscored the failure of law enforcement agencies to prevent the siege of the Capitol*», в котором адресант посредством словосочетания *the failure of law enforcement* открыто заявляет о неспособности и низкой эффективности полиции Капитолия предотвратить осаду здания, что повлекло за собой гибель множества людей. Упоминание имен должностных лиц, подавших в отставку после инцидента, служит доказательством признания своей вины лицами, ответственными за

³⁴ *rampage noun* : a sudden period of wild and violent behaviour, often causing damage and destruction [Oxford Learner’s Dictionary: [http](http://)]

непосредственное обеспечение безопасности здания Конгресса и его членов (*Three of Congress's top security officials — Capitol Police Chief Steven A. Sund, House Sergeant at Arms Paul D. Irving and Senate Sergeant at Arms Michael C. Stenger — announced their resignations on Thursday*). Однако лексемы *siege*³⁵ и *incursion*³⁶ (*The Capitol Police reported 14 arrests during the incursion, including two people accused of assaulting a police officer*) актуализируют метафорическую модель «ПОЛИТИКА – это ВОЙНА», которая представляет собой мега-метафору, реализуемую сквозь весь контекст и позволяющую снять ответственность с полиции за непрофессиональные действия ввиду того, что функциями полиции не предусмотрено сдерживание военных и военно-политических угроз безопасности страны. Таким образом, мелиоративный образ полиции США в анализируемом контексте выстраивается благодаря репрезентации офицеров полиции защитниками *абсолютных* и *государственно-политических ценностей*, а пейоративный образ конструируется посредством дискредитации руководства полиции и обоснования его халатности в организации и проведении мероприятий, направленных на предотвращение массовых беспорядков.

Далее рассмотрим медатексты, посвященные острому для американского общества вопросу – расовой дискриминации, а также предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых на почве национальной и расовой неприязни.

Одним из эффективных решений проблемы наличия расовых предубеждений в правоохранительных органах США считается назначение на руководящие должности в отделы полиции офицеров афроамериканского или латиноамериканского происхождения. Рассмотрим контекст, представленный в статье «New York's Next Police Boss, a Queens Native, Comes 'Full Circle'. Keechant Sewell, chief of detectives in Nassau County, will become the city's 45th police commissioner after she impressed Eric Adams with "emotional intelligence"» [NYT, 15/12/2021], содержащий пример экспликации компонента «профессионализм». Так, уже в заголовочном комплексе адресантом употребляется словосочетание с положительной семантикой *emotional*

³⁵ *siege* noun : a military operation in which an army tries to capture a town by surrounding it and stopping the supply of food, etc. to the people inside [Oxford Learner's Dictionary: [http](http://)]

³⁶ *incursion* noun : a sudden attack on a place by foreign armies, etc. [Oxford Learner's Dictionary: [http](http://)]

intelligence, которое способствует апелляции к сознанию адресата и позволяет выделить такие дополнительные номинанты целостного образа, как «интеллект» и «эмотивность». Далее в контексте автором статьи при помощи различных лингвистических средств выстраивается аргументация, направленная на обоснование профессиональных качеств нового комиссара полиции К. Сьюэлл (*She (K. Sewell) was well liked among her colleagues and seen as a tough-but-fair leader of the detective bureau <...> She was a standout student her counselor and classmates said, and she was elected president of the class <...> Others described her (K. Sewell) as someone who impressed them with her confidence, sharp intellect and keen listening and problem-solving skills. <...> “Keechant was very athletic, very energetic, very focused and driven on what it was that she wanted to do,” she (Valerie Tanguay-Masner) added. “I believe that her integrity is absolutely above reproach. She was a shining star”*) и убеждение аудитории в смене политики всего департамента в связи с отношением нового руководства к актам жестокости со стороны полиции и расизму не просто как к факту, а как к трагедии (*“That made me sit up because she understood that there was a tragedy because a life was lost,” Mr. Adams said*), что можно рассматривать как соблюдение **абсолютных ценностей**. Так, несобственно-прямая речь в приведенных примерах позволяет дать объективную оценку офицеру полиции в сочетании с ее преломлением сквозь призму личного восприятия адресата. Стилистически маркированное дефисное составное слово *tough-but-fair*, эпитет *standout student* и метафора *a shining star* способствуют созданию целостного образа офицера полиции. Лексический повтор наречия *very* можно рассматривать как усиление комплементарного акта. В целом можно сказать, что все рассматриваемые высказывания имеют клишированный характер, а способы реализации комплимента традиционно оформлены в соответствии с лингвокультурной нормой английского языка. Аргумент «*The appointment comes amid a push to remake policing from within after last year’s protests against police brutality and racism*» апеллирует к чувству справедливости и способствует признанию правоохранительных органов в качестве института, борющегося со всеми проявлениями социального неравенства и стремящегося к улучшению качества своей службы (**этические и гражданско-правовые ценности**). В аргументе «... Mr. Adams

has said will be a cultural shift for his administration, which will seek to work more with community organizations to give the public a greater role in helping the police to reduce crime. <...> Chief Sewell is expected to play a crucial role in striking the balance that Mr. Adams wants to achieve between community-led safety strategies and traditional policing practices ...» словосочетание *a cultural shift* свидетельствует о прогрессивных идеях местного руководства, направленных на вовлечение общественных организаций в борьбу с криминалом, а наречие в сравнительной степени *more* и сравнительная степень *greater* употребляются адресантом с целью акцентирования внимания аудитории на готовности полиции к взаимодействию с общественностью и признание ее значимости в снижении уровня преступности в городе. Эпитет *crucial role* и положительно-маркированная лексема *the balance* обосновывают факт наличия у нового главы полиции высоких организаторских способностей, позволяющих интегрировать стратегии безопасности под руководством общины в традиционные методы работы полиции. Образ общепризнанного лидера в лице К. Сьюэлл выстраивается на фоне трудностей, с которыми новому комиссару придется столкнуться в своей профессиональной деятельности, включая натянутые отношения полиции с цветным населением Нью-Йорка (*Enormous challenges await her in New York, where relations between police and communities of color have been strained for years and calls to shrink the Police Department predate the pandemic*) и увеличение роста преступлений с применением огнестрельного оружия (*Gun violence, which reached a high for the decade in 2020, remains higher than before the pandemic*). Речевая интенция в аргументе достигается за счет гиперболы *enormous challenges*, сравнительной степени прилагательного *higher* и усиливаются с помощью эпитета *deep uncertainty* в аргументе «*Chief Sewell is taking the helm of the Police Department at a moment of deep uncertainty*». Наречие *never*, сравнительная конструкция *quite as problematic as this*, превосходная степень прилагательных *the most challenging police role*, идиома *bar none*³⁷, характерная для британского английского и способствующая признанию истинности высказывания в аргументе экс-комиссара У. Дж. Браттона “*There’s never been a time in my 51 years in this profession that was quite as problematic as this,*” said

³⁷ *bar none phrase* : in British English without exception [Collins Dictionary: <http://>]

William J. Bratton <...> *You have the most challenging police role in the country, bar none*” способствуют обоснованию сложности и напряженности полицейской службы. Однако, на наш взгляд, несмотря на такую основательную аргументацию и экспликацию квалифицированности и компетентности полицейского, в заявлении Э. Адамса прослеживается потребность не столько в профессиональных качествах нового главы полиции, необходимых для осуществления непосредственно правоохранительной деятельности, сколько в ораторских способностях убеждать население в эфемерности их безопасности и благополучия: “*Those are the scenarios we’re going to be facing <...> we don’t have a shooting like that, but if we do, I need the police commissioner to stand in front of the room and let New Yorkers know we’re going to be all right, because it’s not only substantive, it’s the perception, right?*”. Так, в конструкции *we’re going to be facing* прослеживается нарушение нормативной сочетаемости, а предпочтение длительной формы свидетельствует о реализации стратегии дистанцирования, т.к. во-первых, показывает нежелание адресанта делать категоричные заявления, а, во-вторых, выглядит как попытка уклониться от ответственности за сказанное, что усиливается за счет паузы хезитации, нетипичной для публицистического стиля, и вводного слова *hopefully*. Антитеза с противительным союзом *but* и изъявительное наклонение с союзом *if* употребляются в аргументе для описания будущего, а глагол *need* наводит на мысль о том, что роль «козла отпущения» за неудачи администрации Нью-Йорка и правоохранительных органов в борьбе с преступностью возлагается на назначенного комиссара. Лексема широкой семантики *perception*, употребленная в параллельной конструкции *it’s not only substantive, it’s the perception*, еще больше снижает уровень категоричности и делает высказывание крайне неубедительным, риторический вопрос *right?* свидетельствует о состоянии растерянности адресанта и неготовности брать ответственность за сказанное.

Медиатексты, освещающие инциденты с применением огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов, в данном исследовании рассматриваются в параграфах, посвященных вербализации компонента «жестокость / гуманность» образа полиции, однако, в статье «Officer Whose Bullet Killed a 14-Year-Old Girl

Wanted to ‘Change’ the Police» [WP, 30/12/2021] адресантом выстраивается аргументация в оправдание непреднамеренных действий офицера полиции, которая отличается от аргументации, встречающейся в схожих по тематике медиатекстах. Несмотря на четко выстроенную в контексте аргументацию в защиту темнокожего офицера, застрелившего подростка, адресантом констатируется факт о необдуманности и опрометчивости действий полицейского. Невзирая на предупреждение своих сослуживцев (... *even as his colleagues called out to him to “slow down” and “hold up”*), У. Джонс принимает скоропалительное решение и открывает огонь на поражение (*In body camera footage released this week, Mr. Jones could be seen racing past his fellow officers with a drawn rifle <...> “Let me take point with the rifle,” he said*). Наречие *even* и императив *“slow down”, “hold up”* можно рассматривать в качестве основания для признания безответственного подхода к выполнению своих служебных обязанностей и некомпетентности конкретного офицера, что также свидетельствует о пренебрежении **абсолютными ценностями**. Однако далее в контексте адресантом реализуется эффект обманутого ожидания, так как вместо порицания неквалифицированных действий полицейского, автор приводит основательные аргументы, направленные на смягчение последствий инцидента со смертельным исходом, и убеждает реципиента в том, что полицейские сами были введены в заблуждение по поводу наличия у правонарушителя огнестрельного оружия, поэтому ворвались на место происшествия с оружием наготове: *Officers arrived at the Burlington clothing store and rushed in with weapons drawn; a store employee had alerted a dispatcher to customers being attacked with a bike lock, but other 911 callers reported that the assailant had a gun and had fired shots*. Юридический термин *assailant* придает аргументу достоверность и объективность. Ссылка на слова адвоката Л. Уилкокс апеллирует к эмоциям читательской аудитории с помощью наречия *never*, союза *as if* и определительного слова *neither*, употребленных с целью вызвать понимание и снисхождение ввиду единичного случая применения огнестрельного оружия полицейским (*She said he had never before been disciplined for a police shooting*), а также убеждения адресата в непредумышленности действий, повлекших за собой смерть В. О. Перальта (*She (L. Wilcox) <...> was surprised by the*

level of public anger directed at him, “as if Valentina’s death was intentional, or reckless on his part, which it was neither”). Следующий аргумент Л. Уилкоккс служит основанием для признания высокой квалификации сотрудников правоохранительных органов, приехавших на вызов, и оправдывает действия своего подзащитного: *“I don’t think any officer can ever imagine that such a tragic outcome would come from them following their training and procedure”* и ее заявление «... the police officers who responded had been trained in how to confront such situations, and Mr. Jones had been attempting to save lives». Усиление речевой интенции происходит в аргументе с помощью определительного слова *any* и эпитета *a tragic outcome*. Внушение аудитории идеи о профессионализме обвиняемого и наличии у него высоких морально-нравственных убеждений происходит в аргументе представителя профсоюза полиции Лос-Анджелеса Т. Саггау *“This is somebody who, four days ago, everybody in our country would be wanting to hire”*, а также самого У. Джонсона *“There’s no better crime reduction strategy than to engage with our youth, for them not to be scared of us, to let them know there are people out there who care”*. Местоимение *everybody* и конструкция *would be wanting*, употребленная в длительном времени, свидетельствуют о крайней степени эмоционального возбуждения адресанта, а местоимения *our* и *us*, лексема с положительной семантикой *care* способствуют реализации семантической категории «свой-чужой», где правоохранительные органы, проявляющие заботу о населении, относятся к категории «свой». Репрезентация полицейского в качестве обычного человека, способного допускать ошибки, осуществляется благодаря освещению отдельных фактов из его биографии (*Mr. Jones said he’d had a modest upbringing. His mother, Toya J. Brazley, worked multiple jobs to help raise her three sons*), а его высокая нравственность и альтруизм подчеркиваются в аргументах *«But he discovered a new calling in 2009, when he joined the Los Angeles Police Department. He liked it <...> because of his strong desire to help others»*, *«He ran a nonprofit that mentored at-risk youth and helped coach a high school football team. Earlier this month, he drove a car filled with presents to hand out to children»*. Языковыми средствами усиления интенции убеждения адресата в человечности и благопристойности полицейского, выступают эпитеты *modest upbringing* и *strong desire*.

В медиатексте под заголовком «The F.B.I. Deployed Surveillance Teams Inside Portland Protests» [NYT, 22/12/2021] адресантом поднимается вопрос о целесообразности применения тактики внедрения федеральных агентов в группы участников митингов против законодательной и исполнительной ветвей власти, расовой несправедливости, а также с целью повышения эффективности борьбы с вандализмом. Так, в контексте приводятся аргументы «за» и «против» применения тактики скрытого наблюдения. С одной стороны, скрытое участие сотрудников ФБР в уличных протестах может ущемлять право граждан, гарантированное Первой поправкой к Конституции США – свобода слова и собраний (*государственно-политические и гражданско-правовые ценности*), что вызывает беспокойство как у самого Бюро, так и Министерства юстиции: *The breadth of F.B.I. involvement in Portland and other cities where federal teams were deployed at street protests became a point of concern for some within the bureau and the Justice Department who worried that it could undermine the First Amendment right to protest against the government.* Лишенное оттеночных коннотаций клише *a point of concern* и неопределенное местоимение *some* способствуют реализации стратегии дистанцирования и снижению степени определенности аргумента, а модальный глагол *could* придает высказыванию оттенок вероятностного действия. Наречие *inherently* и словосочетание *the risk of violating* в аргументе бывшего агента ФБР М. Джермана служат средством убеждения аудитории в потенциальной опасности применения подобных операций (*Mike German <...> said that such surveillance operations inherently run the risk of violating First Amendment rights. They should be used only when there is evidence that a serious crime may occur*), которая может выражаться в подрыве доверия населения к властям (*“These are all insidious tactics that chill First Amendment expression and erode trust with local officials”*). Эпитет *insidious* создает эмфазу, усиливающую интенцию убеждения в неприемлемости применения тактики скрытого наблюдения. Глаголы *chill*³⁸ и *erode*³⁹ выступают в данном аргументе природоморфными метафорами, акцентирующим внимание на естественности и неконтролируемости последствий. Еще одним аргументом против

³⁸ *chill verb* : to (cause to) become cold but not freeze [Cambridge Dictionary: [http](http://)]

³⁹ *erode verb* : to gradually destroy the surface of something through the action of wind, rain, etc.; to be gradually destroyed in this way [Oxford Learner’s Dictionary: [http](http://)]

применения правоохранительными органами подобных спецопераций выступает приравнивание процедуры слежки за протестующими к внутреннему шпионажу: *But organizers of the protests and civil rights groups <...> said that surveillance agents recording and following protesters in the midst of a demonstration was a form of domestic spying*⁴⁰. С другой стороны, вопросы обеспечения национальной безопасности и преступлений на федеральном уровне требуют применения обозначенной тактики, что аргументируется в следующих предложениях «*Both local and federal law enforcement officials have complained that lawful peaceful protests were hijacked in many cases by criminals*», «*Police officers made more than 1,000 arrests during the course of the protests, and more than 200 people ultimately faced criminal prosecution*», «*The bureau has at times used secretive tactics to disrupt right-wing violence, such as efforts that led to charges against men accused of conspiring to kidnap Michigan's governor*». Статистические данные свидетельствуют о целесообразности применения тактики скрытого наблюдения и являются обоснованием квалифицированности и профессионализма правоохранительных органов по обеспечению национальной безопасности страны. Юридическая терминология *criminal prosecution* и *kidnap* придают достоверность высказыванию и акцентируют внимание адресанта на серьезности совершаемых противоправных деяний, а с помощью глагола *hijack*⁴¹ подчеркивается вероятность возникновения террористической угрозы, что также подтверждается в аргументе действующего Директора ФБР К. Рэйя: ... *the bureau was pursuing "quite a number of properly predicated domestic terrorism investigations into violent anarchist extremists, any number of whom self-identify with the antifa movement."* *The F.B.I. is aggressively investigating people associated with violent far-right groups such as Atomwaffen and the Base, and prosecutors have already brought charges against dozens of members of the far-right Proud Boys and the Oath Keepers militia in connection with the attack on the Capitol.* Перечисление действующих на территории страны экстремистских организаций *antifa movement, Atomwaffen, the Base, Proud Boys, the*

⁴⁰ Domestic spying is a cultural construct that refers to the activities of, and debate on, intelligence agencies oriented at the home population of citizens within nations [Deflem 2018: [http](#)]

⁴¹ *hijack* verb : to use or take control of something, for example a meeting, in order to use it for your own aims and interests [Oxford Learner's Dictionary: [http](#)]

Oath Keepers, наречие *aggressively* и словосочетание *dozens of members* способствует реализации интенции убеждения аудитории в рациональности применения тактики скрытого наблюдения, позволяющей эффективно и оперативно бороться с внутренним терроризмом. Экспликация ценностного компонента «профессионализм» образа американской полиции осуществляется в высказывании агента Р. Кэннона: *I thought a lot about what is allowed under the Constitution,” Mr. Cannon said. “How do you do surveillance effectively, safely and legally? That was something we spent a lot of time on.” Mr. Cannon <...> said he believed that his agents had crossed no lines while trying to make sure that laws were enforced.* Лексический повтор местоимения *a lot about/of* и риторический вопрос *How do you do surveillance effectively, safely and legally?* способствуют убеждению аудитории в обеспокоенности полицейских соблюдением прав и свобод граждан даже во время проведения спецопераций (**гражданско-правовые ценности**), а речевое клише *had crossed no lines* служит доказательством юридической компетентности офицеров полиции. Интерес также представляет позиция адресанта, в которой прослеживается критика и неудовлетворенность действиями правоохранительных органов независимо от того, применили они тактику скрытого наблюдения или нет. Перечисление нарушений агентов ФБР, являющихся по умолчанию образцом профессионализма, направлено на убеждение аудитории в том, что правоохранительные органы представляют общественную опасность: *While the F.B.I. has also been investigating far-right groups, some lawmakers have blasted the bureau for failing to detect and blunt the Jan. 6 attack on the U.S. Capitol <...> Outrage and even larger mass protests ensued in Portland after videos showed federal agents in tactical gear seizing people off the streets into unmarked vehicles and one agent beating a Navy veteran with a baton.* Так, аллитерация *blasted the bureau* выполняет эмфатическую функцию, а словосочетания *unmarked vehicles* и *beating a Navy veteran* свидетельствуют о нарушениях процедурных норм задержания и способствуют реализации тактики осуждения.

Таким образом, мы пришли к выводу, что лингвистическое моделирование образа американской полиции и актуализация компонентов «профессионализм» (38 контекстов – 27%) и «непрофессионализм» (26 контекстов – 18%) редко

происходит в контекстах в чистом виде. Зачастую адресантами выстраивается бинарная оппозиция (79 контекстов – 55%) за счет приведения в одном контексте аргументов «за» и «против» конкретных тактических действий офицеров полиции, реализации приема «обманутого ожидания», тактики осуждения и стратегии дистанцирования, что оставляет адресату право выбора определенной позиции относительно признания или непризнания профессионализма офицеров полиции.

Аргументация в пользу квалифицированности правоохранительных органов США и экспликация компонента «профессионализм» происходит в контекстах с помощью положительно-маркированных языковых единиц, которые в сумме с имплицитными средствами вербализации позволяют выделить следующие вспомогательные номинанты: *«надежность»* (56%), *«героизм / мужество»* (28%), *«компетентность»* (8%), *«самоотверженность»* (5%), *«интеллектуальность»* (3%). Кроме того, в американском оппозиционном газетном дискурсе с целью реализации прагматической функции по моделированию исключительно положительного образа полиции зачастую реализуется семантическая категория «свой-чужой», в которой офицеры причисляются к категории «свой», а также эффект обманутого ожидания. Вербализация компонента «непрофессионализм» образа полиции США осуществляется с помощью лексем и словосочетаний с отрицательной семантикой и коннотацией, а ассоциативно-смысловое поле компонента складывается из таких номинантов, как *«неэффективность»* (51%), *«беззаконие»* (21%), *«агрессия»* (16%), *«неорганизованность»* (12%). Кроме того, с целью моделирования пейоративного образа полиции США в контекстах наблюдается реализация стратегии дистанцирования.

Приведем статистику частотности употребления коммуникативно-прагматических средств актуализации ценностного компонента «профессионализм / непрофессионализм» образа полиции США.

	Экспликация			Импликация		
Компоненты		Количество примеров в контексте			Количество примеров в контексте	
Профессионализм	Лексемы со значением <i>надежность</i>	- to protect (us every day) - confidence, confident - integrity - tough-but-fair	21 8 4 1	лексико-семантические средства	- юридическая терминология - модальные глаголы	24 12
	Лексемы со значением <i>героизм / мужество</i>	- bravery, brave	17	лексико-стилистические средства	- эпитеты - метафоры - лексический повтор - эвфемизмы	28 10 4 2
	Лексемы со значением <i>компетентность</i>	- problem-solving skills - challenging (police role) - above reproach	2 2 1	лексико-синтаксические средства	- риторические вопросы - антитеза - сравнительные конструкции - изъяснительное наклонение	5 4 2 1
	Лексемы со значением <i>самоотверженность</i>	- selfless (service)	3	лексико-прагматические средства	- ссылки на авторитетных лиц и официальные источники - статистические данные	19 11
	Лексемы со значением <i>интеллектуальность</i>	- (emotional) intelligence	2	морфологические средства	- сравнительная и превосходная степень прилагательных	6
	Итого: 61			Итого: 128		
	Непрофессионализм	Лексемы со значением <i>неэффективность</i>	- failure - (little / no) resistance	19 7	лексико-семантические средства	- юридическая терминология - модальные глаголы
Лексемы со значением <i>беззаконие</i>		- to violate, violating - unmarked vehicles - furtively	8 2 1	лексико-стилистические средства	- эпитеты - метафоры	37 19
Лексемы со значением <i>агрессия</i>		- to beat, beating	8	лексико-синтаксические средства	- параллельные конструкции - императивные конструкции	3 1
Лексемы со значением <i>неорганизованность</i>		- chaos, chaotic - anxiously	4 2	лексико-прагматические средства	- ссылки на авторитетных лиц и официальные источники - ссылки на законодательство - имена собственные	16 8 6
			фонетические средства	- аллитерация	1	
Итого: 51			Итого: 137			

Таблица 10. Сводная таблица вербализации компонента «профессионализм / непрофессионализм» образа полиции в американских оппозиционных контекстах

Отмеченные средства выразительности и выделенные номинанты способствуют моделированию образа правоохранительных органов США, стоящих на защите абсолютных (41%), государственно-политических (32%), гражданско-правовых (16%), этических (8%) и религиозных (3%) ценностей, что позволяет рассматривать американскую полицию в качестве личностной (64%), общественной (18%) и государственной ценности (18%). Номинанты, выделенные в рамках компонента «непрофессионализм», и языковые средства, направленные на моделирование пейоративного образа полиции США, свидетельствуют о пренебрежении полицейскими абсолютными (45%), государственно-политическими (33%) и гражданско-правовыми (22%) ценностями, что позволяет рассматривать социальный институт полиции как личностную (55%), государственную (27%) и общественную (18%) антиценность.

Итак, англоязычные оппозиционные газеты наравне с русскоязычными изданиями конструируют контрадикторную ценностную модель образа полиции, а интенции по внедрению желаемого образа в сознание аудитории реализуются за счет слияния в контексте когнитивно-информационного и эмоционально-фасцинативного компонентов, что способствует приращению смысла информации к базовому значению определенной положительно / отрицательно-маркированной лексики или ее словосочетания.

3.2.2. Компонент «законность / произвол» в американских оппозиционных газетах

В американских оппозиционных изданиях за указанный период нами было отобрано 172 медиатекста (89 статей в «The Washington Post» и 83 статьи в «The New York Times»), актуализирующих в контекстах компонент «законность / произвол» образа полиции США. К основной тематике можно отнести новостные статьи и заметки о деятельности правоохранительных структур по: 1) обеспечению общественного порядка во время массовых и публичных мероприятий; 2) предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений на почве

национальной и расовой неприязни, а также преступлений с применением огнестрельного оружия; 3) предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков и огнестрельного оружия; 4) обеспечению безопасности дорожного движения; 5) пресечению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере экстремизма и терроризма, похищения и торговли людьми, а также преступлений в семейно-бытовой сфере; 6) созданию общественных объединений правоохранительной направленности, а также привлечению граждан к охране общественного порядка и поиску пропавших без вести лиц. В обозначенных медиатекстах особое внимание уделяется вопросам превышения должностных полномочий офицерами полиции и реформирования правоохранительной структуры.

Рассмотрим вербализацию компонента «законность / произвол» образа американской полиции в контекстах, освещающих деятельность полиции Капитолия во время вооруженного восстания 6 января 2021 г. Интерес для исследования правовой основы и легальности тактических действий полиции Капитолия представляет фрагмент, взятый из медиатекста «Rioters breached the Capitol as they waved pro-police flags. Police support on the right may be eroding, experts warn» [WP, 08/01/2021]. Метонимия *right* и глагольная метафора в сочетании с модальным глаголом *may be eroding* в заголовочном комплексе свидетельствует о политических предпочтениях полицейских, которые могут занять в конфликте сторону мятежников, поддерживающих политику Д. Трампа. Однако в контексте можно наблюдать эффект обманутого ожидания ввиду того, что полиция оказала жесткое сопротивление повстанцам. Так, профессор М. Хаберфельд подчеркивает зависимость решений, принимаемых правоохранительными органами, от распоряжений вышестоящих инстанций и отмечает, что общественность неправильно интерпретирует функции полиции, ошибочно полагая, что полиция существует для служения народу: *“In general, the public has this mistaken assumption that the police are there to serve and protect them <...> The police do what the politicians and other officials tell them to do or not to do.* Вводная конструкция *in general* не несет информации, но является средством привлечения и удержания внимания адресата на дальнейшем повествовании. В

аргументе наблюдается лексическая несочетаемость книжного стиля с разговорным (лексема *assumption*, характерная для литературно-художественного и официально-делового стилей, сочетается с конструкцией *are there*, употребленной в придаточном предложении *the police to serve and protect them* и характерной для разговорно-обиходного стиля), что придает иронический эффект всему высказыванию. Лексический повтор глагола *do* усиливает интенцию убеждения аудитории в зависимом положении правоохранительных структур. В подтверждение слов М. Хаберфельд адресант ниже в контексте ссылается на слова участников восстания, которые не дискредитируют полицию, а признают, что полицейские просто выполняли свою работу: *The Mitchells said the police before them in riot gear were just doing their jobs* <...> *Harrison said he has great respect for cops — just not the ones who protect members of Congress. “These police are protecting the villains inside that building ...”*. Наречие *just*, лексема с положительной семантикой *respect* и жаргонизм *cops* служат средством убеждения адресата в народной поддержке и признании полиции, однако, навешивание ярлыков *villains* и *traitors* на конгрессменов во фрагменте «*Several people in the crowd assailed police officers for protecting the “traitors” inside the Capitol. They beckoned officers to join them, to stand on their “side. “One woman yelled: “We’re peaceful protesters — do your job and protect us!” One D.C. police officer in riot gear responded: “Not right now you’re not. Move!”*» указывает на неприятие гражданами действующего правительства, а полиция Капитолия, вставшая на защиту представителей законодательной ветви власти, тоже начинает отождествляться с предателями народа. Обоснование правомерности действий полиции Капитолия, не оправдавшей ожидания мятежников и оказавшей им жесткое сопротивление, обеспечивая защиту членов Конгресса (***абсолютные и государственно-политические ценности***), осуществляется в аргументе: “*When police have to move against various groups that have supported them, they expect the police to be on their side when they do illegal things, but policing is not really a discretionary behavior,*” *Haberfeld said. “When people behave the way they behaved at the Capitol, it mandated only one response: Move them out. Arrest them all”*. Модальный глагол *have to* указывает на четкое следование полицейскими приказам и подкрепляется

юридическим термином *discretionary*⁴² *behavior*. Обособленная конструкция *Move them out. Arrest them all* и фразеологический оборот *to be on the side* усиливают коммуникативный посыл в данном аргументе. Таким образом, указанные лингвистические средства способствуют вербализации компонента «законность» образа американской полиции.

В контексте, взятом из статьи «Police Failures Spur Resignations and Complaints of Double Standards» [NYT, 20/01/2021] адресантом выстраивается основательная аргументативная база, способствующая актуализации компонента «произвол» образа полиции, базирующегося, во-первых, на политических предпочтениях самих офицеров, выражающихся в поддержке и содействии сторонникам экс-президента Д. Трампа, и, во-вторых, на предвзятом отношении офицеров полиции к различным категориям граждан. Так, в ссылке на слова Д. Трампа прослеживается его благосклонность к правоохранительным органам и отстаивание их непредвзятости: *“No one can tell me that if it had been a group of Black Lives Matter protesting yesterday, they wouldn’t have been treated very, very differently than the mob of thugs that stormed the Capitol,” Mr. Biden said in a video statement. “We all know that’s true, and it is unacceptable”*. Условное наклонение третьего типа с союзом *if* и лексический повтор наречия *very* служат основанием для признания беспристрастности и объективности стражей порядка, противодействующих всем нарушителям закона без исключения, усиленное в аргументе с помощью пейоративной лексемы *thugs* и прилагательного *unacceptable*. Однако адресантом приводятся аргументы, оспаривающие данное заявление: *Critics noted that Mr. Trump repeatedly lashed out at racial justice protesters but reacted to the mob on Wednesday with tenderness*. В аргументе прослеживается явная ирония, выраженная антитезой с противительным союзом *but* и лексемой с положительной семантикой *tenderness*. Кроме того, в отличие от бездействия полицейских Капитолия во время восстания, которые, согласно федеральному служащему, «стояли, как статуи и ничего не предпринимали» (*“They (Police) stood there like statues and did not say anything back except stuff like ‘Don’t come up here’ or*

⁴² *discretionary adjective* : able to be decided by a particular person or group, rather than being controlled by rules, or relating to the power to make these decisions (formal) [Cambridge Dictionary: [http](http://)]

‘Don’t go that way’), адресант обращает внимание аудитории на агрессивное и жесткое поведение полиции по отношению к участникам митингов против расовой несправедливости (... *the stark contrast between the militarized and sometimes violent phalanxes deployed against protesters of racial injustice over the summer and the outnumbered officers who cringed and retreated from — or posed for a selfie with — the mostly white pro-Trump mob*). Эпитет *the stark contrast* и вставная конструкция — *or posed for a selfie with* — усиливают речевую интенцию убеждения аудитории в наличии у сотрудников полиции расовых предубеждений. Сравнительная конструкция *like statues* и ирония, выраженная глаголами *to cringe*⁴³ и *to retreat*⁴⁴, способствуют выделению дополнительного номинанта «трусость». Лексемы *militarized*⁴⁵ и *phalanxes*⁴⁶ позволяют актуализировать политическую метафорическую модель «ПОЛИЦИЯ – это АРМИЯ», акцентирующую внимание на неоправданной жестокости стражей порядка по отношению к мирному населению. Далее в контексте агенты ФБР представлены в качестве лиц, творящих произвол: *Federal law enforcement officers swept people into unmarked vans and used pepper spray to clear peaceful protesters so that Mr. Trump could pose for photos in front of a church*. Ирония реализуется на фоне противопоставления мирных участников митинга против расовой дискриминации агрессивно действующим офицерам, защищающих президента, которому ничего не угрожает. Таким образом, в анализируемом контексте адресантом реализуется семантическая категория «свой-чужой», способствующая репрезентации правоохранительных органов в качестве пособников в дискредитации и смещении правящей власти и в подрыве конституционных устоев государства (*государственно-политические ценности*), а также карателей, пренебрегающих жизнью, здоровьем, правами и свободами населения страны (*абсолютные и гражданско-правовые ценности*).

В медиатексте «‘We Need Policemen’: Even in Liberal Cities, Voters Reject Scaled-Back Policing» [NYT, 03/11/2021] освещается вопрос об отказе избирателями по всей

⁴³ *cringe verb* : to move back and/or away from somebody because you are afraid [Oxford Learner’s Dictionary: [http](http://)]

⁴⁴ *retreat verb* : to go away from a place or person in order to escape from fighting or danger [Cambridge Dictionary: [http](http://)]

⁴⁵ *militarized adjective* : has a large, strong army and other armed forces and many weapons [Cambridge Dictionary: [http](http://)]

⁴⁶ *phalanx noun* : is a group of soldiers or police who are standing or marching close together ready to fight (formal) [Collins Dictionary: [http](http://)]

стране упразднить институт полиции ввиду постоянной потребности населения в деятельности правоохранительных органов на фоне увеличения количества насильственных преступлений. Так, в заголовке можно проследить реализацию стратегии дистанцирования, реализуемую посредством цитаты Д. Диггинс *“I do want to see some changes,” said Deborah Diggins, 60, a social worker in Minneapolis <...> “But most certainly I do not want to see them defund the Police Department — in no form or fashion. We need policemen”*. Эксплицитная оценка полиции в представленном фрагменте реализуется с помощью глагола *need* в предложении *We need policemen*. Импликация осуществляется за счет лексического повтора усилительной конструкции с глаголом *do*, указывающей на осведомленность граждан о наличии определенных изъянов в правоохранительной структуре и желание внести изменения в существующее положение вещей, однако, антитеза с противительным союзом *but*, эмфатическая конструкция с наречием в превосходной степени *most certainly* и аллитерация *in no form or fashion* способствуют созданию эмфазы и реализации интенции убеждения аудитории в легитимности и важности социального института полиции для американского общества. В предложении *«... residents said getting rid of the Police Department without a clearer alternative was a risk they could not take at a time when homicides have risen»* оборот *get rid of*, существительное с отрицательной семантикой *a risk* и юридический термин *homicides*, употребляются адресантом с целью аргументации абсурдности самой идеи ликвидации института полиции в период повсеместного роста уровня преступности. Кроме того, высокая политизированность американского общества и разделение населения на сторонников республиканской или демократической партии, на наш взгляд, привели к тому, что оживленные дискуссии о легитимности полиции стали использоваться политиками в качестве инструмента оказания давления на своих избирателей, а словосочетание *Republican attack line* (*“Defund the police” has become a potent Republican attack line, and a slogan that all but the most liberal Democrats now avoid*) позволяет выделить метафорическую модель «ПОЛИТИКА – это ВОЙНА», в которой лексема *potent*⁴⁷ придает рассматриваемому высказыванию характер критики. Превосходная степень

⁴⁷ *potent adjective* : very powerful, forceful, or effective [Cambridge Dictionary: [http](http://)]

прилагательного в конструкции *the most liberal Democrats* является наглядным примером демонстрации существующего политического конфликта в стране, где республиканская партия, выражающая поддержку правоохранительным органам, занимает позицию «хорошо», а действия демократов, критикующих правоохранительные структуры, – к категории «плохо». Речевая интенция убеждения аудитории в желании демократов упразднить полицию как институт усиливается в аргументе «*In Seattle <...> the Republican candidate for city attorney, Ann Davison, was leading in the vote over an opponent who had posted messages about her hatred of the police and sought to abolish the criminal justice system as it exists*». Клишированная фраза *hatred of the police* является примером эксплицитной оценки правоохранительных органов. Таким образом, аргументативная база, выстроенная адресантом в анализируемом контексте, направлена на моделирование мелиоративного образа правоохранительных органов, стоящих на страже безопасности жизни и здоровья граждан США (**абсолютные ценности**), а актуализация ценностного компонента «законность» свидетельствует о признании правительством и населением страны легитимности социального института полиции.

В медиатексте «Killings by police are undercounted by more than half, new study says» [WP, 01/10/2021] поднимается злободневная для американского общества проблема расизма, затрагивающая все сферы жизни, включая предвзятость правоохранительных органов в отношении этнических меньшинств. Так, адресантом в контексте приводится ряд аргументов, эксплицирующих компонент «произвол» образа полиции: *More than half of police killings in the United States over the past 40 years have been mislabeled, according to a new study, leading to a stark undercount of deaths at the hands of officers and a lopsided perception of what experts say is a public health crisis*. *Researchers from the University of Washington found that from 1980 to 2019, more than 55 percent of 31,000 deaths attributed to police violence were assigned other causes in official federal death data*. Ссылка на научное исследование служит доказательством достоверности информации, а отрицательно-маркированная лексема *crisis*, глагол *mislabel*, употребленный в пассивном залоге *have been mislabeled*, эпитеты *a stark undercount* и *a lopsided perception* способствуют реализации интенции убеждения

адресата в факте сокрытия полицией подлинных данных о превышении должностных полномочий своими сотрудниками, в результате чего у полицейских возрастает уверенность в безнаказанности и вседозволенности. Грубые нарушения принципа открытости и прозрачности правоохранительной системы эксплицируются в аргументе посредством обнародования статистических данных: *Misclassification rates varied broadly from state to state, with researchers finding Oklahoma incorrectly labeled more than 83 percent of deaths by police, Wyoming more than 79 percent, and Alabama, Louisiana and Nebraska all over 72 percent. Maryland had the fewest estimated misclassified police killings at around 16 percent.* Такое положение вещей непосредственно влияет на уровень доверия населения не только к правоохранительным органам, но и к государственной власти в целом. Так, лексема *critical* и словосочетание *the incomplete data* в предложении “*Mohsen Naghavi, the study’s senior author, told The Post that it is critical to look beyond the incomplete data provided by government agencies*” способствуют подрыву авторитета органов правопорядка и дискредитации силовых структур. Усиление чувства неприязни и недоверия к полиции реализуется с помощью упоминания информации о пособничестве судмедэкспертов и коронеров в сокрытии и фальсификации обстоятельств происшествий (... *medical examiners or coroners — who must fill out the cause of death when there is suspicion of foul play, including police violence — can be embedded in or work for police departments. If the medical examiner, coroner or other certifier fails to indicate police involvement in the cause of death on the death certificate, the incident could be misclassified*). Модальный глагол *must*, эпитет *foul play* и условное наклонение с союзом *if* выступают средствами, реализующими авторскую интенцию убеждения читательской аудитории в недобросовестности и несправедливости всей правоохранительной системы. Следующий аргумент способствует конструированию образа полиции, руководствующейся в своей деятельности расовыми предубеждениями в отношении афроамериканского, латиноамериканского и коренного населения страны: *Black men are killed by police at disproportionately high rates, and their deaths are mislabeled at higher rates than for any other race. ... Researchers found Black people were 3½ times more likely than White people to be killed by police, and*

Latinos and Native Americans also faced higher rates of fatal violence at the hands of law enforcement. About one in every thousand Black men in the United States is killed by police, the study found. Аппелляция к эмоциям реципиента осуществляется в аргументе с помощью сравнительной конструкции с союзом *than*, наречий *disproportionately, more likely, also*, лексического повтора словосочетания *higher rates* и эпитета *fatal violence*. Факты о наличии расовой дискриминации в органах правопорядка и покрывательстве сотрудниками полиции служебных нарушений и актов неоправданной жестокости других офицеров эксплицируются в следующем фрагменте: *“In my mind there is a deep-seated undercurrent of systemic racism to the point that a medical examiner doesn’t have to declare that they’re racist. The practices are already showing, and the racism is occurring, not just during the encounter itself, but even after the individual has passed away. “There’s still acts of racism trying to hide the murder or the killing that occurred”.* Эпитет *a deep-seated undercurrent*, лексический повтор лексемы с негативной семантикой *racism* и его производное слово *racist*, эвфемизм *passed away*, наречия *not just* и *even*, употребленные в антитезе с противительным союзом *but*, способствуют вербализации компонентов «произвол» и «жестокость», направленных на моделирование образа полиции, пренебрегающей в своей деятельности ***абсолютными, этическими и гражданско-правовыми ценностями.***

В медиатексте «Train the Police to Keep the Peace, Not Turn a Profit» [NYT, 20/11/2021] адресантом затрагиваются вопросы, связанные одновременно с такими распространенными нарушениями среди сотрудников полиции, как коррупция, фальсификация и расовая дискриминация. Так, противопоставление лексемы с положительной семантикой *peace* и экономического термина *profit* в заголовке, выступающих контекстными антонимами, привлекает внимание адресата к проблеме перехода одной из основных правоохранительных функций полиции (обеспечение общественной безопасности) в сферу экономики. Далее в контексте адресантом выстраивается аргументация, направленная на моделирование отрицательного образа полиции посредством актуализации компонента «произвол» образа американской полиции. В аргументе «*Some police departments across the country have embraced the corrupting and unjust practice of raising revenue for their municipalities*

by pushing officers to write as many traffic tickets as possible. Policing for profit encourages unfair enforcement of the law» отрицательно-оценочные лексемы *corrupting*, *unjust* и *unfair*, а также сравнительная конструкции *as many ... as* направлены на обличение девиантной сущности стражей порядка, которые, будучи призванными следить за исполнением законодательства, сами нарушают законы, прикрываясь своим должностным положением. Интенция убеждения аудитории в коррумпированном поведении полицейских, усиливается посредством статистических данных в аргументе: *The federal government worsens this problem by spending more than \$600 million a year to subsidize the writing of tickets. At least 20 states have responded to this policy by evaluating police officers based on how many stops they make per hour. Communities that are dependent on traffic-ticket revenue sometimes maintain larger police departments than are really necessary only for the purpose of raking in money. The Times investigation found more than 730 municipalities that rely on fees and fines for at least 10 percent of their revenue.* С одной стороны, ситуацию с оценкой эффективности деятельности полиции на основании количества остановок транспортных средств в час можно рассматривать как вынужденную меру, где офицеры полиции представлены в качестве заложников обстоятельств на фоне выдвинутых федеральным правительством требований повышать местный бюджет за счет выписанных штрафов. Разговорный глагол *to rake in*⁴⁸, употребленный в словосочетании *raking in money*, способствует убеждению адресата в зависимом положении местных правоохранительных органов от решений, принимаемых на федеральном уровне, и репрезентации полиции в качестве инструмента улучшения экономического благосостояния административно-территориальной единицы. С другой стороны, глагольная метафора *trawl*⁴⁹ и клишированная фраза *manufacture infractions* акцентируют внимание реципиента на низких морально-нравственных качествах отдельных сотрудников и их руководства, что свидетельствует об отсутствии профессионализма и законности в действиях представителей власти: *Departments that trawl poor communities in particular for ticket revenue — and whose*

⁴⁸ rake in *phrasal verb* to earn a lot of money, especially when it is done easily (informal) [Oxford Learner's Dictionary: [http](http://)]

⁴⁹ trawl *verb* to catch fish by pulling a large net behind a boat [Macmillan Dictionary: [http](http://)]

*officers sometimes manufacture infractions — undermine trust in the law. Аргумент «It also increases the likelihood that motorists stopped for infractions largely unrelated to public safety will be killed or injured during encounters with officers who are trained to view traffic stops as moments of mortal peril» является по факту парадоксом, так как правонарушения, не связанные даже с общественной безопасностью, могут повлечь за собой смерть или увечья водителей. Нарушение стилевого регистра за счет употребления в одном контексте юридической терминологии *infractions, public safety* и словосочетания *mortal*⁵⁰ *peril*⁵¹, характерного для художественного стиля, подчеркивает абсурдность происходящего. Восходящую градацию в репрезентации агрессивного и провокационного поведения офицеров полиции можно проследить в следующем фрагменте «... Worse still, officers commonly manufactured dangerous situations by stationing themselves in front of fleeing cars or reaching inside of vehicles. They then fired their guns in what they later described as self-defense. ... Dashboard and body-camera footage showed officers “shooting at cars driving away, or threatening deadly force in their first words to motorists, or surrounding sleeping drivers with a ring of gun barrels — then shooting them when, startled awake, they tried to take off”». Сравнительная степень прилагательного *worse*, наречие *commonly*, эпитеты *dangerous situations, deadly force*, метонимия *a ring of gun barrels* выступают средством импликации компонентов «произвол» и «жестокость», способствующих убеждению аудитории в социальной девиации и профессиональной деформации представителей правоохранительной структуры, что позволяет приравнивать их самих к преступным элементам. Осознание полицейскими вседозволенности и безнаказанности за грубое нарушение *абсолютных, гражданско-правовых и этических ценностей* приводит к усугублению сложившегося положения: *A culture of gross exaggeration creates an atmosphere in which outrageous police conduct leading up to a civilian death is judged acceptable <...> Over and over again, prosecutors convinced the courts that the killings were legally justified because the officers felt that their lives were endangered. <...> Only five officers were convicted of crimes in connection with these deaths.* Метафора *a culture of**

⁵⁰ *mortal adjective* : causing death or likely to cause death; very serious (literary) [Oxford Learner's Dictionary: [http](http://)]

⁵¹ *peril noun* : serious danger (formal or literary) [Oxford Learner's Dictionary: [http](http://)]

gross exaggeration, эпитет *outrageous police conduct*, усиительная конструкция *over and over again* и юридические термины *legally justified, judged acceptable* способствуют усилению речевой интенции убеждения реципиента в юридической защищенности офицеров полиции.

Медиатекст «Missouri Detective Is Convicted in Fatal Shooting of Black Man Outside His Home» [NYT, 20/11/2021] представляет интерес для исследования с позиции рассмотрения признания неправомерности действий сотрудников полиции судом, учитывая редкость обвинительных приговоров, вынесенных по делам о применении полицейскими огнестрельного оружия с летальным исходом. Так, аргументативная база в анализируемом контексте выстраивается вокруг вердикта судьи Дж. Д. Янгс, признавшего детектива Э. Дж. ДеВалкенэра виновным в убийстве чернокожего мужчины К. Лэмба без достаточных на то оснований (*Judge J. Dale Youngs ruled that the detective, Eric J. DeValkenaere of the Kansas City Police Department, had no reason to go on the property of Cameron Lamb, 26, who was shot twice as he was backing into his garage on Dec. 3, 2019*) и позиции прокуратуры, убежденной в сфабрикованных уликах, подброшенных погибшему с целью сокрытия истинных обстоятельств инцидента (*But they had no warrant and did not have reason to believe a crime had been committed when they rushed into Mr. Lamb's backyard and confronted him, argued Jackson County prosecutors, who also suggested during the trial that the police had planted evidence at the scene to make it look as if Mr. Lamb had a gun*). Словосочетания *no reason, did not have reason, no warrant, no evidence, did not have reason, the police had planted evidence* эксплицируют компонент «произвол» образа полиции, усиливающегося в аргументе: *The court concludes that this conduct was a gross deviation from the standard of care that a reasonable person would exercise in this situation and constituted criminal negligence*. Эпитеты *a gross deviation, a reasonable person*, юридические термины *conduct*⁵², *standard of care*⁵³, глагол *would* указывают на явные процессуальные нарушения со стороны офицеров полиции, а словосочетание *criminal negligence* способствует выделению номинанта «*халатность*» при выполнении своих

⁵² *conduct noun* : the way in which an activity is organized and performed (formal) [Cambridge Dictionary: [http](http://)]

⁵³ The standard of care is a legal term that is applied to determine if a person or company should be held responsible for harming others and thus should be made to compensate victims [Bieber: [http](http://)].

профессиональных обязанностей. Предвзятость стражей порядка относительно расовой принадлежности жертвы подчеркивается с помощью обособления *who is white*, отрицательно-маркированной лексемы *aggressors* и словосочетания *a duty to retreat* в аргументе: *Detective DeValkenaere, who is white, and his partner were the “initial aggressors in the encounter with Cameron Lamb on Dec. 3, 2019, and had a duty to retreat from the encounter under the circumstances.* Таким образом, рассматриваемый контекст является примером моделирования пейоративного образа полиции США, грубо нарушающих **абсолютные, гражданско-правовые и этические ценности**.

Итак, в оппозиционном газетном дискурсе интенции авторов медиатекстов преимущественно направлены на моделирование резко отрицательного образа американской полиции посредством вербализации компонента «произвол» (92% – 158 контекстов). Всего 14 контекстов (8%) содержат в себе вербализацию компонента «законность», не способствующих выделению дополнительных номинантов, а лишь аргументирующих *целесообразность* (53%), *правомерность* (36%) и *мотивированность* (11%) применения офицерами определенных тактических действий, направленных на восстановление общественного порядка и безопасности с соблюдением абсолютных (70%) и государственно-политических (30%) ценностей. Экспликация компонента «законность» в американском оппозиционном газетном дискурсе происходит в контекстах преимущественно с помощью юридической терминологии, а также ссылок на слова граждан, выражающих уважительное отношение по отношению к полиции и их деятельности *the police ... were just doing their jobs, great respect for cops*. Кроме того, в ходе интерпретации языкового материала были обнаружены примеры реализации стратегии дистанцирования.

Экспликация компонента «произвол» реализуется посредством лексем и словосочетаний с отрицательной оценочной семантикой и коннотацией, которые в совокупности с имплицитными средствами актуализации компонента «произвол» способствуют формированию ассоциативно-смыслового поля компонента «произвол», которое складывается из следующих номинантов: **«агрессия»** (30%), **«беззаконие»** (27%), **«предвзятость»** (27%), **«коррумпированность»** (10%), **«девиация»** (4%), **«подлог»** (2%).

Приведем статистику частотности употребления коммуникативно-прагматических средств вербализации компонента «произвол» образа правоохранительных органов США.

Экспликация			Импликация		
	Количество примеров в контексте			Количество примеров в контексте	
Лексемы со значением <i>агрессия</i>	- (fatal) violence, violent	17	лексико- семантические средства	- юридическая терминология	18
	- dangerous (situation)	7		- экономическая терминология	5
	- deadly force	6		- модальные глаголы	5
	- aggressor	2		- пейоративная лексика	3
	- moral peril	1			
Лексемы со значением <i>беззаконие</i>	- no / didn't have reason / warrant / evidence	21	лексико- стилистические средства	- эпитеты	27
	- unacceptable	6		- метафоры	11
	- infraction	3		- лексический повтор	5
				- ирония	4
				- парадокс	2
				- эвфемизмы	2
				- метонимия	1
			лексико- синтаксические средства	- антитеза	6
				- сравнительные конструкции	3
				- параллельные конструкции	3
				- усилительные конструкции	2
				- условное наклонение	1
				- градация	1
Лексемы со значением <i>предвзятость</i>	- racism, racist, racial bias	15	лексико- прагматические средства	- статистические данные	13
	- unjust	9		- ссылки на авторитетных лиц и официальные источники	10
	- unfair	6			
Лексемы со значением <i>коррумпированность</i>	- corrupt, corrupting, corruption	11	морфологические средства	- сравнительная и превосходная степень прилагательных	4
Лексемы со значением <i>девиация</i>	- outrageous (police conduct)	4			
Лексемы со значением <i>подлог</i>	- incomplete (data)	2			
Итого: 110					

Таблица 11. Сводная таблица вербализации компонента «произвол» образа полиции в американских оппозиционных контекстах

Таким образом, в оппозиционном газетном дискурсе полиция США рассматривается в качестве карательного органа, а сотрудники репрезентируются как лица, пренебрегающие абсолютными (42%), гражданско-правовыми (33%), этическими (17%) и государственно-политическими (8%) ценностями, что способствует приравниванию правоохранительных органов к антиценности на личностном (59%), общественном (33%) и государственном (8%) уровне.

3.2.3. Компонент «гуманность / жестокость» в американских оппозиционных газетах

В период с 01.02.2020 по 01.01.2022 нами было отобрано 311 медиатекстов (173 статьи в «The New York Times» и 138 статьи в «The Washington Post»), в контекстах которых авторами эксплицируется и/или имплицуется компонент «жестокость / гуманность» образа американской полиции. Основная тематика рассматриваемых изданий представлена статьями, содержащими информацию о деятельности правоохранительных структур по: 1) предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений на почве национальной и расовой неприязни; 2) обеспечению общественного порядка; 3) обеспечению безопасности дорожного движения; 4) предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений с применением огнестрельного оружия; 5) предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений в семейно-бытовой сфере, в сфере незаконного оборота огнестрельного оружия и наркотиков, похищения и торговли людьми, незаконной миграции; 6) профилактике, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых несовершеннолетними; 7) борьбе против экстремизма и терроризма. В публикациях освещается также информация о превышении служебных полномочий полицейскими и реформировании правоохранительной структуры.

Рассмотрим медиатексты, содержащие информацию о деятельности правоохранительных органов по предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений на почве национальной и расовой неприязни, включая вопросы, связанные с предвзятостью стражей порядка и проявлением чрезмерной жестокости по отношению к этническим меньшинствам, а также с нарушениями гражданских прав и свобод этой категории граждан.

В медиатексте под заголовком «Black Man Stomped by South Carolina Officer Will Receive \$650,000 Settlement» [NYT, 17/11/2021] адресантом освещается инцидент с жестоким задержанием афроамериканца К. Гейлларда, который в связи с имеющейся травмой был не в состоянии незамедлительно выполнить приказ офицера полиции.

Разговорный глагол *to stomp*⁵⁴ в заголовке создает эмфазу и свидетельствует о грубости и непрофессионализме полицейского. В контексте адресант выстраивает аргументацию, основанную на существующем в допросе методе «хороший полицейский / плохой полицейский», то есть на фоне неблагоприятного поступка одного полицейского автором статьи со ссылкой на слова адвоката Д. Бэмберга, который поблагодарил сержанта А. Полидора, отказавшегося «прикрывать» насильственные действия своего напарника, моделируется образ справедливых и сострадательных стражей порядка: *Mr. Bamberg said he gave credit to Aqkwele Polidore, a sergeant who was at the scene in July, “who refused to cover for a co-worker <...> This incident should give all good officers around the country a positive sign that it is OK to take a stand against police brutality in your agencies,” Mr. Bamberg said. “Amazing things can happen when dedicated law enforcement officers choose what’s right over what’s ‘blue.’ <...> “This is what progress looks like,” he said. Эпитеты good officers, a positive sign, amazing things, положительно-маркированная лексема *progress* и параллельная конструкция what’s right over what’s ‘blue служат средством усиления речевой интенции убеждения аудитории в добросовестности полицейских и наличии у них высоких морально-нравственных убеждений. Конструирование мелиоративного образа правоохранительных органов в анализируемом контексте также происходит в аргументе С. Эверинга: *Sidney Evering, the Orangeburg city administrator, said in a statement that the “vast majority” of the city’s police officers “do their jobs with honor and ensure that the citizens they are entrusted to protect and serve are treated fairly and with respect”*. Гипербола *vast majority*, наречие *fairly* и лексемы с положительной семантикой *honor, respect* способствуют моделированию образа полиции, которая руководствуется нормами цивилизованного и демократического государства и относится ко всем гражданам с уважением и почтением. Аргумент *“However, when an officer falls short of these expectations and conducts themselves in ways unbecoming to their department and the city, that officer must and will be held accountable. That’s exactly what we have done in this instance”* направлен на убеждение аудитории в беспристрастности и справедливости администрации города и правоохранительных органов, которые*

⁵⁴ *stomp verb* : to walk, dance, or move with heavy steps (informal) [Oxford Learner’s Dictionary: <http://>]

призывали к ответственности офицера, превысившего свои должностные полномочия. Речевая интенция усиливается также с помощью антитезы с противительным союзом *however*, модального глагола *must* и глагола *to hold*, употребленного в будущем времени пассивного залога *will be held*, что указывает на безапелляционное решение призвать офицера к ответственности, а эмфатическая конструкция *that's exactly what* демонстрирует крайнюю степень возмущения адресанта. Таким образом, в рассматриваемом контексте актуализация компонента «гуманность» и моделирование положительного образа полиции осуществляется на фоне противопоставления «хороших» и «плохих» полицейских, где хорошие репрезентируются как блюстители *абсолютных* и *гражданско-правовых ценностей*.

В заголовочном комплексе статьи «Racial Double Standards of Capitol Police Draws Outcry. Black Lives Matter activists said the tepid response from law enforcement officers to mostly white protesters stood in stark contrast to the aggressive tactics they have endured for years» [NYT, 07/01/2021] отрицательно-маркированная лексема *outcry*, эпитеты *tepid response*, *stark contrast*, *aggressive tactics* и наречие *mostly* способствуют экспликации компонента «жестокость» и конструированию образа агрессивных и предвзятых сотрудников полиции, а лексема *for years* указывает на длительный период царящего произвола и жестокости со стороны стражей порядка. Аргументативная база в контексте выстроена вокруг противопоставления мирного афроамериканского населения, отстаивающего свои законные права (*Black people*) и «белых» участников вооруженного восстания в здании Капитолия (*white protesters*). Ирония в аргументе члена городского совета И. Эллисона “*I think the police will view a leftist protester with a gas mask as more dangerous than a right-wing protester with a semiautomatic rifle*” подчеркивает политические предпочтения сотрудников полиции за счет сравнительной конструкции *as more dangerous than*. В рассматриваемом контексте офицеры полиции репрезентируются как субъекты, без достаточного основания превышающие свои должностные полномочия по отношению к цветному населению страны (*While protesting the police killing of a Black teenager in Ferguson, Mo., several years ago, Johnetta Elzie said she was manhandled by officers; <...> officers in riot gear charged the park and dispersed pepper spray, sending families with children*

fleeing») и проявляющие необоснованную жестокость к мирным гражданам (... *they (Police) pointed rifles at Black women who were pushing toddlers in strollers and cursed at them to turn around <...> Many times, officers used batons and chemical agents to disperse crowds*), нарушая тем самым **абсолютные, этические и гражданско-правовые ценности**. Глаголы и глагольные словосочетания с негативной семантикой *manhandled, fleeing, dispersed pepper spray, pointed rifles, used batons and chemical agents, to disperse crowds* эксплицируют компонент «жестокость» образа правоохранительных органов, усиливающегося в аргументе адвоката Дж. Хазаэли «*The police made the choice to use violence*» благодаря отрицательно-маркированной лексеме *violence*. С целью убеждения аудитории в применении полицией насильственных мер без веских оснований адресант цитирует слова судьи К. Д. Перри «... *one officer firing pepper spray at the people being arrested, “who all appear to be on the ground and complying with police commands”*». Так, в стилистически нейтральном контекст приводится описание инцидента, который создает ситуационную иронию, реализуемую посредством противопоставления офицера, чьи необоснованно жестокие действия направлены на граждан, уже подчиняющихся требованиям и не оказывающих сопротивления.

Рассмотрим один из самых ярких примеров вербализации компонента «жестокость» образа полиции в медиатекстах, освещающих события 6 января 2021 г. и действия полиции Капитолия, направленные на подавление восстания в здании Конгресса. Так, в контексте, представленном в статье «*Rioters breached the Capitol as they waved pro-police flags*» [WP, 08/01/2021] и проанализированном ранее в параграфе 3.2.2. с позиции вербализации компонента «произвол», адресантом за счет выраженной конвергенции различных приемов актуализируется также компонент «жестокость» образа американской полиции: *A man standing on a folding chair on the Capitol lawn raised a middle finger toward the advancing line of police and joined in a chant quickly sweeping the grounds: “Traitors! Traitors! Traitors!” In a crowd where some carried flags bearing a thin blue line — a pro-police symbol that critics claim also stands for white supremacy and opposition to the Black Lives Matter movement — and shirts adorned with “Blue Lives Matter,” a tide of anger and frustration rose as officers pushed them back.*

Nearly three hours after the building was breached, police cleared the grounds and used batons and chemical munitions to confront the mob. “You should be on our side,” a woman in a Trump 2020 sweatshirt called at them. “‘We the people’ means police, too!” “Is this honoring your oath? Pushing patriots around?” another man yelled as an officer shoved him backward with a baton. Экспликация компонента «жестокость» в рассматриваемом контексте реализуется посредством речевых клише *cleared the grounds, used batons and chemical munitions, shoved backward with a baton* и усиливается за счет эмфатической конструкции *Traitors! Traitors! Traitors!* Импликация компонента «жестокость» реализуется с помощью метафоры *a tide of anger and frustration*, эвфемизма *raised a middle finger*, способствующих усилению негативного воздействия на сознание реципиента. Ссылка на слова участников восстания направлена на реализацию семантической категории «свой-чужой», в которой посредством модального глагола *should be*, личных (*you, we*) и притяжательных местоимений (*your*), аллюзии *We the people’ means police, too* с отсылкой к преамбуле Конституции США, риторических вопросов *Is this honoring your oath? Pushing patriots around?* адресант создает оппозицию «народ-полиция», где офицеров относят к категории «чужой» и воспринимают как угрозу. Оппозиция «народ-полиция» усиливается в аргументе: “*The blue does not back you*” <...> “*They back the men who pay them*”. Лексему *the blue*⁵⁵ можно рассматривать как аллюзию к графическому изображению флага полиции США, а идиоматическое выражение «тонкая синяя линия» изначально использовалось в качестве фигурального описания полиции, представляющей собой тонкую грань между порядком и анархией. Однако глагол *to pay* стирает эту условную грань и превращает полицейских, наравне с политиками и чиновниками, в лиц, руководствующихся в своей профессиональной деятельности исключительно корыстными интересами. Речевые интенции, направленные на убеждение аудитории в опасности, исходящей от стражей порядка, достигаются в аргументе: *At racial justice protests over the summer, following a spate of police killing of Black men and women*

⁵⁵ “What started as a phrase, became popularized as a graphic image, then unfurled as a thin blue line flag, has been around for a long time. The thin blue line is seen on police cars, lapel pins, coffee cups and COVID-19 masks. Only recently has the thin blue line flag sparked controversy. While police officers and supporters of law enforcement have embraced the image as a source of pride and fraternal kinship, others see the thin blue line flag as a banner of defiance in a time of demands for police reform” [Shults 2020: <http://>].

around the country, protesters called police “murderers” and implored officers to join them or take a knee to express solidarity. Метафора *a spate of police killing* и навешивание ярлыков *murderers* и *traitors* на полицейских способствуют моделированию пейоративного образа полиции, игнорирующей **абсолютные, гражданско-правовые и этические ценности**.

Теперь рассмотрим медиатексты, отнесенные в другие блоки. Так, в статье «Opinion: Prince William police shot and killed a 79-year-old man. Was it a preventable tragedy?» [WP, 01/01/2021]. Риторический вопрос в заголовке предоставляет адресату самому сделать вывод относительно описываемой ситуации, что можно рассматривать в качестве примера реализации стратегии дистанцирования.оборот *appears to be* и эпитет *threatening manner* в предложении «*The death of Kurtis Kay Frevert appears to be a classic case of “suicide by cop,” in which a person who wants to die acts in a threatening manner so as to provoke a lethal response from police*» способствуют оправданию действий стражей порядка, применивших оружие на поражение. Так, на фоне отрицательного контекста полицейские репрезентируются в качестве заложников обстоятельств, вынужденных идти на крайнюю меру. Целесообразность применения офицерами огнестрельного оружия аргументируется с помощью цитаты прокурора Э. Эшворт: *Commonwealth’s Attorney Amy Ashworth ruled the use of deadly force “justified and reasonable under the circumstances of this tragic encounter”*. Лексемы *justified, reasonable* и эпитет *tragic encounter* апеллируют к эмоциям адресата и демонстрируют безвыходное положение офицеров полиции. Восходящая градация в предложении «*Frevert, who had been behaving so erratically as to prompt his wife to call 911, had wandered from his home and was shot when he returned to his porch and aimed his handgun at police after being told to drop the weapon*» свидетельствует об исходящей от вооруженного К. К. Фреверта опасности, которая также находит подтверждение после изучения видео с нагрудных камер офицеров полиции: “*In this incident, the danger posed by the decedent was real. Each of the officers expressed that they believed either they, individually, were in danger of being shot or killed or that other officers present were in danger of being shot or killed*”. Повтор конструкции с лексемами с негативной семантикой *danger of being shot or killed* способствует усилению речевых интенций

убеждения аудитории в правомерности и мотивированности действий полицейских. Такое лояльное отношение со стороны прокуратуры обосновывается также с помощью статистики, отражающей число самоубийств, совершенных посредством провоцирования полицейских открыть огонь на поражение: *Of the nearly 1,000 fatal police shootings in the United States every year, experts estimate that about 100 of them are suicide by cop*. Профессиональный термин *suicide by cop*⁵⁶ позволяет рассматривать офицеров в качестве инструмента, используемого гражданами с целью ухода из жизни, что до определенной степени снижает уровень ответственности правоохранительных органов за происшествие. Данное положение также подкрепляется аргументом «... *police must first consider their own safety and that of others ...*», где модальный глагол *must* способствует обоснованию мотивированности и целесообразности применения огнестрельного оружия стражами порядка.

В медиатексте «Idaho Sheriff Is Accused of Pointing Gun at Woman Who Delivered a Thank-You Card» [NYT, 27/12/2021] адресантом поднимается вопрос о профессиональной деформации и девиации шерифа К. Роуланда, который, проявляя агрессию к мирному населению (... *threatened to shoot a neighbor in November*» <...> *He brought his service gun outside and waved at the car to stop driving. <...> The sheriff yanked Ms. Cox out of the car by her hair ...*) и пренебрежение по отношению к коренному населению страны (*In an interview with state investigators, he (Sheriff Rowland) made disparaging comments about Native Americans from a nearby reservation*), пренебрегает **абсолютными, этическими и гражданско-правовыми ценностями**. Так, глаголы с деструктивной семантикой *to threaten, to shoot, to yank*⁵⁷ и эпитет *disparaging*⁵⁸ *comments* указывают на девиантное поведение полицейского, нарушающего не только социальные, но и правовые нормы, что подкрепляется диалогом, демонстрирующим крайнюю степень проявления угрозы и опасности, исходящих от представителя закона («*Sheriff Rowland held the gun two inches from her*

⁵⁶ Suicide-by-cop is a colloquial term used to describe a suicidal incident whereby the suicidal subject engages in a consciously, life-threatening behavior to the degree that it compels a police officer to respond with deadly force [Suicide by Cop Fact Sheet 2013]. Psychologists believe people who commit suicide-by-cop are psychiatrically ill and choose this method in order to avoid the blame and stigma of causing their own death [Geberth 1993].

⁵⁷ *yank verb* : to pull something/somebody hard, quickly and suddenly (informal) [Oxford Learner's Dictionary: <http://>]

⁵⁸ *disparaging adjective* : suggesting that somebody/something is not important or valuable (formal) [Oxford Learner's Dictionary: <http://>]

(Ms. Cox) forehead. “I will shoot you,” he said, using an expletive⁵⁹ <...> “Get out of here” <...> We are just here to drop something (“thankful turkey” card) off for Lisa,” she said, referring to the sheriff’s wife. But the sheriff, Craig Rowland of Bingham County, Idaho, saw them and thought that they were casing the neighborhood. Антитеза с противительным союзом *but* свидетельствует о профессиональной деформации шерифа, готового видеть в любых действиях, явно не представляющих никакой угрозы, преступный замысел и противоправные деяния, а сочетание формального и неформального регистров в одном контексте способствует достижению информационно-убеждающего эффекта. Интенция убеждения аудитории в непредсказуемости реакции и действий полицейского достигаются с помощью парадокса, указывающего на то, что любой гражданин может стать жертвой полицейского беспредела и жестокости без всяких на то оснований: *When Chelsea Cox dropped off a card at the sheriff’s house, she did not expect to have a gun pointed at her forehead <...> The delivery was supposed to be a nice surprise*». Враждебный настрой и отношение к коренному населению, как к потенциальным правонарушителям, эксплицируются в аргументе шерифа Роуланда посредством лексического повтора конструкции *I’ve had drunk Indians* и эпитета *not good people*: “*I’ve had drunk Indians drive down my cul-de-sac. I’ve had drunk Indians come to my door <...> “We have a lot of reservation people around us that are not good people*”. Лексему *cul-de-sac*⁶⁰, заимствованную из французского языка, можно рассматривать как попытку инграциации. Лексический повтор притяжательного местоимения *my* и местоимения в объектном падеже *us* свидетельствует о расовых предубеждениях, где белые люди выступают «хозяевами», а этнические меньшинства – «их рабами», посягнувшими на территорию своих «господ», что находит подтверждение в словах Д. Бойера «*the sheriff’s actions proved “racism still exists”*», служащих аргументом, подтверждающим существование расизма в современном демократическом обществе. Однако, несмотря на моделирование резко отрицательного образа отдельных представителей правопорядка, адресант привлекает внимание аудитории к тому факту, что не все чиновники и офицеры полиции

⁵⁹ expletive *noun* : a word, especially a rude word, that you use when you are angry, or in pain (formal) [Oxford Learner’s Dictionary: [http](http://)]

⁶⁰ cul-de-sac *noun* (from French) : a street that is closed at one end [Oxford Learner’s Dictionary: [http](http://)]

разделяют позицию К. Роуланда. Так, лексема с негативной семантикой *repulsive* в аргументе мэра М. Кэрролла “*We find Sheriff Rowland’s comments to be repulsive*” употребляется с целью порицания комментариев и действий шерифа, а положительно-маркированный глагол *to value* в заявлении его коллег о теплых отношениях с местными племенами (*Sheriff Rowland’s colleagues <...> said they valued their relationship with the nearby tribes*) свидетельствует о противоречии в словах шерифа об аморальности и криминализации индейского населения.

Таким образом, интерпретация языковых средств позволяет сделать вывод, что в англоязычных оппозиционных изданиях наблюдается двойственность в конструировании ценностной модели правоохранительных органов, основанной, с одной стороны, на признании правительством и населением страны квалифицированности, легитимности и процедурной грамотности офицеров полиции (202 контекста – 65%), а, с другой стороны, повсеместные акты насилия, неоправданной жестокости и случаи стрельбы на поражение способствуют формированию стереотипированного образа американской правоохранительной структуры, которая репрезентируется в контекстах как карательно-репрессивный инструмент подавления конституционных прав и свобод населения (109 контекстов – 35%).

Экспликация компонента «гуманность» образа полиции США происходит в контекстах с помощью положительно-маркированных лексем и конструкций, которые в сумме с имплицитными средствами актуализации ценностного компонента позволяют выделить такие номинанты образа, как «*уважение / почтение*» (42%), «*компетентность*» (37%), «*цивилизованность*» (11%) и «*беспристрастность / справедливость*» (10%). Моделирование отрицательного образа социального института полиции и вербализация компонента «жестокость» в американском оппозиционном газетном дискурсе происходит за счет отрицательно-маркированных единиц, которые транслируют устойчивые негативные ассоциативные ряды и в совокупности с имплицитными средствами вербализации способствуют объективации номинантов «*агрессия*» (81%), «*опасность / угроза*» (12%) и «*ложь / двуличие*» (7%).

Приведем статистику частотности употребления коммуникативно-прагматических средств актуализации компонента «гуманность / жестокость» образа американской полиции.

Компоненты	Экспликация			Импликация		
		Количество примеров в контексте			Количество примеров в контексте	
Гуманность	Лексемы со значением <i>уважение / почтение</i>	- (with) respect - (with) honor	6 2	лексико-семантические средства	- юридическая терминология	12
	Лексемы со значением <i>компетентность</i>	- no one was injured - good officers	5 2	лексико-стилистические средства	- эпитеты - гиперболизация - оксюморон	23 2 1
	Лексемы со значением <i>цивилизованность</i>	- progress - positive (sign)	2 1	лексико-синтаксические средства	- антитеза - градация - параллельные конструкции - вводные конструкции	11 7 5 2
	Лексемы со значением <i>беспристрастность / справедливость</i>	- fair, fairly	3	лексико-прагматические средства	- ссылки на авторитетных лиц и официальные источники - статистические данные - ссылки на действующее законодательство	24 15 2
	Итого: 21			Итого: 104		
Жестокость	Лексемы со значением <i>агрессия</i>	- violence, violent - aggressive (tactic, behaviour, officer) - to use (batons / chemicals / chemical munitions) - to disperse pepper spray - to point rifle / gun - to shove backward with a baton - to yank by hair - manhandled - to stomp	14 13 11 3 2 1 1 1 1	лексико-семантические средства	- юридическая терминология	11
	Лексемы со значением <i>опасность / угроза</i>	- dangerous, danger - murder - outrage, outrageous - confrontation	8 5 3 2	лексико-стилистические средства	- эпитеты - ирония - аллюзия - метафоры - гиперболизация - лексический повтор - эвфемизмы - парадокс	24 9 7 5 3 2 2 1
	Лексемы со значением <i>ложь / двуличие</i>	- traitor	4	лексико-синтаксические средства	- риторические вопросы - антитеза - параллельные конструкции	6 5 3

				- эмфатические конструкции	2
			лексико-прагматические средства	- ссылки на авторитетных лиц и официальные источники - ссылки на действующее законодательство	16 6
			<i>Итого: 69</i>	<i>Итого: 102</i>	

Таблица 12. Сводная таблица вербализации компонента «гуманность / жестокость» образа полиции в американских оппозиционных контекстах

Выделенные в рамках компонента «гуманность» номинанты образа позволяют рассматривать американскую полицию в качестве органа, стоящего на страже абсолютных (50%), этических (33%) и гражданско-правовых (17%) ценностей и приравнивать его к личностной (59%), общественной (33%) и государственной (8%) ценности. Вычлененные в рамках компонента «жестокость» вспомогательные номинанты свидетельствуют об игнорировании полицией США в равной степени абсолютных (34%), гражданско-правовых (33%) и этических (33%) ценностей, что позволяет приравнивать институт полиции к личностной (54%), общественной (38%) и государственной (8%) антиценности.

3.3. Лингвокультурологические особенности конструирования ценностной модели образа полиции в русскоязычном и англоязычном газетном дискурсе

Несмотря на стремление современных СМИ, в частности газетных изданий, к объективности в репрезентации информации, всегда можно проследить субъективную позицию адресанта на всех уровнях создания медиатекста, которая выражается либо эксплицитно посредством прямого оценивания явления, субъекта или события, либо имплицитно за счет различных средств выразительности. В связи с этим можно утверждать, что все газетные тексты диалогичны и субъективно маркированы, а стратегии и тактики языкового поведения адресанта всегда основываются на коммуникативной личности адресата, от которой непосредственно будет зависеть интерпретация конкретного медиасообщения. Однако корректное понимание

газетного текста будет невозможным без лингвострановедческих знаний индивида, включающих в себя не только национально-культурную семантику языковых единиц и синтаксические конструкции, используемых для максимально точного восприятия информации носителями определенной культуры, но и ментальные способы репрезентации действительности в сознании людей, объединенных общими этапами исторического развития, географическим ареалом, обычаями, традициями и ценностями [Александрова 2011].

Текст представляет собой вербальную форму отражения и сохранения культурного опыта, с помощью которого «можно не только разъяснить национально-культурную специфику мировосприятия, но и проследить диахронические изменения как в развитии общественного сознания, так и в жизни того или иного языкового коллектива» [Добросклонская 2008: 221], а заложенные в текстах смыслы и ценностные доминанты, присущие конкретному социуму, свидетельствуют о существовании различий в ценностных картинах мира как целых этнокультурных общностей, так и социальных групп внутри одной нации. Репрезентированные в языке оценки связаны с системой индивидуальных / личностных или социальных / общественных ценностей, а под процессом оценивания подразумевается способ реализации ценностных отношений, закрепленных в языке [Вольф 2002: 6], а также выбор языковых средств и способов речемыслительной деятельности, характерных для различных культур [Фролова 2016: 40].

Специфической особенностью оценки, производимой адресантом в политическом медиадискурсе, является ее двойственный характер. Так, с одной стороны, оценка того или иного феномена или лица в данном типе дискурса субъективна, так как всегда опирается на систему ценностей отдельно взятого индивида, а с другой стороны, оценивающий субъект зависит от ценностей той культуры или социальной группы, к которой он принадлежит [Вольф 2002; Серебренникова 2011; Jackiewicz 2014]. Исходя из этого, можно заключить, что апелляция к традиционным ценностным ориентациям адресата, свойственным для ценностной картины мира населения России и США, и вербализация в контекстах доминантных компонентов «профессионализм / непрофессионализм»,

«законность / произвол», «гуманность / жестокость» образа полиции будут иметь существенные различия в русскоязычном и англоязычном газетном дискурсе.

Так, для российских граждан наибольшей значимостью обладают ценности в сфере гражданско-правовых отношений (38%), тогда как американцы на первое место выдвигают абсолютные (42%) и этические (19%) ценности. Частотность апелляции к государственно-политическим (16% – Россия, 15% – США), религиозно-конфессиональным (2% – Россия, 1% – США) и профессиональным (4% – Россия, 3% – США) ценностям в русскоязычном и англоязычном газетном дискурсе не имеет существенных различий. Экономическим ценностям уделяется больше внимания в американских изданиях (5%), в то время как в российских газетах происходит также апелляция к коммунитарным (5%), историческим (4%) и натуральным / природным ценностям (1%), полностью отсутствующим в американских контекстах (Рис. 2).

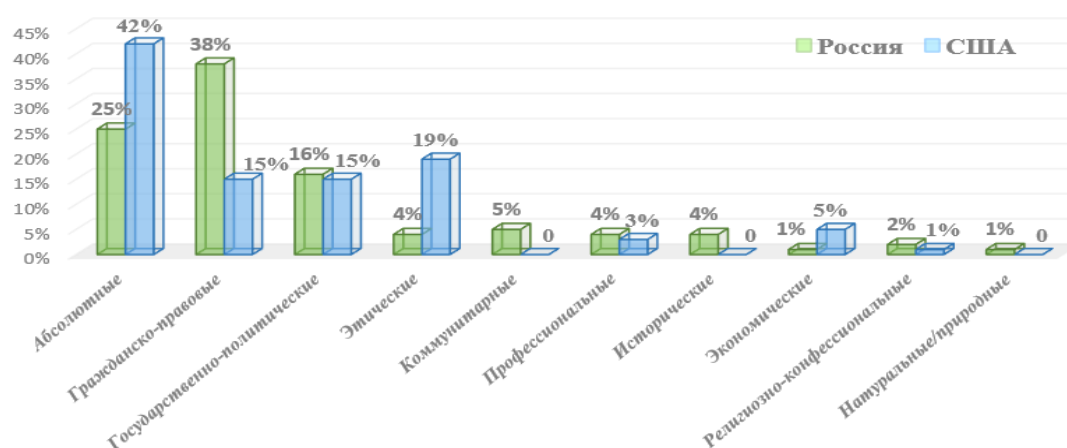

Рис. 2. Апелляция к ценностям, соблюдающимся / нарушающимся полицией, в российском и американском газетном дискурсе

Апелляция к **гражданско-правовым ценностям**, которые соблюдаются / игнорируются полицией, в российском газетном дискурсе имеет свои причины. Признание важности и значимости законодательства и соблюдения законов всеми членами российского общества уходит своими корнями в историю страны, а именно, в период полномасштабного кризиса государственной власти, получившего название «Смутное время» (1598 – 1613 гг.). Беззаконье и царящая повсеместно преступность в этот период привели к децентрализации государственной власти и иностранной интервенции, а также к гражданской и крестьянской войнам, что, в конечном итоге, создало угрозу потери государственной независимости России. Эти

события не только повлияли на развитие правового поля и ужесточение норм правовых взаимодействий, ставших источником первого свода законов российского государства, но и показали прочность ценностных ориентаций в сознании граждан, что в результате позволило стране выйти из переломного момента и укрепить свои мировоззренческие установки в частности в правовом пространстве [Сенюткина 2001]. Кроме того, повышенное чувство справедливости и равенства, присущее российскому народу, зачастую выступает средством манипуляции в политическом медиадискурсе, где авторами текстов уделяется особо пристальное внимание вопросам соблюдения / нарушения исполнительной ветвью власти гарантированных прав и свобод человека и гражданина. Именно поэтому, на наш взгляд, в русскоязычных контекстах апелляция к гражданско-правовому сознанию населения реализуется посредством ссылок на Конституцию РФ, федеральные законы и локальные НПА, а также цитирования ведущих политических деятелей России, юристов, правозащитников, полицейских, прокуроров и судей. Это может свидетельствовать о намерении государства и СМИ просветить все слои населения в правовых аспектах, сформировать юридическую компетентность российских граждан и тем самым предотвратить попытки правоохранительных органов превысить свои должностные полномочия. Следует отметить, что речевая интенция убеждения реципиента в законности требований или, наоборот, злоупотреблении сотрудниками полиции своими полномочиями достигаются в контекстах зачастую с помощью *юридической терминологии и профессиональных речевых клише*.

Лексемы, охватывающие *оценочные значения* профессионально-деловых качеств сотрудников полиции (юридическая компетентность / некомпетентность, грамотность, беспристрастность / предвзятость, опытность, оперативность, халатность, попустительство), *эпитеты*, а также *антропоморфные, социоморфные и зооморфные метафоры*, позволяющие выразить амбивалентную прагматическую оценку деятельности ОВД, чаще всего встречаются в контекстах, где происходит апелляция к *абсолютным ценностям*, а полицейские репрезентируются в качестве лиц, либо стоящих на страже жизни и физического здоровья граждан страны, либо пренебрегающих данной категорией ценностей в угоду «букве закона» и/или своим

личным интересам. Лексемы, имеющие в своем значении *оценочные смыслы* (отвага / бесстрашие / мужество, доблесть, честь, самоотверженность и патриотизм), *имена собственные, аллюзии к общественно-политическим событиям и историческим фактам*, а также *семантическая категория «свой-чужой»*, употребляются в контекстах с целью апелляции к **государственно-политическим и историческим ценностям** российского народа, что позволяет провести параллель между сотрудниками полиции и солдатами, защищающими свою территорию и народ от противоправных посягательств на целостность, безопасность и благополучие государства и его населения. Лексемы с *оценочным значением* (сострадание / эмпатия, толерантность, человечность, уважительность), *разговорная, жаргонная и пейоративная лексика*, употребленная в отношении правонарушителей и преступников, чаще всего употребляются при апелляции к **этическим, коммунитарным и религиозно-конфессиональным ценностям**, что позволяет репрезентировать полицию в качестве органа, следящего за морально-нравственным здоровьем нации и борющегося с любыми проявлениями антисоциального поведения (пьянство, наркомания, хулиганство, вандализм) и пагубным влиянием запада на российскую культуру (пропаганда нетрадиционной сексуальной ориентации и феминизма). Языковая оценка, осуществляемая посредством лексики, охватывающей *оценочные значения* отрицательных морально-нравственных качеств полицейских (грубость, агрессия, безжалостность, бесчеловечность, халатность, враждебность, равнодушие / безразличие, предвзятость, беспринципность, цинизм / глумление, коррумпированность, вседозволенность), а также *аллюзии с библейским сюжетам* встречаются в контекстах, где авторы апеллируют к **абсолютным, этическим и коммунитарным** ценностям с целью демонизации представителей правоохранительных органов.

Основным законом в Соединенных Штатах Америки является Конституция, обладающая наивысшей юридической силой. Однако в каждом штате сложилась своя собственная система общего права под влиянием законодательных норм того государства, чья колония ранее располагалась на территории того или иного штата. Кроме того, отличительной особенностью правовой системы США является метод

свободного толкования Конституции Верховным судом США, который позволяет интерпретировать статьи и поправки в зависимости от текущей идеологии правительства и экономических факторов [Ярославцева 2014, 69]. Такая правовая специфика американского государства находит свое отражение в политическом медиадискурсе, где за счет *ссылок на Конституцию США и мнение представителей законодательной ветви власти* о деятельности правоохранительных органов осуществляется воздействие на сознание адресата и моделируется желаемый образ полиции. Однако в англоязычных контекстах нами не было найдено ни одной ссылки на федеральное законодательство или законодательство штатов в сфере уголовного или административного права, что может свидетельствовать одновременно как о юридической некомпетентности населения, так и о недостаточном уровне правового сознания офицеров полиции. Именно поэтому, на наш взгляд, апелляция к ***гражданско-правовым ценностям*** в американском газетном дискурсе не имеет такого существенного влияния на конструирование образа полиции США, в то время как ***абсолютные*** и ***этические ценности*** занимают важное место в американском обществе в связи с множеством проблем этносоциологического характера, которые выливаются в межэтнические конфликты с применением огнестрельного оружия как между гражданами страны, так и между населением и правоохранительными органами. Отклонение от эталонных представлений населения США о полиции находит отражение в газетном дискурсе, где с помощью конвергенции различных лингвистических средств достигается авторская интенция убеждения аудитории в неэффективности, некомпетентности, безответственности и низкой профессиональной подготовке полицейских, готовых рисковать жизнью и здоровьем мирного населения, а также сознательно игнорирующих этические аспекты и допускающих дискриминацию по половым, расовым, национальным, религиозным и иным признакам. Лексемы, охватывающие *оценочные значения* отрицательных морально-нравственных качеств офицеров полиции (грубость, агрессивность, враждебность, безответственность, предвзятость, вседозволенность, аморальность, недобросовестность, коррумпированность), *эпитеты*, *антропоморфные*, *природоморфные* и *милитарные метафоры*, *ирония*, *антитеза*, *эмфатические* и

усилительные конструкции, тактика навешивания ярлыков чаще всего употребляются при апелляции к абсолютным, гражданско-правовым и этическим ценностям. Крайняя степень политизированности американского общества и поддержка одной из двух лидирующих партий зачастую становится предметом манипуляции со стороны СМИ, а апелляция к **государственно-политическим ценностям** базируется на дихотомии «свой-чужой», где под категорию «чужой», помимо членов правительства США, также попадают правоохранительные органы, деятельность которых резко критикуется демократической партией и одобряется республиканцами.

Несмотря на крайнюю обеспокоенность политических и общественных деятелей жесткими и радикальными тактическими действиями, применяемыми правоохранительными структурами США, и попытки провести реформу полиции, большинство граждан страны, включая представителей различных этносов, опасаясь резкого роста преступности, выступают категорически против упразднения правоохранительных органов и признают легитимность полиции как социального института. В связи с этим в газетном дискурсе моделирование мелиоративного образа полиции США осуществляется благодаря оценке профессионально-деловых (компетентность, опытность, эффективность, оперативность, законопослушность) и морально-нравственных качеств сотрудников (самоотверженность, объективность / беспристрастность, добросовестность, героизм / мужество, принципиальность, уважительность, сострадание / эмпатия) посредством *эпитетов, метафор, оксюморона, эвфемизмов, контекстуальной антонимии, сослагательного наклонения, сравнительных, параллельных и инверсивных конструкций*, относящихся к лексико-семантическому полю ценностных компонентов «профессионализм», «законность» и «гуманность» образа стражей порядка и способствующих внедрению в массовое сознание идеи о результативности деятельности правоохранительных органов по обеспечению государственной, общественной и личностной безопасности от угроз криминального характера, что, в свою очередь, является своеобразным индикатором состояния государственной власти в целом.

Кроме того, при оценке личности отдельно взятых полицейских или правоохранительного ведомства в целом в контекстах широко употребляются прилагательные в сравнительной и превосходной степенях, способствующие передаче наивысшей степени проявления конкретного признака, и служащих эффективным средством интенсификации прагматической оценки. К отличительной особенности американского газетного дискурса можно отнести лексические и синтаксические повторы, выступающие средством выражения дополнительных смысловых оттенков.

В отличие от России, население которой привыкло к экономическим кризисам, американцы всегда гордились своей крепкой и стабильной экономикой. В связи с этим в англоязычном газетном дискурсе апелляция к *экономическим ценностям* на порядок выше, чем в русскоязычном, что указывает на существенные отличия в системе ценностей двух наций и объясняет более частотное употребление *экономической терминологии* и *статистических данных* в американских контекстах. Однако при апелляции к экономическим ценностям авторы медиатекстов дают положительную оценку полиции США, стоящей на страже государственных и общественных материальных ценностей, а отрицательная оценка выражается в контекстах за счет приведения примеров нивелирования правоохранительными органами материальных ценностей отдельных индивидов.

По сравнению с российским газетным дискурсом, где имена собственные чаще всего употребляются с целью персонификации образа полиции, а также актуализации положительных профессионально-деловых и морально-нравственных качеств сотрудников полиции, способствующих конструированию мелиоративного образа института полиции России, в американском газетном дискурсе имена собственные выступают средством объективации отрицательных компонентов образа и, как следствие, моделирования пейоративного образа правоохранительных структур США.

Интересным с точки зрения лингвокультурологических различий в ценностных ориентациях населения России и США, на наш взгляд, является факт актуализации номинанта «*интеллектуальность*» образа американской полиции, отсутствующего в российских контекстах. Апелляция к интеллектуальным и когнитивным способностям

полицейских как одной из важнейших составляющих профессионализма может свидетельствовать о приоритете профессионально-деловых качеств представителей закона в американском обществе и морально-нравственных качеств в российском обществе.

Кроме того, в газетном дискурсе апелляция зачастую осуществляется не к фактам и разуму, а к существующим в сознании российского и американского общества стереотипам. Так, в русскоязычных контекстах пейоративный образ полиции чаще всего моделируется посредством имплицитного выражения отрицательной оценки профессиональным действиям сотрудников полиции и/или их личностным качествам, которые зачастую узко интерпретируются или искажаются за счет апелляции к укоренившимся стереотипам, зарожденным после распада СССР, когда метафора «оборотни в погонах» использовалась для характеристики всей структуры милиции. В свою очередь, идеализация американским правительством и народом своего общества, повсеместное распространение идеи «американской мечты», восприятие своей культуры, традиций, ценностей и мировоззрений в качестве эталона и образца для подражания выступают средством конструирования мелиоративного образа правоохранительной структуры США.

Таким образом, в политическом медиадискурсе происходит разделение тенденциозных оценочных мнений относительно признания социального института полиции (анти)ценностью. Так, в российском газетном дискурсе апелляция к национальным ценностям, укоренившимся в сознании граждан страны благодаря сильной государственной идеологии, позволяет признать правоохранительные органы примерно в равной степени общественной (37%), личностной (35%) и государственной (28%) ценностью, в то время как существующая на протяжении многих столетий в американском обществе индивидуалистическая идеология позволяет выдвигать личные интересы на первый план и способствует признанию полиции в первую очередь личностной (59%), а затем общественной (25%) и государственной (16%) ценностью (Рис. 3).

Если оценочная категория «хорошо» в сознании граждан России и США имеет существенные различия, то при восприятии населением категории «плохо» разрыв не

столь очевиден, а институт полиции приравнивается личностной (60% – Россия, 62% – США), общественной (34% – Россия, 31% – США) и государственной (6% – Россия, 7% – США) антиценности (Рис. 4).

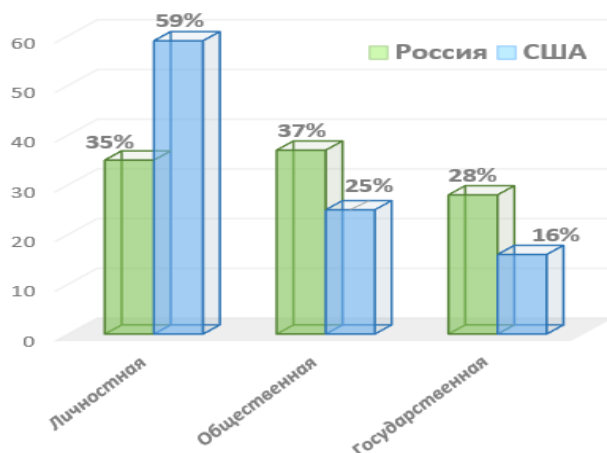

Рис. 3. Признание полиции ценностью в российском и американском газетном дискурсе

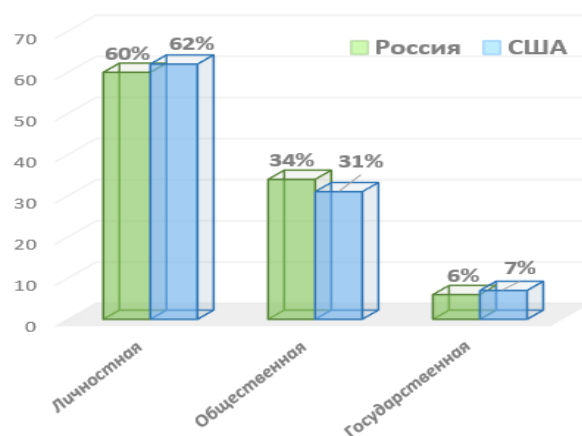

Рис. 4. Признание полиции антиценностью в российском и американском газетном дискурсе

На основании рассмотренного материала, можно говорить, что в отличие от российского газетного дискурса, характеризующегося своей экспрессивностью и экспликацией авторской оценки, раскрывающейся преимущественно через контекст за счет употребления прямых внутрифразовых оценок, в американском газетном дискурсе лингвистическое моделирование образа полиции достигается зачастую посредством реализации тактики дистанцирования и скрытого воздействия на сознание адресата за счет внутритекстовых косвенных оценок.

Выводы по третьей главе

В процессе интерпретации контекстов, представленных в американском газетном дискурсе, мы пришли к выводу, что лингвистические средства моделирования образа полиции обладают оценочно-прагматическим потенциалом, который позволяет актуализировать доминантные ценностные компоненты «профессионализм / непрофессионализм», «законность / произвол», «жестокость / гуманность» образа полиции США, представленные в бинарных оппозициях. Однако в отличие от российского газетного дискурса в американских изданиях явно прослеживается взаимосвязь между политическими убеждениями граждан страны и признанием / непризнанием легитимности

правоохранительной структуры, в результате чего вносится разлад в целостное восприятие образа американской полиции.

Позитивно-ценностная модель образа американской полиции в проправительственном газетном дискурсе конструируется с помощью таких дополнительных номинантов, как «компетентность», «эффективность», «оперативность / результативность», «безопасность», «надежность», «правомерность», способствующие моделированию образа представителей правопорядка в качестве блюстителей абсолютных, государственно-политических, гражданско-правовых, этических, экономических и религиозных ценностей, что позволяет рассматривать институт полиции в качестве ценности на всех трех уровнях: личностная, общественная и государственная.

Негативно-ценностная модель образа полиции США складывается из таких вспомогательных номинантов, как «бесцеремонность / грубость», «насилие», «халатность», «неорганизованность», «самоуправство», позволяющих обосновать факт превышения сотрудниками полиции своих служебных полномочий, нарушения правовых принципов демократического государства, общечеловеческих идеалов и ценностей, а также допущения ошибок в осуществлении процедурной легальности и правоприменении. Выделенные номинанты свидетельствуют об игнорировании офицерами полиции абсолютных, этических, профессиональных и гражданско-правовых ценностей, что приравнивает полицию к личностной и общественной антиценности. Кроме того, обнаружены примеры, в которых авторы проправительственных медиатекстов в своей оценочной аргументации опираются либо на устоявшиеся в обществе стереотипы, либо на идеальное представление об американской правоохранительной структуре, в частности ФБР, поэтому в них наблюдается лишь неаргументированная концептуализация института полиции, но не представляется возможным говорить о лингвистическом моделировании образа.

В американском оппозиционном газетном дискурсе моделируется контрадикторная ценностная модель образа полиции США. Так, авторами медиатекстов моделируется как крайне пейоративный образ полиции, так и мелиоративный образ. Кроме того, в отдельных контекстах выстраиваются бинарные

оппозиции за счет приведения в одном контексте аргументов, оправдывающих и осуждающих определенные тактические действия полицейских, что оставляет реципиенту право выбора позиции относительно признания / непризнания легитимности института полиции.

Позитивно-ценностная модель образа полиции США конструируется в контекстах с помощью объективации таких вспомогательных номинантов, как «компетентность», «надежность», «самоотверженность», «цивилизованность», «интеллектуальность», «героизм / мужество», «уважение / почтение» и «беспристрастность / справедливость», способствующих восприятию образа правоохранительных структур в качестве блюстителей абсолютных, этических, гражданско-правовых, государственно-политических и религиозно-конфессиональных ценностей, что позволяет прировнять правоохранительные органы к личностной, общественной и государственной ценности.

Негативно-ценностная модель образа американской полиции базируется на обосновании чрезмерного превышения офицерами полиции своих служебных полномочий, наличия у сотрудников расовых и стереотипных предубеждений, их политизированности и профессиональной деформации. Перечисленные нарушения со стороны представителей закона способствуют выделению следующих дополнительных номинантов: «неэффективность», «беззаконие», «агрессия», «опасность / угроза», «предвзятость», «коррумпированность», «девиация», «неорганизованность», «подлог», «ложь / двуличие». Перечисленные номинанты направлены на конструирование образа полиции, пренебрегающей абсолютными, гражданско-правовыми, этическими и государственно-политическими ценностями, и репрезентацию правоохранительных органов в качестве личностной, общественной и государственной антиценности. Кроме того, как в проправительственном, так и в оппозиционном газетном дискурсе моделирование мелиоративного образа полиции зачастую осуществляется с помощью реализации семантической категории «свой-чужой», а конструирование пейоративного образа также происходит за счет реализации тактики осуждения, тактики навешивания ярлыков и стратегии дистанцирования.

Способность индивида наиболее полно передавать свое отношение к окружающему миру проявляется именно на языковом уровне посредством выражения оценки объектам и явлениям действительности. В процессе восприятия и передачи информации носитель языка всегда ориентируется на признанные в конкретном социуме индивидуальные / личностные и групповые / общественные ценности, а оценочный компонент, закрепленный в структуре лексического значения слова, позволяет репрезентировать ценностные ориентиры и установки отдельно взятого этноса. Языковые средства передачи оценочного отношения к правоохранительным органам в российском и американском газетном дискурсе, а также апелляция к традиционным национальным ценностям имеют важное значение для конструирования ценностной модели образа полиции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате смены научной парадигмы под влиянием глобальных политико-социальных и культурных явлений, имеющих место в современном мировом сообществе, в лингвистике произошел пересмотр существующих подходов к языку, который стал рассматриваться не просто как функциональная система, направленная исключительно на передачу и восприятие информации, а как функционирующая сущность единства ментального и языкового сознания, способствующая познанию и категоризации действительности, а также конструированию некоторой модели – картины мира. Особого внимания в изучении функционально-коммуникативных и прагматических аспектов языка заслуживает интегративный метод моделирования, базирующийся на пропозициях и нацеленный на отображение релевантных свойств оригинала посредством создания абстрактно-идеализированного объекта-аналога – модели. Метод лингвистического моделирования применяется с целью конструирования модели языкового употребления, дающей исследователям представления о процессах обработки информации и обладающей описательной, объяснительной, прогнозирующей и аксиологической способностью.

Когнитивно-прагматический характер лингвистических моделей наиболее полно и ярко находит отражение в политическом медиадискурсе, в частности в газетном дискурсе, в котором с целью оказания речевого воздействия на сознание массовой аудитории и моделирования желаемого образа авторами медиатекстов реализуются различные коммуникативные стратегии и тактики, основной категорией которых выступает категория оценки и оценочности. Положительные или отрицательные оценки, изначально заложенные адресантом в медиасообщении, зачастую скрытно внушаются адресату, который вслед за первым воспринимает заданную оценку на суггестивном, эмоциональном уровне. Таким образом, за счет апелляции к эмоциям оценки приобретают способность заменять в контексте логическую аргументацию и, как следствие, приобретать характер аргументов, направленных на формирование личностно-смыслового отношения реципиента к идеям, нормам и ценностям.

В результате детального изучения коммуникативных стратегий и тактик, наиболее часто реализуемых в политическом медиадискурсе, мы пришли к выводу, что одной из самых эффективных стратегий моделирования мелиоративного и/или пейоративного образа социального института вступает стратегия оценочной аргументации, в которой тщательная избирательность вербальных средств формирования оценочной семантики, иллокутивная сила и перлокутивный эффект убеждения, а также ориентация на общественные и личностные ценности и потребности индивидов позволяют максимально продуктивно оказывать речевое воздействие, направленное на конструирование востребованного образа. Кроме того, стратегия оценочной аргументации предоставляет возможность изучить явные и скрытые механизмы функционирования языка, выступающего в качестве инструмента социальной власти, и репрезентировать объект оценки как государственную, общественную и/или личностную (анти)ценность. Тщательно подобранные языковые средства представляют собой материальное воплощение целенаправленно моделируемого образа посредством объективации ценностных смыслов, направленных на актуализацию компонентов целостного образа.

Взросшие требования мирового сообщества к деятельности правоохранительных органов, критика профессионально-деловых и морально-нравственных качеств сотрудников полиции обуславливают необходимость моделирования максимально объективного образа социального института полиции, выступающего одним из центральных звеньев в цепочке «государство – общество». Однако на сегодняшний момент в большинстве стран, включая Российскую Федерацию и Соединенные Штаты Америки, образ полиции размыт, стереотипен и довольно противоречив ввиду отсутствия целостной системы его моделирования на государственном уровне.

В зависимости от социально-политической и идеологической установки газетного издания (проправительственное / оппозиционное) авторы медиатекстов наделяют сотрудников полиции социально-психологическими, этическими и морально-нравственными качествами, актуализируя тем самым конкретные ценностные компоненты образа, зачастую представленные в бинарных оппозициях

«профессионализм / непрофессионализм», «законность / произвол», «гуманность / жестокость», которые способствуют конструированию желаемой ценностной модели образа правоохранительных органов в сознании целевой аудитории. Интерпретация лингвистических средств, способствующих вербализации обозначенных ценностных компонентов образа полиции в русскоязычных и англоязычных контекстах, позволила нам выделить четыре ценностные модели образа российской и американской полиции.

Российская проправительственная модель образа полиции представлена компонентами «профессионализм», «законность» и «гуманность», актуализированными в 391 контексте (89%) благодаря таким дополнительным номинантам, как «компетентность», «оперативность», «бесстрашие», «цивилизованность», «правомерность» и «этичность», а также аргументации юридической компетентности стражей порядка, *правомерности / легитимности, целесообразности / мотивированности* их тактических действий в конкретных обстоятельствах. В своей совокупности указанные номинанты позволяют сконструировать целостный образ российской полиции и репрезентировать правоохранительную структуру в качестве органа, эффективно и компетентно борющегося с посягательствами на жизнь, здоровье, имущество, права, свободы и интересы граждан, самоотверженно стоящего на страже целостности и внутренней безопасности государства, беспристрастно сражающегося с преступностью и административными правонарушениями, соблюдающего при этом гражданско-правовые, абсолютные, государственно-политические, экономические, исторические, натуральные / природные и религиозно-конфессиональные ценности. Мелиоративный образ полиции России моделируется с помощью лингвистических средств, содержащих в себе положительно-оценочные значения как профессионально-деловых, так и морально-нравственных качеств, присущих сотрудникам правоохранительных органов и позволяющих рассматривать социальный институт полиции как общественную, личностную и государственную ценность. Небольшой процент проправительственных медиатекстов (41 медиатекст – 9%) содержит в себе критику в адрес силовых структур и изобличает нарушения в правоохранительной

системе. Так, компоненты «произвол» и «жестокость», актуализированные в контекстах за счет отрицательно-маркированных единиц, свидетельствуют о несоблюдении сотрудниками полиции правовых принципов демократического государства, общечеловеческих идеалов и ценностей, нарушениях в правомерности применения законов и процедурной легальности при осуществлении своих должностных обязанностей, что приравнивает институт полиции к личностной и общественной антиценности.

В американском проправительственном дискурсе авторы текстов стремятся достичь речевой интенции убеждения аудитории в легитимности своей правоохранительной системы и с помощью различных языковых средств аргументируют правомерность, целесообразность и мотивированность применения полицейскими огнестрельного оружия, силовых методов и зачастую радикальных тактических действий. Актуализированные в 328 контекстах (62%) компоненты «профессионализм» и «законность» образа американской полиции направлены на репрезентацию офицеров полиции в качестве лиц, обладающих высокой степенью правовой и профессиональной подготовленности, соблюдающих принципы цивилизованного демократического государства, а также абсолютные, государственно-политические, гражданско-правовые, этические, профессиональные и экономические ценности. Дополнительные номинанты образа полиции США («компетентность», «оперативность / результативность», «эффективность», «надежность», «безопасность», «правомерность») позволяют отнести правоохранительные органы к одному из структурных элементов системы ценностей американского общества и рассматривать их в качестве личностной, общественной и государственной ценности. Как и в русскоязычном проправительственном газетном дискурсе, в американских проправительственных изданиях не утаивается информация о существующих в правоохранительной системе проблемах, а номинанты «насилие», «халатность», «бесцеремонность / грубость», «неорганизованность», «самоуправство», выделенные в рамках компонентов «произвол» и «жестокость» (54 контекста – 10%), позволяют обосновать тезис о превышении полицейскими своих должностных полномочий и допущении ошибок в осуществлении процедурной

легальности и правоприменении, а также об игнорировании ими абсолютных, этических, профессиональных и гражданско-правовых ценностей, что репрезентирует правоохранительные органы как личностную и общественную антиценность.

Несмотря на тот факт, что редакционной политикой оппозиционных изданий как в России, так и в США, является дискредитация правительства и его институтов, однако, в процессе интерпретации лингвистических средств моделирования образа полиции, мы пришли к заключению, что в оппозиционном газетном дискурсе конструируется контрадикторная модель образа правоохранительных органов, устанавливающая аксиологическую асимметрию в репрезентации полиции в качестве (анти)ценности. Так, ценностная модель образа как российской, так и американской полиции в оппозиционных газетах базируется на бинарных оппозициях, представленных вербализованными в контекстах компонентами «профессионализм / непрофессионализм», «законность / произвол», «гуманность / жестокость», а также на наличии в общественном сознании устойчивых стереотипов и ложных установок о полиции и ее деятельности, что свидетельствует о намеренном искажении образа ОВД и способствует лишь неаргументированной концептуализации института полиции.

Российская модель образа полиции, конструируемая в оппозиционном газетном дискурсе, с одной стороны, складывается из таких вспомогательных номинантов, как «компетентность», «эффективность / результативность», «правомерность», «толерантность» и «уважение», эксплицированных и/или имплицированных в 287 контекстах (38%) благодаря широкому диапазону языковых средств выражения положительной оценки деятельности полиции, способствующих репрезентации мелиоративного образа ОВД, которые выступают стражами государственно-политических, гражданско-правовых, абсолютных, этических, профессиональных и натуральных / природных ценностей, что позволяет приравнять социальный институт полиции в равной степени к государственной, общественной и личностной ценности. С другой стороны, пейоративный образ российской полиции конструируется в 447 контекстах (60%) за счет количественного преобладания языковых средств негативной оценки, характеризующихся агрессивностью прагматических смыслов и

направленных на актуализацию таких номинантов, как «беззаконие», «некомпетентность», «враждебность», «халатность», «насилие», «формализм», «подлог», «агрессия», «предвзятость», «цинизм / глумление» и «неорганизованность». Выделенные номинанты служат средством обоснования положения о превышении полицейскими своих служебных полномочий, которое заключается в отсутствии необходимости и целесообразности применения физической силы, специальных средств и насильственных методов принуждения, а также подкрепляются аргументами об отсутствии у представителей закона юридической компетентности и наличии высокого уровня профессиональной деформации. Актуализация отрицательной оценки ОВД также базируется на дихотомии «свой-чужие», где население страны относится к категории «свои» и притесняется «чужими» в лице государственного аппарата, включающего законодательную, исполнительную и судебную ветви власти. Такой негативный вектор оценочного суждения о деятельности полиции и ее репрезентация в качестве государственного инструмента подавления и принуждения, а также карательного органа, действующего самоуправно и беспринципно, способствует признанию полиции России антиценностью на всех трех уровнях: личностной, общественной и государственной.

В отличие от русскоязычных контекстов, где интенции авторов направлены на моделирование конкретного образа, в американском оппозиционном газетном дискурсе бинарная оппозиция «хорошо / плохо» зачастую выстраивается за счет приведения в одном контексте аргументов, одновременно оправдывающих и осуждающих тактические действия полицейских, что оставляет реципиенту право выбора позиции относительно признания / непризнания легитимности рассматриваемого института и свидетельствует о прагматической амбивалентности в репрезентации образа. Конструирование мелиоративного образа полиции США и ее признание личностной, общественной и государственной ценностью осуществляется в 161 контексте (26%) посредством конвергенции различных лингвистических средств, выступающих ядерными составляющими при конструировании образа стражей порядка в языковом сознании читателя-реципиента, способствующих приращению новых оценочных смыслов, а также объективации таких

дополнительных номинантов, как «компетентность», «надежность», «самоотверженность», «героизм / мужество», «цивилизованность», «уважение / почтение», «беспристрастность / справедливость», «интеллектуальность». Вычлененные номинанты позволяют репрезентировать стражей порядка в качестве блюстителей абсолютных, этических, гражданско-правовых, государственно-политических и религиозно-конфессиональных ценностей.

Вербализация компонентов «непрофессионализм», «произвол» и «жестокость» в американском оппозиционном газетном дискурсе, направленных на конструирование пейоративного образа американской полиции, осуществляется в 386 контекстах (62%) посредством объективации в таких дополнительных номинантов как, «неэффективность», «беззаконие», «опасность / угроза», «агрессия», «неорганизованность», «предвзятость», «коррумпированность», «девиация», «подлог», «ложь / двуличие». Выделенные номинанты свидетельствуют о чрезмерном превышении офицерами полиции своих должностных полномочий, необоснованном применении физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, о наличии у сотрудников расовых и стереотипных предубеждений, об их политизированности и поддержании идеологии определенной политической партии, а также о профессиональной деформации, выражающейся в аморальном и девиантном поведении. Крайняя степень политизированности американского общества, включая полицию, и их поддержка одной из двух лидирующих партий зачастую становится предметом манипуляции со стороны СМИ. Апелляция к государственно-политическим ценностям зачастую базируется на дихотомии «свой-чужие», где под категорию «чужой», помимо членов правительства США, также попадают правоохранительные органы, деятельность которых резко критикуется демократической партией и одобряется республиканцами. Тщательно отобранные лингвистические средства вербализации обозначенных компонентов способствуют достижению речевой интенции убеждения адресата в том, что полиция США в своей служебной деятельности, пренебрегая абсолютными, гражданско-правовыми, этическими и государственно-политическими ценностями, представляет собой личностную, общественную и государственную антиценность, следовательно,

упразднение полиции как социального института является наиболее целесообразным и рациональным решением.

Несмотря на то, что экспликация и импликация оценочных значений как в российском, так и в американском газетном дискурсе реализуется многоуровневой системой лингвистических средств и конвергенцией различных приемов и тактик, приоритетной формой актуализации положительной оценки российской полиции выступает эксплицитная форма (56%), а негативная оценка преимущественно имплицитируется (65%), в то время как образ полиции США в 84% случаев конструируется имплицитно, что может свидетельствовать о стремлении американских изданий выразить свою авторскую позицию, минимизировав при этом свою ответственность за интерпретацию адресатом изложенных в медиатексте событий и фактов, а также переложить ответственность за искаженное восприятие информации на реципиента.

Настоящая диссертационная работа представляет собой осуществленное в русле интерпретативного подхода комплексное исследование образа российской и американской полиции, целенаправленно моделируемого в проправительственном и оппозиционном газетном дискурсе. Результаты, полученные в результате интерпретации языкового материала, позволили сконструировать четыре максимально объективных модели социального института полиции посредством выявления интенционально задаваемых авторами медиатекстов доминантных ценностных компонентов образа. Более глубокое изучение процесса лингвистического моделирования образа ОВД может предоставить дополнительные возможности для оценки реального состояния двусторонних отношений между правоохранительной структурой и гражданами страны.

Научными перспективами дальнейшего исследования медийного образа полиции лингвистическими средствами можно рассматривать детальное и разностороннее изучение компонентов образа правоохранительных органов, выделенных в рамках других коммуникативных стратегий прагматического или позиционирующего типов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

МВД – Министерство внутренних дел

ОВД – Органы внутренних дел

НПА – Нормативно-правовой акт

НГ – «Новая газета»

РГ – «Российская газета»

AP – «The Associated Press»

NYT – «The New York Times»

WP – «The Washington Post»

WSJ – «The Wall Street Journal»

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агапова, Т. В. Информационная политика в системе мероприятий по формированию позитивного имиджа правоохранительных органов РФ : на материалах Управления на транспорте МВД России по Центральному федеральному округу : дис. ... канд. полит. наук / Т. В. Агапова. – Москва, 2011. – 177 с.

2. Акопова, Д. Р. Стратегии и тактики политического дискурса / Д. Р. Акопова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2013. – № 6 (1). – С. 403-409.

3. Александрова, Е. А. Лингвокультурологические знания как фактор формирования этнокультурной толерантности у студентов / Е. А. Александрова, О. В. Яковлева, Л. В. Кузнецова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева, 2011. – №2 (70). Ч.2. – С. 8-11.

4. Алексеев, А. Б. Особенности оппозиционного политического дискурса ФРГ / А. Б. Алексеев // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики №3 (30), 2018. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-oppozitsionnogo-politicheskogo-diskursa-frg> (дата обращения: 16.07.2020).

5. Амосова, Н. Н. Основы английской фразеологии. / Н. Н. Амосова. – Ленинград : Изд. Ленинградского ин-та, 1963. – 208 с.

6. Ангелова, М. М. "Концепт" в современной лингвокультурологии / М. М. Ангелова // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. Сборник научных трудов. – Москва, 2004. – № 3. – С. 3-10.
7. Андреева (Скобликова), В. Ю. Стратегии и тактики коммуникативного саботажа / В. Ю. Андреева (Скобликова) // Теория языка и межкультурная коммуникация, 2009. – № 5. – С. 68–73.
8. Аникеева, Т. В. Контекст и его роль в интерпретации прецедентного феномена / Т. В. Аникеева // Весці БДПУ. Серыя 1, 2021. – № 2. – С. 104–108.
9. Анисимова, Т. В. Манипуляция как характеристика институционального дискурса: монография / Т. В. Анисимова, Н. А. Крапчетова. – Волгоград : Волгоградское научное изд-во, 2010. – 204 с.
10. Апресян, Ю. Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики: очерк / Ю. Д. Апресян. – Москва : Просвещение, 1966. – 305 с.
11. Апухтин, В. Б. Психолингвистический метод анализа смысловой структуры текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. Б. Апухтин. – Москва, 1977. – 29 с.
12. Аристов, С. А. Коммуникативно-когнитивная лингвистика и разговорный дискурс / С. А. Аристов // Лингвистический вестник : сборник научных трудов. – Ижевск, 1999. – № 1. – С. 5-10.
13. Арнольд, И. В. Аналитическое чтение / И. В. Арнольд, Н. Я. Дьяконова. – Ленинград : Просвещение, 1979. – 367 с.
14. Арнольд, И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста / И. В. Арнольд // Иностранные языки в школе, 1978. – № 4. – С. 23-31.
15. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов / И. В. Арнольд. – Москва : ФЛИНТА, 2021. – 384 с.
16. Арнольд, И. В. Стилистика декодирования : курс лекций / И. В. Арнольд. – Ленинград, 1974. – 75 с.
17. Арутюнова, Н. Д. Истина : фон и коннотации / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка : Культурные концепты. – Москва : Наука, 1991. – С. 21-30.

18. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл : Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова // АН СССР. Ин-т языкознания. – Москва : Наука, 1976. – 383 с.
19. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1988. – 341 с.
20. Арутюнова, Н. Д. Языковая метафора (синтаксис и лексика) / Н. Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика. – Москва, 1979. – С. 147–173.
21. Аскольдов, С. А. Концепт и слово // Русская словесность : Антология / С. А. Аскольдов; под ред. В. Н. Нерознака. – Москва : Academia, 1997. – С. 267–280.
22. Ахиезер, А. С. Россия : критика исторического опыта (Социокультурная динамика России) – Т. 1. От прошлого к будущему. 2-е изд., перераб. и доп. / А. С. Ахиезер. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. – 804 с.
23. Бабенко, Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, И. Е. Васильев, Ю. В. Казарин. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2000. – 534 с.
24. Бабенко, Л. Г. Филологический анализ текста. Практикум: учебное пособие / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. – Москва; Екатеринбург : Издательство "Академический проект", 2016. – 400 с.
25. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. – 103 с.
26. Баранов, А. Н. Постулаты когнитивной семантики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Известия АН. Сер. лит. и яз., 1997. – Т. 56, № 1. – 21 с.
27. Баранов, А. Н. Русская политическая метафора : (Материалы к слов.) / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов; АН СССР, Ин-т рус. яз. – Москва : ИРЯ, 1991. – 193 с.
28. Баранов, А. Н. Что нас убеждает? (Речевое воздействие и общественное сознание) / А. Н. Баранов. – Москва : Знание, 1990. – 58 с.
29. Белоусова, Ю. В. Генезис образа и его функционирование в медиапространстве / Ю. В. Белоусова. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2015. – 130 с.
30. Белоусова, Ю. В. Медийный образ как средство коммуникации / Ю. В. Белоусова // Исторические, философские, политические и юридические науки,

культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2012. – № 12 (26) : в 3-х ч. – Ч. I. – С. 27-31.

31. Бергер, П. Л. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Л. Бергер, Т. Лукман. – Москва: Издательство «Медиум», 1995. – 92 с.

32. Бергер, П. Л. Приглашение в социологию : Гуманистическая перспектива / П. Л. Бергер // Пер. с англ. под ред. Г. С. Батыгина. – Москва, 1996. – 84 с.

33. Блакар, Р. М. Язык как инструмент социальной власти / Р. М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия. – Москва, 1987. – С. 88-125.

34. Богин, Г. И. Концепция языковой личности : автореф. дис ... доктора филол. наук / Г. И. Богин. – Ленинград, 1982. – 36 с.

35. Бокмельдер, Д. А. Стратегии убеждения в политике : анализ дискурса на материале современного английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. А. Бокмельдер. – Иркутск, 2000. – 23 с.

36. Болдырев, Н. Н. Когнитивная природа языка : сборник статей / Н. Н. Болдырев. – Москва; Берлин : Директ-Медиа, 2016. – 251 с.

37. Бондаренко, Т. А. Имидж органов МВД в «милиейских» телесериалах / Т. А. Бондаренко // Социология права: электрон. журн., 2006 – № 9 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2006-09/bonadenko.pdf> (дата обращения: 28.10.2020).

38. Борисова, И. Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге / И. Н. Борисова // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – 1996. – № 13 – С. 21- 48.

39. Борисова, И. Н. Категория цели и аспекты текстового анализа / И. Н. Борисова // Жанры речи : Сборник научных статей. – Саратов, 1999. – С. 81-97.

40. Браженская, Н. Е. Средства массовой информации как один из основных механизмов формирования имиджа сотрудника полиции / Н. Е. Браженская, Е. Р. Чернобродов // Психопедагогика в правоохранительных органах. – №3(78), 2019. – С. 306-311.

41. Бренделева, Е. А. Неинституциональная экономическая теория : учебное пособие / Е. А. Бренделева. – Москва : Дело и Сервис, 2006. – 42 с.
42. Бубнова, И. А. Когнитивная модель значения слова и интеллектуальные способности индивида / И. А. Бубнова // Актуальные проблемы германистики и романистики : Сборник научных статей – Вып. 7. – Смоленск : СПГУ, 2003. – С. 128–132.
43. Бубнова, И. А. Структура субъективного значения слова (психолингвистический аспект) : автореф. дис. ... доктора филол. наук / И. А. Бубнова. – Москва, 2008. – 51 с.
44. Будаев, Э. В. Зооморфные метафоры как средство дегуманизации образа белорусской милиции в российских СМИ / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2022. – № 5 (95). – С. 8-21.
45. Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : монография / Э. В. Будаев. – Электрон. текстовые дан. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Наукоемкие технологии, 2020. – 464 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: процессор: Intel x86, x64, AMD x86, x64 не менее 1 ГГц ; оператив. память RAM ОЗУ: не менее 512 МБайт ; свобод. место на жестком диске (HDD): не менее 120 МБайт ; Windows XP и выше ; Adobe Acrobat Reader ; дисковод CD-ROM ; мышь. – Загл. с этикетки диска.
46. Быченков, В. М. Институты : сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъектности / В. М. Быченков. – Москва : Российская академия социальных наук, 1996. – 975 с.
47. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – Москва : Прогресс, 1984. – 368 с.
48. Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва : Просвещение, 1980. – 320 с.
49. Вежбицкая, А. Речевые акты / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 251-275.

50. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая. – Москва, 2001. – 271 с.
51. Вешнинский, Ю. Г. Аксиология постсоветского культурного пространства на рубеже тысячелетий : дис. ... канд. культурологии / Ю. Г. Вешнинский. – Москва, 2010. – 161 с.
52. Виноградов, В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – Москва, 1963. – 253 с.
53. Вольф, Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо / плохо» / Е. М. Вольф // Вопросы языкознания. – 1986. – №5. – С. 98-107.
54. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. – Москва : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
55. Воробьев, А. А. Оппозиционность политического процесса как проблемное поле взаимодействия государства и гражданского общества / А. А. Воробьев // Вестник ТГУ, 2010. – №8. – С. 206-210.
56. Ворошилова, М. Б. Политический креолизированный текст : ключи к прочтению : монография / М. Б. Ворошилова; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2013. – 193 с.
57. Гаджиев, К. С. Введение в политическую науку : учебник для высших учебных заведений. 2-е изд., перераб. и доп. / К. С. Гаджиев. – Москва, 1999. – 544 с.
58. Галинская, Т. Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике / Т. Н. Галинская // Вестник ОГУ. – №11(160). – Оренбург, 2013. – С. 91-94.
59. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – Москва : Наука, 1981. – 139 с.
60. Гартман, Н. Эстетика / Н. Гетман. – Киев : Ника-Центр, 2004. – 640 с.
61. Глотов, М. Б. Социальный институт: определение, строение, классификация / М. Б. Глотов // Социологические исследования. – 2003. – №10. – С. 13-19.
62. Голев, Н. Д. Лингвоперсонология : проблемы и перспективы / Н. Д. Голев, Н. В. Сайкова // Вопросы лингвоперсонологии, 2007. – Ч. 1. – С. 7-12.

63. Грушевская, Т. М. Информация политического газетного текста через призму его концептуально-смысловой картины / Т. М. Грушевская // Германистика в современном научном пространстве : материалы IV Междунар. научно-практ. Конференции. – Краснодар, 2016. – С. 62-65.
64. Грушевская, Т. М. Политический газетный дискурс : Лингвопрагматический аспект : дис. ... доктора филол. наук / Т. М. Грушевская. – Краснодар, 2002. – 256 с.
65. Грушевская, Т. М. Французская пресса через призму выразительных средств языкового пространства / Т. М. Грушевская // Научный журнал КубГАУ, №113(09), 2015 [Электронный ресурс]. – URL : <http://ej.kubagro.ru/2015/09/pdf/87.pdf> (дата обращения: 3.08.2020).
66. Давыдов, А. А. Системная социология / А. А. Давыдов. – Москва : КомКнига, 2006. – 68 с.
67. Дейк, Т. А. ван. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка, 1988. – Вып. 23 – Москва, 1988. – С. 153-211.
68. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : сборник работ / Т. А. ван Дейк; сост. В. В. Петрова; пер. с англ. яз. под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. – Москва : Прогресс, 1989. – 310 с.
69. Демьянков, В. З. Аргументирующий дискурс в общении (по материалам зарубежной лингвистики) / В. З. Демьянков // Речевое общение : Проблемы и перспективы. – Москва: ИНИОН, 1983. – С. 114-131.
70. Демьянков, В. З. Морфологическая интерпретация текста и ее моделирование / В. З. Демьянков. – Москва: Изд-во МГУ, 1994. – 205 с.
71. Дзюба, Е. В. Когнитивная лингвистика : учебное пособие для высших учебных заведений / Е. В. Дзюба. – Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2018. – 280 с.
72. Добросклонская, Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи) / Т. Г. Добросклонская. – Москва : Едиториал УРСС, 2005. – 288 с.

73. Добросклонская, Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации / Т. Г. Добросклонская // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика, 2006. – № 2. – С. 20-33.

74. Добросклонская, Т. Г. Медиалингвистика : системный подход к изучению языка СМИ : современная английская медиаречь : учебное пособие / Т. Г. Добросклонская. – Москва : ФЛИНТА, 2008. – 264 с.

75. Добросклонская, Т. Г. Политический медиадискурс в контексте дискурсивных исследований / Т. Г. Добросклонская // Язык и социальная динамика. – Москва, 2014. – № 14-1. – С.106-115.

76. Добросклонская, Т. Г. Теория и методы медиалингвистики (на материале английского языка) : автореф. дис. ... доктора филол. наук / Т. Г. Добросклонская. – Москва, 2000. – 49 с.

77. Драчева, Ю. Н. Понятие медиаобраза и его описание в языковедческом и неязыковедческом аспектах / Ю. Н. Драчева // Вестник Череповецкого государственного университета. – № 2, 2019. – С. 134-145.

78. Дуран, Т. В. Социальный институт : традиционное понятие в новой интерпретации / Т. В. Дуран // Известия Уральского государственного университета. Серия 3. Общественные науки, 2009. – № 4. – С. 106-111.

79. Дюркгейм, Э. О. разделении общественного труда. Метод социологии / Э. О. Дюркгейм. – Москва : Наука, 1991. – 575 с.

80. Дускаева, Л. Р. Медиастилистика в России : традиции и перспективы / Л. Р. Дускаева // Журналистика и культура речи, 2011. – № 3. – С. 7-25.

81. Дускаева, Л. Р. Отражение политической жизни в прессе : аспект речевых жанров / Л. Р. Дускаева // Когнитии. Дискурс, 2012. – № 4. – С. 24-41.

82. Желтухина, М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса : о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ : монография / М. Р. Желтухина. – Москва : Ин-т языкознания РАН; Волгоград : Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.

83. Желтухина, М. Р. Функции масс-медиального дискурса / М. Р. Желтухина // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : Межвуз. сборник научных

трудов – Вып. 5. / отв. ред. А.Г. Пастухов. – Орел : ОГИИК; ПФ «Картуш», 2007. – С. 191-201.

84. Жерновой, М. В. Роль средств массовой информации в формировании положительного имиджа сотрудников органов внутренних дел / М. В. Жерновой, Г. Ю. Шевчук // Вопросы теории и практики : в 2 ч. – Тамбов, 2013. – № 7. – Ч. 2. – С. 33-38.

85. Жизнь как ценность // под ред. Л. В. Фесенковой. – Москва, 2000. – 270 с.

86. Зернецкий, П. В. Лингвистические аспекты теории речевой деятельности / П. В. Зернецкий // Языковое общение : Процессы и единицы : межвуз. сборник научных трудов. – Калинин : Изд-во КГУ, 1988. – С. 36-41.

87. Зиновьева, Е. И. Лингвокультурология : от теории к практике. Учебник / Е. И. Зиновьева. – Санкт-Петербург : СПбГУ; Нестор-История, 2016. – 182 с.

88. Злоказов, К. В. Особенности формирования образа сотрудника полиции : социально-психологическая модель и индикаторы оценки / К. В. Злоказов // Вестник Уральского Юридического института МВД России, 2014. – №2. – С. 58-61.

89. Золотайко, А. И. Метафорическое моделирование образа правоохранительных органов в неинституциональном полицейском интернетдискурсе США и Великобритании : дис. ... канд. филол. наук / А. И. Золотайко. – Екатеринбург, 2020. – 246 с.

90. Зудаева, В. В. Роль СМИ в создании имиджа сотрудника органов внутренних дел / В. В. Зудаева, Н. В. Бруева // Научный дайджест Восточно-сибирского института МВД России, 2020. – №2(5). – С. 108-114.

91. Зуева, О. В. Влияние СМИ на оценку эффективности деятельности полиции (по результатам социологических исследований) / О. В. Зуева, Н. Н. Демидов // Вестник Волгоградского государственного университета, 2016. – Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. – Волгоград, 2016. – №3. – С 79-84.

92. Иванцова, Е. В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности : учебное пособие с грифом УМО / Е. В. Иванцова. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. – 160 с.

93. Ивин, А. А. Теория аргументации : учебное пособие / А. А. Ивин. – Москва : Высшая школа, 1997. – 319 с.
94. Ильин, В. В. Аксиология / В. В. Ильин. – Москва : Изд-во МГУ, 2005. – 216 с.
95. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи : Монография / О. С. Иссерс. – Омск : Омск. Гос. ун-т, 1999. – 285 с.
96. Иссерс, О. С. "Новое русское слово" в контексте политического дискурса : диалог, оппозиция, креативный класс / О. С. Иссерс, Д. А. Ганеева // Политическая лингвистика. – 2013. – № 3 (45). – С. 37-47.
97. Иссерс, О. С. Речевое воздействие : учебное пособие / О. С. Иссерс. – Москва : ФЛИНТА; Наука, 2009. – 224 с.
98. Ишменев, Е. В. Политический медиадискурс : теория и национальные модели / Е. В. Ишменев. – Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2012. – 127 с.
99. Каган, Е. Б. Коммуникационные стратегии и тактики в прощальной речи Д. Трампа и языковые средства их реализации / Е. Б. Каган // Политическая лингвистика. – 2022. – № 5 (95). – С. 127-134.
100. Каданцева, Н. П. Формирование имиджа сотрудника органов внутренних дел в процессе профессионального образования в вузах МВД России : дис. ... канд. пед. наук / Н. П. Каданцева. – Санкт-Петербург, 2013. – 190 с.
101. Казарин, Ю. В. Поэтический текст как система / Ю. В. Казарин; Науч. ред. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1999. – 259 с.
102. Казыдуб, Н. Н. Три фактора стратегии аргументации в дискурсивном пространстве PLANNING / Н. Н. Казыдуб // Проблемы речевого воздействия и языковой аргументации. – Вестник ИГЛУ. Серия «Лингвистика». – Иркутск, 2003. – Вып.2. – С. 65-71.
103. Какорина, Е. В. Стилистический облик оппозиционной прессы / Е. В. Какорина // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – Москва : Языки русской культуры, 1996. – С. 409-426.

104. Калинин, О. И. Лингвопрагматические характеристики имиджевого политического медиатекста: (на материале китайских сми) : дис. ... канд. филол. наук / О. И. Калинин. – Москва, 2017. – 177 с.
105. Калягин, Б. А. Характерные черты современной прессы США / Б. А. Калягин // Вестник Московского университета. – Серия 10. Журналистика, 2011 [Электронный ресурс]. – URL : <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2012/3/kharakternye-cherty-sovremennoy-pressy-ssha/> (дата обращения: 11.11.2020).
106. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковой круг : личность, концепты, дискурс. – Волгоград : Перемена, 2002. – С. 166–205.
107. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность : институциональный и персональный дискурс. – Волгоград : Перемена, 2000. – С. 5-20.
108. Карасик, В. И. Характеристики педагогического дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность; проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1999. – С. 3-18.
109. Карасик, В. И. Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 389 с.
110. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Книжный дом «Либроком», 2014. – 264 с.
111. Каримов, А. А. Полиция России и США. Компаративный анализ по вопросам применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия / А. А. Каримов // Полицейская деятельность, 2021. – № 4. – С. 1-9.
112. Карпова, Н. А. Коммуникативные тактики побуждения в речевом жанре (на материале административного объявления в русском и немецком языках) / Н. А. Карпова, А. В. Морева // Язык и культура, 2010. – №1 (9). – С. 24-32.
113. Катермина, В. В. Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств : методология анализа и исследовательская практика / В. В. Катермина // Южно-российский журнал социальных наук : научно-рецензируемый журнал. – Т. 19. – № 3, 2018. – С. 139-162.
114. Катинская, М. В. Лингвистическое моделирование имиджа : монография / М. В. Катинская. – Благовещенск : Издательство АмГУ, 2012. – 168 с.

115. Кашкин, В. Б. Введение в теорию коммуникации : учебное пособие / В. Б. Кашкин. – Воронеж : Изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.
116. Кибрик, А. А. Дискурсивная таксономия и медийный дискурс / А. А. Кибрик // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке. – Москва : Академический проспект, 2011. – С. 79-85.
117. Киселева, Л. А. Вопросы теории речевого воздействия / Л. А. Киселева. – Ленинград, 1979. – 153 с.
118. Клебанова, Н. Г. Формирование и способы репрезентации индивидуально-авторских концептов в англоязычных прозаических текстах: дис. ... канд. филол. наук / Н. Г. Калебанова. – Тамбов, 2005. – 167 с.
119. Клушина, Н. И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.) : дис.... докт. филол. наук / Н. И. Клушина. – Москва, 2009. – 352 с.
120. Клушина, Н. И. Искусство обольщения / Н. И. Клушина // Русская речь, 2001. – № 4. – С. 62-64.
121. Кобозева, И. М. Скрипт как когнитивный фактор, регулирующий экспликацию или имплицирование таксисных отношений в сложном предложении и тексте / И. М. Кобозева // Когнитивные исследования языка, 2019. – Т. 36. – С. 171-178.
122. Козырева, О. В. Феномен социального института и его теоретическое определение / О. В. Козырева // Экономические и социальные перемены : факты, тенденции, прогноз, 2015. – №6 (42). – С. 214-223.
123. Кондратьева, И. Как пандемия влияет на преступность / И. Кондратьева // Право.Ru, 2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.ru/story/220476/> (дата обращения: 04.12. 2020).
124. Космодемьянская, К. В. Власть и СМИ : взаимодействие или противостояние? / К. В. Космодемьянская // Теория и практика общественного развития, 2014. – № 4. – С. 176-178.
125. Корнейчук, Б. В. Институциональная экономика : учебное пособие для вузов / Б. В. Корнейчук. – Москва : Гардарики, 2007. – 255 с.

126. Костенко, А. А. Общество и Полиция, влияние СМИ и кинематографа на мнение общества / А. А. Костенко // Норма. Закон. Законодательство. Право : материалы XXI Международной научно-практической конференции молодых ученых. – Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. – С. 238-240.
127. Котов, А. А. Механизмы речевого воздействия в публицистических текстах СМИ : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Котов. – Москва, 2003. – 280 с.
128. Кравченко, А. В. Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко. – Изд. 2-е, испр. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2004. – 206 с.
129. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка : Когнитивные исследования / Е. С. Кубрякова. – Москва : Знак, 2012. – 208 с.
130. Куек, Ф. А. Языковые средства газетного дискурса : лексико-семантический и прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук / Ф. А. Куек. – Краснодар, 2005. – 155 с.
131. Кузьмина, Н. А. Современный медиатекст : учебное пособие / Н. А. Кузьмина. – Омск, 2011. – 414 с.
132. Куницына, Е. Ю. Оценка и ценности в структуре аргументации / Е. Ю. Куницына // Проблемы речевого воздействия и языковой аргументации. – Вестник ИГЛУ. Серия «Лингвистика». – Иркутск, 2003. – Вып.2. – С. 92-108.
133. Лекова, П. А. Особенности индивидуального стиля журналиста Х. Камалова / П. А. Лекова // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования, 2018. – №3. – С. 79-83.
134. Леонтьев, А. А. Психолингвистические особенности языка СМИ. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учебное пособие / А. А. Леонтьев. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2003. [Электронный ресурс]. – URL: <http://evartist.narod.ru/text12/01.htm> (дата обращения: 14.11.2020).
135. Лосский, Н. О. Ценность и бытие / Н. О. Лосский [Электронный ресурс]. – URL: <https://fil.wikireading.ru/6715> (дата обращения: 12.08.2020).

136. Луканина, М. В. Газетный текст через призму теории коммуникации / М. В. Луканина // Вестник Московского Университета Москва : издательство МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2003. – № 2. – С. 123-133.

137. Маккормак, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория метафоры : сборник под редакцией Н.Д. Арутюновой, М.А. Журинской. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 358-386.

138. Максимова, С. Г. Концептуальная модель социального механизма обеспечения социальной безопасности в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений в условиях трансформации миграционных процессов / С. Г. Максимова, О. В. Суртаева, О. Е. Ноянзина, Д. А. Омельченко // Society and Security Insights. – № 2(1). – С. 13-30.

139. Маркарян, Е. В. Стратегии и тактики современного французского политического дискурса / Е. В. Маркарян // Университетские чтения – 2016 : материалы научно-методических чтений ПГЛУ. – Пятигорск : Пятигорский государственный лингвистический университет, 2016. – С. 166-172.

140. Мартышова, В. В. Имплицитные способы репрезентации образа китайского народа в публицистических текстах / В. В. Мартышова, М. В. Пителина // Гуманитарные исследования, 2020. – № 3 (75). – С. 27-32.

141. Метод моделирования // Studfiles. Файловый архив студентов [Электронный ресурс]. – URL: <https://studfile.net/preview/6217000/> (дата обращения: 11.01.2021).

142. Михайлова, В. В. Имидж полиции как фактор результативного диалога между населением и органами власти / В. В. Михайлова // Гражданское общество в России: вызовы современности : сборник научных трудов. – Ульяновск : Ульянов. гос. техн. ун-т, 2016. – С. 473-476.

143. Михалева, О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивноого воздействия / О. Л. Михалева. – Москва : Либроком, 2009. – 256 с.

144. Михневич, О. И. Метафорический образ правоохранительных органов в оппозиционном дискурсе (на материале подкастов А. Невзорова) / О. И. Михневич // Политическая лингвистика. – 2022. – № 5 (95). – С. 163-171.

145. Мордвинов, К. В. Имидж правоохранительных органов : актуальное состояние и практики его улучшения / К. В. Мордвинов, У. А. Удавихина // Теоретическая и прикладная юриспруденция, 2021. – №3. – С. 53-60.

146. Мусатова, С. А. Феномен образа полицейского в социальных представлениях жителей мегаполиса : дис. ... канд. психол. наук / С. А. Мусатова. – Москва, 2014. – 151 с.

147. Мухаметшина, Е. Почти половина россиян уверены, что Конституция меняется ради сохранения Путина у власти / Е. Мухаметшина, А. Корня // Ведомости, 2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2020/01/30/821904-popravki-konstitutsiyu> (дата обращения: 04.03.2021).

148. Намитокова, Р. Ю. Отонимическая лексика на газетной полосе традиции и новаторство / Р. Ю. Намитокова // Функционирование языка в различных языковых жанрах (Лиманчик 97) : материалы Всероссийской научной конференции. – Вып. 3. – Ростов-на-Дону, 1997. – С. 7-9.

149. Намруева, Э. В. Управление органами внутренних дел с учетом критики их деятельности в средствах массовой информации : дис. ... канд. социол. наук / Э. В. Намураева. – Москва, 2016. – 192 с.

150. Нахимова, Е. А. Теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования прецедентных онимов в современной российской массовой коммуникации : дис. ... доктора филол. наук / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург, 2011. – 408 с.

151. Негрышев, А. А. Аспекты речевого воздействия в новостях : учебное пособие / А. А. Негрышев. – Владимир : ВГГУ, 2009. – 144 с.

152. Никитин, М. В. Заметки об оценке и оценочных значениях / М. В. Никитин // Когнитивно прагматические и художественные функции языка : Studia Linguistica №29. – Санкт-Петербург : Тригон, 2000. – С. 6-22.

153. Николаева, Ж. В. Основы теории коммуникации: учебно-методическое пособие для студентов специальности 350400 «Связи с общественностью» / Ж. В. Николаева. – Улан-Удэ : ВСГТУ, 2004. – 137 с.

154. Окс, С. И. Формирование положительного имиджа силовых структур в СМИ : технологии и обратная связь : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. И. Окс. – Воронеж, 2011. – 28 с.

155. Олейник, М. А. Адресатный план и тип текста : аспекты взаимодействия / М. А. Олейник // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 3. – Орел, 2006. – С. 95-105.

156. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. – Вып. XVII. – Москва, 1986. – С. 22-129.

157. Паршин, П. Б. Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики / П. Б. Паршин, 1999 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www/elections/ru/biblio/parshin/htm/> (дата обращения: 11.01.2021).

158. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : дис. ... доктора филол. наук / О. Н. Паршина. – Саратов, 2005. – 325 с.

159. Пауков, В. К. Общественное мнение в формировании позитивного имиджа правоохранительных органов : дис. ... канд. психол. наук / В. К. Пауков. – Москва, 2012. – 141 с.

160. Передня, Д. Г. Образ работников полиции в газетах и массовом сознании россиян / Д. Г. Передня // Социальные исследования. – 2016. – №2. – С. 32-42.

161. Перельгина, Е. М. Катартическая функция текста : дис. ... канд. филол. наук / Е. М. Перельгина. – Тверь, 1998. – 172 с.

162. Петров, И. Затишье перед бурей: как COVID-2019 повлияет на преступность / И. Петров, 2020 [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/991183/ivan-petrov/zatishe-pered-burei-kak-covid-2019-povliiaet-na-prestupnost> (дата обращения: 21.12.2020).

163. Петрова, О. Г. Типы иронии в художественном тексте: концептуальная и контекстуальная ирония // О. Г. Петрова / Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика, 2011. – №3. – С. 25- 30.

164. Пирогова, Ю. К. Стратегии коммуникативного воздействия и их отражение в рекламном тексте / Ю. К. Пирогова // Текст. Интертекст. Культура :

сборник докладов международной научной конференции (Москва, 4-7 апреля 2001 г.). – Москва, 2001. – С. 543-553.

165. Плотникова, С. Н. Дискурсивные технологии и дискурсивное оружие как реалии современной информационной эпохи / С. Н. Плотникова // Технологизация дискурса в современном обществе. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – С. 6-45.

166. Плотникова, С. Н. Технологизация дискурса : процесс и результат / С. Н. Плотникова // Вестник ИГЛУ. Серия Филология. – Иркутск, 2008. – № 4. – С. 138-146.

167. Поле аргументации и его характеристики [Электронный ресурс]. – URL: https://ozlib.com/817257/literatura/pole_argumentatsii_harakteristiki (дата обращения: 19.04.2022).

168. Полтавская, Е. И. О понятии "социальный институт / Е. И. Полтавская // Социологические исследования. – № 3, 2009. – С. 68-71.

169. Попова, Е. С. Структура манипулятивного воздействия в рекламном тексте / Е. С. Попова // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2002. – № 24. – С. 276–288.

170. Потапенко, С. И. Сопоставительная медиалингвистика : контрастивное изучение средств ориентирования адресата в СМИ / С. И. Потапенко // Вестник Московского университета. Серия 19 : лингвистика и межкультурная коммуникация, 2013. – №1. – С. 94-102.

171. Почепцов, Г. Г. Коммуникативные технологии двадцатого века / Г. Г. Почепцов. – Москва : Рефл-бук, К. : Ваклер, 2001 а. – 352 с.

172. Почепцов, Г. Г. Теория и практика коммуникаций : (От речей президента до переговоров с террористами) / Г. Г. Почепцов. – Москва : Центр, 1998. – 349 с.

173. Почепцов, Г. Г. Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – Москва : Рефл-бук, Киев : Ваклер, 2001 б. – 656 с.

174. Присяжнюк, Т. А. Дискурс печатных Сми vs. газетно-публицистический стиль / Т. А. Присяжнюк, Р. З. Назарова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика, 2012. – Т. 12. – вып. 4. – С. 102-106.

175. Пушкина, Л. А. Медиаобраз сотрудника Полиции в США / Л. А. Пушкина // Современная медиасреда : традиции, актуальные практики и тенденции. Взгляд молодых исследователей: Межвузовский сборник научных работ студентов, магистрантов и аспирантов 18-й международной конференции студентов и аспирантов «Медиа в современном мире. Молодые исследователи» и финалистов XII международного «Конкурса научных работ студентов, магистрантов, аспирантов и соискателей» Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ. науч. ред. А. А. Малышев. – Санкт-Петербург, 2019. – С. 120-126.

176. Пьянов, А. И. Социальный институт семьи как структурный и ценностно-нормативный компонент социума / А. И. Пьянов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 3 (9) : в 3-х ч. – Ч. I. – С. 160-168.

177. Равочкин, Н. Н. Исследования институтов в социальных науках : к постановке проблемы философского анализа / Н. Н. Равочкин // Конфликтология, 2020. – №4. – С. 50-76.

178. Религия в США // Про США. Энциклопедия США [Электронный ресурс]. – URL: <https://prousa.info/religion>

179. Россия : СМИ под контролем государства [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.eurotopics.net/ru/176694/россия-сми-под-контролем-государства> (дата обращения: 25.02.2021).

180. Руженцева, Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Монография / Н. Б. Руженцева. – Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – 294 с.

181. Русакова, О. Ф. PR-дискурс : теоретико-методологический анализ / О. Ф. Русакова, В. М. Русаков. – Екатеринбург : Дискурс-Пи, 2011. – 333 с.

182. Рытникова, Я. Т. Гармония и дисгармония в открытой семейной беседе / Я. Т. Рытникова // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург : Арго, 1996. – С. 94–115.

183. Рябцева, И. Г. Оппозиционный политический дискурс в американских СМИ : коммуникативный и прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук / И. Г. Рябцева. – Ростов-на-Дону, 2009. – 186 с.
184. Рязанов, С. М. Образ провинциального полицейского в либеральной публицистике 1905-1907 годов (по материалам Урала) / С. М. Рязанов // Вестник удмуртского университета. – Т. 29. – вып. 1. – 2019. – С. 117-123.
185. Сазонова, Т. Ю. О стратегической природе когнитивных процессов / Т. Ю. Сазонова // Теория языка и межкультурная коммуникация. Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 1. – Курск. гос. ун-т. – Курск, 2003. – С. 71-78.
186. Сафина, А. Р. Коммуникативно-прагматические функции модальных слов (на материале современного английского языка / А. Р. Сафина // Вестник Бурятского государственного университета, 2015. – №11. – С. 65- 69.
187. Сегал, Н. А. Категоризация мира в языке политики (на материале когнитивных доминант пространство – направление – движение) : дис. ... доктора филол. наук / Н. А. Сегал. – Краснодар, 2019. – 424 с.
188. Сенюткина, О. Н. Смута как объективный фактор ужесточения российских правовых норм / О. Н. Сенюткина, О. С. Мельникова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2001. – С. 193-198.
189. Сердюк, Ю. С. Особенности языковой картины мира в русской и американской национальных культурах / Ю. С. Сердюк, 2008 [Электронный ресурс]. – URL: http://pglu.ru/upload/iblock/97d/uch_2008_ii_00050.pdf (дата обращения: 02.06.2021).
190. Серебренникова, Е. Ф. Лингвистика и аксиология: этносемиотика ценностных смыслов : коллективная монография. / Е. Ф. Серебренникова, Н. П. Антипьев, Л. Г. Викулова, Ю. А. Ладыгин, Ю. М. Малинович, С. Н. Плотникова, Е. Г. Тарева, С. А. Хахалова, Н. Н. Казыдуб, Т. Е. Литвиненко, Т. И. Семенова, О. М. Готлиб, М. В. Малинович, А. И. Шарунов, О. А. Кулагина. – Москва, 2011. – 352 с.
191. Серикова, Т. Ю. История формирования понятия «Образ» в гуманитарном знании / Т. Ю. Серикова // Мир науки, культуры, образования. – № 4 (23), 2010. – С. 54-56.

192. Сизьмин, М. А. Анализ контента российских СМИ с учетом требований национальной безопасности / М. А. Сизьмин // Вестник Череповецкого государственного университета, 2013. – №4. – С.73-77.
193. Синельникова, Л. Н. Коммуникативные модели оппозиционного политического дискурса / Л. Н. Синельникова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2010. – № 1(31). – С. 34-38.
194. Ситковский, А. Л. Формирование «медийного образа» сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: учебное пособие / А. Л. Ситковский, Д. Г. Передня, О. В. Филимонов, Ю. В. Латов. – Москва : Академия управления МВД России, 2019. – 72 с.
195. Сичивица, О. М. Методы и формы научного познания / О. М. Сичивица. – Москва : Высш. школа, 2002. – 323 с.
196. Скрипичникова, Н. С. Эмоционально-оценочный компонент концепта «полицейский» в современном медиадискурсе / Н. С. Скрипичникова // Знак : проблемное поле медиаобразования. – Челябинск, 2011. – №8. – С. 71-73.
197. Смелзер, Н. Социология / Н. Смелзер. – Москва, 1994. – 659 с.
198. Солганик, Г. Я. Газетные тексты как отражение важнейших языковых процессов в современном обществе (1990-1994 гг.) / Г. Я. Солганик // Stylistyka IV. – Польша (Opole), 1995. – С. 152-163.
199. Солопова, О. А. Диахроническая сопоставительная метафорология : исследование моделей будущего в политическом дискурсе : монография / О. А. Солопова. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2015. – 309 с.
200. Стебляк, В. В. Ценностные модели современной российской цивилизации / В. В. Стебляк // Культура и цивилизация, 2018. – Т. 8. – № 6А. – С. 109-118.
201. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – Москва, 1997. – С. 40-43.
202. Стернин, И. А. Введение в речевое воздействие : монография / И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 252 с.

203. Стернин, И. А. Очерк английского коммуникативного поведения / И. А. Стернин, Т. В. Ларина, М. А. Стернина. – Воронеж : изд-во «Истоки», 2003. – 185 с.
204. Сусов, И. П. Деятельность, сознание, дискурс и языковая система / И. П. Сусов // Языковое общение : Процессы и единицы. – Калинин, 1988. – С. 7-13.
205. Суханова, А. С. Стратегии и тактики политического дискурса (на материале выступлений П. Иглесиаса) / А. С. Суханова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2017. – № 6 (72) : в 3-х ч. Ч. 3. – С. 160-163.
206. Телегина, В. А. Средства выражения оценки в характеристике политической элиты (на материале современной французской прессы) : дис. ... канд. филол. наук / В. А. Телегина, Белгород, 2021. – 200 с.
207. Телия, В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. – Москва : Наука, 1988. – С. 26-52.
208. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово, 2000. – 261 с.
209. Тертычный, А. А. Модели аргументации в современных медиатекстах / А. А. Тертычный // Вестник Московского университета Серия 10. Журналистика. – Москва, 2016. – № 6. – С. 46-69.
210. Тищенко, А. В. Имидж российской полиции как условие формирования институционального доверия граждан / А. В. Тищенко // Человек. Общество. Право, 2019. – №2. – С. 194-198.
211. Тищенко, А. А. Стратегии и тактики речевого манипулирования в политическом дискурсе Дональда Трампа / А. А. Тищенко [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rgph.vsu.ru/ru/science/sss/reports/4/teschenkova.pdf> (дата обращения: 19.12.2021).
212. Токарева, И. И. Функциональная структура газетного текста / И. И. Токарева // Лингвистические единицы разных уровней в языке и речи. – Краснодар, 1988. – С. 130-135.

213. Топольская, И. А. Дискурс системной и несистемной оппозиции : к постановке проблемы / И. А. Топольская // Сборник материалов конференции «Язык и право : актуальные проблемы взаимодействия», 2020 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw10/topolskaya.html> (дата обращения: 07.04. 2021).

214. Труфанова, И. В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика / И. В. Труфанова // Филологические науки, 2001. – № 3. – С. 56–65.

215. Тюнь, А. П. Полиция как социальный институт в современном российском обществе: теоретико-прикладной анализ / А. П. Тюнь // Вестник Краснодарского университета МВД России. – Краснодар, 2016. – №4 (34). – С. 157-160.

216. Федосюк, М. Ю. Неявные способы передачи информации в тексте / М. Ю. Федосюк. – Москва, 1988. – 82 с.

217. Фомина, Ю. А. Аспекты изучения языковой оценки / Ю. А. Фомина // Вестник ЧелГУ. Сер. «Филология. Искусствоведение». – Челябинск, 2007. – №20 (93). – С. 149-156.

218. Формановская, Н. И. Речевое общение : коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. – Москва : Русский язык, 2002. – 216 с.

219. Фролов, И. Т. Гносеологические проблемы моделирования биологических систем / И. Т. Фролов // Вопросы философии. – Москва, 1961. – № 2. – С. 39-51.

220. Фролов, С. С. Основы социологии / С. С. Фролов. – Москва, 1997. – 143 с.

221. Фролова, Е. В. Коммуникативные стратегии формирования имиджа регионального лидера в электронных СМИ : дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Фролова. – Омск, 2007. – 207 с.

222. Фурманова, В. П. Межкультурная коммуникация и лингвокультуроведение в теории и практике обучения иностранным языкам / В. П. Фурманова. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 1993. – 122 с.

223. Хвесько, Т. В. Дихотомия апеллятив / онома в языке и речи (на материале русского и английского языков) : монография / Т. В. Хвесько. – Тюмень: ООО «Сити-пресс», 2007. –192 с.

224. Хидекель, С. С. Оценочный компонент лексического значения слова / С. С. Хидекель, Г. Г. Кошель // Иностранные языки в школе, 1981. – № 4. – С. 7-10.
225. Чернов, А. Ю. Эвристическая модель интеграции религиозности и социально-психологической адаптации / А. Ю. Чернов, И. С. Буланова, О. В. Курышева // Российский психологический журнал. – № 14 (4), 2017. – С. 226–242.
226. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия : учебное пособие / В. Е. Чернявская. – Москва : ФЛИНТА; Наука, 2006. – 137 с.
227. Чернявская, В. Е. Поликодовость коммуникации как объект речеведения / В. Е. Чернявская // Текст – Дискурс – Стилль. Коммуникации в экономике : Сб. науч. ст. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУЭФ, 2003. С. 113–123.
228. Чудинов, А. П. Ассоциативный портрет полицейского в русском языковом сознании / А. П. Чудинов, Н. А. Сегал, А. Н. Мищенко // Политическая лингвистика, 2022. – № 5 (95). – С. 197-191.
229. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации : монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. – 248 с.
230. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – Москва : Флинта, Наука, 2006. – 254 с.
231. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : Монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2001. – 238 с.
232. Чудинов, А. П. Современная политическая коммуникация : учебное пособие. – Екатеринбург : Изд-во Уральского гос. пед. ун-та, 2009. – 292 с.
233. Шакалов, И. И. Имидж российских органов внутренних дел в 2012 году : предварительные итоги реформы (по результатам комплексного изучения общественного мнения) / И. И. Шакалов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 : Филология и искусствоведение, 2012. – №3 (105). – С. 64-70.

234. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... доктора филол. наук / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000 – 431с.
235. Шипелик, О. В. Логика. Теория аргументации: учебно-методическое пособие / О. В. Шипелик. – Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2016. – 48 с.
236. Ширяева, Т. А. Метафора как фактор прагма-семантической характеристики текстов публицистического стиля: на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук / Т. А. Ширяева. – Пятигорск, 1999. – 210 с.
237. Шмерлина, И. А. Понятие "социальный институт": анализ исследовательских подходов / И. А. Шмерлина // Социологический журнал : Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН. – Москва, 2008. – С. 53-69.
238. Штофф, В. А. Моделирование и философия / В. А. Штофф. – Москва : Наука, 1966. – 356 с.
239. Шульгин, Д. Н. Язык как модель человеческой культуры : дис. ... канд. филос. Наук / Д. Н. Шульгин. – Москва, 1998. – 185 с.
240. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Ленинград : Наука, 1974. – 427 с.
241. Якушина, Р. М. Динамические параметры оценки (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. М. Якушина. – Уфа, 2003. – 24 с.
242. Янко, Т. Н. Коммуникативные стратегии русской речи / Т. Н. Янко. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 384 с.
243. Ярославцева, Д. К. Метод свободного толкования конституции в деятельности Верховного суда США / Д. К. Ярославцева // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета, 2014. – С. 68-72.
244. An Assessment of the San Francisco Police Department. Collaborative Reform Initiative // Office of Community Oriented Policing Services. – Washington D.C., 2016. – 432 p. [Electronic resource]. – URL: <https://www.sanfranciscopolice.org/sites/default/files/2021->

04/DOJ_COPS%20CRI_SFPD%20OCT%202016%20Assessment_0.pdf (accessed: 30.07.2020).

245. Bell, A. The Language of News Media / A. Bell. – Blackwell; First Edition, 1991. – 296 p.

246. Berger, A. A. Media and Communication Research Methods : An Introduction to Qualitative and Quantitative Approaches / A. A. Berger // SAGE Publications; Third Edition, 2013. – 384 p.

247. Bieber, Ch. Standard of Care: Legal Definition & Examples [Electronic resource]. – URL: <https://www.forbes.com/advisor/legal/medical-malpractice/standard-of-care/> (accessed: 17.03.2023).

248. Bignell, J. Media Semiotics, An Introduction / J. Bignell // Manchester : Manchester University Press, 2002. – 240 p.

249. Bonvillain, N. Language, culture and communication. The meaning of messages / N. Bonvillain // Upper Saddle River, New Jersey : Prentice Hall, 1997. – 374 p.

250. Deflem M. Domestic Spying: A Historical-Comparative Perspective / M. Deflem, D. M. Silva, A.S. Rogers // Cambridge University Press, 2018 [Electronic resource]. – URL: <https://www.cambridge.org/core/books/abs/cambridge-handbook-of-social-problems/domestic-spying-a-historicalcomparative-perspective/61AFD2F6FD5961F7C279C78E5E180A47> (accessed: 16.03.2022).

251. Charaudeau, P. A conquista da opinião pública : como o discurso manipula as escolhas políticas / P. Charaudeau // Corrêa, Angela M. S. São Paulo : Contexto, 2016. – 192 p.

252. Chomsky, N. "10 strategies of manipulation" by the media [Electronic resource]. – URL: <https://www.abovetopsecret.com/forum/thread633151/pg1/> (accessed: 30.11.2020).

253. Ciabuca, A. Identifying Strategies to Market Police Image in the Media / A. Ciabuca // Ovidius University Annals Economic Sciences Series. – Vol. 14. – 2014. – P. 291-296.

254. Coleman, T.G. A Model for Improving the Strategic Measurement and Management of Policing: The Police Organizational Performance Index (POPI) :

A Dissertation Submitted to the Faculty of Graduate Studies and Research in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Special Case Doctor of Philosophy in Police Studies / T. G. Coleman. – Canada, 2012. – 227 p.

255. Collin, F. Social Reality / F. Collin. – London : Routledge, 1997. – 252 p.

256. Deygan, A. Persuasive Strategies in Hillary Clinton's Presidential Campaign Speeches / A. Deygan, M. K. Mehdi // Education and Linguistics Research, 2019. – Vol. 5. – No. 2 – P. 75-87.

257. Dijk, T. A. van. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach / T. A. van Dijk // New York : Cambridge University Press, 2008. – 267 p.

258. Dijk, T. A. van. Discourse and Manipulation. Discourse and Society / T. A. van Dijk, 2006. – P. 359–383.

259. Fairclough, N. Media Discourse : Language and Globalization / N. Fairclough // London : Routledge, 2006. – 200 p.

260. Franklin, A. S. The Influence of Police Related Media, Victimization, and Satisfaction on African American College Students' Perceptions of Police / A. S. Franklin, R. K. Perkins, M. D. Kirby, K. P. Richmond // Frontiers in Sociology – №4, 2019. [Electronic resource]. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fsoc.2019.00065/full> (accessed : 30.07.2020).

261. Gallagher, C. “The Public Image of the Police” Final Report to The International Association of Chiefs of Police by the Administration of Justice Program / C. Gallagher, E. R. Maguire, S. D. Mastrofski, M. D. Reisig // George Mason University, 2001. [Electronic resource]. – URL: <https://www.theiacp.org/resources/the-public-image-of-police> (accessed: 30.07.2020).

262. Geberth V. SUICIDE-BY-COP / V Geberth // Law and Order. – №7. – Vol. 41,1993. – P.105-109.

263. Goatly, A. The Language of Metaphors / A. Goatly. – New York : Routledge, 1997. – 372 p.

264. Grundy, P. Newspapers / P. Grundy. – London : Oxford University Press, 1993. – 134 p.

265. Jackson, J. Developing European indicators of trust in justice / J. Jackson, B. Bradford, M. Hough, J. Kouha, S. Stares, S. Widdop, R. Fitzgerald, M. Yordanova, T. Galev // *European Journal of Criminology*. – 8 (4), 2011. – P. 267-285.
266. Johnstone, B. Linguistic Strategies and Cultural Styles for Persuasive Discourse / B. Johnstone // *Language, Communication, and Culture : Current Directions (International and Intercultural Communication Annual)*. – Vol. 13, 1989. – P. 139-156.
267. Hacker, K. L. Political Linguistic Discourse Analysis / K. L. Hacker // *The Theory and Practice of Political Communication Research*. – New York, 1996. – P. 28-55.
268. Handbook on police accountability, oversight and integrity // UNITED NATIONS New York, 2011. – 150 p. [Electronic resource]. – URL: https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/Handbook_on_police_Accountability_Oversight_and_Integrity.pdf (accessed: 30.07.2020).
269. Hunston, S. Evaluation in Text. Authorial Stance and the Construction of Discourse / S. Hunston, G. Thompson. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 238 p.
270. Lasswell, H. The Structure and Function of Communication in Society / H. Lasswell, L. Bryson // *The Communication of Ideas*. – New York, 1948. – 117 p.
271. Martin, J. R. The language of evaluation : Appraisal in English / J. R. Martin, P. R. White. – London : Palgrave Macmillan, 2005. – 278 p.
272. Lovell, J. S. Media Power & Information Control : a Study of Police Organizations & Media Relations / J. S. Lovell // *National Criminal Justice Reference Service*, 2002 [Electronic resource]. – URL: <https://www.ncjrs.gov/pdffiles1/nij/grants/197060.pdf> (accessed: 03.09.2020).
273. Mackensen, L. Seduction by language / L. Mackensen. – List Verlag, Munich, 1973. – 327 p.
274. McQuail, D. Mass Communication Theory / D. MacQuail. – London : Sage; The Sixth Edition, 2010. – 632 p.
275. Maguire, E.R. Measuring public perceptions of the police / E. R. Maguire, D. Johnson // *Policing: An International Journal of Police Strategies & Management*. – Vol. 33. – № 4. – USA, 2010. – 28 p.

276. Maslov, A. Measuring the Performance of the Police : The Perspective of the Public: RESEARCH REPORT: 2015–R034 / A. Maslov // Public Safety Canada. – Canada, 2016 [Electronic resource]. – URL: <https://www.publicsafety.gc.ca/cnt/rsrscs/pblctns/2015-r034/index-en.aspx> (accessed: 03.09.2020).

277. Mayes, L. Social Media and Community-oriented Policing: Examining the Organizational Image Construction of Municipal Police on Twitter and Facebook / L. Mayes // Police Practice and Research, 2020. – No. 22. – P. 2-18.

278. Monovich, L. The Language of New Media / L. Monovich // Cambridge : MIT Press, 2001. – 354 p.

279. Montgomery, M. Discourse of Broadcast News. A Linguistic Approach / M. Montgomery. – London : Routledge, 2007. – 246 p.

280. Müller C. Metaphors Dead and Alive, Sleeping and Waking / C. Müller. – Chicago: The University of Chicago Press, 2008. – 272 p.

281. Mullis, J. The Impact of the Media on Public Opinion of the Police / J. Mullis // Department of Criminal Justice California State University. – California, 2009. – 75 p.

282. Polyakova, L. S. Linguistic Manipulation Means in English Political Discourse / L. S. Polyakova, Yu. V. Yuzhakova, T. Yu. Zalavina, N. V. Dyorina [Electronic resource]. – URL: <https://amazoniainvestiga.info/index.php/amazonia/article/download/1485/1434?inline=1> (accessed: 04.02.2021).

283. Richard, R. J. What Influences Overall Citizen Satisfaction with the Police / R. J. Richard, 2015 [Electronic resource]. – URL: https://www.llrmi.com/articles/legal_update/2015_johnson_citizensatisfaction/ (accessed: 09.08.2020).

284. Sadulski, J. Why Social Media Plays an Important Role in Law Enforcement / J. Sadulski // In Public Safety. – 2018 [Electronic resource]. – URL: <https://inpublicsafety.com/2018/03/why-social-media-plays-an-important-role-in-law-enforcement/> (accessed: 04.08.2020).

285. Sapir, D. J. The Social Use of Metaphor: Essays on the Anthropology of Rhetoric / D. J. Sapir, C. J. Crocker. – University of Pennsylvania Press, 2016. – 249 p.

286. Schultz, J. Media Coverage of Law Enforcement and Effects of the Image Created / J. Schultz // Dominican University of California, 2019 [Electronic resource]. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/215555071.pdf> (accessed: 04.08.2020).
287. Searle, J. R. Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind / J. R. Searle // Cambridge University Press, 1983. – 292 p.
288. Sériot, P. Analyse du discours politique soviétique / P. Sériot. – Paris : IMSECO, 1985. – P. 335-341.
290. Shults J. F. What does the thin blue line flag mean? / J.F. Shults, 2020 [Electronic resource]. – URL: <https://www.police1.com/police-history/articles/what-does-the-thin-blue-line-flag-mean-2J3500lyyaGueEo0/>
291. Sparrow, M. K. Measuring Performance in a Modern Police Organization / M. K. Sparrow // New Perspectives in Policing, 2015. – P. 2-5.
292. Suicide by Cop Fact Sheet // American Association of Suicidology, 2013 [Electronic resource]. – URL: <https://www.admboard.org/Data/Sites/25/Assets/pdfs/cit/6-Suicide-Prevention/6-9-SuicidebycopfactsheetAAS2013.pdf> (accessed: 26.04.2023).
293. Teneva, E. V. Emotionalisation strategy as a means of manipulation in the British mass media discourse / E. V. Teneva // Russian Linguistic Bulletin – №3 (15), 2018. – P. 19-22.
294. Text Interpretation = интерпретация текста : методическое пособие по интерпретации текста для студентов высших учебных заведений / О. И. Василенко, С. О. Макеева, В. П. Пылайкина, Н. Г. Шехтман // Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2018. – 127 с. [Электронный ресурс]. – URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36917373_75237862.pdf (дата обращения: 08.10.2021).
295. Thompson, G. Evaluation in context / G. Thompson, L. Alba-Juez. – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2014. – 418 p.
296. Ward, K. Measuring Excellence : Planning and Managing Evaluations of Law Enforcement Initiatives / K. Ward, S. Chibnall, R. Harris // U.S. Department of Justice Office of Community Oriented Policing Services, 2007 – 170 p.

297. Winkunle, O. Image Management in the Nigeria Police Force : Prospects and Challenges / O. Winkunle, 2020 [Electronic resource]. – URL: https://www.researchgate.net/publication/344750513_Image_management_in_the_Nigeria_Police_Force_Prospects_and_Challenges (accessed: 06.08.2020).

298. Wayne, W. L. The Media Representations of Police Image: Research Notes on the Hong Kong's Occupy Movement / W. L. Wayne // Sage Open Journal. – Vol. 5, 2015 [Electronic resource]. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2158244015607935> (accessed: 06.08.2020).

СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

1. Баранов, А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – Москва : Помовский и партнеры, 1994. – 330 с.

2. Гиршман, М. М. Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / М. М. Гиршман, А. В. Домашенко. – Москва : Интрада, 2008. – 149 с.

3. Глоссарий.Ru [Электронный ресурс]. – URL: http://www.glossary.ru/cgi-bin/gl_sch2.cgi?RRu.ogr;t:l!otxyoyzy (дата обращения: 11.03.2021).

4. Грицанов, А. А. Новейший социологический словарь / В. Л. Абушенко, А. А. Грицанов, М. А. Можейко, Т. С. Протыко, Т. Г. Румянцева, К. И. Скуратович. – Минск : Книжный Дом, 2003. – 1280 с.

5. Гуманитарный портал // Центр гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. – URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7024> (дата обращения: 03.03.2023).

6. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Москва: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. –URL: <https://gufo.me/search?term=%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D1%82%D1%8C> (дата обращения: 11.03.2021).

7. Лагута О. Н. Учебный словарь стилистических терминов / О. Н. Лагута. – Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1999 [Электронный ресурс]. – URL: <https://stilistics.academic.ru/288/%D0%BA%D0%BB%D0%B8%D1%88%D0%B5> (дата обращения: 08.04.2023).

8. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B5%D0%BA%D1%81%D1%82> (дата обращения: 06.03.2021).
9. Роднянская, И. Б. Литературная энциклопедия терминов и понятий / И. Б. Роднянская, В. В. Кожин. – Москва : Интелвак, 2003. – 1600 с.
10. Экономика – Аналитика – Этимология [Электронный ресурс]. – URL: <https://ecanet.ru/word/%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 18.12.2020).
11. Этимологический словарь русского языка. Фасмер Макс [Электронный ресурс]. – URL: <https://classes.ru/all-russian/russian-dictionary-Vasmer-term-13207.htm> (дата обращения: 18.12.2020).
12. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – Изд. 2-е. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
13. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed: 13.03.2023).
14. Cambridge English Thesaurus [Electronic resource]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/thesaurus/> (accessed: 15.06.2022).
15. Collins Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/> (accessed: 14.03.2023).
16. Free Online Thesaurus from Macmillan Dictionary [Electronic resource]. – URL: https://www.macmillandictionary.com/about_thesaurus.html (accessed: 18.06.2022).
17. Macmillan Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/> (accessed: 17.03.2023).
18. Merriam-Webster Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/> (accessed: 15.03.2023).
19. Oxford Learner's Dictionary [Electronic resource]. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/> (accessed: 13.03.2023).
20. Thesaurus.com: Synonyms and Antonyms of Words [Electronic resource]. – URL: <https://www.thesaurus.com/> (accessed: 14.08.2022).

21. Thesaurus - United Nations Digital Library System [Electronic resource]. – URL: <https://digitallibrary.un.org/collection/Thesaurus?ln=ru> (accessed: 14.08.2022).

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 20.04.2021) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 07.05.2022).

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 29.03.2022).

3. О полиции : Федеральный закон РФ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СЗ РФ. 2011. – № 7 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ / (дата обращения: 29.03.2022).

4. Приказ Министерства Внутренних Дел Российской Федерации №1040 от 31.12.2013 «Вопросы оценки деятельности территориальных органов» [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/70693384/> (дата обращения: 09.08.2021).

5. Распоряжение Правительства РФ от 27 марта 2021 г. N 741-р «Об утверждении единого алгоритма межведомственного и межрегионального взаимодействия по предупреждению угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций, связанных с заносом на территорию РФ и распространением на территории РФ опасных инфекционных заболеваний» [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202103310029?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 12.06.2021).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 13.03.2023).

7. Указ Президента РФ от 02.04.2020 N 239 "О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)" [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349217/ (дата обращения: 12.06.2021).

8. Федеральный закон от 01.04.2020 N 99-ФЗ (ред. от 29.12.2020) "О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349081/3d0cac60971a511280cbba229d9b6329c07731f7/ (дата обращения: 15.10.2021).

9. ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [Электронный ресурс]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/9012419> (дата обращения: 22.02.2022).

10. The Constitution of The United States of America [Electronic resource]. – URL: <https://constitutionus.com/> (accessed: 05.05.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЯЗЫКОВОГО МАТЕРИАЛА

1. Автора «Новой» Викторию Ивлеву оштрафовали на 150 тысяч рублей, правозащитника Юрия Самодурова — на 20 тысяч за пикет в поддержку «Мемориала» [Электронный ресурс]. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/11/22/avtora-novoi-viktoriiu-ivlevu-oshtrafovali-na-150-tysiach-rublei-pravozashchitnika-iuriia-samodurova-na-20-tysiach-za-piket-v-podderzhku-memoriala-news> (дата обращения: 13.02.2022).

2. Акимов, И. Участница акций в защиту Навального заявила, что оговорила полицейских за деньги / И. Акимова [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/08/23/n_16421378.shtml (дата обращения: 31.11.2021).

3. Андреева, Н. Появились «тихари». Особенности протеста в Саратове: полицейская фонограмма, люди в штатском и провокаторы / Н. Андреева

[Электронный ресурс]. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/01/31/88984-rouyavilis-tihari> (дата обращения : 09.09.2021).

4. Аносов, В. Действия полиции позволили избежать серьезных ЧП на незаконных акциях / В. Аносов, А. Валагин, И. Доценко, Н. Козлова, Н. Коротченко, А. Меньшиков, Р. Мерзляков, М. Сухарев, Т. Тюменева, Я. Шамаева, И. Штерман [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2021/01/31/reg-cfo/dejstviia-policii-pozvolili-izbezhat-sereznyh-chp-na-nezakonnyh-akciiah.html> (дата обращения: 08.09.2021).

5. Антонов, К. Перевозчики Татарстана не хотят проверять QR-коды у пассажиров / К. Антонов [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5063626> (дата обращения: 01.12.2021).

6. Бабкин, С. Участников жестокой драки в московском метро отправили в карцер СИЗО / С. Бабкин [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2021/10/08/reg-cfo/uchastnikov-zhestokoj-draki-v-moskovskom-metro-otpravili-v-karcer-sizo.html> (дата обращения: 01.02.2022).

7. Белянкин, А. В Анапе в акции протеста в поддержку Навального участвовали несколько сотен человек / А. Белянкин [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4661110> (дата доступа: 10.07.2021).

8. Белянкин, А. В Краснодаре акция в поддержку Алексея Навального прошла практически без задержаний / А. Белянкин [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4661066> (дата обращения: 10.07.2021).

9. Валагин, А. В Ивановской области завели дело о покупке COVID-сертификатов / А. Валагин [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2021/09/09/reg-cfo/pod-ivanovo-zaveli-delo-o-pokupke-covid-sertifikatov.html> (дата обращения: 25.11.2021).

10. Васильева, А. Полиция встала на страже радиации. На месте строительства участка Юго-Восточной хорды в Москве вновь возник конфликт / А. Васильева, Р. Дорофеев [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4292550> (дата обращения: 03.12.2021).

11. В Госдуме сравнили действия полиции в РФ и на Западе [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/01/31/n_15560852.shtml (дата обращения: 25.02.2021).

12. В ГУ МВД заявили, что журналистов с акций протеста в Петербурге увозили в полицию законно [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4711365> (дата обращения: 25.02.2021).

13. Володин назвал действия правоохранителей на протестах 23 января «филигранными» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4662664> (дата обращения: 25.02.2021).

14. В Пензе задержали трех работников псевдомедцентра, подозреваемых в похищении и незаконном лишении свободы 37 человек [Электронный ресурс]. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/11/23/v-penze-zaderzhali-trekh-rabotnikov-psevdomedtsentra-podozrevaemykh-v-pokhishchenii-i-nezakonnom-lishenii-svobody-37-chelovek-news> (дата обращения: 01.12.2021).

15. Гужевский, М. Человек без маски может заразить других»: Журова о задержанном тренере / М. Гужевский [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gazeta.ru/sport/2021/11/23/a_14233849.shtml (дата обращения: 17.01.2022).

16. Дементьева, Е. Глава МВД наградил таймырских полицейских за спасение туристов / Е. Дементьева [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2021/08/26/reg-sibfo/glava-mvd-nagradil-tajmyrskih-policejskih-za-spasenie-turistov.html> (дата обращения: 27.11.2021).

17. Демидов, А. В СЖР напомнили об ответственности за нападения на журналистов / А. Демидов [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/02/03/n_15571616.shtml (дата обращения: 31.02.2021).

18. Дилимбетов, О. Избирательные охранители. Глава ЦИК просит полицию перестать мешать сборщикам подписей / О. Дилимбетов [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4908293> (дата обращения: 26.02.2022).

19. Дризе, Д. Силовики сделали очередной подарок Алексею Навальному / Д. Дризе [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4662576> (дата обращения: 04.02.2021).

20. Еременко, Е. Иркутские полицейские пытались разбудить пассажира такси электрошокером, после чего он умер / Е. Еременко [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4269640> (дата обращения: 01.12.2021).

21. Зайков, Н. В Новосибирске возбудили 17 дел о подделке сертификатов и ПЦР-тестов / Н. Зайков [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2021/10/25/reg-sibfo/v-novosibirske-vozbudili-17-del-o-poddelke-sertifikatov-i-pcr-testov.html> (дата обращения: 17.01.2022).

22. Игнатова, О. Подделка сертификатов о вакцинации и QR-кодов грозит лишением свободы / О. Игнатова, В. Куликов [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2021/07/14/poddelka-sertifikatov-o-vakcinacii-i-qr-kody-grozit-lisheniem-svobody.html> (дата обращения: 25.11.2021).

23. И сам себя сковал наручниками. Как проходили акции в поддержку Навального в регионах: от Смоленска до Омска. Обзор «Новой» [Электронный ресурс]. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/04/22/i-sam-sebia-skoval-naruchnikami> (дата обращения: 10.05.2021).

24. Латухина, К. Песков назвал оправданными действия полиции в отношении участников несанкционированных акций / К. Латухина [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2021/02/02/peskov-nazval-opravdannymi-dejstviia-policii-v-otnoshenii-uchastnikov-nesankcionirovannyh-akcij.html> (дата обращения: 08.07.2021).

25. Лежепекова, А. Россияне описали типичного полицейского / А. Лежепекова [Электронный ресурс]. – URL: www.gazeta.ru/social/news/2021/11/10/n_16827811.shtml?updated (дата обращения: 27.11.2021).

26. Малов, Д. Екатеринбургцы устроили митинг против введения QR-кодов / Д. Малов [Электронный ресурс]. – URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/11/13/n_16849477.shtml (дата обращения: 31.01.2022).

27. Меркин, Г. Все равно по-нашему будет. Акция против QR-кодов в Казани закончилась массовыми задержаниями / Г. Меркин [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5090972> (Дата доступа: 26.02.2022).

28. Мильченко, А. Задержания продолжаются: полиция ищет провокационные фото на фоне храмов / А. Мильченко [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/11/19/14223517.shtml> (дата обращения : 27.11.2021).

29. Николаев, П. Задушил мать, сжег дом, пытался убить подругу. Что известно о стрельбе в Подмосковье / П. Николаев [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/11/21/14228647.shtml> (дата обращения: 01.02.2022).

30. Одинцов, Е. Изверги в форме довели девочку до истерики и избили / Е. Одинцов [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/11/19/14220943.shtml> (дата обращения: 17.01.2022).

31. Павленко, О. Реестром по башке. Как выглядят репрессии в современной России / О. Павленко [Электронный ресурс]. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/11/05/reestrom-po-bashke> (дата обращения: 25.02.2022).

32. Павлов, В. Рейды по барам: регионы усиливают меры по COVID-19 / В. Павлов [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/2021/06/13/13636586.shtml> (дата обращения: 28.12.2021).

33. Петров, И. МВД : Полиция законно применяла спецсредства и самбо на акциях в Москве / И. Петров [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2021/03/10/reg-cfo/mvd-policiia-zakonno-primeniala-specsredstva-i-sambo-na-akciiah-v-moskve.html> (дата обращения: 08.07.2021).

34. Полиция начала проверку постов студента СПбГУ на «гей-пропаганду». Ранее его не взяли в вузовский ансамбль из-за ориентации [Электронный ресурс]. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/11/14/politsiia-nachala-proverku-postov-studenta-spbgu-na-gei-propagandu-ranee-ego-ne-vziali-v-vuzovskii-ansambl-iz-za-orientatsii-news> (дата обращения: 01.12.2021).

35. Полиция Приморья возбудила уголовное дело по факту убийства краснокнижного амурского тигра [Электронный ресурс]. – URL:

<https://novayagazeta.ru/articles/2021/11/28/politsiia-primoria-vozbudila-ugolovnoe-delo-po-faktu-ubiistva-krasnoknizhnogo-amurskogo-tigra-news> (дата обращения: 01.12.2021).

36. Полтавцева, А. Чтобы снег не стал красным. Грамотные действия правоохранителей позволили избежать серьезных ЧП / А. Полтавцева [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2021/01/24/reg-cfo/gramotnye-dejstvii-pravoohranitelej-pozvolili-izbezhat-sereznyh-chp.html> (дата обращения: 25.11.2021).

37. Решетникова, Д. Противники вакцинации воззвали к «светлым силам космоса» / Д. Решетникова, А. Реутова, А. Тихонов, В. Никифоров [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5087642> (дата обращения: 03.12.2021).

38. «Россия – это и мы тоже». Как в Москве прошел митинг в поддержку политика Алексея Навального [Электронный ресурс]. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/04/22/rossiia-eto-i-my-tozhe> (дата обращения: 03.05.2021).

39. Русянников, И. Гостиница с полицейскими звездами. Начальника отдела УГРО судят за побои и удержание женщины в номере отеля. Адвокаты называют его «непревзойденным профессионалом сыска» / И. Русянников [Электронный ресурс]. – URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/11/20/gostinitza-s-politseiskimi-zvezdami> (дата обращения: 13.02.2022).

40. Рыскаль, Р. Возбуждено уголовное дело об оскорблении судьи после акции нацболов / Р. Рыскаль [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4574508> (дата обращения: 26.02.2021).

41. Рыскаль, Р. Силовое и дело. СПЧ призывает уточнить регламент действий сотрудников силовых структур / Р. Рыскаль [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4616619> (дата обращения: 01.12.2021).

42. Старикова, М. Нагнетается определенный психоз. Митинг КПРФ против принудительной вакцинации кончился задержаниями / М. Старикова [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4877504> (дата обращения: 05.02.2022).

43. Старикова, М. Полиция не оценила дресс-код журналиста. Главреда «Базы» оштрафовали на 180 тыс. рублей за работу на акции протеста / М. Старикова,

А. Черных [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4946742> (дата обращения: 25.02.2022).

44. Тумакова, И. Колыбель «космонавтов. В жестоком обращении с протестующими Петербург обогнал всю Россию: массовые задержания, избиения, электрошокеры без разбора и смысла / И. Тумакова [Электронный ресурс]. – URL: <https://novayagazeta.spb.ru/articles/13014/> (дата обращения: 03.02.2022).

45. Фалалеев, М. Колокольников наградили четверых московских полицейских / М. Фалалеев [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2020/05/29/reg-cfo/kolokolcev-nagradil-chetveryh-moskovskih-policejskih.html> (дата обращения: 27.11.2021).

46. Фалалеев, М. Суд может "закрыть" задержанных за избиение мужчины в метро на десятилетие / М. Фалалеев [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2021/10/07/reg-cfo/rassledovanie-izbienii-romana-kovaleva-v-metro-poluchilo-prodolzhenie.html> (дата обращения: 01.02.2022).

47. Филиппов, Т. Протестующих слишком мало, чтобы они могли повлиять на ситуацию / Т. Филиппов [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5088424> (дата обращения: 13.02.2022).

48. Черенева, В. В Петербурге на полицейских завели дело за жесткое задержание школьницы / В. Черенева [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2021/11/19/reg-szfo/v-peterburge-na-policejskih-zaveli-delo-za-zhestkoe-zaderzhanie-shkolnicy.html> (дата обращения: 17.01.2022).

49. 2 Seattle officers placed on leave in probe into Capitol mob [Electronic resource]. – URL: <https://apnews.com/article/donald-trump-police-washington-seattle-3203f742462d5892d8cea3c676cc10ec> (accessed: 26.02.2022).

50. Anders, C. Killings by police are undercounted by more than half, new study says / C. Anders, M. L. Paúl [Electronic resource]. – URL: <https://www.washingtonpost.com/nation/2021/10/01/police-killings-undercount-study/> (accessed: 23.03.2022).

51. Babwin, D. Chicago police union head apologizes for defending mob / D. Babwin [Electronic resource]. – URL: <https://apnews.com/article/donald-trump-joe-biden-police-chicago-88fd580f63a09488281a99309b338529> (accessed: 26.02.2022).

52. Baker, M. The F.B.I. Deployed Surveillance Teams Inside Portland Protests / M. Baker, S. Olmos, A. Goldman [Electronic resource]. – URL: <https://www.nytimes.com/2021/12/22/us/portland-protests-fbi-surveillance.html> (accessed: 28.03.2022).

53. Bauerlein, V. Five Dead in Wisconsin After Driver Plows Into Waukesha Christmas Parade / V. Bauerlein, B. Kesling, J. Barrett [Electronic resource]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/waukesha-christmas-parade-crash-11637542400> (accessed: 02.03.2022).

54. Black Lives Matter vs. Eric Adams [Electronic resource]. – URL: https://www.wsj.com/articles/black-lives-matter-vs-eric-adams-mayor-new-york-city-hawk-newsome-11636670327?mod=Searchresults_pos9&page=8 (accessed: 05.03.2022).

55. Bynum R. 3 men charged in Ahmaud Arbery's death convicted of murder / R. Bynum [Electronic resource]. – URL: <https://apnews.com/article/ahmaud-arbery-us-news-ap-top-news-race-and-ethnicity-brunswick-f2549024973cdcc757c02bd0a07bf5cf> (accessed: 06.03.2022).

56. Calfas, J. Brian Laundrie Died From Gunshot Wound to Head, Investigation Finds / J. Calfas [Electronic resource]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/brian-laundrie-died-from-gunshot-wound-to-head-family-attorney-says-11637697143> (accessed: 03.03.2022).

57. Calfas, J. FBI Confirms Brian Laundrie's Remains Found in Florida Nature Reserve / J. Calfas, T. Ansari [Electronic resource]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/fbi-confirms-brian-laundries-remains-found-in-florida-wildlife-reserve-11634854963> (accessed: 03.03.2022).

58. Cowan, J. Officer Whose Bullet Killed a 14-Year-Old Girl Wanted to 'Change' the Police / J. Cowan, G. Heyward, Ch. Chung [Electronic resource]. – URL: <https://www.nytimes.com/2021/12/30/us/los-angeles-police-burlington-shooting-william-dorsey-jones.html> (accessed: 28.03.2022).

59. Cramer, M. Missouri Detective Is Convicted in Fatal Shooting of Black Man Outside His Home / M. Cramer [Electronic resource]. – URL:

<https://www.nytimes.com/2021/11/20/us/cameron-lamb-eric-devalkenaere.html> (accessed: 23.03.2022).

60. Daly, M. After deadly siege, lawmakers ask why police so outnumbered / M. Daly, M. Balsamo [Electronic resource]. – URL: <https://apnews.com/article/riots-police-coronavirus-pandemic-racial-injustice-27df9afce0c16032fc040944789d2f33> (accessed: 24.02.2022).

61. Dewan, S. Police Failures Spur Resignations and Complaints of Double Standards / S. Dewan, N. MacFarquhar, Z. Kanno-Youngs, A. Watkins [Electronic resource]. – URL: <https://www.nytimes.com/2021/01/07/us/Capitol-cops-police.html> (accessed: 21.03.2022).

62. Eligon, J. Racial Double Standards of Capitol Police Draws Outcry / J. Eligon [Electronic resource]. – URL: <https://www.nytimes.com/2021/01/07/us/capitol-trump-mob-black-lives-matter.html> (accessed: 27.03.2022).

63. Frosch, D. Police Have a Tool to Take Guns From Potential Shooters, but Many Aren't Using It / D. Frosch, Z. Elinson [Electronic resource]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/gun-law-allowing-police-to-seize-weapons-from-potential-shooters-often-isnt-used-11636984981> (accessed: 09.03.2022).

64. Gurman, S. Local Law-Enforcement Agencies Thwart FBI Push to Track Police Use of Force / S. Gurman [Electronic resource]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/fbi-monitoring-of-police-use-of-force-founders-on-lack-of-data-11639073896> (accessed: 09.03.2022).

65. Gurman, S. Capitol Police Officer Said He Shot Ashli Babbitt as 'Last Resort' / S. Gurman, A. Viswanatha [Electronic resource]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/capitol-police-officers-sue-trump-others-over-jan-6-riot-11630000963> (accessed: 12.03.2022).

66. Ibrahim, M. Plan to replace Minneapolis PD worries many Black residents / M. Ibrahim, A. Forliti [Electronic resource]. – URL: <https://apnews.com/article/death-of-george-floyd-police-minneapolis-race-and-ethnicity-904ab1f67d3c788103a3b11dfeded76b> (accessed: 13.03.2022).

67. Jiménez, J. Black Man Stomped by South Carolina Officer Will Receive \$650,000 Settlement / J. Jiménez [Electronic resource]. – URL: <https://www.nytimes.com/2021/11/17/us/clarence-gailyard-sc-police.html> (accessed: 22.03.2022).

68. La Corte, R. Washington Legislature set to meet amid pandemic, unrest / R. LaCorte [Electronic resource]. – URL: <https://apnews.com/article/legislature-washington-coronavirus-pandemic-police-reform-a5738f4e927cc90c4393be5d8bc3bb32> (accessed: 24.02.2022).

69. Lang, M. J. Rioters breached the Capitol as they waved pro-police flags. Police support on the right may be eroding, experts warn / M. J. Lang, P. Jamison [Electronic resource]. – URL: https://www.washingtonpost.com/local/capitol-police-officers-support/2021/01/08/a16e07a2-51da-11eb-83e3-322644d82356_story.html (accessed: 20.03.2022).

70. Lindsay, W. L. ‘The Protesters Are in the Building.’ Inside the Capitol Stormed by a Pro-Trump Mob / W. L. Lindsay, C. C. Lucey, A. Restuccia [Electronic resource]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/the-protesters-are-in-the-building-inside-the-capitol-stormed-by-a-pro-trump-mob-11609984654> (accessed: 02.03.2022)

71. Lukpat, A. Idaho Sheriff Is Accused of Pointing Gun at Woman Who Delivered a Thank-You Card / A. Lukpat [Electronic resource]. – URL: <https://www.nytimes.com/2021/12/27/us/craig-rowland-idaho-sheriff-gun.html> (accessed: 05.05.2022).

72. McWhirter, C. What’s the Latest in the Ahmaud Arbery Murder Trial / C. McWhirter, J. Gershman [Electronic resource]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/whats-the-latest-in-the-ahmaud-arbery-murder-trial-11637358764> (accessed: 06.03.2022).

73. Opinion: Prince William police shot and killed a 79-year-old man. Was it a preventable tragedy? [Electronic resource]. – URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/kurtis-kay-frevert-death-prince-william-police/2021/01/01/08971dae-4a21-11eb-839a-cf4ba7b7c48c_story.html (accessed: 18.03.2022).

74. Police Officer Who Responded to Capitol Riot Dies Off Duty [Electronic resource]. – URL: <https://www.nytimes.com/2021/01/10/us/politics/capitol-police-howard-liebengood-dies.html> (accessed: 18.03.2022).

75. Prosecutor: No charges for officer in fatal court shooting [Electronic resource]. – URL: <https://apnews.com/article/crime-police-shootings-north-carolina-police-reform-5a6ab97aacff590641c42f6ceae4541f> (accessed: 12.03.2022).

76. Refunding the San Francisco Police [Electronic resource]. – URL: <https://www.wsj.com/articles/refunding-the-san-francisco-police-london-breed-crime-11639696468> (accessed: 09.03.2022).

77. Rifle shooting suspect dies in Santa Rosa police custody [Electronic resource]. – URL: <https://apnews.com/article/police-shootings-santa-rosa-9f20289c279ede86be834f406bff96e1> (accessed: 12.03.2022).

78. Rundle, J. Inside the Secret Service's Training Lab for Cyber Crime Fighters / J. Rundle [Electronic resource]. – URL: <https://www.wsj.com/podcasts/tech-news-briefing/inside-the-secret-service-training-lab-for-cyber-crime-fighters/6f70add7-1578-4f27-86ae-4372a380e77f> (accessed: 02.03.2022).

79. Santora, M. Capitol Police Officer Dies From Injuries in Pro-Trump Rampage / M. Santora, M. Specia, M. Baker [Electronic resource]. – URL: <https://www.nytimes.com/2021/01/08/us/brian-sicknick-police-capitol-dies.html> (accessed: 18.03.2022).

80. Smith, M. We Need Policemen?: Even in Liberal Cities, Voters Reject Scaled-Back Policing / M. Smith, T. Arango [Electronic resource]. – URL: <https://www.nytimes.com/2021/11/03/us/police-reform-minneapolis-election.html> (accessed: 28.03.2022).

81. Southall, A. New York's Next Police Boss, a Queens Native, Comes 'Full Circle' / A. Southall, A. Watkins, T. Closson [Electronic resource]. – URL: <https://www.nytimes.com/2021/12/15/nyregion/keechant-sewell-nypd-commissioner.html> (accessed: 28.03.2022).

82. Train the Police to Keep the Peace, Not Turn a Profit [Electronic resource]. – URL: <https://www.nytimes.com/2021/11/20/opinion/police-traffic-stops-deaths.html> (accessed: 28.03.2022).

**Статьи в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК
МН и ВО РФ :**

1. Нестерова, В. Е. Заголовки газет как средство лингвистического моделирования образа полиции / В. В. Гузикова, В. Е. Нестерова. – Текст : непосредственный // Филологические науки в МГИМО, 2021. – Т. 7. – № 2 (26). – С. 25-37 (1,2 п.л. / 0,8 п.л.).

2. Нестерова, В. Е. Моделирование положительного образа полиции в российских оппозиционных газетах / А. И. Золотайко, В. Е. Нестерова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2022. – № 2 (92). – С. 92-99 (1,2 п.л. / 0,8 п.л.).

3. Нестерова, В. Е. Конструирование ценностной модели образа полиции России и США в газетном дискурсе / В. Е. Нестерова. – Текст : непосредственный // Политическая лингвистика «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2022. – № 5 (95). – С. 172-179 (1 п.л.).

4. Нестерова, В. Е. Стратегия оценочной аргументации как средство лингвистического моделирования образа полиции в российском и американском газетном дискурсе (на примере проправительственных газет) / В. Е. Нестерова. – Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры, 2021. – Т. 27. – № 2. – С. 22-34 (1,2 п.л.).

5. Nesterova. V. E. Modeling the Mass Media Portrayal / Image of the Police (Retrospective Analysis of Domestic and Roreign Studies) / S. O. Makeeva, V. E. Nesterova. – Text : direct // Political Linguistics. – Ekaterinburg, 2020. – № 6 (84). – P. 67-77 (1 п.л. / 0,5 п.л.).

6. Nesterova. V. E. The Strategy of Evaluative Argumentation as a Means of Linguistic Modeling of the Police Image in Oppositional Russian and American

Newspapers / V. E. Nesterova. – Text : direct // Linguistics & Polyglot Studies. – Moscow, 2022. – Vol. 8. – № 4. – P. 52–63 (1 п.л.).

7. Nesterova. V. E. Verbalization of the “Brutality” Component as a Constituent Part of Linguistic Modeling of the Image of American Police in Pro-government and Opposition Newspapers / V. E. Nesterova. – Text : direct // Political Linguistics. – Ekaterinburg, 2021. – № 5 (89). – P. 128-138 (1 п.л.).

Другие публикации :

8. Нестерова, В. Е. Апелляция к ценностным ориентирам граждан при моделировании образа полиции в газетном дискурсе / В. Е. Нестерова. – Текст : непосредственный // Материалы всероссийской научно-практической конференции «Язык. Культура. Общение» : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. – Санкт-Петербург, 2022. – С. 77-80 (0,2 п.л.).

9. Нестерова, В. Е. Имплицитная вербализация ценностных компонентов образа полиции в массмедиаальном дискурсе / В. Е. Нестерова. – Текст : непосредственный // THESAURUS. Зборнік наукових прац Заснаваны ў 2015 годзе. Выпуск X. МОВА І КАМУНІКАЦЫЯ // Пад агульнай рэдакцыяй кандыдата філалагічных навук дацэнта С. В. Венідзіктава. – Магілёў Магілёўскі інстытут МУС, 2022. – С. 126-131 (0,3 п.л.).

10. Нестерова, В. Е. Массмедиаальный дискурс : особенности речевого воздействия в российских и американских газетах / В. Е. Нестерова. – Текст : непосредственный // THESAURUS. Зборнік науковых прац Заснаваны ў 2015 годзе. Выпуск VIII. МОВА І КАМУНІКАЦЫЯ // Пад агульнай рэдакцыяй кандыдата філалагічных навук дацэнта С. В. Венідзіктава. – Магілёў Магілёўскі інстытут МУС, 2021. – С. 167-172 (0,3 п.л.).

11. Нестерова, В. Е. Ценностные ориентиры граждан в восприятии образа полиции в России и за рубежом / В. Е. Нестерова, Д. А. Перезолова. – Текст : непосредственный // Правоохранительные органы: теория и практика. – №1 (40). – Екатеринбург, 2020. – С. 186-187 (0,2 п.л. / 0,1 п.л.).

12. Нестерова, В. Е. Стратегия рациональной аргументации при лингвистическом моделировании образа полиции России в оппозиционных газетах / В. Е. Нестерова. – Текст : непосредственный // Правоохранительные органы: теория и практика, 2021. – №2 (41)– С. 183-186 (0,2 п.л.).

13. Нестерова, В. Е. Формирование имиджа сотрудника органов внутренних дел средствами массовой информации / В. Е. Нестерова. – Текст : непосредственный // Вестник уральского института экономики, управления и права. – Екатеринбург, 2021. – № 1 (54). – С. 42-48 (0,4 п.л.).

14. Nesterova. V. E. Linguistic Modeling of the Media Police Image: Strategies and Tactics / V. E. Nesterova. – Text : direct // Aktual'nye problemy professional'noj sfery v sovremennom mire. Materialy IX mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenyh na inostrannyh yazykah. – Ekaterinburg, 2022. – Pp. 93-95 (0,1 п.л.).

Учебные пособия :

15. Нестерова, В. Е. Английский язык: учебное пособие / В. Е. Нестерова. – Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2022. – 104 с. (4,3 п.л.).

Приложение 1. Репрезентация ценностных моделей образа полиции России и США в газетном дискурсе

Таблица 1. Ценностная модель образа российской полиции в проправительственном газетном дискурсе

Российские проправительственные газеты «Российская газета», «Газета.Ру»					
Ценностный компонент «профессионализм / непрофессионализм»					
	профессионализм		непрофессионализм		
	194 (100%)		-		
Форма репрезентации					
	экспликация	импликация			
	103 (53%)	91 (47%)			
Ценностный компонент «законность / произвол»					
	законность		произвол		
	93 (86%)		15 (14%)		
Форма репрезентации					
	экспликация	импликация	экспликация	импликация	
	64 (69%)	29 (31%)	4 (27%)	11 (73%)	
Ценностный компонент «гуманность / жестокость»					
	гуманность		жестокость		концептуализация
	104 (77%)		26 (19%)		6 (4%)
Форма репрезентации					
	экспликация	импликация	экспликация	импликация	-
	54 (53%)	46 (47%)	7 (27%)	19 (73%)	-
Моделируемый образ					
391 (89%)	Мелиоративный				
41 (9%)	Пейоративный				
6 (2%)	Концептуализация института полиции				
	Ценность		Антиценность		
государственная	54 (6%)		0		
общественная	203 (57%)		13 (32%)		
личностная	134 (37%)		28 (68%)		
Итого	438				37%

Таблица 2. Ценностная модель образа российской полиции в оппозиционном газетном дискурсе

Российские оппозиционные газеты «Новая Газета», «Коммерсант»					
Ценностный компонент «профессионализм/непрофессионализм»					
	профессионализм		непрофессионализм		
	154 (71%)		63 (29%)		
Форма репрезентации					
	экспликация	импликация	экспликация	импликация	
	81 (53%)	73 (47%)	25 (40%)	38 (60%)	
Ценностный компонент «законность/произвол»					
	законность		произвол		
	21 (12%)		161 (88%)		
Форма репрезентации					
	экспликация	импликация	экспликация	импликация	
	14 (67%)	7 (33%)	47 (29%)	114 (71%)	
Ценностный компонент «гуманность/жестокость»					
	гуманность		жестокость		концептуализация
	112 (32%)		223 (63%)		18 (5%)
Форма репрезентации					
	экспликация	импликация	экспликация	импликация	
	61 (54%)	51 (46%)	87 (39%)	136 (61%)	
Моделируемый образ					
287 (38%)	Мелиоративный				
447 (60%)	Пейоративный				
18 (2%)	Концептуализация института полиции				
	Ценность		Антиценность		
государственная	101 (35%)		51 (11%)		
общественная	96 (34%)		169 (38%)		
личностная	90 (31%)		227 (51%)		
Итого				752	63%

Таблица 3. Ценностная модель образа американской полиции в проправительственном газетном дискурсе

Американские проправительственные газеты «The Associated Press», «The Wall Street Journal»					
Ценностный компонент «профессионализм/непрофессионализм»					
	профессионализм		непрофессионализм		
	167 (100%)		-		
Форма репрезентации					
	экспликация	импликация	экспликация	импликация	
	31 (19%)	136 (81%)	-	-	
Ценностный компонент «законность/произвол»					
	законность		произвол		концептуализация
	79 (69%)		25 (22%)		10 (9%)
Форма репрезентации					
	экспликация	импликация	экспликация	импликация	
	13 (13%)	66 (83%)	6 (24%)	19 (76%)	-
Ценностный компонент «гуманность/жестокость»					
	обоснование целесообразности и правомерности действий		констатация факта о применении огнестрельного оружия		концептуализация
	82 (33%)		29 (12%)		138 (55%)
Форма репрезентации					
	экспликация	импликация	экспликация	импликация	
	7 (9%)	75 (91%)	3 (10%)	26 (90%)	-
Моделируемый образ					
328 (62%)	Мелиоративный				
54 (10%)	Пейоративный				
148 (28%)	Концептуализация института полиции				
	Ценность		Антиценность		
государственная	62 (19%)		-		
общественная	76 (23%)		16 (30%)		
личностная	190 (58%)		38 (70%)		
Итого	530				46%

Таблица 4. Ценностная модель образа американской полиции в оппозиционном газетном дискурсе

Американские оппозиционные газеты «The New York Times», «The Washington Post»						
Ценностный компонент «профессионализм/непрофессионализм»						
	профессионализм		непрофессионализм		бинарная оппозиция в контексте	
	38 (27%)		26 (18%)		79 (55%)	
Форма репрезентации						
	экспликация	импликация	экспликация	импликация	экспликация	импликация
	9 (24%)	29 (76%)	6 (23%)	20 (77%)	13 (16%)	66 (84%)
Ценностный компонент «законность/произвол»						
	законность		произвол			
	14 (8%)		158 (92%)			
Форма репрезентации						
	экспликация	импликация	экспликация	импликация		
	2 (14%)	12 (86%)	17 (11%)	141 (89%)		
Ценностный компонент «гуманность/жестокость»						
	гуманность		жестокость			
	109 (35%)		202 (65%)			
Форма репрезентации						
	экспликация	импликация	экспликация	импликация		
	16 (15%)	93 (85%)	23 (11%)	179 (89%)		
Моделируемый образ						
161 (26%)	Мелиоративный					
386 (62%)	Пейоративный					
79 (12%)	Бинарная оппозиция в репрезентации полиции					
	Ценность			Антиценность		
государственная	21 (13%)			54 (14%)		
общественная	42 (26%)			116 (30%)		
личностная	98 (61%)			216 (56%)		
Итого					626	54%

Приложение 2. Тематика медиатекстов, репрезентирующих деятельность полиции России и США

Таблица 1. Основная тематика российских проправительственных медиатекстов, вербализующих компонент «профессионализм» образа полиции

<i>№</i>	<i>Тематика медиатекстов</i>	<i>Количество медиатекстов</i>	<i>Процентное соотношение</i>
1.	Охрана общественного порядка во время несанкционированных митингов в поддержку А.А. Навального.	48	25%
2.	Привлечение к уголовной и административной ответственности лиц, подстрекающих к участию в несанкционированных митингах.	37	19%
3.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступных посягательств на жизнь и здоровье граждан, включая мошенничество в сфере здравоохранения.	32	16%
4.	Контроль за соблюдением гражданами масочного режима, карантинных мер, режима самоизоляции.	20	10%
5.	Охрана общественного порядка во время несанкционированных митингов против обязательной вакцинации от COVID-19, отмену QR-кодов и ковид-сертификатов.	16	8%
6.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступных посягательств на жизнь и здоровье.	14	8%
7.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступных посягательств на права и свободы граждан.	11	6%
8.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступных посягательств на имущество граждан.	8	4%
9.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений против нравственности.	5	3%
10.	Проведение рейдов по проверке исполнения антиковидных мер в юридических организациях.	3	1%
Итого		194	100%

Таблица 2. Основная тематика российских проправительственных медиатекстов, вербализующих компонент «законность / произвол» образа полиции

<i>№</i>	<i>Тематика</i>	<i>Количество медиатекстов</i>	<i>Процентное соотношение</i>
1.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступных посягательств на жизнь и здоровье, включая мошенничество в сфере здравоохранения.	25	23%
2.	Контроль за соблюдением гражданами масочного режима, карантинных мер, режима самоизоляции.	19	18%
3.	Охрана общественного порядка во время несанкционированных митингов против обязательной вакцинации от COVID-19, отмену QR-кодов и ковид-сертификатов.	17	16%
4.	Охрана общественного порядка во время несанкционированных митингов в поддержку А.А. Навального.	16	15%
5.	Предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений.	12	11%
6.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступных посягательств на имущество граждан.	8	7%
7.	Обеспечение безопасности дорожного движения.	6	5%
8.	Поправки к действующему законодательству и принятие новых законов о расширении прав и полномочий сотрудников полиции.	3	3%
9.	Превышение должностных полномочий сотрудниками полиции.	2	2%
<i>Итого</i>		<i>108</i>	<i>100%</i>

Таблица 3. Основная тематика российских проправительственных медиатекстов, вербализующих компонент «жестокость / гуманность» образа полиции

<i>№</i>	<i>Тематика</i>	<i>Количество медиатекстов</i>	<i>Процентное соотношение</i>
1.	Охрана общественного порядка во время несанкционированных митингов в поддержку А.А. Навального и привлечение к административной ответственности лиц, участвующих в организации и проведении митингов.	33	24%
2.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступных посягательств на жизнь и здоровье, включая преступления и правонарушения в сфере здравоохранения.	28	21%
3.	Охрана общественного порядка во время несанкционированных митингов против обязательной вакцинации от COVID-19, отмену QR-кодов и ковид-сертификатов.	22	16%
4.	Контроль за соблюдением гражданами масочного режима, карантинных мер, режима самоизоляции.	16	12%
5.	Предупреждение и пресечение иных преступлений и административных правонарушений.	13	9%
6.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступных посягательств на имущество граждан.	8	6%
7.	Обеспечение безопасности дорожного движения	8	6%
8.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование незаконной деятельности в сфере незаконного оборота наркотиков.	5	4%
9.	Превышение должностных полномочий сотрудниками правоохранительных органов.	3	2%
Итого		136	100%

Таблица 4. Основная тематика российских оппозиционных медиатекстов, вербализующих компонент «профессионализм / непрофессионализм» образа полиции

<i>№</i>	<i>Тематика</i>	<i>Количество медиатекстов</i>	<i>Процентное соотношение</i>
1.	Охрана общественного порядка во время несанкционированных митингов в поддержку А.А. Навального.	48	22%
2.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений против жизни и здоровья, включая мошенничество в сфере здравоохранения.	39	18%
3.	Превышение должностных полномочий сотрудниками правоохранительных органов.	24	11%
4.	Охрана общественного порядка во время несанкционированных митингов против обязательной вакцинации от COVID-19, отмену QR-кодов и ковид-сертификатов.	22	10%
5.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений против свободы, чести и достоинства личности.	19	9%
6.	Привлечение к уголовной и административной ответственности, условия содержания под стражей.	18	8%
7.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина.	12	6%
8.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений против собственности.	10	5%
9.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений против семьи и несовершеннолетних.	9	4%
10.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование экологических преступлений.	7	3%
11.	Обеспечение безопасности дорожного движения.	5	2%
12.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений против нравственности.	4	2%
Итого		217	100%

Таблица 5. Основная тематика российских оппозиционных медиатекстов, вербализующих компонент «законность / произвол» образа полиции

<i>№</i>	<i>Тематика</i>	<i>Количество медиатекстов</i>	<i>Процентное соотношение</i>
1.	Охрана общественного порядка во время несанкционированных митингов в поддержку А.А. Навального.	39	21%
2.	Превышение должностных полномочий сотрудниками правоохранительных органов.	31	17%
3.	Предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений	27	15%
4.	Охрана общественного порядка во время несанкционированных митингов против обязательной вакцинации от COVID-19, отмену QR-кодов и ковид-сертификатов.	25	14%
5.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступных посягательств на жизнь и здоровье граждан.	19	10%
6.	Охрана общественного порядка во время несанкционированных митингов национал-большевистской партии.	12	7%
7.	Обеспечение общественного порядка во время проведения выборов в Государственную думу и пресечение незаконной предвыборной агитации	9	5%
8.	Охрана общественного порядка во время проведения митингов против внесения поправок к Конституции РФ	7	4%
9.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступных посягательств на имущество граждан.	7	4%
10.	Поправки в действующем законодательстве и принятие новых законов о расширении прав и полномочий сотрудников полиции	4	2%
11.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений, связанных с жестоким обращением с животными	2	1%
Итого		182	100%

Таблица 6. Основная тематика российских оппозиционных медиатекстов, вербализующих компонент «жестокость / гуманность» образа полиции

<i>№</i>	<i>Тематика</i>	<i>Количество медиатекстов</i>	<i>Процентное соотношение</i>
1.	Охрана общественного порядка во время несанкционированных митингов в поддержку А.А. Навального.	122	34%
2.	Охрана общественного порядка во время несанкционированных митингов против обязательной вакцинации от COVID-19, отмену QR-кодов и ковид-сертификатов.	66	19%
3.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений и административных правонарушений	55	15%
4.	Контроль за соблюдением гражданами масочного режима, карантинных мер, режима самоизоляции.	36	10%
5.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступных посягательств на жизнь и здоровье граждан.	24	7%
6.	Обеспечение безопасности дорожного движения	18	5%
7.	Обеспечение общественного порядка во время проведения выборов в Государственную думу и пресечение незаконной предвыборной агитации.	10	3%
8.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений в сфере экстремизма и терроризма.	7	2%
9.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступных посягательств на имущество граждан.	6	2%
10.	Условия содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых.	6	2%
11.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.	3	1%
Итого		353	100%

Таблица 7. Основная тематика американских проправительственных медиатекстов, вербализующих компонент «профессионализм / непрофессионализм» образа полиции

<i>№</i>	<i>Тематика</i>	<i>Количество медиатекстов</i>	<i>Процентное соотношение</i>
1.	Охрана общественного порядка во время захвата здания Капитолия.	41	25%
2.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений в сфере киберпреступности.	24	14%
3.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступных посягательств на жизнь и здоровье граждан.	20	12%
4.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений с применением огнестрельного оружия.	18	11%
5.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений на почве национальной и расовой неприязни.	17	10%
6.	Законопроекты по реформированию полиции.	12	7%
7.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование незаконной деятельности в сфере незаконного оборота огнестрельного оружия.	9	5%
8.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование незаконной деятельности в сфере незаконного оборота наркотиков.	8	5%
9.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступных посягательств на имущество граждан.	5	3%
10.	Борьба с терроризмом и экстремизмом.	5	3%
11.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений в сфере незаконной миграции.	5	3%
12.	Полицейские отчеты.	3	2%
Итого		167	100%

Таблица 8. Основная тематика американских проправительственных медиатекстов, вербализующих компонент «законность / произвол» образа полиции

<i>№</i>	<i>Тематика</i>	<i>Количество медиатекстов</i>	<i>Процентное соотношение</i>
1.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений на почве национальной и расовой неприязни, включая вопросы по взаимодействию с активистами движения Black Lives Matter.	22	19%
2.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступных посягательств на жизнь и здоровье граждан.	17	15%
3.	Обеспечение охраны общественного порядка во время захвата здания Капитолия.	16	14%
4.	Превышение должностных полномочий сотрудниками полиции и реформирование правоохранительной структуры.	14	12%
5.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование киберпреступлений.	12	11%
6.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений в сфере незаконного оборота огнестрельного оружия.	10	9%
7.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.	7	6%
8.	Обеспечение безопасности дорожного движения.	6	5%
9.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступных посягательств на имущество граждан.	5	4%
10.	Патрулирование территории.	3	3%
11.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений в семейно-бытовой сфере.	2	2%
Итого			114

Таблица 9. Основная тематика американских проправительственных медиатекстов, вербализующих компонент «жестокость / гуманность» образа полиции

<i>№</i>	<i>Тематика</i>	<i>Количество медиатекстов</i>	<i>Процентное соотношение</i>
1.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений с применением огнестрельного оружия.	52	21%
2.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений на почве национальной и расовой неприязни.	47	19%
3.	Обеспечение общественного правопорядка во время вооруженного восстания сторонников экс-президента Д. Трампа в Конгрессе.	45	18%
4.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.	29	12%
5.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений в сфере незаконного оборота огнестрельного оружия.	24	10%
6.	Превышение должностных полномочий офицерами полиции и реформирование правоохранительной системы.	19	8%
7.	Борьба против экстремизма и терроризма.	13	5%
8.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений в сфере похищения и торговли людьми.	10	4%
9.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений, совершаемых несовершеннолетними.	6	2%
10.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности.	4	1%
Итого		249	100%

Таблица 10. Основная тематика американских оппозиционных медиатекстов, вербализующих компонент «профессионализм / непрофессионализм» образа полиции

<i>№</i>	<i>Тематика</i>	<i>Количество медиатекстов</i>	<i>Процентное соотношение</i>
1.	Обеспечение общественного правопорядка во время вооруженного восстания сторонников экс-президента Д. Трампа в Конгрессе.	31	22%
2.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений на почве национальной и расовой неприязни	27	19%
3.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений с применением огнестрельного оружия.	23	16%
4.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений в сфере компьютерной информации.	14	10%
5.	Превышение должностных полномочий сотрудниками полиции и реформирование правоохранительной структуры.	11	8%
6.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.	9	6%
7.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений в сфере незаконного оборота огнестрельного оружия.	8	6%
8.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений, совершаемых несовершеннолетними, включая обеспечение охраны учебных заведений.	6	4%
9.	Обеспечение безопасности дорожного движения.	5	3%
10.	Борьба против экстремизма и терроризма.	3	2%
11.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений в сфере похищения и торговли людьми.	3	2%
12.	Полицейские сводки и отчеты.	2	1%
13.	Борьба с вандализмом.	1	1%
<i>Итого</i>		<i>143</i>	<i>100%</i>

Таблица 11. Основная тематика американских оппозиционных медиатекстов, вербализующих компонент «законность / произвол» образа полиции

<i>№</i>	<i>Тематика</i>	<i>Количество медиатекстов</i>	<i>Процентное соотношение</i>
1.	Обеспечение общественного правопорядка во время вооруженного восстания сторонников экс-президента Д. Трампа в Конгрессе.	37	22%
2.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений на почве национальной и расовой неприязни.	26	15%
3.	Превышение должностных полномочий офицерами полиции и реформирование правоохранительной структуры.	23	13%
4.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений с применением огнестрельного оружия.	18	10%
5.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений в сфере незаконного оборота огнестрельного оружия.	14	8%
6.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.	13	8%
7.	Обеспечение безопасности дорожного движения.	10	6%
8.	Борьба против экстремизма и терроризма.	9	5%
9.	Пресечение, раскрытие и расследование преступлений в семейно-бытовой сфере.	8	5%
10.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений в сфере похищения и торговли людьми.	6	3%
11.	Создание общественных объединений правоохранительной направленности.	5	3%
12.	Привлечение граждан к охране общественного порядка, поиску пропавших без вести лиц	3	2%
Итого		172	100%

Таблица 12. Основная тематика американских оппозиционных медиатекстов, вербализующих компонент «жестокость / гуманность» образа полиции

<i>№</i>	<i>Тематика</i>	<i>Количество медиатекстов</i>	<i>Процентное соотношение</i>
1.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений на почве национальной и расовой неприязни.	67	21%
2.	Превышение должностных полномочий сотрудниками полиции и вопросы реформирования правоохранительной структуры.	56	18%
3.	Обеспечение общественного правопорядка во время вооруженного захвата здания Конгресса.	52	17%
4.	Обеспечение безопасности дорожного движения.	33	11%
5.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений с применением огнестрельного оружия.	29	9%
6.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений в семейно-бытовой сфере	24	8%
7.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений в сфере незаконного оборота огнестрельного оружия.	18	6%
8.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.	13	4%
9.	Профилактика, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений, совершаемых несовершеннолетними.	8	2%
10.	Борьба против экстремизма и терроризма.	6	2%
11.	Предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений в сфере похищения и торговли людьми.	3	1%
12.	Борьба с незаконной миграцией.	2	1%
Итого		311	100%

Приложение 3. Контексты, актуализирующие ценностные компоненты образа полиции России и США

3.1. Контексты, актуализирующие ценностные компоненты образа полиции в проправительственных российских газетах

Чтобы снег не стал красным

Грамотные действия правоохранителей позволили избежать серьезных ЧП

Днем на несанкционированную акцию в Москве собрались, по данным МВД, около 4 тысяч человек. Были попытки перекрыть проезжую часть в районе Пушкинской площади и спровоцировать полицейских и росгвардейцев на силовой разгон толпы. Силовикам удалось вытеснить толпу с Пушкинской площади. После этого участники акции разбились на несколько групп. Одна из них оккупировала лестницу здания Цирка на Цветном бульваре. Оттуда люди стали забрасывать проезжающие автомобили снежками и петардами. Повредили один автозак. Но самое неприятное - пострадал водитель служебного автомобиля спецслужб. Машину сначала забросали снежками, а затем начали пинать ногами. В итоге стекло автомобиля разбилось, а осколок попал водителю в глаз, серьезно его поранив.

По мере движения людей организаторы из всех сил старались поднять градус агрессии в толпе. Весьма агрессивная группа устроила шумиху около следственного изолятора "Матросская Тишина". Там под арестом находится блогер Алексей Навальный, чьи соратники и призывали людей выйти на незаконные акции. Сюда устроители пришли не с пустыми руками. Прямо на проезжую часть улицы, где двигались машины, бросили дымовую шашку. Из-за опасности аварий движение на улице было остановлено. Были и стычки с полицией. Но правоохранителям удалось избежать серьезных инцидентов.

Как подчеркнул первый заместитель председателя Комиссии Общественной палаты РФ по экспертизе общественно значимых законопроектов и иных правовых инициатив Артем Кирьянов, "ответные действия правоохранительных органов на провокации носили достаточно мягкий характер". Полиция и Росгвардия справились с основной задачей - не допустить перерастания единичных провокаций в массовые столкновения. По его словам, есть некоторое количество пострадавших с обеих сторон. Но это все-таки не критично для такой ситуации.

Вот данные полиции. Задержаны около 600 человек, большинство из них уже отпущены. Среди задержанных - около 70 несовершеннолетних. Уполномоченный по правам ребенка в Москве Ольга Ярославская сообщила, что всех подростков отпустили из отделений полиции после приезда их родителей. Никто из задержанных детей не нуждался в медицинской помощи.

За медицинской помощью обратились 12 человек из участников акции. По состоянию на воскресенье, в медучреждениях столицы не было ни одного человека по итогам субботних незаконных акций. При этом стоит сравнить цифры - травмы различной степени тяжести получили 42 сотрудника правоохранительных органов.

Омоновцам брызгали в глаза перцовый газ, наносили удары. В Большом Афанасьевском переулке одного полицейского умышленно сбили машиной. Позднее выяснилось, что в машине были участница скандальной панк-группы Pussy Riot Мария Алехина и Люся Штейн. Их задержали и завели в отношении девушек административное дело.

Нескольких полицейских облили белой краской. У одного сотрудника отняли шлем и начали играть им в футбол. Первые дела возбудили уже в субботу во Владивостоке. В местном главке СК рассказали, что один из подозреваемых, находясь на проезжей части автодороги, схватил рукой за шею и попытался повалить на землю командира второго взвода 4-й роты ОМОН. Участник незаконной акции нанес росгвардейцу несколько ударов, в том числе по голове. Он уже задержан. Сейчас решается вопрос об избрании в отношении задержанного меры пресечения.

Второй случай, по данным СК России, произошел возле дома 48 по той же улице во Владивостоке. Там неизвестный мужчина в маске нанес несколько ударов - по телу и по голове - заместителю командира полка патрульно-постовой службы УМВД России по Владивостоку. Также он несколько раз ударил, и тоже по голове, старшего инспектора отделения организации службы полка.

Все эксперты отмечают выдержку российских правоохранителей. Сначала они и вовсе никак не реагировали на собравшихся, лишь в громкоговоритель уговаривая людей разойтись. Стоявшие в оцеплении росгвардейцы и полицейские терпеливо и спокойно общались с подходившими к ним людьми. И, если было возможно, пропускали родителей с детьми, пожилых людей. Так, официальный представитель Росгвардии Валерий Грибакин рассказал, что к омоновцам за помощью обратился мужчина. У него в толпе потерялась 9-летняя дочь - он через Пушкинскую площадь вел ребенка в художественную школу. Спецназовцы нашли перепуганную девочку спустя сорок минут и вернули отцу.

Женщины-полицейские раздавали участникам несогласованных акций маски.

Уже возбуждено несколько уголовных дел по статье 318 УК РФ "Применение насилия в отношении представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей". Фигурантам по этому составу грозит до 5 лет лишения свободы.

Кстати, официальный представитель МВД России Ирина Волк заранее предупреждала всех, что каждый факт провокационных действий в отношении сотрудников правоохранительных органов, охраняющих общественный порядок, либо неподчинения их законным требованиям будет отдельно расследован.

Кроме того, Следственный комитет РФ возбудил и расследует уголовное дело о вовлечении молодежи в незаконные акции. "По результатам проверки размещенных в СМИ многочисленных обращений различных объединений родителей российских школьников Главным следственным управлением СК России возбуждено уголовное дело по пп. "а, в" ч. 2 ст. 151.2 УК РФ (вовлечение несовершеннолетних в совершение противоправных действий, заведомо представляющих опасность для жизни несовершеннолетних, посредством информационно-телекоммуникационных сетей)", - сообщила официальный представитель СКР Светлана Петренко.

Российская газета 24.01.2021. Автор Полтавцева А.

Действия полиции позволили избежать серьезных ЧП на незаконных акциях

Малочисленность воскресных акций и грамотные действия правоохранителей позволили избежать серьезных ЧП

Воскресные события, очевидно, не оправдали ожиданий организаторов незаконных акций. Несмотря на массированный вброс в соцсети призывов и обещаний устроить масштабное публичное действо, особого отклика у граждан они не получили. Даже в многомиллионной Москве, по данным столичной полиции, на улицы вышло около двух тысяч человек.

Практически во всех регионах полицейских, росгвардейцев и журналистов оказалось чуть ли не больше тех, кто вышел на незаконные акции. В некоторых регионах не вышел вообще никто. Как сообщают наши собственные корреспонденты, в Пензе полиции было больше, чем вышедших. В Перми собралось около 200 человек.

Полицейских и журналистов оказалось чуть ли не больше тех, кто вышел на незаконные акции

В Ставрополе на несанкционированную акцию пришли несколько десятков человек. Мероприятие продолжалось примерно десять минут.

В Чеченской Республике, в Кабардино-Балкарии и Республике Северная Осетия-Алания никаких массовых несанкционированных акций не зафиксировано.

В Краснодаре небольшая группа людей собралась возле Александровской триумфальной арки на центральной улице Красной. Отсюда они прошли до администрации Краснодарского края, находящейся примерно в двух километрах от этого места. За участниками незаконной акции со стороны наблюдали сотрудники силовых структур, которые не вмешивались в происходящее.

Акцию в Оренбурге даже с натяжкой трудно назвать массовой. Сами активисты называют цифру в 300 человек, правда, в эту цифру вошли и представители СМИ, освещавшие происходящее. "Людей, несмотря на недельную медийную накачку, пришло гораздо меньше. Не пришел даже координатор штаба Навального, - констатировал в Facebook вице-губернатор Оренбургской области Игорь Сухарев. - Протест явным образом сдулся и качественно изменился состав участников. 23 января было много любопытствующих. Теперь собрались разномастные политики, профессиональные оппозиционеры, которые, видимо, рассчитывают в сентябре на голоса протестующих. Каждый говорил о своем, общей идеи у них не было".

В Ижевске в несанкционированной акции на Центральной площади города, приняли участие около 200-250 человек. Акция началась в 12.00 по местному времени. Примерно через полчаса полиция начала задержания, но брали исключительно провокаторов.

- Опасения по заезжому "десанту" провокаторов подтвердились. Уже задержана группа, прибывшая из соседнего региона. Ее цель была в дестабилизации обстановки в Ижевске, - рассказали в пресс-службе главы и правительства Удмуртии. А через час после начала участники незаконной акции начали расходиться.

В Астрахани, по данным пресс-службы губернатора, на площадь пришли около 100 человек, треть из которых были журналистами и блогерами. У входа на площадь установили палатку, в которой работали сотрудники по делам несовершеннолетних. Детей, которые пришли на несогласованную акцию, приглашали в палатку, где угощали горячим чаем. Затем звонили родителям и вызывали их.

В Волгограде вышли на площадь Ленина несколько десятков человек. Несогласованная акция вызвала совсем небольшой интерес у горожан.

В Мордовии все прошло тихо. Народу вышло втрое меньше, чем неделю назад. В Тамбове участники незаконной акции собрались у Гостиного Двора, их было несколько десятков человек. В ГУ МВД по Воронежской области рассказали о том, что незаконная акция малочисленная. В Брянске, Иванове и Белгороде незаконные акции прошли с минимальным количеством людей, без каких-либо инцидентов.

На Урале несогласованные акции прошли спокойно, задержанных мало. В Екатеринбурге организаторы несанкционированной акции планировали пройти от Дворца молодежи по проспекту Ленина до площади Труда. Но действия полиции скорректировали их план. Узнав, что конечная точка шествия оцеплена, через сообщения в мессенджере организаторы направили движение по иному маршруту: к театру Драмы. К 15 часам местного времени полиция задержала 32 правонарушителя.

В Тюмени на площади перед зданием Дома Советов собралась немногочисленная группа и несогласованная акция длилась около двух часов. В Кургане около почтамта собрались, по сведениям местного управления МВД, 32 человека. Они простояли там немногим более часа. В Сургуте на площади Советов приблизительно 40 минут около 50-60 горожан "водили хороводы". В Якутске вышли 25 человек. Не оправдали провокационных ожиданий организаторов акции и правоохранители. Картинки, которые поступали в Сеть из разных городов страны, показывают: полицейские и росгвардейцы действовали более чем корректно и на провокации разгоряченных активистов реагировали сдержанно. Хотя попытки вызвать их на

В Иркутске ищут авторов фейка об избиении пожилой участницы акции. Информация о "пострадавшей от побоев полицейских" пожилой участнице протестного митинга оказалась ложной. Как утверждают в региональном управлении МВД, все было совсем не так. "Пострадавшая" вела себя агрессивно: громко ругалась и выкрикивала оскорбления, размахивала руками, однако полицейские не реагировали на ее провокации, - уточнили в пресс-службе регионального управления МВД. Тогда женщина демонстративно легла на землю - этот момент зафиксировала видеокамера. На кадрах съемки отчетливо видно, что никакого физического воздействия к ней не применялось". Решив, что женщине стало плохо, полицейские вызвали бригаду медиков. Врачи осмотрели женщину в машине "скорой помощи", откуда час спустя ее забрал сын.

В московском метро на станции "Сухаревская" девушка упала на рельсы. Машинист успел затормозить, поднять девушку помогли сотрудники Росгвардии. Они донесли пострадавшую до

"скорой помощи". Еще одна девушка упала в обморок на выходе из станции метро "Красные Ворота". К ней тут же подбежали дежурившие поблизости росгвардейцы. Они же и оказали ей первую помощь

Спустя час сотрудники Росгвардии на площади трех вокзалов в Москве помогли мужчине в инвалидной коляске спуститься по лестнице. Их коллеги, другие сотрудники Росгвардии пришли на помощь девушке, у которой лопнуло колесо автомобиля в центре столицы. В Санкт-Петербурге полицейский вывел из толпы беременную девушку, которой угрожала опасность. Человек в форме проводил даму до безопасного места.

Российская газета 31.01.2021. Авторы Аносов В., Валагин А., Доценко И., Козлова Н., Коротченко Н., Меньшиков А., Мерзляков Р., Сухарев М., Тюменева Т., Шамаева Я., Штерман И.

В Ивановской области завели дело о покупке COVID-сертификатов

Ивановская полиция возбудила уголовное дело о подделке документов. Поводом стали липовые сертификаты о вакцинации от COVID-19, обнаруженные в ходе проверки торговой точки в Кохме. Во время рейда работники магазина предъявили правоохранителям три справки о наличии у них антител к коронавирусу. Подлинность документов вызвала у полицейских сомнение, проверка установила, что медики справок этим гражданам не выдавали.

- По имеющейся информации, поддельными документами сотрудников снабдил администратор торговой точки. Он рассказал, что купил справки у неизвестного гражданина, - сообщили в МВД. Уголовное дело возбуждено по части 5 статьи 327 УК РФ (использование заведомо подложного документа).

Российская газета 09.09.2021. Автор Валагин А.

Колокольцев наградил четверых московских полицейских

Министр внутренних дел России Владимир Колокольцев подписал приказ о награждении патрульных Южного административного округа Москвы. Четверо столичных полицейских с риском для жизни задержали опасных вооруженных бандитов.

Официальный представитель МВД России Ирина Волк сообщила, что награждены будут сотрудники патрульно-постовой службы Отдела МВД России по району Орехово-Борисово Южное города Москвы старший сержант полиции Михаил Калашников, сержант полиции Роман Гагин, старший лейтенант полиции Алексей Сычевский и сержант полиции Александр Чечеткин за отвагу и самоотверженность, проявленные при выполнении служебных обязанностей.

Вечером 24 мая в дежурную часть отдела поступило сообщение о стрельбе возле дома 65Б по Каширскому шоссе. На место происшествия были направлены два наряда патрульно-постовой службы полиции. Полицейские прибыли к жилому комплексу в течение нескольких минут. Они выяснили, что стрелявшие находятся в паркинге внутри здания. Полицейские быстро сориентировались, рассредоточились на местности и приняли меры к задержанию правонарушителей.

Осматривая территорию парковки, заполненную автомашинами, Михаил Калашников заметил неизвестного, который вбежал в лифтовой холл и закрыл за собой дверь. Полицейский бросился за ним и увидел, что в лифте находятся пятеро человек в медицинских масках. Сотрудник патрульно-постовой службы не дал закрыть двери кабины лифта. Он не стал применять табельное оружие, так как в замкнутом пространстве могли пострадать посторонние граждане. Один из мужчин оттолкнул его и попытался скрыться. Михаил Калашников с подоспевшим Романом Гагиным догнали и обезвредили убежавшего. Позже полицейские задержали еще двоих подозреваемых. Остальных взяли сотрудники Госавтоинспекции на Большой Сухаревской площади в ходе отработки ориентировки.

Следует отметить, что Михаил Калашников - опытный и грамотный сотрудник патрульно-постовой службы, профессиональный стаж которого - 28 лет. Его напарник Роман Гагин четыре года назад был назначен на должность полицейского-водителя, и он берет пример со своего старшего

коллеги. На вопрос: "Не страшно было?" - уверенно ответил: "Не страшно. Я знал, что это злоумышленники, и их надо задержать. Такая наша работа".

"За отвагу и самоотверженность старший сержант полиции Михаил Калашников и сержант полиции Роман Гагин награждены медалями МВД России "За доблесть в службе". Старший лейтенант полиции Алексей Сычевский и сержант полиции Александр Чечеткин - Почетными грамотами Министерства внутренних дел Российской Федерации", - сообщила Ирина Волк.

Российская газета 29.05.2020. Автор Фалалеев М.

Глава МВД наградил таймырских полицейских за спасение туристов

Министр внутренних дел Российской Федерации Владимир Колокольцев подписал приказ о награждении сотрудников транспортной полиции, которые спасли группу туристов в Туруханском районе Красноярского края. Об этом сообщил портал МВД-медиа со ссылкой на официального представителя МВД Ирину Волк.

По данным ведомства, 10 туристов отправились на водную экскурсию на плато Путорана, но в пути у них сломался лодочный мотор. Люди двое суток провели в безлюдной местности без связи, палаток, с минимальным запасом продуктов. По счастливому стечению обстоятельств в это время сотрудники Таймырского ЛО МВД России на служебном катере патрулировали акваторию Енисея в том районе.

- Когда мы увидели полицейский катер, мы решили, что происходит чудо, - приводят в сообщении слова участницы путешествия Василисы Орестовой. - Мы восхищены сотрудниками полиции. Перед ними стояли совсем другие задачи, но увидев, что мы в опасности, они решили спасти нас. При этом полицейские вели себя решительно, профессионально и деликатно.

Полицейские забрали группу с берега на патрульное судно - к этому времени на Енисее началось сильное волнение, и лодку, на которой переправляли туристов, стало захлестывать водой. Едва люди перебрались в катер, лодка затонула. По словам потерпевших, все произошло как в фильме за считанные секунды. Несмотря на ночь, шторм, предельную загрузку катера, сотрудники полиции благополучно доставили группу в Игарку и разместили в общежитии. Медицинская помощь не понадобилась никому из экскурсантов.

За грамотные и решительные действия в экстремальной обстановке, мужество и отвагу майор полиции Инна Думлер, капитан полиции Антон Шваб, прапорщик полиции Владимир Корякин и старший сержант внутренней службы Роман Верховецкий удостоены медалей МВД России "За смелость во имя спасения".

Российская газета 26.08.2021. Автор Дементьева Е.

В Новосибирске возбудили 17 дел о подделке сертификатов и ПЦР-тестов

Новосибирская полиция возбудила 17 уголовных дел по фактам сбыта поддельных сертификатов о прохождении вакцинации против коронавируса, а также подложных результатов ПЦР-тестирования. Всего же, как передает РИА Новости, зафиксировано 89 сообщений о незаконной торговле такого рода документами.

В течение прошлой недели сотрудники полиции проводили рейды, направленные на пресечение нарушений в сфере санитарно-эпидемического благополучия населения. По результатам этой работы составлено 318 административных протоколов.

На прошедших выходных полицейские совместно со специалистами Роспотребнадзора и регионального Минпромторга проводили проверки на территории нескольких торговых центров Новосибирска. Только здесь за два дня было оформлено 67 протоколов об административных правонарушениях.

Напомним, с 12 октября власти региона ввели обязательную вакцинацию от COVID-19 для работников сферы услуг, транспорта и ЖКХ. С 8 ноября начнет действовать система QR-кодов для посещения массовых мероприятий с присутствием более 500 человек.

Российская газета 25.10.2021. Автор Н. Зайков

Песков назвал оправданными действия полиции в отношении участников несанкционированных акций

На фоне агрессивного поведения хулиганов и провокаторов действия сотрудников правоохранительных органов в отношении участников несанкционированных акций оправданы. Об этом заявил пресс-секретарь президента Дмитрий Песков, отвечая на вопросы журналистов.

"Действия сотрудников абсолютно были и продолжают оставаться оправданными на фоне незаконных акций, которые были устроены и на фоне того агрессивного поведения провокаторов и хулиганов, которые имели место", - сказал Песков.

Отвечая на вопрос про действия полиции в отношении мирных участников несанкционированных акций, которые не были агрессивными, пресс-секретарь президента сказал, что у них есть право задействовать весь доступный им юридический инструментарий для обжалования действий представителей органов правопорядка.

Российская газета 02.02.2021. Автор Латухина К.

МВД: Полиция законно применяла спецсредства и самбо на акциях в Москве

Спецсредства и физическую силу столичные полицейские применяли в ходе незаконных акций, прошедших в конце января-начале февраля в Москве, обоснованно. Такое заявление, выступая в среду с докладом в Мосгордуме, сделал начальник ГУ МВД России по Москве Олег Баранов. По его словам, 23 и 31 января, а также 2 февраля в ходе несогласованных акций московская полиция "действовала в соответствии с действующим законодательством о полиции".

"Сотрудниками полиции применялись физическая сила, приемы самбо, а также специальные средства, которые разрешено использовать в случае необходимости пресечения как правонарушений, так и преступлений", - заявил главный полицейский Москвы, уточнив, что стражи правопорядка применяли указанные меры к правонарушителям и лицам, совершавшим преступления на несанкционированных акциях. "С моей точки зрения и проведенными проверками нарушений законодательства в действиях московских полицейских в эти дни допущено не было", - резюмировал Баранов.

Только в Москве по итогам незаконных акций было заведено несколько тысяч административных дел. 1,2 тысячи человек были отправлены под административный арест, около 2,5 тысячи - оштрафованы. Параллельно были возбуждены и сейчас расследуются уголовные дела о нарушении санитарных правил в период коронавирусных ограничений и о нападениях на сотрудников полиции и Росгвардии.

Стоит напомнить, что МВД и прокуратура неоднократно предостерегали всех от участия в несогласованных мероприятиях, предупреждая об ответственности вплоть до уголовной.

Российская газета 10.03.2021. Автор Петров И.

В Петербурге на полицейских завели дело за жесткое задержание школьницы

Следственный комитет Санкт-Петербурга возбудил уголовное дело о превышении должностных полномочий в связи с задержанием 14-летней девочки в Калининском районе.

Как сообщили в СК по Северной столице, действиям сотрудников полиции будет дана юридическая оценка. Сейчас устанавливаются все обстоятельства случившегося. Ход расследования поставлен на контроль прокуратурой Петербурга. Как сообщили "РГ" в ведомстве, по предварительным данным, полицейские без оснований применили силу к школьнице, посадили ее в машину и увезли в отдел. При этом законного представителя школьницы - например, родителей - рядом не было.

Российская газета 19.11.2021. Автор Черенева В.

Суд может "закрыть" задержанных за избиение мужчины в метро на десятилетие

Расследование резонансного уголовного дела, когда 4 октября трое отморозков в возрасте от 21 до 26 лет зверски избили пассажира в московском метро, получило продолжение. Председатель СК России Александр Бастрыкин поручил ужесточить статью, инкриминируемую нападавшим, с

хулиганства на покушение на убийство - часть 3 статьи 30, часть 2 статьи 105 УК РФ. Об этом сообщила официальный представитель Следственного комитета РФ Светлана Петренко. Собеседники корреспондента "РГ" в правоохранительных органах предполагают, что, учитывая все обстоятельства этой истории, суд может "закрыть" задержанных на десятилетие. Это как минимум.

Напомним, в одном из вагонов метро на линии "Арбатско-Покровская" Магамаали Ханмагомедов, Ибрагим Мусалаев и Гасан Залибеков жестоко избили 25-летнего Романа Ковалева. Поводом послужило то, что этот молодой человек заступился за девушку, которая осмелилась сделать замечание троице пьяным мужикам, громко ругавшимся матом, пристававшим к другим пассажирам и требовавшим уступить им место. Они стали оскорблять девушку, а затем переключились на парня.

Били Романа действительно зверски. На кадрах камер видеонаблюдения запечатлено, как его борцовским приемом валят на пол вагона и профессионально наносят удары ногами в лицо и голову. Бьют со всей силы, пол вокруг забрызган кровью. Любой из таких ударов мог бы оказаться смертельным, попади он в висок или, скажем, в основание черепа. А на видео хорошо видно, что негодяи метили именно в эти, самые уязвимые, места. Можно считать, что Роман лишь чудом остался жив. В вагоне в основном были женщины, которым тоже угрожали расправой, если те вмешаются.

Видимо, это "кино" настолько впечатлило Александра Бастрыкина, что он и потребовал изменить уголовную статью. Впрочем, есть и другие отягчающие обстоятельства. Сбежав из вагона на станции "Первомайская", они оказали вооруженное сопротивление сотрудникам полиции - один из них бросился на патрульного с ножом, другой пытался применить перцовый баллончик. Это еще одна статья УК РФ - 318 (применение насилия в отношении представителя власти), о чем тоже напомнили в Следственном комитете. Впрочем, задержали их через десять минут - в метро такой компании скрыться практически невозможно, видеокамеры просматривают каждый сантиметр, ловят даже квалифицированных карманников.

Есть любопытное видео момента задержания этих "героев". Когда полицейские уложили их физиономиями на пол, какой-то добрый прохожий стал за них заступаться, громогласно осуждая "полицейский беспредел". Но ему все быстро разъяснила женщина, выскочившая из этого же вагона, где происходила драка. Роману сломали нос и кости лица. И только чудом не убили.

А в отделении полиции уже выяснилось, что двое из них ранее судимы - за кражу и умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью. То есть опыт избивания людей у них имеется. Не исключено, что суд может посчитать их действие рецидивом. Вот так и набегает весьма приличный срок лишения свободы. Пока же Черемушкинский районный суд Москвы заключил всех троих задержанных под арест как минимум до 5 декабря.

Кстати, интернет буквально взорвался постами в поддержку Романа. Его называют настоящим мужчиной, а избивших его негодяев - трусами и подонками. Многие переводят пострадавшему деньги на лечение на его банковскую карту. А председатель СКР Александр Бастрыкин вчера поручил своим подчиненным наградить молодого человека за проявленные неравнодушие и храбрость ведомственной медалью "Доблесть и отвага".

Российская газета 07.10.2021. Автор Фалалеев М.

Участников жестокой драки в московском метро отправили в карцер СИЗО

Фигуранты дела о жестоком избивании мужчины в московском метро отправлены в карцер СИЗО №7. Как объяснил РИА Новости член ОНК столицы Константин Ким, это стандартная процедура для всех вновь прибывших арестантов, они содержатся в карцере на время карантина. Все трое участников избивания - Гасан Залибеков, Магамаали Ханмагомедов и Ибрагим Мусалаев - рассказали общественникам, что ранее имели проблемы с законом. Также они заявили о раскаянии в содеянном. Жалоб на условия содержания под стражей ни у кого из них нет. Ранее сообщалось, что уголовное дело против участников драки передано из полиции в СК. Действия арестованных следствие трактовало как покушение на убийство. Пострадавший Роман Ковалев все еще находится под наблюдением врачей в связи с множеством травм.

СК ходатайствовал о награждении Романа Ковалева и еще одной пассажирки поезда. Она немедленно сообщила о конфликте машинисту и быстро обратилась к дежурным полицейским. Благодаря ей подозреваемые были немедленно задержаны.

Российская газета 08.10.2021. Автор Бабкин С.

В Госдуме сравнили действия полиции в РФ и на Западе.

Герой России, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по обороне Андрей Красов в разговоре с "Газетой.Ru" прокомментировал действия правоохранительных органов на несогласованных акциях протеста, прошедших в России 31 января. "Наши сотрудники полиции действуют спокойно и профессионально по отношению к тем гражданам, которые находятся на несогласованных акциях протеста", — подчеркнул депутат. Он добавил, что хотел бы обратить внимание на действия полиции западных стран. "Проходили такие же акции в США, Европе (в частности, в Германии и Нидерландах). Наверное, полицейские западных стран обладают некими "демократическими" дубинками, которыми они могут направо и налево размахивать, круша столь же демократические европейские черепа. Наверное, все видели кадр из Нидерландов, как женщину расстреливали из водометов — прижали струей к стене здания и превратили лицо в месиво. Применение воды зимой напоминает действия нацистских преступников в концентрационных лагерях. Такие же действия — непродуманные и необдуманные — мы можем вспомнить и в Америке, когда ветеран ВВС США была застрелена из боевого оружия. Разгоны демонстраций резиновыми пулями тоже делаются очень "демократично", — добавил парламентарий. Он отметил также, что российские сотрудники полиции действуют очень уважительно и профессионально, и не поддаются на провокации. "Вспомним 23 января — срывали бронежилеты, шлемы, распыляли в лицо полицейским газ, обливали краской, нападали на машины полиции. Это не просто выражение какого-то волеизъявления по Конституции — это обычное преступление. Которое должно быть расследовано тщательно и все виновные лица должны понести законное наказание. Там, где заканчивается право граждан на митинги и собрания — там начинается право других граждан на безопасности и на отдых", — подытожил парламентарий.

Газета.Ru 31.01.2021

Задержания продолжаются: полиция ищет провокационные фото на фоне храмов

В Петербурге задержали двух несовершеннолетних за непристойные фото на фоне храма

Спаса на Крови

В Санкт-Петербурге завели очередное уголовное дело об оскорблении чувств верующих. В ходе мониторинга правоохранители нашли в сети фотографию, на которой двое молодых людей стоят на фоне храма Спаса на Крови в непристойном виде. Молодых людей уже задержали: одному петербуржцу 17 лет, другому — 15. «Газета.Ru» вспомнила череду похожих уголовных дел.

В Санкт-Петербурге правоохранители задержали двух несовершеннолетних подростков. Они подозреваются в фотографировании на фоне храма Спаса на Крови в непристойном виде. Из-за этой фотосессии возбуждено уголовное дело по статье об оскорблении чувств верующих.

«Полицейские установили личности участников фотосессии: это петербуржцы в возрасте 15 и 17 лет. Оба доставлены в отдел полиции», — сказал ТАСС источник в правоохранительных органах. По его словам, следственные органы уже начали делопроизводство по ст. 148 УК РФ («Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий»). Как рассказали в ГУ МВД по Санкт-Петербургу и Ленобласти, фотографии «провокационного содержания» были обнаружены в ходе мониторинга. По данным «Фонтанки», они были сделаны в июле этого года.

Молодые блогеры опубликовали в соцсети фото, где они стоят на фоне питерского храма. При этом штаны у подростков спущены так, что у одного видны половые органы, а у второго — ягодицы. В настоящее время фотографии удалены.

«Приговор он воспринял нормально, хотя, наверное, расстроился, все-таки колония общего режима. Он мне сказал, что приговор обжаловать не будем, он считает себя виновным, примет это наказание, понял свою ошибку и просит прощения», — сказала она в комментарии РИА «Новости».

Суд также определил, что Бобиев должен быть выдворен из страны, но, по словам его защитника, пока неизвестно, когда это будет исполнено.

Следом за этим громким делом стало известно о еще одном похожем инциденте. Ирина Волкова сфотографировалась в нижнем белье на фоне Исаакиевского собора, чем заинтересовала правоохранителей. Но Октябрьский районный суд Петербурга не стал назначать ей меру пресечения, как того просило следствие. В объединенной пресс-службе судов города отметили, что девушка признала вину и раскаялась. Как пишет РИА «Новости», откровенные фото и видео Волкова сделала прошлым летом и выложила их в соцсети. Правоохранители завели уголовное дело по той же статье об оскорблении чувств верующих.

18 ноября УМВД по Калужской области сообщило, что правоохранители начали проверку в отношении девушки, которая сфотографировалась полуобнаженной на фоне храма в Калуге. Она демонстрировала свое нижнее белье, стоя лицом к храму. Эта фотография была выложена в открытый доступ.

По мнению председателя Всемирного союза староверов Леонида Севастьянова, такие фотографии не могут оскорбить чувства верующих. Он считает, что такие истории «слишком раздуты». «Оголенность является в том числе частью религиозной культуры, не только в западной традиции, где, к примеру, Сикстинская капелла вся украшена оголенными телами, но и в восточной традиции, где, к примеру, Христос полностью изображается голым как во время крещения, так и в трусах на Кресте», — обратил внимание старовер в беседе с РИА «Новости». Кроме того, заметил собеседник агентства, на иконах может быть изображена голая грудь кормящей Богоматери. Да и «таинство крещения предполагает крестить взрослого человека в храме полностью голым».

Что касается РПЦ, то там считают, что судьи при принятии решений об уголовной ответственности должны обращать внимание на раскаяние подсудимого и желание загладить вину. Такое мнение выразил РИА «Новости» зампредседателя синодального отдела Московского патриархата по взаимоотношениям Церкви с обществом и СМИ Вахтанг Кипшидзе. «Церковь заинтересована не в том, чтобы человека наказали, но чтобы этих деяний не совершали вообще. И если человек раскаивается, сожалеет о том, что произошло, желает загладить вину, мы всегда призываем к тому, чтобы это было основанием для освобождения от уголовной ответственности», — заверил он.

Кипшидзе уточнил, что под желанием загладить вину он подразумевает добровольные действия, а не взыскания, наложенные судом. В качестве примера он привел волонтерскую помощь организации, которой нанесен ущерб. Вместе с тем представитель РПЦ отметил, что некоторые люди благодаря провокационным фотографиям хотят обрести популярность в сети.

«То есть они хотят получить известность любыми доступными способами и некоторые не останавливаются ни перед чем, рассматривают религиозные символы как средство для роста популярности и увеличения количества подписчиков», — сказал Кипшидзе, обратив внимание, что в России закон о защите чувств верующих «полагает предел подобным намерениям».

Газета.Ru 19.11.2021. Автор Мильченко. А.

Россияне описали типичного полицейского

Более половины — 57% — россиян заявили, что доверяют полицейским своего региона, 35% — нет, следует из данных опроса ВЦИОМ. В целом россияне описали образ типичного полицейского скорее как положительный.

«Выбирая из нескольких пар противоположных по значению характеристик, наши соотечественники видят типичного российского полицейского как опрятного (81 п. индекса оценки характера представителей полиции), храброго, вежливого, сильного и крепкого (по 68 п.), а также дружелюбного, грамотного, порядочного и работающего (по 66 п.) человека», — говорится в исследовании.

Опрос приурочен ко Дню полиции, который отмечается 10 ноября. Он был проведен 29 октября, в нем приняли участие 1600 совершеннолетних граждан РФ. День сотрудника органов внутренних дел — профессиональный праздник сотрудников МВД РФ, отмечается ежегодно 10 ноября уже почти 60 лет.

Ранее президент России Владимир Путин поздравил сотрудников МВД и пообещал дальнейшую поддержку им и их семьям.

Газета.Ru 10.11.2021. Автор Леженекова А.

Рейды по барам: регионы усиливают меры по COVID-19

Беглов объявил об ужесточении ограничений в Петербурге

Власти Петербурга и Москвы усиливают ограничительные меры по коронавирусу на фоне ухудшения эпидемиологической ситуации. На въезде в Ивановскую область выставлены наряды ДПС, проверяющие у всех водителей и пассажиров справки о вакцинации. В Карелии органы власти переводятся на спецрежим работы.

В Петербурге из-за роста заболеваемости COVID-19 власти ужесточат контроль за соблюдением антикоронавирусных правил, действующих до 12 июля, барами, ресторанами и торговыми центрами, вплоть до принудительной приостановки их работы.

«Сегодня нам необходима «нулевая толерантность» к тем, кто нарушает противоэпидемические нормы и правила. У нас есть все для того, чтобы соответствовать условиям «новой нормальности», — сказал губернатор города Александр Беглов.

По его словам, те, кто отказывается от следования ограничениям, ставят под угрозу здоровье свое и окружающих и репутацию Петербурга. Беглов также добавил, что в городе усилят дезинфекцию общественного транспорта, транспортных узлов и всех общественных мест. С свою очередь, руководитель регионального Роспотребнадзора Наталия Башкетова сообщила, что заведения в городе нарушают правила эпидемической безопасности и ослабляют контроль со стороны персонала за посетителями, собирающимися на массовые просмотры матчей идущего сейчас Чемпионата Европы по футболу.

Сотрудники комитета питерской мэрии по вопросам законности правопорядка и комитета по контролю за имуществом вместе с коллегами из Роспотребнадзора и полицейскими проводят рейды в транспорте и ТЦ на предмет наличия масок у горожан и составляют на них административные протоколы.

«Проверялось наличие у сотрудников и посетителей средств индивидуальной защиты, использования дезинфицирующих средств, соблюдения стандартов санитарной безопасности, наличия QR-кодов», — сообщили в Смольном. Нарушения были найдены в торговых центрах «Июнь» на Индустриальном, «Заневский каскад» на Заневском, «Охта Молл» на Брантовской дороге, «Лондон Молл» на улице Коллонтай и «Европолис» на Полустровском проспекте, пишет «Фонтанка»

Москва на выходных

В Москве также растет число ежедневно фиксируемых случаев COVID-19, для предотвращения распространения инфекции мэр Сергей Собянин объявил выходные с 15 по 19 июня. «За последнюю неделю ситуация с распространением коронавирусной инфекции резко осложнилась. Количество вновь выявленных заболевших ковидом подскочило до пиковых значений прошлого года. Чтобы обеспечить медицинской помощью большой поток пациентов, мы вынуждены вновь перепрофилировать тысячи коек в городских стационарах. И самое тревожное: врачи говорят, что много тяжелых больных», — рассказал градоначальник. Он также посоветовал предприятиям города перевести на удаленную работу как можно больше сотрудников, не прошедших вакцинацию, в целом не менее 30% сотрудников.

Также в мегаполисе до 20 июня приостанавливается работа детских игровых комнат и фуд-кортков в ТЦ, а рестораны, бары, кафе, ночные клубы, караоке, боулинги теперь работают до 11 вечера. «Сотрудники полиции, Роспотребнадзора, департамента и ОАТИ проведут рейды на предмет соблюдения барами, клубами, караоке, ресторанами запрета на работу с 23.00 до 06.00», — рассказал глава департамента торговли и услуг столицы Алексей Немерюк в беседе с ТАСС. В крупных городских парках закрываются аттракционы, детские и спортивные площадки, пункты проката, беседки. Уполномоченный при президенте РФ по защите прав предпринимателей Борис Титов предупредил о сильных потерях общепита в ходе действия ограничений, передает ТАСС.

«Для московского общепита эта новость прозвучала как контрольный выстрел. Неминуемы новые потери и без того не восстановившейся отрасли. Конечно, очень хочется надеяться, что ограничительные меры не будут продлены, но, если это произойдет, властям нужно либо готовить для общепита финансовый спасательный круг, либо изменить отношение к необходимости всеобщей вакцинации», — сказал омбудсмен.

Иваново на замке, Петрозаводск на спецрежиме

В Ивановской области власти ввели ограничения на въезд — всем прибывающим нужно провести в самоизоляции 14 дней либо весь срок пребывания, если он меньше двух недель. На самоизоляцию можно будет не уходить тем, кто прошел полный курс вакцинации или имеет справку об отрицательном тесте на COVID-19, который сделан не ранее, чем за три дня до въезда в регион. Также от ограничений освобождены те, кто может показать справку о наличии антител, выданную не ранее 1 января нынешнего года. «Соблюдение правил пребывания в Ивановской области контролируется сотрудниками полиции, в том числе на постах на въезде в регион. Наряды ДПС выставлены на костромском, ярославском и московском направлении — проходит круглосуточная проверка наличия справок о вакцинации», — пишет сайт Ivanovo News.

В Карелии также усиливают меры в связи с ухудшением ситуации по коронавирусу, об этом написал в Facebook глава республики Артур Парфенчиков. «В последнее время мы отмечаем ухудшение эпидемиологической ситуации в нашей республике и увеличение числа больных коронавирусом среди детей до 17 лет. В первую очередь среди дошкольников. Кроме того, в Карелии выявлены случаи новых штаммов инфекции — южноафриканский и британский и новый северо-западный штамм», — указал глава региона.

В этой связи власти рекомендовали всем работодателям перевести сотрудников на удаленку, к участию в массовых мероприятиях допускать тех, у кого есть справка об отрицательном анализе на коронавирус. Органы власти с 15 июня переводятся на спецрежим работы.

Газета.Ru 13.06.2021. Автор Павлов В.

«Человек без маски может заразить других»: Журова о задержанном тренере.

Журова объяснила задержание тренера Ильина из-за нежелания надеть маску

22 ноября в аэропорту Пулково был задержан заслуженный тренер России по плаванию Александр Ильин, отказавшийся надевать маску в общественном месте. Об инциденте рассказала четырехкратная чемпионка Европы Виталина Симонова, заснявшая момент ареста на телефон. Депутат Госдумы Светлана Журова в беседе с «Газетой.Ru» заявила, что сотрудники правоохранительных органов не могли без причины скрутить человека, и призвала разобраться в ситуации.

Инцидент в аэропорту Санкт-Петербурга, где был задержан заслуженный тренер России по плаванию Александр Ильин, произошел днем 22 ноября. Об этом рассказала четырехкратная чемпионка Европы по плаванию брассом Виталина Симонова в Instagram.

Сотрудники правоохранительных органов арестовали Ильина в аэропорту Пулково за то, что он отказался надеть маску. После этого полицейские скрутили 63-летнего тренера и доставили в отдел полиции.

«В аэропорту Пулково задержали заслуженного тренера России за то, что он отказался надевать маску. Так бы преступников задерживали! Меня тоже хотели заломать. Прошу максимально распространить», — написано в сообщении Симоновой.

63-летний Александр Ильин родился в Ивановской области, окончил Военный институт физкультуры в Ленинграде, получил звание заслуженного тренера России, под его руководством занимались такие пловцы, как Сергей Ахапов, становившийся 21 раз чемпионом мира по плаванию в ластах, и Валентина Артемьева, выигрывавшая мировое первенство пять раз.

Как заявила Виталина Симонова, Ильин попросил на стойке регистрации респиратор, отметив, что маска не является средством защиты органов дыхания, в чем ему было отказано, после чего к тренеру подошли охранники и попросили предъявить паспорт, на что Ильин потребовал подать жалобу на отказавшуюся его регистрировать сотрудницу аэропорта.

Сотрудники охраны попросили тренера пройти в дежурную часть, но тот задал вопрос, почему его задержали. «Началась перепалка. Потом его «заломали» — и вот он уже лежит на полу. Я так поняла, что когда его вели, он жаловался на то, чтобы его не держали, так как идти тяжело — проблема с бедром, нога болит, но они не поверили, и то, что он пытался высвободиться, поняли так, будто он вырывается... Меня тоже за руки хватили, говорили, что я тоже должна за ними пойти. Но я вырвалась, взяла вещи, пошла в дежурную часть и выложила видео», — рассказала Симонова в интервью «Матч ТВ».

Депутат Госдумы Светлана Журова заявила, что тренера не могли задержать просто так. «Я не верю, что если человек не ругается, не оскорбляет, не возмущается и надевает маску, его задерживают. Это действительно вопрос безопасности. Можно сколько угодно говорить про справки, про QR-коды, но маска — это единственное, что обеспечивает безопасность. И если человек не надевает маску, подвергая тем самым опасности других пассажиров, то я бы, например, им возмутилась. У каждого могут быть свои заболевания, медотводы, другие вещи. Но если человек находится без маски, он может заразить других. А потом наступает смерть, если рядом находится человек с серьезными патологиями. Не бывает так, чтобы полицейские просто задержали человека. Здесь надо разбираться», — заявила Журова.

Двукратная олимпийская чемпионка по биатлону и олимпийская чемпионка по лыжным гонкам Анфиса Резцова назвала задержание Александра Ильина «дикостью». «Я не понимаю, зачем его взяли. Я не ношу маску! Для меня это дико. Это неправильно! Я поддерживаю Ильина», — заявила Резцова «Спорт-Экспрессу».

Находившаяся рядом с тренером в момент задержания Виталина Симонова заявила, что Ильина посадили в камеру и составили протокол лишь через семь часов. У нее был изъят мобильный телефон. Симонова также рассказала, что находится в Санкт-Петербурге под подпиской о невыезде. Ей предъявили обвинение по 319-й статье за оскорбления. Спортсменка отметила, что 23 ноября Ильин предстанет перед судом, а ей будет необходимо прийти в Следственный комитет.

29-летняя Симонова — заслуженный мастер спорта России. В июле 2016 года спортсменку дисквалифицировали на четыре года после того, как в ее организме был обнаружен запрещенный Всемирным антидопинговым агентством (WADA) тестостерон. Допинг-проба, давшая положительный результат, была взята у спортсменки 29 июля 2015 года во внесоревновательный период. Препарат Testosterol 250 был продан ей в Греции, в момент покупки рядом с Симоновой находились ее тренеры. Пловчиха не согласилась с решением Международной федерации плавания (FINA) и подала апелляцию в Спортивный арбитражный суд Лозанны (CAS), который сократил срок дисквалификации до двух лет.

Газета.Ru 23.11.2021. Автор Гужевский М.

Изверги в форме довели девочку до истерики и избили

В Петербурге возбудили дело после жесткого задержания ребенка полицейскими

Следственный комитет возбудил дело о превышении должностных полномочий в отношении полицейских, грубо проводших задержание несовершеннолетней. У 14-летней девочки, которой вменяли переход улицы в неположенном месте, диагностированы ушибы. По версии сотрудников полиции, она оказывала активное сопротивление, однако теперь будут рассматривать действия самих правоохранителей.

В отношении полицейских из Санкт-Петербурга, нанесших травмы 14-летней девочке во время задержания, возбуждено уголовное дело о превышении должностных полномочий (ч. 1 ст. 286 УК РФ). Расследование находится на особом контроле ГСУ СК России по Санкт-Петербургу, сообщается в релизе ведомства. Основанием для разбирательства стало распространившееся по сети видео. На нем присутствуют кадры жесткого задержания несовершеннолетней сотрудниками полиции на территории Калининского района Санкт-Петербурга. Доследственная проверка это подтвердила и послужила поводом к возбуждению дела региональным СК.

"В рамках уголовного дела следственным путем будут установлены все обстоятельства произошедшего, а также дана юридическая оценка действиям сотрудников полиции", - сказано в сообщении, опубликованном на сайте СК.

В полиции заявили, что школьница вместе со своей подругой переходила дорогу в неположенном месте. Это произошло 17 ноября в районе Гражданского проспекта примерно в 14.30. Подростки передвигались по дублеру (карману) проспекта, на узкой улице не были установлены светофоры. В дальнейшем их остановили правоохранители и, как рассказала мать пострадавшей, ее дочь довели до истерики и избили. На видео, снятом очевидцами, ребенка насильно пытаются посадить в полицейскую машину и скручивают ей руки. В это время девочка громко кричит и просит не трогать ее. На просьбу прохожих остановиться сотрудники полиции не реагируют и продолжают заталкивать ребенка в автомобиль.

"Они впятером пытались затолкать ее в полицейскую машину и только благодаря равнодушным обычным людям, которые отогнали извергов в форме, всю эту историю удалось стормозить до приезда отца девочки. Они довели девочку до истерики, нанесли ей побои, что ребенок не может пошевелить руками. Это не преувеличение", - рассказала мать пострадавшей.

Как оказалось, полицейские пытались задержать школьницу - с целью доставить ее к инспектору по делам несовершеннолетних, поскольку только он может составлять административный протокол на детей. Однако в силу возраста пострадавшей не могут грозить даже санкции в виде штрафа. В итоге на место происшествия приехал отец девушки. Протокол в итоге был оформлен, однако затем родители отвезли дочь к врачу для снятия побоев. Впоследствии у нее были диагностированы ушибы правого и левого предплечий, несовершеннолетняя находилась в шоковом состоянии. "Мы написали заявление в прокуратуру", - сообщили в семье пострадавшей.

По версии полиции, задержанная была доставлена в отдел за "грубое нарушение ПДД", которое "могло привести к аварии". Она отказалась сообщать правоохранителям свои данные и ехать в отделение, оказав тем самым сопротивление. В полиции девушка все-таки оказалась - там установили, что она является несовершеннолетней, и после профилактической беседы с отцом ее отпустили. Жалоб не поступало, сообщили в ведомстве.

В то же время мать ребенка написала на своей странице в социальной сети "ВКонтакте", что у ее дочери требовали сесть в машину и проехать в отдел двое мужчин в форме, но без каких-либо опознавательных знаков.

"Дочь позвонила мне, и я по громкой связи запретила ей садиться в неизвестную машину с неизвестными людьми, пусть и одетыми в форму. Сама позвонила мужу, и он срочно выехал на место, благо был рядом. Туда же побежала мама одноклассницы дочери, она же и сняла это на телефон", - утверждает Елена Валицкая.

Уже после того, как на общение двух полицейских с девушкой обратили внимание прохожие, был вызван наряд, приехавший на служебной машине. Они принимали участие в задержании несовершеннолетней. Валицкая также поблагодарила местные СМИ за то, что показали место, где девочки якобы грубо нарушили правила дорожного движения. По асфальтовой дорожке люди идут к остановке, к проезжей части - и там нет пешеходного перехода.

"Я позвонил ей и попросил включить телефон на громкую связь. Я слышал, что происходило: как ее тащили, как она орала, просила не делать ей больно. И они ее запихнули в машину... Равнодушные граждане вытащили ее из машины. Они [полицейские] стали ее запихивать обратно, заламывать руки. Ребенок был просто в истерике, она и сейчас в шоковом состоянии", - рассказывал отец девочки. С позицией МВД семья пострадавшей не согласна. Они намерены добиваться наказания для виновных.

Газета.Ru 19.11.2021. Автор Одинцов Е.

В СЖР напомнили об ответственности за нападения на журналистов

Глава Союза журналистов России (СЖР) Владимир Соловьев заявил, что действия представителя правоохранительных органов, который ударил дубинкой представителя СМИ, являются недопустимыми, передает ТАСС. Он рассказал, что в СЖР поступило видео, на котором запечатлено, как сотрудник полиции бьет дубинкой человека в оранжевом жилете, возможно журналиста.

«Абсолютно недопустимая ситуация, требует подробного разбирательства. Напоминаю правоохранительным органам об ответственности за нападения на журналистов», — сказал Соловьев. Он также отметил, что члены союза продолжают мониторить ситуацию.

Ранее в Москве после оглашения приговора Навальному начались задержания.

Газета.Ru 11.30.21. Автор Демидов А.

Участница акций в защиту Навального заявила, что оговорила полицейских за деньги

Марина Романова, получившая известность как участница акций в Геленджике в поддержку основателя ФБК (внесен Минюстом в реестр иностранных агентов; признан судом экстремистской организацией и ликвидирован) Алексея Навального заявила в интервью «Московскому комсомольцу», что обвиняла сотрудников правоохранительных органов в избиении за денежное вознаграждение.

Нанесли же ей телесные повреждения, как утверждает сама Романова, двое краснодарских сторонников Навального. «Они сказали, что я сотрудничаю с полицией, и поэтому у меня такой маленький штраф», — разъяснила активистка. Публикации же о том, что нападение организовали силовые структуры, Романова опровергла.

«По-моему, около 10-12 статей вышло. На самом деле все, что там было написано, — вымысел. Меня избили мои же соратники, с которыми мы вместе выходили на митинг», — пояснила она.

«Где-то через неделю после избиения я опубликовала у себя на странице во «ВКонтакте» пост о том, что я в больнице. И через сутки-двое со мной в Telegram связался человек, который назвался представителем московского протестного движения из среды правозащитников и журналистов, и предложил за определенное денежное вознаграждение дать несколько интервью и выставить историю с моим избиением так, как это выгодно оппозиции, — что меня избили силовики. Но не прямо сказать, что это сделали силовики, а вставить фразу, что мне передали привет от уголовного розыска», — отметила Романова.

«Так как в Геленджике ЦПЭ нет, а его функции выполняют сотрудники уголовного розыска, эта информация выглядела правдоподобной... Впоследствии мне перевели 50 тыс. рублей. Они пришли с иностранного счета, насколько я помню, немецкого», — рассказала она.

Газета.Ru 23.0.2021. Автор Акимов И.

Екатеринбуржцы устроили митинг против введения QR-кодов

В Екатеринбурге прошла акция против введения QR-кодов, обязательных для посещения общественных мест. В репортаже говорится, что выразить несогласие с ужесточением ковидных ограничений вышли более 200 человек, местом проведения митинга стала площадка, расположенная за торговым центром «Дирижабль».

Люди держали в руках плакаты и транспаранты слозунгами «QR-коды — инструмент принуждения к вакцинации», «Люди — не товар!», «Мы против сегрегации. Протестующие активно подписывались под петицией за отмену QR-кодов.

По словам корреспондента издания, на акции присутствовали по крайней мере трое сотрудников полиции, протест прошел мирно — без задержаний.

Пускать в людные места только после предъявления QR-кода в Екатеринбурге начали 30 октября. Ранее в РЖД рассказали, как будет проходить проверка QR-кодов у пассажиров.

Газета.Ru 13.11.2021. Автор Малов Д.

Задушил мать, сжег дом, пытался убить подругу. Что известно о стрельбе в Подмоскowie

Росгвардейцы в Солнечногорске застрелили мужчину после погони и перестрелки

В Подмоскowie росгвардейцы застрелили мужчину, задушившего свою мать и устроившего в Солнечногорске пальбу из охотничьего ружья. Владислав Шарков также пытался убить свою сожительницу и ее детей — им чудом удалось убежать и спрятаться у соседей, вызвавших полицию. Мотивы Шаркова устанавливают следователи. По словам соседей, он был скандалистом. Расправиться с матерью он мог, забирая из дома ружье для другого убийства.

Погоня со стрельбой произошла в подмосковном Солнечногорске. Как сообщает РЕН ТВ со ссылкой на официального представителя Росгвардии Валерия Грибакина, полицейские вместе с росгвардейцами преследовали мужчину, открывшего огонь из ружья посреди улицы. Он также начал стрелять в силовиков и пытался скрыться от них на автомобиле.

Вскоре правоохранители заблокировали машину нарушителя. Он стрелял в полицейских даже после требования прекратить огонь. «Гражданин продолжал стрелять в стражей порядка. В соответствии с действующим законодательством после предупредительных выстрелов ответным огнем злоумышленник был нейтрализован», — сказал Грибакин.

Возбуждено уголовное дело в связи с посягательством на жизнь сотрудников правоохранительных органов. Однако погоне предшествовала череда трагических событий. Как сообщает Telegram-канал «112», все началось с убийства 77-летней пенсионерки и пожара.

Поздним вечером 20 ноября 53-летний Владислав Шарков убил свою мать. Сломав пожилой женщине ногу, он задушил ее, натянув на голову полиэтиленовый мешок. После этого злоумышленник поджег дом, где жил с родительницей. Как уточняет газета «Московский комсомолец», перед этим соседи Шаркова слышали два хлопка, похожих на выстрелы. Уже после полуночи Шарков вышел из коттеджа, сел в машину – кроссовер Ford Eco Sport — и уехал. Из-за пожара людям из окрестных домов пришлось вызывать пожарных. Потушив огонь, сотрудники МЧС обнаружили тело задушенной.

Между тем, вооруженный охотничьим ружьем Шарков поехал к своей сожительнице и ее детям. Мужчина, находясь в состоянии алкогольного опьянения, начал стрелять по их дому, затем попытался залезть в квартиру через окно на первом этаже. Напуганные дети и женщина смогли сбежать к соседям, которые вызвали полицию.

Шарков, заметив наряд Росгвардии, снова сел в машину и начал отстреливаться от прибывших правоохранителей. Те погнались за ним, сумели заблокировать автомобиль возле памятника героям обороны Москвы 1941 года. Выйдя из салона авто, мужчина открыл огонь – теперь уже по росгвардейцам. По данным СМИ, Шарков отстреливался от полиции из дробовика МР-153. Разрешение на оружие у него было в порядке, действовало до 2024 года. Один из них ответным огнем ранил Шаркова, который скончался на месте.

Любил травливать и ссориться

По словам соседей Шаркова, мужчина всегда был скандалистом и любил выпить. Он постоянно ругался с жильцами окрестных участков, доходило до рукоприкладства. Кроме того, Шарков и его мать подали иск против соседей, обвинив их в захлавлении участка и натравливании собак. Суд они при этом выиграли.

Будущий убийца также регулярно ругался со своей матерью. Впрочем, сойдясь около полутора лет назад с женщиной, живущей на соседней улице, Шарков перестал ругаться с соседями. Однако начались конфликты между его матерью и сожительницей, передает mk.ru, и две женщины часто вызывали полицию – жить они стали в доме матери Шаркова. Соседи не исключили, что Владислав мог травливать их между собой. Около недели назад мать Шаркова выгнала его сожительницу, и та вернулась к себе домой. Вечером 20 ноября

Шарков поругался со своей подругой, вернулся домой за ружьем, чтобы ее убить или припугнуть, там поругался в очередной раз с матерью и убил пенсионерку. Пожар он решил устроить, чтобы скрыть следы преступления. Однако это попало на камеры видеонаблюдения.

По результатам драматичного инцидента назначен ряд экспертиз – судебно-медицинская, баллистическая и пожарно-техническая. Следователи точно установят причину смерти матери Шаркова и дадут правовую оценку его действиям.

Газета.Ru 21.11.2021. Автор Николаев П.

3.2. Контексты, актуализирующие ценностные компоненты образа полиции в оппозиционных российских газетах

В Краснодаре акция в поддержку Алексея Навального прошла практически без задержаний

В Краснодаре несогласованная акция в поддержку Алексея Навального, который в настоящее время находится под арестом, прошла практически без задержаний. Как писал “Ъ-Кубань”, несанкционированный митинг начался в 14.00 у Александровской арки. Оттуда колонна пошла по ул. Красной до здания краевой администрации.

По оценкам нашего корреспондента, это был самый массовый митинг за последние 10 лет. В основном в нем приняли участие люди 30 лет, а также много студентов. Школьников и пенсионеров почти не было. Некоторые несли плакаты с надписями «Мы против коррупции», «Свободу Алексею Навальному» и т.д. В процессе шествия полицейских не было видно. При этом сотрудники ГАИ перекрывали параллельные улицы для проезда автомобилей, чтобы они не мешали идти колонне людей. На улице гимназической стояли автозаки, а также несколько автобусов, дежурил ОМОН и Росгвардия. В настоящее время сотрудники силовых структур уже покидают место события.

Корреспондент “Ъ-Кубань” также сообщил, что в автомобиле с ОМОном какие-то люди кидали снежки, однако сотрудники полиции не реагировали на провокации. За все время были задержаны два человека в состоянии сильного опьянения.

Коммерсант 23.01.2021. Автор Белянкин А.

В Анапе в акции протеста в поддержку Навального участвовали несколько сотен человек

Численность участников несанкционированной акции протеста в поддержку Алексея Навального в Анапе составила 500-1000 человек, сообщают независимые наблюдатели.

Издание «Анапское Черноморье» оценило количество участников в несколько десятков человек. По его данным, мероприятие началось чуть позже запланированных 14:00. Среди участников было много молодежи и даже несовершеннолетних, отмечает издание. Как пишет «Блокнот-Анапа» участники акции протеста прошли шествием от Театральной площади до администрации курорта, скандируя лозунги в поддержку оппозиционера.

Издания отмечают, что сотрудники полиции вели себя корректно по отношению к протестующим, тем не менее в ходе мероприятия были задержаны два человека.

Как сообщал “Ъ-Кубань”, наиболее многочисленная акция протеста прошла 23 января в Краснодаре. По разным оценкам, в ней участвовали больше 1 тыс. человек. Она началась возле Александровской Триумфальной арки в Краснодаре, затем колонна участников двинулась по ул. Красной до краевой администрации, где состоялся митинг. Мероприятие также обошлось практически без задержаний.

В Геленджике численность протестующих достигала 300 человек. Акция продолжалась около полутора часов и около 15:30 митингующие начали расходиться. В Новороссийске, по оценкам “Ъ-Кубань”, участвовали около 1 тыс. человек. Известно, что несогласованный митинг закончился задержанием не менее трех человек. Не обошлось без задержаний и в Сочи, где Алексея Навального вышли поддержать около 200 человек. Общее количество задержанных во всех городах Кубани, где проходили акции протеста, не озвучивалось.

Коммерсант 23.01.2021. Автор Белянкин А.

Перевозчики Татарстана не хотят проверять QR-коды у пассажиров

Перевозчики Татарстана считают, что проверку QR-кодов у пассажиров общественного транспорта должны осуществляться сотрудники полиции. «Они наделены всеми полномочиями и проверять документы и выписывать штрафы. Самое главное, если будут конфликтные ситуации, а они скорее всего будут и не исключено что с кулаками, сотрудники полиции смогут грамотно

ситуацию разрешить. Если QR-коды будет проверять хрупкая девушка кондуктор, что она сможет сделать против пассажиров с кулаками, которые без QR-кода попытаются проехать в общественном транспорте?»— говорится в заявлении председателя Ассоциации транспортных предприятий республики Сергея Темлякова.

Также в ассоциации считают, что «если будет осуществляться проверка QR-кодов на остановках, это займет определенное время» из-за чего придется менять расписание всех автобусов. Перевозчики прогнозируют, что в связи с введением QR-кодов и блокированием транспортных карт пожилых «пассажиропоток просто рухнет». Они просят правительство «предусмотреть помощь перевозчикам, чтобы предприятия не стали банкротами».

Напомним, о планах ввести через две недели систему QR-кодов (выдаются вакцинированным или переболевшим коронавирусом) на общественном транспорте Татарстана заявил президент республики Рустам Минниханов. Постановление правительства по данному решению опубликовано пока не было.

Коммерсант 7.11.2021. Автор Антонов К.

Противники вакцинации воззвали к «светлым силам космоса»

Акции против введения QR-кодов в выходные не стали массовыми

Корреспонденты «Ъ» сообщают, что в некоторых городах в выходные прошли акции протеста против введения QR-кодов, отображающих иммунный статус гражданина и являющихся условием посещения части общественных мест в ряде регионов. Собравшиеся призывали региональные власти не согласовать разосланные неделю назад правительственные законопроекты, регулирующие возможность введения QR-кодов. В большинстве случаев организаторами акций оказались коммунисты. Нигде участников не было более полутора сотен. В Костроме полиция задержала нескольких сборщиков подписей против QR-кодов, включая первого секретаря обкома КПРФ. В Усолье-Сибирском был задержан глава местной предпринимательской организации, который пытался организовать запись видеообращения к властям.

21 ноября, у Монумена Славы в Новосибирске собрались не менее 100 горожан с требованием отмены системы QR-кодов. По данным местных СМИ, в начале акции они хором спели «Вставай, страна огромная», а позже скандировали: «Мы не скот, нам не нужен QR-код!» Большинство пришли без плакатов, в защитных масках также были единицы. У собравшихся была возможность подписать обращение к органам государственной власти за отмену QR-кодов и ознакомиться с другим обращением — «к Светлым Силам Космоса».

Сотрудники полиции наблюдали за порядком на мероприятии, о задержаниях или составлении административных протоколов на месте не сообщалось.

В пресс-службе ГУ МВД по Новосибирской области комментарий об акции и законности ее проведения на момент публикации «Ъ» не предоставили, сославшись на отсутствие информации. Сообщение с анонсом акции распространялось в основном в закрытых чатах и группах в социальных сетях, но его текст можно найти в обсуждениях на открытых форумах: в нем содержатся призывы «приглашать проснувшихся» «постоять за свою Родину» и добиться «массовости» при изложении «воли народа его слугам».

Отметим, требование предъявлять QR-кода иммунного статуса при посещения предприятий общепита, баз отдыха и санаториев действует в Новосибирской области с 12 ноября. QR-код можно заменить сертификатом о вакцинации от COVID-19 на бумажном носителе, отрицательным ПЦР-тестом максимум трехдневной давности, справкой о перенесенном в течение полугода коронавирусе или медотводом.

В Тюмени региональное отделение КПРФ провело митинг против введения QR-кодов. Глава тюменского обкома КПРФ и депутат областной думы Тамара Казанцева пояснила, что митинг проходил в месте, где возможно проведение публичных мероприятий без подачи соответствующей заявки.

«Мы против введения системы QR-кодов, потому что она сегодня до конца не продумана и нарушает конституционные права человека»,— заявила Тамара Казанцева.

КПРФ также выступает против обязательной вакцинации, считая, что прививка не гарантирует полной защиты от коронавируса, добавила секретарь обкома. По данным госпожи Казанцевой, поддержать такую позицию пришли около 150 человек. Они приняли резолюцию, в которой потребовали у депутатов Тюменской облдумы и региональных властей выступить против правительственных законопроектов о введении QR-кодов. К местным нормам о введении QR-кода для посещения части общественных мест митингующие хотели бы привлечь внимание прокуратуры, чтобы она проверила их на соответствие федеральному законодательству и Конституции. Наиболее радикально прозвучало предложение разработать федеральный закон об уголовной ответственности «за введение QR-кодов».

В Костроме 20 ноября в ходе сбора подписей против введения QR-кодов задержали нескольких граждан, включая первого секретаря обкома КПРФ Валерия Ижицкого. На задержанных составили административные протоколы о нарушении порядка проведения массовых акций. По данным издания SOTA, всего полицейские задержали около 15 человек. В пресс-службе УМВД России по Костромской области не ответили на звонок «Ъ».

В городе Усолье-Сибирское Иркутской области 20 ноября задержали председателя общественной организации «Ассоциации предпринимателей малого и среднего бизнеса Иркутской области» Михаила Ожиганова — в момент начала акции, связанной с записью видеобращения к региональным властям с требованием не поддерживать федеральный проект закона о введении QR-кодов.

В момент задержания участники акции попытались перевернуть автомобиль полиции, в который усадили Михаила Ожиганова.

В этот же день общественник был доставлен в Иркутск в региональное ГУ МВД России, а затем отпущен. 22 ноября состоится суд по делу об организации им другого публичного мероприятия — 9 ноября в Иркутске у Вечного огня около 100 местных предпринимателей записали обращение в адрес президента России Владимира Путина, в котором высказали недовольство существующими пандейминными ограничениями.

Коммерсант 21.11.2021. Авторы Решетникова Д., Анастасия Реутова А., Тихонов А., Никифоров В.

Иркутские полицейские пытались разбудить пассажира такси электрошокером, после чего он умер

Сотрудники патрульно-постовой службы в Иркутске пытались разбудить молодого человека, уснувшего в такси, электрошокером, после чего пассажир умер. Трагедия произошла еще 15 февраля на Байкальской улице, но известно о ней стало только вчера. На депутатских слушаниях в думе Иркутска, где отчитывался начальник межмуниципального управления МВД России «Иркутское» Олег Савин, о случившемся сообщил депутат Александр Квасов. Он сказал, что 24-летний молодой человек ехал в такси и уснул, а водитель не смог его разбудить и обратился к сотрудникам полиции. Те, чтобы разбудить пассажира, применили электрошокер, после чего молодой человек умер. Господин Савин подтвердил, что такой случай был, и сообщил, что полицейские уволены. «Имеют место быть факты ошибок и непрофессионализма», — сказал господин Савин, добавив, что в его подчинении работают 2,8 тыс. сотрудников полиции. Позже СУ СКР по Иркутской области разослало сообщение, что двоим бывшим сотрудникам ППС предъявлено обвинение по п. «б», «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий, совершенное с применением специальных средств, с причинением тяжких последствий). «По версии следствия, ночью 15 февраля сотрудники ППС, превышая свои должностные полномочия, применили в отношении молодого человека спецсредство без достаточных на то оснований», — сообщило ведомство. Оба подозреваемых арестованы.

Коммерсант 28.02.2020. Автор Еременко Е.

Силовое и дело

СПЧ призывает уточнить регламент действий сотрудников силовых структур

Необходимо прописать точный регламент действий сотрудников силовых органов и усилить контроль за ними, заявил глава Совета при президенте РФ по правам человека Валерий Фадеев после встречи СПЧ с Владимиром Путиным. Одним из поводов для заявления стали действия нижегородских следователей, которые в октябре провели обыск дома у журналистки Ирины Славиной, после чего она сожгла себя у здания областного МВД. Российские правозащитники говорят, что в условиях постоянного расширения полномочий силовиков трудно рассчитывать на возможность дополнительного контроля над ними.

В среду глава Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Валерий Фадеев заявил о необходимости уточнить порядок действий силовиков и усилить над ними контроль при проведении оперативных мероприятий. Тем самым господин Фадеев надеется исключить повторения ситуаций, толкающих фигурантов дел на крайние меры. В качестве примера глава СПЧ привел самоубийство нижегородской журналистки, основателя сетевого издания Koza.press Ирины Славиной, которая сожгла себя у здания местного полицейского главка 2 октября — на следующий день после обысков. Оперативные мероприятия 1 октября проводили у нее как у свидетеля по уголовному делу о сотрудничестве с нежелательной в РФ организацией «Открытая Россия» Михаила Ходорковского. Как рассказывал «Ъ-Приволжье», при проведении унижительных, по оценке близких госпожи Славиной, следственных мероприятий в шесть часов утра Ирина Славина вынуждена была одеваться у себя дома «под присмотром незнакомой дамы», которую сопровождали 12 силовиков.

Суицид журналистки вызвал большой общественный резонанс, друзья, близкие и знакомые Ирины Славиной заявили о том, что последние несколько лет она постоянно подвергалась травле со стороны правоохранительных органов.

Однако Следственный комитет отказался возбуждать уголовное дело о доведении Ирины Славиной до самоубийства, указав, что самосожжение было ее осознанным решением, вызванным психическим расстройством. На встрече с правозащитниками 10 декабря Владимир Путин, комментируя это происшествие, сообщил, что «если она (Ирина Славина. — «Ъ-Приволжье») не была даже объектом дела», то ему не понятна причина суицида: «То есть это напрямую не связано все-таки с какими-то злоупотреблениями со стороны органов следствия или дознания».

Тем не менее Валерий Фадеев считает необходимым дополнительно регламентировать действия сотрудников правоохранительных органов. «Таких дел довольно много. Надо разобраться, зачем они это делают: то ли из-за непрофессионализма, то ли действительно кого-то хотят устрашать. Здесь нужно либо регламент (проведения обысков) переписывать, либо они его нарушают, чтобы в шесть утра приезжать к свидетелю такой командой. Каким-то образом нужно исключить подобные драматические истории», — считает господин Фадеев (цитата по ТАСС). Он надеется, что после встречи с президентом будет дано соответствующее поручение. Глава СПЧ пообещал, что совет и дальше будет доносить эту позицию до руководства страны.

Коллега господина Фадеева по СПЧ, руководитель Комитета против пыток Игорь Каляпин отмечает, что последнее десятилетие государство, напротив, расширяет полномочия силовиков, поэтому вряд ли стоит надеяться на послабления. «Например, недавние поправки в закон "О полиции", принятые в первом чтении в начале декабря, еще больше размыывают полномочия сотрудников МВД. В соответствии с ними граждане фактически лишаются права на неприкосновенность жилища и личной жизни, когда недобросовестный полицейский легко найдет нужных очевидцев и проведет любые нужные ему оперативные действия, которые затем невозможно будет оспорить», — уверен правозащитник.

По его словам, за оппозиционерами или фигурантами уголовных дел по антигосударственным статьям негласно «закрепляют статус инакомыслящих и организуют травлю».

Поводом для преследования Ирины Славиной по уголовным и административным делам стали оперативные справки полицейского управления по борьбе с экстремизмом, при этом следователи понимали, что никаких доказательств по делу об участии в нежелательной «Открытой России» у нее не найдут, уверен господин Каляпин.

Юристы годами получают отказные постановления по заявлениям о превышении полномочий силовиками, отметил нижегородский адвокат Алексей Матасов, указав, что ход такие дела могут получить лишь после обращения к руководителям правоохранительных и надзорных органов. «Эта система годами формировалась так, чтобы нести минимальную ответственность за свои действия. Поэтому вряд ли в ближайшей перспективе что-то изменится», — полагает адвокат.

Коммерсант 16.12.2020. Автор Рыскаль Р.

Полиция встала на страже радиации

На месте строительства участка Юго-Восточной хорды в Москве вновь возник конфликт

В среду на склоне Москвы-реки вблизи Московского завода полиметаллов, где должен пройти участок Юго-Восточной хорды, возобновилось противостояние экологов и строителей. Противники трассы указывают, что на этом месте находятся очаги радиоактивного загрязнения. По их мнению, появление техники говорит о начале строительных работ. В Мосгордуме подтвердили, что на склоне начались подготовительные работы по дезактивации участка.

Как рассказал “Ъ” депутат столичного района Печатники Сергей Власов, склон Москвы-реки вблизи Московского завода полиметаллов (МЗП) в среду с утра оцепили сотрудники полиции. Напомним, в январе местные жители организовали здесь круглосуточное дежурство. Они пытаются помешать строительству Юго-Восточной хорды (часть новой 36-километровой трассы; строительство, по планам властей, начнется в 2020 году).

В апреле 2019 года эксперты ФГУП «Радон» (специализируется на обращении с радиоактивными отходами средней и низкой активности) и МЧС в ходе инспекции склона по просьбе жителей обнаружили очаги радиоактивного загрязнения. В одном из них дозиметры показали 200-кратное превышение «эквивалентной мощности дозы гамма-излучения» (61,4 мкЗв/ч при допустимых 0,3 мкЗв/ч). Замеры корреспондентов “Ъ” позднее показали 50-кратное превышение радиационного фона на участках склона.

Экологи опасались, что в ходе стройки хорды радиоактивную пыль, способную спровоцировать онкологические заболевания, разнесет по округе строительная техника (см. “Ъ” от 11 июля 2019 года). Впрочем, чиновники вплоть до начала 2020 года не видели проблем в соседстве хорды. Официально наличие радиоактивных участков в землеотводе строящейся хорды власти признали лишь в январе 2020 года. Рекультивацией склона предстоит заняться контролируемому госкорпорацией «Росатом» ФГУП «Радон».

В 10:30 утра в координационных чатах экологов появились сообщения о том, что на склон вывели технику, а также призывы ее остановить. Через полчаса к месту событий начали подъезжать автобусы полиции и парковаться у проходной завода полиметаллов. Экипированные в шлемы и бронежилеты полицейские быстро оцепили подход к склону. Цепь полицейских растянулась от проходной завода до железнодорожной платформы Москворечье.

«Уважаемые граждане, ваши действия незаконны! Просьба разойтись. Не мешайте проходу других граждан!» — говорил в мегафон полицейский собиравшимся местным жителям. Иногда вместо «незаконных действий» в громкоговорителе звучала фраза:

«Ваша акция незаконна!» «Какая акция?» — недоумевал мужчина в толпе, в которой к обеду насчитывалось примерно 100 человек.

Одними из первых к склону приехали муниципальный депутат Сергей Власов и депутат Мосгордумы от КПРФ Павел Тарасов. Сергею Власову удалось пробраться на склон, после откуда он уже не уходил. Павел Тарасов сначала пытался узнать у полицейских, на каком основании те не дают гражданам подняться на склон. Полиция отвечала коротко: «Все вопросы через пресс-службу».

После нескольких неудачных попыток поговорить с полицейскими господин Тарасов повел собравшихся от оцепления, вдоль проходной, вокруг завода полиметаллов, чтобы зайти на склон. Но за ним пошли не все, примерно 20 человек остались у оцепления. Они делали фотографии, снимали происходящее на телефоны, некоторые пытались завести разговор с полицейскими из оцепления. Местная жительница объясняла двум полицейским, что опасается загрязненной радиацией пыли, которая может разнестись по району, если строители заденут участки с повышенным радиационным уровнем. Полицейские слушали молча.

«Строители начали копать без радиационного контроля: у рабочих с лопатами и полиции нет никаких средств защиты от радиоактивной пыли, которая может быть под грунтом в любом месте, — рассказал “Ъ” Сергей Власов. — Приехали сотрудники “Радона”, поверхностно пробежались по территории склона. Мы показали сотрудникам, где раньше фиксировались превышения. Датчик одного из них на месте работ показал 0,6 мкЗв/ч, через какое-то время наши датчики начали показывать 0,9 мкЗв/ч».

После обеда техника начала работать на склоне активнее. Можно было видеть, как строители с экскаватором и бетономешалкой зашли через территорию завода, сняли две бетонные плиты забора и начали возводить ворота для проезда техники в будущем. К 16:30 ворота были установлены, а полицейское оцепление снято.

В департаменте строительства города Москвы “Ъ” отправили за комментариями во ФГУП «Радон». Там на запрос пока не ответили.

«Это мизерная радиоактивность, которая не представляет опасности, — заверил “Ъ” заведующий радиоизотопной лабораторией Института ядерных исследований РАН Борис Жуйков. — Превышение фона даже многократно — это в пределах нормы. Можно говорить об опасности, если такой уровень радиации будет больше года или постоянно. Такие показатели не допускаются в жилых постройках. То есть если там построить дом и жить в нем, то это может негативно сказаться на здоровье». При этом господин Жуйков обращает внимание, что подобные работы должны выполняться при соблюдении норм техники безопасности, а также под контролем профессиональных дозиметристов.

Отметим, вчера вечером в зоне строительства Юго-Восточной хорды произошел конфликт активистов с полицией. Эвакуатор при поддержке полиции пытался вывезти из зоны возведения Юго-Восточной хорды микроавтобус «Соболь», но этого не дали сделать противники строительства. Полиция хотела эвакуировать машину, где противники хорды греются во время круглосуточного дежурства, для следственных действий по делу о порче имущества ФГУП «Радон» на 1 млн руб.

«Когда люди встали между “Соболем” и эвакуатором, полицейские в касках и бронежилетах пытались вытаскивать людей», — рассказал вчера “Ъ” о конфликте депутат Мосгордумы от КПРФ Павел Тарасов. «Я позвонил в управление собственной безопасности МВД, через полчаса приехал представитель УВД по ЮАО, и полиция отступила», — добавил он. Несколько жителей Москворечье-Сабурово получили повестки о явке на допрос в качестве свидетелей. 5 марта в квартире владельца микроавтобуса «Соболь» Александра Колотова сотрудники МВД провели обыск, изъяв телефон.

После выхода текста член комиссии Мосгордумы по здравоохранению и охране общественного здоровья Людмила Стебенкова подтвердила журналистам, что на склоне начали предварительные работы к его дезактивации. «Согласно подписанному фракциями Мосгордумы положению, 10 марта была создана экспертная группа по дезактивации в районе завода полиметаллов, — заявила она. — На этом же совещании было озвучено, что до конца марта должны начаться предварительные работы, связанные с подготовкой участка 2,7 гектара к дезактивации».

Коммерсант 18.03.2020. Авторы Васильева А., Дорофеев Р.

В ГУ МВД заявили, что журналистов с акций протеста в Петербурге увозили в полицию законно

В ГУ МВД по Санкт-Петербургу и Ленобласти провели проверку по фактам доставления в отделы полиции журналистов, которые выполняли редакционные задания на акциях в поддержку Алексея Навального в конце января.

Как говорится в ответе главка, подписанном руководителем Управления информации и общественных связей ГУ МВД по Санкт-Петербургу и ЛО Вячеславом Степченко и опубликованном на сайте Союза журналистов Петербурга и Ленобласти, «по результатам проверки нарушений законодательства со стороны сотрудников полиции при доставлении указанных лиц допущено не было». В отделы полиции представителей СМИ отвозили для «установления личностей, а также подтверждения нахождения в месте проведения несогласованного публичного мероприятия с целью осуществления профессиональной деятельности журналиста». При этом в

ответе управления указывается, что жалоб от журналистов на действия сотрудников полиции не поступало.

Союз журналистов Петербурга и Ленобласти намерен обжаловать полученный ответ в прокуратуре.

Напомним, что несогласованные акции прошли в Петербурге 23, 31 января и 2 февраля. С акций в полицию были доставлены десятки журналистов, имеющих опознавательные знаки и необходимые документы. Среди задержанных были корреспондент “Ъ-СПб”.

Коммерсант 01.03.2021

Полиция не оценила дресс-код журналиста

Главреда «Базы» оштрафовали на 180 тыс. рублей за работу на акции протеста

Главный редактор интернет-издания Baza (более 380 тыс. подписчиков в Telegram и 319 тыс. в YouTube) Никита Могути́н оштрафован на 180 тыс. рублей из-за присутствия на апрельской акции протеста в поддержку политика Алексея Навального. Он находился там как журналист: вел съемку на видеокамеру, был одет в зеленый светоотражающий жилет, а по итогам мероприятия подготовил видеорепортаж. Но все эти факты не произвели впечатления на полицию и суд, которые отмечают отсутствие у Baza регистрации в качестве СМИ. Сам господин Могу́тин и его адвокат утверждают, что насчитали в материалах дела более 70 процессуальных нарушений. Юристы указывают, что в 2020–21 годах российские суды десятки раз привлекали журналистов, работавших на акциях протеста, к административной ответственности за участие в них.

21 апреля 2021 года Никита Могу́тин освещал очередную несогласованную акцию в поддержку политика Алексея Навального. Через месяц журналиста задержали: его автомобиль остановили и сообщили, что мужчина «проходит по ориентировке». По словам господина Могу́тина, инспектор признался, что «сам не знает, с чем связано задержание». Позже выяснилось, что причиной стал рапорт сотрудников Центра «Э», составленный после акции протеста по данным системы распознавания лиц. Адвокат журналиста Алексей Михальчик предоставил “Ъ” этот документ. Полицейские указывают в рапорте, что Никита Могу́тин 21 апреля находился на Моховой улице «как представитель СМИ». «Однако при этом аккредитация, отличительные знаки представителя СМИ на жилете (надпись «Пресса», нанесенная черным цветом на прямоугольную белую световозвращающую полосу с кантом черного цвета, размещенная на спине и спереди на груди) отсутствовали», — говорится в рапорте. Там же сообщается, что полицейские провели проверку и установили — Никита Могу́тин «не является официальным представителем СМИ» и «под видом» такового, «игнорируя разъяснения сотрудников полиции, добровольно принял участие» в митинге.

«Все должно было закончиться на следующей стадии — когда Никита Могу́тин на опросе пояснил, что работал на акции по редакционному заданию, — сказал господин Михальчик. — На записи с камер наблюдения видно, что он стоит в жилете, с пресс-картой, у него микрофон, рядом с ним оператор в таком же жилете».

Однако в отношении журналиста все равно было возбуждено административное дело. В мае и июне полицейские пытались передавать его в Савеловский суд Москвы, но «судьи возвращали их обратно, указывая, что материалы собраны с нарушением прав» журналиста. Тем не менее, на третий раз суд принял дело. Господин Михальчик рассказал “Ъ”, что просил судью вызвать для допроса полицейских-авторов рапорта и свидетелей работы Никиты Могу́тина на акции, но в этом защите было отказано. В понедельник Савеловский суд Москвы оштрафовал журналиста на 180 тыс. руб., признав его виновным в повторном нарушении правил проведения публичного мероприятия (ч. 8 ст. 20.2 КоАП). В первый раз главред «Базы» был оштрафован за пикет в поддержку экс-корреспондента “Ъ”, советника главы Роскосмоса Ивана Сафронова, который второй год находится в СИЗО «Лефортово» по обвинению в госизмене (ст. 275 УК РФ).

«Мы будем обжаловать решение Савеловского суда, и надеемся, что Мосгорсуд будет внимательнее к обстоятельствам дела. И даст оценку в том числе многочисленным процессуальным нарушениям», — сказал господин Михальчик. Таких нарушений в деле «75 штук», говорит сам господин Могу́тин: «Меня не вызывали на опросы, как указано в документах. Меня не вызывали

даже на заседания суда — хотя указано обратное». По словам Никиты Могутина, его участие в митинге также не доказано:

«На всех предоставленных полицией снимках я не держу плакатов, не кричу ничего и просто передвигаюсь по улице. Является ли мое нахождение на улице нарушением? Как возможно штрафовать человека за нарушение чего-либо, не доказав сам факт нарушения этого чего-либо?»

Полиция «формально подошла» к вопросу, кого считать журналистом, и оштрафовала господина Могутина, обнаружив, что у издания нет регистрации в реестре Роскомнадзора, полагает медиа-юрист Галина Арапова, руководитель Центра защиты прав СМИ (внесен Минюстом в реестр иноагентов). «С одной стороны, они не имеют права пользоваться привилегиями журналистов, если только у них не будет при себе удостоверения какого-то другого СМИ,— пояснила госпожа Арапова.— С другой стороны, отсутствие жилета или его неподходящий фасон не могут быть инструментом доказывания вины со стороны полиции. Ни те, ни другие не могут использовать как аргумент закон об отличительных знаках сотрудника СМИ». Напомним, в декабре прошлого года в закон «О митингах» были внесены поправки про обязательное ношение журналистами отличительных знаков: беджа и спецжилета. «Поправки вступили в силу 30 апреля, однако и 21 апреля, и гораздо раньше мы видели множество протоколов о задержании журналистов, где полиция указывала, что бедж или жилет не соответствовали требованиям»,— напоминает госпожа Арапова.

«Неправильная форма жилета или даже его отсутствие не доказывает вину, а лишь указывает на необходимость изучения дополнительных обстоятельств»,— считает господин Михальчик.

«У полиции сил и времени хватило, чтобы доказать, что я по их меркам не могу считаться журналистом, — говорит Никита Могутин. — Но не для того, чтобы доказать мое участие, а именно это самое главное. Независимо от того, есть у нас лицензия СМИ или нет, даже если с точки зрения государства я — не журналист, меня невозможно оштрафовать за участие в митинге, не доказав мое в нем участие».

Галина Арапова указывает, что привлечение журналистов к административной ответственности фактически за работу на акциях протеста, а формально — за участие в них, имеет десятки прецедентов в разных регионах страны. Юристы центра защиты прав СМИ (внесен в Минюстом в реестр иноагентов) только в Хабаровске подготовили десять жалоб в ЕСПЧ на аналогичные штрафы и аресты журналистов. «Излишняя формальность очень препятствует работе журналистов-фрилансеров, — пояснила она. — Если формальности будут мешать освещать важные события тем изданиям, которые отвечают всем требованиям к СМИ, но не имеют регистрации, ЕСПЧ, думаю, сочтет это нарушением».

Коммерсант 17.08.2021 Авторы Старикова М., Черных А.

«Все равно по-нашему будет»

Акция против QR-кодов в Казани закончилась массовыми задержаниями

В Казани в четверг возле здания мэрии прошла несогласованная с властями акция против введения QR-кодов. По оценке “Ъ-Казань”, в ней приняли участие около 100 человек — в основном люди среднего и старшего возраста. Участники акции активно общались с представителями СМИ, пели «Вставай, страна огромная» и скандировали «Долой куар-коды!». Значительная часть протестующих была задержана, остальные — разогнаны силовиками. Сколько людей были доставлены в отделы полиции, вчера в МВД по Татарстану сказать не смогли.

Противники введения QR-кодов для вакцинированных от коронавируса начали собираться на площадке между входом в Казанский кремль и зданием мэрии примерно в 16:50. В пешеходной зоне образовалось небольшое скопление людей — человек 20, которое привлекло внимание журналистов. «Мы не хотим быть цифрами, мы хотим быть людьми — иметь свое мнение, желания. Хотим, чтобы нас пускали в транспорт без разных кодов»,— высказалась одна из протестующих. «Но ведь это делается для борьбы с COVIDом, правильно?» — спросил один из репортеров женщину, на что сразу же получил шквал гневных высказываний. «Я хочу поесть в столовой — меня не пускают! Я хочу поехать на работу — меня не пускают в автобус! Зачем мне ваша забота?!» — громко ответил один из мужчин.

Количество протестующих постепенно возрастало, и к 17:00 у здания мэрии образовалась толпа из 50 человек. Участники акции охотно давали комментарии представителям СМИ — ссылались на нарушение «нескольких статей конституции», говорили о том, что вакцина «не опробована», называли разделение людей на тех, кто с QR-кодами и без них, сегрегацией. «Нам еще только бирку повесить, как коровам», — кричал кто-то. «Я не антипрививочник, я антикуращик», — пытался высказать свою позицию другой. Поодаль стояли сотрудники полиции, однако каких-либо действий в отношении протестующих не предпринимали.

Участники акции на вопрос одного из журналистов, кто ее организовал, сказали, что сами собрались, решив, что «пришло время воспользоваться конституционными правами».

Накануне в соцсетях появилась информация, что 25 ноября в 17:00 «состоится митинг против куаркодов»: «Место сбора у главного входа мэрии города. Распространяйте!» Управление МВД по Казани разослало активистам предупреждения за подписью начальника отдела охраны общественного порядка Александра Царевского о недопустимости проведения несогласованных с властями публичных мероприятий. В документе говорится о том, что для проведения публичных мероприятий необходимо подавать уведомление чиновникам за 10–15 дней до акции.

Толпа росла. Протестующие начали распевать «Вставай, страна огромная». Одна из женщин развернула рукописный плакат «Нет QR. Мы не товар, а люди. Сила и правда за нами будет!». «Как так — я не могу передвигаться на транспорте в своем собственном городе! К чему это все идет? Вопросы к правительству!» — высказалась она журналистам.

Вскоре к протестующим вышел замначальника полиции УВД Казани Сергей Чанкин и через мегафон призвал всех разойтись под угрозой административного ареста до 15 суток и штрафа до 30 тыс. руб. Одновременно подъехали два автомобиля с сотрудниками ГИБДД, которые начали оттеснять участников акции к забору — подальше от проезжей части. Появление полицейских спровоцировало новую волну возмущений: толпа начала скандировать «Долой куар-коды!», «Мы против куар-кодов!». Расходиться никто не собирался. «Мы как будто враги какие-то. Пришли полицейские, окружили нас. Вы видите тут хоть одного агрессивно настроенного человека? Пусть они (представители власти) выйдут и пообщаются с нами нормально», — высказался перед журналистами присоединившийся к протесту мужчина.

Отметим, за несколько часов до акции власти распространили через СМИ сообщение о смягчении введенного в Татарстане с 22 ноября режима пропуска по QR-кодам в общественном транспорте. Передвигаться в нем с 26 ноября позволили также получившим лишь первую дозу вакцины. Им медики будут выдавать «республиканский QR-код» на бумаге, который, согласно новому решению правительства Татарстана, будет действовать 24 дня.

Примерно в 17:40 к месту митинга подъехали четыре автобуса с омоновцами. Силовики сразу же двинулись в сторону протестующих и начали уводить их под руки в автозаки. «Вы были предупреждены, 15 минут прошло», — сказал в мегафон замначальника полиции. Задерживали в основном молодых мужчин и женщин, но были и представители старшего поколения. Одну такую даму в автобус препровождали пятеро полицейских, приговаривая: «Женщина, не сопротивляйтесь, все равно по-нашему будет».

Два ПАЗа наполнились протестующими в течение семи минут: омоновцы уводили не только тех, кто был у здания мэрии, но и тех, кто наблюдал за происходящим, находясь через дорогу, у здания Национального музея Татарстана. Уже примерно через 10 минут два автобуса с задержанными покинули место проведения акции. Остатки протестующих — в основном это были пожилые женщины — омоновцы разогнали. Вчера в пресс-службе регионального управления МВД «Б-Казань» не смогли назвать количество задержанных.

Коммерсант 26.11.2021 Меркин Г.

Реестром по башке

Как выглядят репрессии в современной России

С лета 2020 года политическая реальность в России изменилась до неузнаваемости. Фонд «Либеральная миссия» подготовил доклад о том, как трансформировалась Россия за год после отравления Алексея Навального. Власти стали жестче реагировать на уличную политическую

активность, чаще использовали силовиков и уголовные дела против активистов и запрещали протестные акции из-за коронавируса. Оппозиционные политики и активисты страдали из-за участия в избирательных кампаниях и в протестах, высказываний в интернете и работы в общественно-политических организациях. Значительная часть из них сталкивалась с репрессиями из-за всего сразу.

Каток правосудия

Давление на оппозиционных политиков перед выборами — не новая для России вещь, но если раньше власти для этого использовали административные статьи, то в этом году они стали активно использовать уголовные дела. Летом 2020 года завели дела на политиков Николая Платошкина и Юлию Галямину, они получили условные сроки, но потеряли право избираться в ближайшие несколько лет.

После всероссийской акции протеста 23 января против сторонников Алексея Навального в Москве завели уголовное дело за подстрекательство к нарушению санитарно-эпидемиологических норм. По «санитарному делу» были осуждены Олег Степанов, экс-координатор московского штаба Навального**, и Любовь Соболь, продюсер YouTube-канала «Навальный LIVE». Они пытались вести предвыборную кампанию в Госдуму во время домашнего ареста, но были вынуждены отказаться от участия в выборах. Любовь Соболь снялась с выборов самостоятельно, Олега Степанова отказались регистрировать из-за «закона против ФБК**», который запретил избираться руководителям и участникам экстремистских движений.

Уголовные дела завели и против Дмитрия Гудкова, Андрея Пивоварова, Максима Резника и Кетеван Хараидзе. Дмитрий Гудков покинул Россию, Андрей Пивоваров находится в СИЗО, Максим Резник и Кетеван Хараидзе — под домашним арестом.

Основанием для недопуска до выборов в Мосгордуму Илья Яшина, по версии московского избиркома, стала связь с ФБК**, хотя тогда решение суда о признании сторонников Навального экстремистами еще не вступило в силу. Льва Шлосберга и Николая Кузьмина сняли с выборов в Псковский областной парламент за участие в акциях протеста в поддержку Алексея Навального — псковский избирком посчитал, что так они участвовали в работе экстремистской организации.

Власти давили и на целые группы. Признание ФБК** экстремистами в апреле этого года позволило властям официально не пускать на выборы неопределенное количество людей. Избиркомы могут не регистрировать на выборы даже тех, кто отправлял донаты структурам Навального или репостил их расследования.

В конце сентября на Алексея Навального и его соратников завели уголовное дело о создании экстремистской организации. Против части оппозиционеров использовали административные дела. В марте этого года полиция сорвала съезд муниципальных депутатов — около 200 человек были задержаны по статье КОАП 20.33 об участии в деятельности «нежелательной организации». Силовики увидели связь «Объединенных демократов», которые организовывали мероприятие, с признанной нежелательной британской Open Russia***.

Вторая попытка провести форум уже в Великом Новгороде тоже не состоялась. Силовики разогнали участников и арестовали четверых человек. По подсчетам Голоса*, кроме отдельных политиков и сторонников ФБК** части политических прав лишены около 9 млн россиян. Большинство из «лишенцев» обладатели второго гражданства или вида на жительство и осужденные по ряду уголовных и административных статей. Осужденных по традиционно «политическим» составам не много, но большинство активистов и участников митингов проходят именно по ним.

Адвокаты стали чаще становиться объектом давления. В 2018 году уголовное дело возбудили против Михаила Беньяша в Краснодаре, по версии следователей он причинил вред сотрудникам полиции в отделе, куда приехал защищать задержанных на акции. В этом году уголовное дело за разглашение тайны следствия возбудили против Ивана Павлова, основателя «Команды 29», в сентябре он эмигрировал из России. Адвоката Мансура Гильманова избили в отделе полиции, когда тот приехал к своему подзащитному, 22 января его арестовали на пять суток за неповиновение полицейскому.

Незаметность репрессий обеспечивают утренние и ночные обыски, приходы к активистам уже после проведения протестных акций, давление на СМИ и соцсети. Под предлогом коронавируса

на судебные заседания не пускают журналистов, в некоторых случаях обвиняемые участвовали в судах с помощью видеосвязи.

Собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирования

Ужесточение митингового законодательства началось с 2012 года. Тогда на Болотной площади, по подсчетам авторов доклада фонда «Либеральная миссия», было задержано больше 600 человек. Против 36 активистов были возбуждены уголовные дела, реальные сроки получили 19 человек.

По итогам протестов этого года, фигурантами «дворцового дела», по информации правозащитников, стали 134 человека. Из них 15 человек уже получили сроки с реальными лишениями свободы, 19 — осуждены условно, прекращено только одно дело. Точное число фигурантов «дворцового дела» не известно.

Самые популярные составы преступлений — применение насилия к полицейскому, при этом ни один сотрудник силовых органов не был осужден за превышение полномочий во время разгона митинга. Однако в этом году стали использовать новые статьи — подстрекательство к нарушению санитарно-эпидемиологических норм (московское и нижегородское «санитарные дела») и вовлечение несовершеннолетних в опасную для них деятельность (преследование редакторов и редакторок Doxa).

В 2021 году проводить любые публичные акции стало почти невозможно — ссылаясь на коронавирус, власти требуют согласовывать любые протестные мероприятия и, как правило, отказывают в их проведении. Если протесты все-таки состоялись, то участников арестовывают за нарушение правил проведения публичного мероприятия, часто уже спустя несколько дней после проведения самой акции.

Задерживать стали тоже больше. По подсчетам ОВД-Инфо*, на протестах в поддержку Алексея Навального в январе-феврале этого года было задержано около 11 тысяч человек, МВД отчитывалось же о 17 тысячах. По подсчетам ОВД-Инфо*, в результате рассмотрения первых двух тысяч административных дел по митинговой статье 20.2 КоАП 53% задержанным назначили арест. В Москве и Петербурге из-за этого случился коллапс — в спецприемниках закончились места. Арестованным пришлось отбывать наказание в центре временного содержания мигрантов в Сахарово и областных спецприемниках, в Петербурге часть людей отправляли в следственные изоляторы и ближайшие города Ленинградской области. Для сравнения, в 2019 году в Москве доля арестов по статье 20.2 КоАП была всего 4%.

Кроме массовых задержаний на акциях, силовики стали чаще мешать задержанным получать юридическую помощь — полицейские объявляли план «Крепость» и не пускали в отделы адвокатов. Формально силовики могут использовать «Крепость» только при угрозе вооруженного захвата отдела.

МВД стало реже предоставлять журналистам и правозащитникам информацию о ходе уголовных дел, возбужденных из-за акций протеста или активистской деятельности. Некоторые участники акций столкнулись с давлением на работе или учебе. Сотрудники Московского метрополитена и Департамента транспорта Москвы, отметившиеся на сайте «Свободу Навальному!», столкнулись с увольнениями.

Три сестрицы под окном — Роскомнадзор, Минюст и Генпрокуратура

Активисты чаще получают административные наказания за твиты — информация о предстоящих акциях протеста в соцсетях сотрудниками полиции рассматривается как анонс и организация.

Сергей Смирнов****, главред «Медиазоны»****, в январе получил арест на 30 суток за репост в твиттере шуток про себя и митинг 23 января, после апелляции суд сократил срок ареста до 15 суток.

Редактора Doxa Армена Арамяна, уже находящегося под следствием, задерживали за твит об акции КПРФ, которая прошла 20 сентября на Пушкинской площади. Твит был опубликован доверенным лицом Армена спустя сорок минут после начала акции, по решению суда Армену Арамяну запрещено пользоваться интернетом. В итоге журналиста оштрафовали на 20 тысяч рублей за организацию несанкционированной акции.

Анонсы акций становятся поводом для превентивных задержаний активистов накануне протестов. По мнению ОВД-Инфо*, так власть пытается обезглавить протест. В дальнейшем силовики используют административные наказания за слова в интернете для возбуждения уголовных дел.

Кроме организаций публичных мероприятий для задержаний активистов используются статьи о распространении экстремистских материалов и публичном демонстрировании символики запрещенных организаций. После признания ФБК** и штабов Навального** экстремистами получить наказание можно за репосты расследований команды Навального.

С давлением сталкиваются и независимые журналисты. Основным инструментом для этого стал реестр СМИ-«иноагентов», который обычно пополняется вечером в пятницу. С апреля этого года статус «иноагентов» получило 71 физическое лицо и организация, в реестр, кроме СМИ, попадают журналисты, координаторы движения Голос* и правозащитники.

Из-за получения статуса «иноагента» закрылся Vtimes****, Meduza**** потеряла значительную часть рекламной выручки, Радио Свобода**** получило миллионные штрафы. Протоколы о распространении информации об «иноагентах» с отсутствием маркировки составили на телеканал Дождь****. Первые протоколы на физлиц-СМИ-«иноагентов» за отсутствие маркировки составили на Льва Пономарева**** и якутского общественного деятеля Степана Петрова****.

Закон о нежелательных организациях против СМИ напрямую применялся пока лишь однажды — 15 июля Генпрокуратура признала юрлицо Проекта*** нежелательной организацией, семь журналистов издания получили статус «иноагентов». Роман Баданин**** 6 сентября запустил новое расследовательское медиа «Агентство».

Закрыться пришлось «Открытым медиа» и «МБХ-медиа», Роскомнадзор заблокировал их сайты из-за связи с организациями Михаила Ходорковского, признанными нежелательными. Правозащитный проект «Команда 29» тоже прекратил работу из-за связи с чешской «нежелательной» НКО. Всего за 2021 год статус нежелательных получили 18 организаций.

Общий объем репрессий становится более незаметным. С февраля 2021 года соцсети должны блокировать запрещенную информацию, в том числе и анонсы протестных акций. Весной Роскомнадзор замедлял Twitter, накануне выборов в Госдуму блокировали Google.Docs, в которых сторонники Навального разместили списки рекомендаций «Умного голосования». Власти потребовали от Apple и Google удаления приложений ФБК**, Telegram блокировал бот «Умного голосования» в дни выборов, ссылаясь на закон о дне тишины, который не действует во время многодневного голосования.

Правоохранители

С 2019 года репрессии все глубже проникают в повседневную жизнь: раздача статуса «иноагентов» физлицам, визиты полицейских после акций протестов, увольнения и отчисления из-за гражданской позиции. Новые обороты набирает финансовое давление на активистов. Кроме растущих штрафов за «политические» статьи КоАП, силовики стали требовать с предполагаемых организаторов митингов компенсацию расходов за работу на акциях. В 2019 году эту тактику применяли в Москве.

В этом году так стали делать и в регионах: в начале октября в Челябинске суд взыскал с местных активистов больше 2 миллионов рублей за работу полиции на зимних протестах. В конце сентября МВД в Уфе собиралось взыскать 1,1 миллиона рублей с местной активистки Ольги Комлевой, но суд отказался удовлетворить иск силовиков. В Кирове МВД снизило первоначальную сумму на 40%, суд удовлетворил иск силовиков.

Жертвами политического давления становятся и родственники оппозиционных политиков. Олег Навальный получил второе уголовное наказание по «санитарному делу», в 2018 году он вышел из колонии после отбытия срока по делу «Ив Роше». В СИЗО находится отец Ивана Жданова, по делу Дмитрия Гудкова проходит его тетя.

Российские первые лица отрицают репрессии в отношении гражданского общества. Владимир Путин уверен, что в России «нет массовой записи в «иноагенты» и риска уголовного преследования из-за этого статуса. Дмитрий Песков называет политическое поле страны «богатым и многообразным» и критикует присуждение премии Сахарова Алексею Навальному, уверяя, что

Европарламент «конкретно в этом эпизоде, конкретно в истории с этим осужденным, отбывающим наказание, просто не располагает достоверной информацией».

* Внесены Минюстом в реестр незарегистрированных объединений, выполняющих функцию «иностранного агента».

** Мосгорсуд признал ФБК и «штабы Навального» экстремистской структурой и запретил его деятельность на территории РФ, внесены Минюстом в список НКО, выполняющих функцию «иностранного агента».

*** Генпрокуратура признала организацию «нежелательной» на территории России.

**** Внесены Минюстом в реестр СМИ-«иностранных агентов».

Новая газета 05.11.2021. Автор Павленко О.

Избирательные охранители

Глава ЦИК просит полицию перестать мешать сборщикам подписей

Председатель Центризбиркома Элла Памфилова, в пятницу, 16 июля, заявила, что направила обращение на имя главы МВД Владимира Колокольцева, в котором просит оказывать содействие сборщикам подписей за выдвижение кандидатов на выборы. В течение двух дней в Петербурге происходили задержания волонтеров трех независимых кандидатов: Саввы Федосеева, Ирины Фатьяновой и Рины Мацапулиной.

Первые задержания сборщиков произошли 14 июля. Двух волонтеров Рины Мацапулиной (кандидат по 2-му округу) забрали в 76-й отдел полиции. В течение двадцати минут были задержаны еще два человека. Сразу после Ирина Фатьянова (кандидат по 3-му округу) сообщила, что полиция заставила ее сборщиков убрать стол, на котором оформлялись подписи, а также сфотографировала одного из волонтеров. Через пять минут поступила информация о задержании двух сборщиков кандидата Саввы Федосеева (17-й округ).

На следующий день ситуация повторилась: сборщиков Ирины Фатьяновой пыталась прогнать полиция, говоря, что их деятельность является пикетированием. После этого вновь были задержаны сборщики Саввы Федосеева.

Возмутившись случившимся, Ирина Фатьянова и Рина Мацапулина обратились в ЦИК и петербургский избирком. Они требовали повлиять на ситуацию с воспрепятствованием сбору подписей. Получив эти документы, председатель ЦИК Элла Памфилова обратилась к министру внутренних дел Владимиру Колокольцеву с требованием повлиять на сотрудников, чтобы те не препятствовали пассивному избирательному праву граждан. Госпожа Памфилова настаивала, что полицейские не только не должны мешать сборщикам, но и должны оказывать им посильную помощь. Однако эффект был не стопроцентный: 15 июля три сборщика Саввы Федосеева вновь были задержаны.

Статьи полиция предлагала разные: кому-то 7.1 КоАП РФ (самовольное занятие земельного участка), кому-то 8.6.1 КоАП СПб (нарушение санэпидемином), кому-то 20.2 (нарушение правил проведения публичного мероприятия), однако штрафов пока никому не выписали.

Рина Мацапулина отмечает, что «охота» объявлена на всех независимых кандидатов, однако к ней есть особое внимание. «Причины могут быть самыми разными. Допрос (через четыре дня после выдвижения.— “Ъ”) я, например, связываю в том числе с моим недавним назначением на пост зампреда ЛПР, так как было много вопросов об этом на допросе. А задержания — с нашим решением поставить агитационный куб. В этом электоральном цикле мы были первыми, кто на это пошел, поэтому и машину получения по шапке тоже первые на себе опробовали. После реакции Памфиловой на мое обращение кажется, что ситуация улучшилась. Да, оба дня все еще на точки наведывалась полиция, однако ограничивалась переписыванием данных паспортов и уезжала. Мы были готовы к задержанию, и полиция, которая к нам приехала, так же была намерена нас увозить, по их же словам. Но потом они куда-то позвонили и уехали, никого не тронув», — рассказала госпожа Мацапулина.

Ирина Фатьянова ждет от ЦИК или ГИК бумаг, которые можно было бы предъявить полиции. «Нам уделяется максимальное внимание со стороны как полиции, так и территориального избиркома. Сотрудники мешают сбору подписей, это, безусловно, раздражает. Элла Памфилова пока

только сделала письменное заявление, а его полицейским не предъявишь. Сборщиков, которые без столов и роллапов, трогать сейчас перестали, но в остальном все по-прежнему. Так что от заявления главы ЦИК нам ни жарко, ни холодно», — рассказала кандидат. Савва Федосеев не смог дать оперативный комментарий.

Городская избирательная комиссия намерена рассмотреть жалобы только в понедельник. Омбудсмен по правам человека в Петербурге Александр Шишлов потребовал принять меры против воспрепятствования работе сборщиков от главы МВД Петербурга Романа Плугина.

Коммерсант 19.07.2021. Дилимбетов О.

«Силовики сделали очередной подарок Алексею Навальному»

Дмитрий Дризе — о реакции власти на действия правоохранительных органов

В Кремле не считают нужным наказывать сотрудников правоохранительных органов за якобы чрезмерное применение силы в ходе протестных акций. Поводом для дискуссии стал инцидент в Санкт-Петербурге, когда омоновец ударил в живот женщину, пытавшуюся встать у него на пути и узнать, куда тот ведет задержанного. Поступок полицейского сначала официально осудили, однако затем представители власти изменили свое мнение о случившемся, пошли заявления о том, что силовиков, наоборот, следует наградить за хорошую работу. Политический обозреватель “Ъ FM” Дмитрий Дризе считает, что у власти нет четкого плана, как реагировать на происходящие события.

Станет ли петербурженка Маргарита Юдина, дай бог ей здоровья, конечно, «русским Джорджем Флойдом», героем новых отечественных протестов и одновременно сакральной жертвой? С высокой долей вероятности именно это обстоятельство и заставило российскую властную вертикаль в один день изменить позицию на прямо противоположную. Впрочем, есть и второй аспект — в непростое время с полицией нужно быть поласковее, иначе мало ли что.

Итак, в ходе разгона протестных акций омоновец, проводивший задержание, ударил ногой в живот 54-летнюю женщину Маргариту Юдину. Все это зафиксировано на видео. Она встала на его пути, чтобы спросить, за что парня волокут в автозак. Инцидент для равнодушной гражданки закончился больницей. Естественно, прогрессивное сообщество возмутилось, да и не только оно одно, но и власть тоже. Более того, вертикаль явно попыталась этот процесс возглавить, перехватить ситуацию у оппозиции. *По какой статье могут осудить ударившего женщину в живот сотрудника правоохранительных органов.*

Сам провинившийся заявил, что ничего не видел, поскольку забрало шлема запотело. Это вызвало еще больший всплеск возмущения и волну мемов в интернете. Силовики дружно бросились извиняться, сам нарушитель пришел с цветами в палату к пострадавшей, просил простить, что, мол, бес попутал. А руководство ГУВД также грозило, что не оставит действия своего сотрудника без последствий. Кампания стала разрастаться как снежный ком, депутат-единоросс Александр Хинштейн написал заявление в Следственный комитет с требованием проверить действия полицейского. Казалось, его как минимум уволят.

И вдруг на следующий день позиция власти сменилась на диаметрально противоположенную. Сначала главный телевизионный лик Владимир Соловьев назвал произошедшее провокацией, а омоновца предложил наградить квартирой, Хинштейн забрал заявление, в Госдуме депутат Андрей Исаев под аплодисменты коллег произнес речь о том, какие разумные и грамотные у нас силовики — берегут наш мирный труд от экстремистов и провокаторов: «За редким исключением эти люди, очень достойные граждане нашей страны, действовали профессионально, мужественно, умело, с достоинством и честью, защищая безопасность людей, законность и независимость нашей родины».

Ну и, своеобразную точку поставил Дмитрий Песков, заявив, что не нужно было устраивать несанкционированные акции. Иными словами, все зло — это Навальный и компания, а полиция, наоборот, думает о нашей с вами безопасности:

— Они выполняли свою работу, пытаясь спасти город от агрессивных молодчиков.

— То есть женщина, которая просто выходит и спрашивает, за что забрали парня, представляла настолько серьезную опасность?

— Это отдельный случай, по которому была незамедлительная реакция полиции.

Между тем произошедшее четко продемонстрировало, что в товарищах согласия нет. Правая рука не знает, что делает левая и наоборот. Нет четкого плана реакции на происходящее. Можно даже назвать это растерянностью, а ведь все просто: есть закон, суды, правила работы полиции, а также права человека и гражданина. Если всем этим руководствоваться, то, очевидно, проблем было бы меньше. А так приходится на бегу корректировать повестку, и получается, что силовики сделали очередной подарок Навальному, да и не только они одни. Вся эта хаотичная реакция явно не способствует стабильности. Вот так и рождаются очередные Джорджи Флойды.

Коммерсант 26.01.2021. Д. Дризе

Володин назвал действия правоохранителей на протестах 23 января «филигранными»

Спикер Госдумы Вячеслав Володин высоко оценил работу правоохранительных органов в ходе протестных акций в поддержку оппозиционера Алексея Навального 23 января. Заявления об отравлении политика он назвал провокацией с целью ввести новые санкции против России.

«Правоохранительные органы действовали очень эффективно, филигранно, задерживали тех, кто понимал, что нарушают закон, — сказал господин Володин в интервью радиостанции «Комсомольская правда». — Плохо то, что в митинговые протесты вовлекли детей. В цивилизованном обществе детей нельзя использовать. Это напоминает времена Великой Отечественной войны, когда, видя угрозу, ставили перед собой детей, женщин, стариков».

По мнению господина Володина, вся история с отравлением оппозиционера — провокация. «На основании этой провокации объявляют санкции. Это все бьет по нашей стране, по благосостоянию граждан, по экономике нашей страны, по престижу нашей страны», — сказал он.

На протестных акциях в субботу, 23 января, задержаны 3893 человека, подсчитала команда «ОВД-Инфо». В некоторых случаях правоохранители применяли силу. По словам корреспондента «Новой газеты» Елизаветы Кирпановой, кто-то из полицейских ударил ее дубинкой по голове, несмотря на надетую «яркую желтую жилетку с надписью "Пресса"». По данным профсоюза журналистов, на протестах пострадали больше 50 сотрудников СМИ. Широкий резонанс получило видео, запечатлевшее, как сотрудник полиции с силой ударил ногой в живот женщину. Комментируя действия этого полицейского, господин Володин сказал, что «ему мешали».

Коммерсант 26.01.2021

Нагнетается определенный психоз»

Митинг КППФ против принудительной вакцинации кончился задержаниями

В Москве прошла акция столичного отделения КППФ против обязательной вакцинации от COVID-19. Мероприятие было заявлено как не требующая согласования встреча депутатов Госдумы с избирателями, но по факту в Новодевичьем сквере прошел настоящий митинг — с множеством выступающих, звукоусиливающей аппаратурой, флагами, скандированием лозунгов и потасовкой с провокаторами. Речи со сцены тоже не ограничивались коронавирусной повесткой. Полиция, впрочем, не вмешивалась — пока один из выступающих не вспомнил о технологии «Умное голосование» оппозиционера Алексея Навального.

Мэр Москвы Сергей Собянин еще полтора года назад категорически запретил проведение массовых мероприятий, к которым были причислены даже одиночные пикеты, что уж говорить о политических митингах. Но с недавних пор столичное отделение КППФ вспомнило про формат «встречи депутата с гражданами», который не требует согласования с властями и теоретически не является «мероприятием». В мае депутат Госдумы Валерий Рашкин протестировал эту лазейку, устроив возле МГУ «встречу» для обсуждения закона о госрегулировании просветительской деятельности. Тогда полиция хоть и задержала два десятка граждан, но проведению акции не мешала.

Видимо, опыт был признан успешным — и новая акция уже даже не особо маскировалась под «встречу». На ступенях Новодевичьего сквера были установлены массивные колонки и микрофонные стойки, здесь же развевались алые флаги КППФ.

Все как на митингах. Растянувшись по скверу, от жары изнывали около 250 человек, минимум 50 из которых — журналисты.

В 16 часов к Валерию Рашкину подошли трое полицейских — просто поздороваться. Тот начал клятвенно обещать, что «если будет какая-то не та тема» — сразу заберет у выступающего микрофон. «Николай Григорьевич! Здравствуйте!» — обрадовался один из тройки депутату Мосгордумы Зубрилину. Мужчины горячо пожали друг другу руки и разошлись — одни охранять, а другие ругать власть.

Оказалось, что господин Рашкин немного слухавил в своих обещаниях: в своем выступлении он сразу же упомянул «не ту тему»: «Сколько звонков я получаю! Раньше только по одному антинародному закону было столько — по поводу пенсионного возраста». Депутат начал перечислять жалобы граждан на «принуждение к вакцинации»: «я не хочу — и меня увольняют», «меня не отпускают в отпуск», «не записывают в поликлинике на прием», «не хотят делать плановую операцию, я завтра умру».

Отметим, если бы господин Рашкин был СМИ, то его могли бы привлечь к ответственности по «закону о фейках», откажись он назвать имена обратившихся. Но он, будучи человеком и депутатом, продолжал стращать граждан — потенциальных избирателей, которых в сквере заметно прибавилось: «Завтра будут принуждать. Не ширнулись — не пускают в метро, детей в школу, студентов — в вузы. И дойдут до самого большого маразма — не выпустят из квартир, пока вы не ширнетесь, не вакцинируетесь».

Маразм крепчает, громогласно констатировал со сцены Валерий Рашкин, и пример тому — противоречия в словах президента Владимира Путина.

«Помните, он сказал, что вакцинация должна быть добровольной? Подтверждаете?» — «Да! Да!» — отозвались в толпе. «И словно команду дал Пескову своему (имеется в виду пресс-секретарь президента Дмитрий Песков.— “Ъ”)! И он пургу там, *** несет! — распалялся депутат.— Говорит тем, кто не вакцинирован, придется принять эту ношу. Что вы — недочеловеки!» Толпа отозвалась недовольным гулом.

Вероятно, разгорячившийся депутат имел в виду заявление Дмитрия Пескова от 24 июня. Господин Песков тогда посоветовал сменить работу тем, кто работает в сфере услуг, но не хочет прививаться. Позже он же подчеркнул, что вакцинация в Москве и регионах остается добровольной, и заявил, что в Кремле ничего не знают о противниках принуждения к вакцинации и каких-либо протестах по этому поводу.

Полицейские сделали вид, что не услышали нецензурной брани депутата в общественном месте, хотя не так давно их коллеги легко доказали суду, что именно по этой причине задержали ночью активиста Pussy Riot Александра Софеева и фотографа Дмитрия Воронцова. Со стороны «Макдоналдса» робко донеслось из громкоговорителя: «Уважаемые граждане, просьба соблюдать социальную дистанцию». Чуть дальше молодой человек в зеленом жилете, сопровождаемый двумя полицейскими, предупреждал собравшихся об опасности коронавируса. Впрочем, здесь была и другая опасность — получить тепловой удар. Многие митингующие — то есть участники встречи с депутатом — прятались в тени деревьев по бокам сквера, садились на газоны и делали шапки-лодочки из газет КПРФ.

«Владимир Владимирович — человек слова. Сказал — и взял обратно», — продолжал Валерий Рашкин.

Он окончательно свернул с коронавирусной темы и припомнил президенту обещания не менять Конституцию и не повышать пенсионный возраст. Тем временем к трибуне прорывался гигантский Чебурашка — мужчина в ростовом костюме, сжимавший ящичек апельсинов. Дружинники с красными повязками стойко защищали господина Рашкина от Чебурашки. Похоже, что поклонник мультипликационного персонажа буквально преследует депутата от КПРФ: до этого он был и на митинге — то есть «встрече» — по теме просветительской деятельности.

«Это провокатор», — закричала женщина в шляпе. Несколько минут полиция наблюдала, как журналисты и противники вакцинации гоняют Чебурашку по скверу. Когда тот упал и рассыпал апельсины, полицейские сжалились и увели его.

Слово взяла Нина Останина — руководитель аппарата фракции КПРФ в Госдуме, экс-депутат четырех ее созывов, а также кандидат в новый. Госпожа Останина зачитала собравшимся (которых было уже явно более 500) «обращение гинекологов Москвы», извинившись, что не может назвать учреждения и фамилии подписантов. «Вышло распоряжение об обязательной вакцинации будущих мам, — заявила она (вероятно, имеется в виду удаление беременности из списка противопоказаний для прививки от коронавируса. — “Ъ”). — Дорогие женщины, вспомните! Когда вы собирались стать матерью, любая таблетка — даже при простуде! — принималась вами после обсуждения с врачом. Потому что это могло нанести вред будущему ребенку. Сегодня никто не довел до нашего сведения, как скажется вакцинация не только на самой матери, но и на будущем ребенке».

Далее Нина Останина потребовала созвать «чрезвычайное заседание» ГД и МГД, а потом объявила предстоящее 19 сентября (единый день голосования за кандидатов в Госдуму. — “Ъ”) «днем всероссийского сопротивления».

Захлопали все, кроме круглого, как солнце дружинника, отбившегося недавно от Чебурашки, он стоял спиной к ораторствующему начальству и с наслаждением распылял воду себе в лицо. Напряжение росло, как и столбик термометра. К «Макдоналдсу» подъехали автозаки, из них вышли два десятка полицейских и группами разошлись по скверу.

«Нагнетается определенный психоз! И когда в обществе наступает разделение, власть манипулирует и теми, и другими» — это вышел на сцену депутат Мосгордумы Николай Зубрилин. Он стал говорить о том, что цены на пиломатериалы и металл взвинчены и что «за мишурой коронавируса» власть не показывает населению главного. Господин Зубрилин доказывал людям, обмахивающимся газетами, что лечение одного ковидного больного «стоит 220 тысяч», а в коммерческих клиниках — «все 500». Потом он внезапно заговорил про 1947 год: «На Нюрнбергском процессе были осуждены все, кто относился к незаконным медицинским опытам! Медики были повешены и посажены».

За выступлением депутата внимательно следил мужчина в белой футболке. На ней спереди было написано «Нет хостелу», а сзади — «За детский сад». Мужчина представился Владимиром и рассказал, что пришел сюда за поддержкой: «В четырех километрах от Кремля надземную парковку нашего дома превращают в хостел, мы боремся, а толку нет. Нам нужен детский сад, а не крупнейшая в мире гостиница для мигрантов». По поводу повестки митинга он заявил, что привит, и на всякий случай добавил, что политика его не интересует.

«Приносите ваших детишек, я их за ужином скушаю!» — доносилось со сцены. Мужчина в майке с оскалом волка заводил толпу, крича, что «фашизм не пройдет». Это был лидер движения «Родители Москвы» Алексей Плохов. К Валерию Рашкину снова подошли полицейские, и он передал толпе «последнее предупреждение» правоохранителей: «Они сказали, что задержат всех, кто будет выступать. Кто хочет выступить?» Многие подняли руки. «Забирайте всех!» — щедро предложил оторопевшим полицейским депутат.

Хитрость явно удалась: люди стали кричать «Народ — власть!», полицейские растерянно топтались, а господин Рашкин позвал выступить другого активиста «Родителей Москвы» Владимира Щербака.

Он стал говорить, что ему есть что терять — жену и детей, привитых от полиомиелита, и внезапно заплакал. Толпа поддержала его удивленными и потому редкими шлепками ладоней. Мужчина успокоился: стал благодарить актера Егора Бероева (недавно тот, надев желтую звезду, выступил против «принуждения к прививкам»), призвал бойкотировать QR-коды (их вводят в Москве с понедельника для доступа в кафе и рестораны), а потом вдруг обратился к ФСБ, «бойцам невидимого фронта»: «Пятая колонна во власти опаснее, чем мы могли представить. Они являются носителями чело́веконенавистнической идеологии трансгуманизма, прямыми идейными наследниками нацистов, и по делам их вы узнаете их. Выявлять их не моя задача, но я могу подсказку дать: ребята, посмотрите, кто в последние пару лет контактирует со Всемирным банком».

Инструкция по получению QR-кода в Москве

Удивительно, но то же самое движение «Родители Москвы» в мае протестовало против закона о просветительской деятельности, утверждая, что он «установит госмонополию на знание» и «контроль над мыслью», которые приведут к «слабоумию страны».

В сквере волонтеры собирали подписи «против закона о вакцинации». «Уже собрали тысячи»,— радостно сказала корреспонденту “Ъ” девушка-волонтер, она заверила, что все подписи будут отправлены «в правительство». «Народ и армия едины,— продолжал кричать с трибуны "родитель Москвы".— Один из сценариев нашего уничтожения — голод. Придется заниматься охотой и собирательством. Саботируйте электронное голосование, приходите в последний день и голосуйте по системе "Умного голосования"».

Возможно, именно это стало последней каплей. Из серого автозака Росгвардии вывалились несколько десятков силовиков в жилетах ОМОН.

Они начали перекрывать выходы из сквера со стороны Тверской. В этот момент женщина со значком «Вакцинация или жизнь» начала объяснять корреспонденту “Ъ”, что она «математик с тремя детьми», что «против принуждения», что «надо допустить врачей к выступлениям по телевизору» и «устроить полемику»... Но тут начались задержания. Рядовые полицейские уводили и даже уносили людей в автозаки, сотрудники ОМОНа их страховали — отодвигали активистов, которые пытались отбить своих. У кого-то это получалось. Когда в автозак буквально поволокли молодую девушку, на омовца налетела женщина с тростью. Она принялась бить его по рукам свободной от трости ладонью и кричать: «Отпусти, сука!»

«Просьба» подействовала — девушку отпустили, а разъяренная женщина просто осталась пыхтеть на месте, оглядываясь и не понимая, куда пропала спасенная. Неподалеку, обходя ОМОН, шагала старушка с повязанным на голове флагом России. «Позо-о-ор, позо-о-ор»,— напевала она вслед задержанию Николая Зубрилина.

На трибуне спешно принимали резолюцию. Понять, чего она касалась, было невозможно — полиция переключила на себя все внимание, создав на всей территории сквера несколько точек конфликта. Из колонок было слышно, как Валерий Рашкин провозгласил, что резолюция принята «единогласно». На голоса унесенных в автозаки он явно уже не рассчитывал.

Приняв резолюцию, Валерий Рашкин в сопровождении полиции почти побежал по Тверской. Группа примерно из 40 человек торопилась следом — все были уверены, что их лидера задержали. Однако Валерий Рашкин, дойдя до ближайшего входа в метро, нырнул туда. «Поехал вызволять товарищей»,— пояснил “Ъ” по телефону активист КПРФ Владислав Мезецкий. По данным «ОВД-инфо», задержано было минимум восемь человек.

Коммерсант 22.11.2021. Автор Старикова М.

«Протестующих слишком мало, чтобы они могли повлиять на ситуацию»

Тимур Филиппов о протестах против QR-кодов

В Новороссийске начали собирать подписи против QR-кодов, обязательных с 22 ноября для посещения кафе, торговых центров и других общественных мест. Накануне в городе прошел сход, на котором участники выступили против «цифрового рабства». Адвокат Тимур Филиппов рассказал «Ъ-Кубань», имеют ли коллективные жалобы юридическую силу и смогут ли протестующие как-то повлиять на ситуацию.

«В соответствии со ст. 2 ФЗ "О порядке рассмотрения обращений граждан РФ" россияне вправе обращаться в органы власти и местного самоуправления, в том числе и коллективно. Со своей стороны органы власти обязаны дать мотивированный ответ на такое обращение в течение 30 суток. При этом факт массового обращения граждан к власти в современных реалиях, как правило, влечет обратную реакцию.

В случае с QR-кодами отечественное законодательство позволяет ограничивать права населения, поскольку конституция, трудовое законодательство и нормативные правовые акты предусматривают ограничение прав граждан в условиях сложной санитарно-эпидемиологической обстановки. Не стоит забывать и о том, что в российских судах уже пытались оспорить вводимые ограничения, однако суды последовательно поддерживают исполнительную власть и встают на сторону введенных ограничений, указывая в своих решениях, что ограничения сами по себе не нарушают право передвижения или иные права граждан России.

Также стоит вспомнить, что уже больше года законодательство содержит нормы, предусматривающие ответственность и за правила поведения в условиях режима повышенной

готовности на территории, где существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации. А массовое заражение людей смертельно опасной инфекцией вполне может попадать под этот критерий.

Кроме того, правительство России внесло в Госдуму законопроекты, которые призваны унифицировать применение QR-кодов по всей стране. В случае их принятия с 1 февраля 2022 года россияне смогут посещать места проведения массовых мероприятий, культурные учреждения, объекты общественного питания и розничной торговли с предъявлением либо сертификата о прививке или перенесенном заболевании, либо медотвода от вакцинации.

В некоторых регионах полиция начинает жестко пресекать попытки протеста против ограничительных мер. Активистов вызывают в полицию и инкриминируют им ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ (распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, создавшее угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан...).

Такая серьезная подготовка на высшем законодательном уровне и жесткое поведение правоохранительных органов и судов говорит о серьезности намерений власти ввести QR-коды для их повсеместного применения. Протестующих слишком мало, чтобы они могли повлиять на ситуацию и заставить власть прислушаться к их мнению». После принятия соответствующего закона контроль за его соблюдением будет ужесточаться, а попытки протестовать будут пресекать.

Коммерсант 22.11.2021. Автор Филиппов Т.

Возбуждено уголовное дело об оскорблении судьи после акции нацболов

Как стало известно “Ъ-Приволжье”, уголовное дело №12002220006000134 по ч.2. ст. 297 УК РФ («Оскорбление судьи») старший следователь нижегородского управления СК РФ Карина Шилкова возбудила 13 ноября в 17:30. Основанием для расследования стала акция участников незарегистрированной партии «Другая Россия Эдуарда Лимонова», которые в тот день повесили на ограде нижегородского районного суда на улице Большой Покровской оскорбительный баннер, посвященный судье Михаилу Антонову. Таким образом нацболы, по их словам, отомстили за арест координатора партии Юрия Староверова, получившего 9 ноября пять суток по ч.2 ст. 20.2 КоАП РФ за организацию протестной акции.

О своем задержании господин Староверов подробно рассказал в собственном телеграм-канале. По его словам, 8 ноября на Театральной площади нацболы собрали родителей, недовольных дистанционным обучением школьников, и записали видеообращение к губернатору Нижегородской области Глебу Никитину. Полицейские забрали его в пятый отдел полиции на Нижневолжской набережной. Там ему предъявили организацию 16 августа одиночных пикетов в центре Нижнего Новгорода в поддержку протестующих в Хабаровске и Белоруссии и политзаключенных. «Чтобы закрыть меня, задним числом состряпали дело по событиям 16 августа, когда на Театральной проходили одиночные пикеты. А меня назначили их организатором. Из доказательств – только рапорт майора Курицына, которому показалось, что я распределял между участниками агитацию и “осуществлял расстановку и смену участников”. Мы с адвокатом угорали, такого он еще не видел», — рассказал Юрий Староверов о своем задержании после того, как господин Антонов осудил его. По словам нацбола, в полиции ему угрожали неким уголовным делом.

На выходе из спецприемника 13 ноября полиция задержала встречавшую Юрия Староверова его супругу Елену Миронычеву и вскоре отпустила без протокола, забрав у женщины телефон. В отделе МВД ей сообщили о проверке по уголовному делу о баннере, уточнив, что она якобы находилась рядом с активистами в тот день. Давать показания госпожа Миронычева отказалась, воспользовавшись ст.51 Конституции, позволяющей не свидетельствовать против себя и близких.

Вечером 13 ноября следователи СУ СК задержали и отвезли на допрос другого нацбола Романа Соломонова. В партии сообщили, что активиста отпустили после 14 часов следственных действий. «Из-за непрофессионализма старшего следователя Карины Шилковой опознание и обыск у нацбола прошли только под утро. В ходе обыска изъяты два телефона, компьютер и куртка», — заявили лимоновцы. По их словам, господина Соломонова склоняли к сотрудничеству оперативники

центра по противодействию экстремизму нижегородского МВД. Однако нацбол отказался давать показания, взяв ст. 51 Конституции. Следователи взяли с него подписку о невыезде.

Добавим, в 2014 году Юрий Староверов получил условный срок по ч.1 ст. 318 УК РФ после участия в несогласованной акции протеста на площади Свободы в Нижнем Новгороде. Во время митинга он схватил за шею сотрудника ОМОН, который якобы ударил по голове организатора акции Екатерину Зайцеву, и остановил нападение на фотографа Илью Мясковского. В феврале 2016 года Останкинский райсуд Москвы заменил условный срок реальным на основании «неоднократных грубых нарушений общественного порядка». В марте 2017 года Юрия Староверова перевели в колонию-поселение, в феврале 2019 года нацбол освобожден досрочно.

Коммерсант 16.11.2021. Автор Рыскаль Р.

Колыбель «космонавтов»

В жестоком обращении с протестующими Петербург обогнал всю Россию: массовые задержания, избиения, электрошокеры без разбора и смысла

На акции 21 апреля в Петербурге, по данным «ОВД-инфо», задержано 806 человек. Это в 30 раз больше, чем в Москве, и около половины задержанных по всей стране. При этом данные МВД о числе участников в Питере — 4,5 тысячи. Получается, повязали каждого пятого? Или все-таки вышло не четыре с половиной тысячи человек, а сильно больше?

К акциям в поддержку Навального власти готовились так, будто не верили, что «никому не нужного» блогера и зека может поддержать лишь незрелая школота. В Петербурге численность критиков президента, видимо, оценивают так, что к выходу на улицы мирных горожан готовились как к вторжению вражеской армии.

Омоновцы носились по Петербургу в броуновском движении, наугад выхватывая жертвы. Задержанных не забывали отходить дубинками или подсечь электрошокерами. Хотя сопротивляться вооруженным и закованным в латы бойцам никто не пытался. Когда стемнеет и демонстранты разойдутся, «космонавты» еще долго будут лихорадочно менять дислокации, перекрывая то одну пустую улицу, то другую.

О количестве участников акции — 4,5 тысячи человек — ГУ МВД по Санкт-Петербургу и Ленобласти сообщило к вечеру среды. Даже если предположить, что полиция, как обычно, занижает масштаб протеста примерно вдвое, все эти люди свободно, не нарушая социальную дистанцию, могли разместиться на Дворцовой площади (5,4 тысячи квадратных метров), где и предлагали собраться организаторы мероприятия. Там они бы прокричали примерно то, чего требуют от президента Путина звезды мировой культуры. И, промокнув под дождем, усталые, но довольные вернулись бы домой.

Так события могли развиваться, если бы мирная акция просто состоялась, а власти, проявив мудрость, ее проигнорировали. Но не таковы питерские власти, чтоб пустить поддержку Навального на самотек. Они сделали все, чтобы придать событию масштаб, размах и резонанс.

За основу взяли тактику, опробованную минувшим летом в Минске: не дать демонстрантам прийти в назначенное место. И протест, который мог быть локализован на одной Дворцовой, разлился по всему центру города.

Уже с утра в среду центр Петербурга был заставлен и перегорожен металлическими решетками. Их откалибровали, выкрасили в строгий серый цвет, подперли подобранными в тон аккуратными рядами бетонных пирамидок, на какие обычно ставят дорожные знаки, получилось очень красиво. В эту красоту и уткнулись утром автомобилисты, спешившие на работу. Поперек улиц, втекающих в Невский, поставили самосвалы. «Яндекс.Карты» показывали пробки у Невского черным цветом. Площадь перед Театром юных зрителей, еще одно популярное место протестов, перекрыли ряды «юных зрителей» в скафандрах.

На Дворцовой с утра началась репетиция парада Победы. Военных сменила коммунальная техника. Под проливным дождем она мыла площадь. В шесть вечера все подходы к стерильной Дворцовой уже охраняла Росгвардия. В конце Невского с четной стороны людей ждал тупик — строй гвардейцев, с нечетной такие же бойцы помогали гражданам свернуть налево — подальше от площади.

— Проходите, не останавливайтесь, — три дюжих полицейских в масках и в латах подталкивали двух немолодых женщин, остановившихся поговорить.

— Почему нам нельзя стоять на проспекте? — возмущалась одна. — Почему вы так со мной разговариваете?!

Другая спросила полицейских, где их жетоны. Завязалась перебранка. У одного жетона не было совсем, у двоих они были прикрыты лямками бронежилетов.

— Не покажу я вам свой жетон, я вообще не знаю, кто вы, — хохотал в лицо женщине тот, что без жетона, демонстративно стиснув кулаки в перчатках. — Должен? Да что вы говорите? Да жалуйтесь куда хотите!

Храбрые женщины не отступали, а к перепалке стали проявлять интерес прохожие. Бойцы ретировались.

— Да я их и не боюсь, — пожимала потом плечами одна. Имя она называть не стала, но сказала, что ей 62 года. — Я и на сайте Навального регистрировалась, и адрес свой оставляла. Чего их бояться? Дело ведь не в Навальном, я не из-за него пришла, а потому, что у нас система в стране совершенно отвратная.

— Как в Северной Корее, — подсказала вторая.

— Хуже, — махнула рукой первая. — У них не было глотка свободы, а у нас был, а потом его отняли.

Тем временем по отмытой и совершенно пустой Дворцовой строем бежали взад-вперед «космонавты». Как будто теперь репетиция была у них. Люди, которых не пустили на площадь, начали скапливаться на соседних улицах и тянулись к Александровскому саду. Там их тоже ждали. Выстроившись цепью, гвардейцы шли на прохожих, тесня их дальше и дальше вглубь сада.

Стало понятно, что люди за Навального все-таки вышли. Их было много. Толпы горожан разных возрастов текли по дорожкам сада сначала к фонтану, а потом дальше — к Сенатской. Они скандировали: «Навальному свободу», «Свободу политзаключенным», «Россия будет счастливой». Пожилая женщина в очках и светлой шапочке старательней, чем молодые парни рядом, кричала: «Мы здесь власть!» К толпам тех, кто не попал на Дворцовую, присоединялись люди, которые еще утром никуда идти не планировали.

— Я в очереди к врачу сидела, когда дочка позвонила и сказала, что происходит в городе, — рассказывала Раиса Александровна. — Встала и пошла сюда. Дочка у меня юрист, 49 лет, хорошо Медведева знает, училась у него.

С разных сторон, по дорожкам сада и по траве, наступали «космонавты». Одни бежали, держа впереди щиты, другие наступали медленно, потряхивая дубинками. И тут они начали людей брать.

Брали хаотично. От большой серой стаи шлемоносцев медленно отделялись человек восемь — десять, постукивая дубинками себе по голени. Постепенно ускоряясь, переходили на бег и рывком догоняли жертву. Хватали первого, кого достанут. Вели в автозак, кого-то валили на землю. Еще хуже будет потом, когда станет ясно, что демонстранты не испугались.

От памятника Петру Первому люди пошли к Николаю Первому — в сквер у Исаакиевского собора. По пути их тоже ловили. Щуплого парня двое здоровенных гвардейцев чуть не расплющили о железную решетку, чтобы отнять у него российский триколор. Вся вина парня была в том, что он нес государственный флаг.

Около восьми вечера возле Исаакия могло показаться, что протест кончился. На самом деле к этому времени начались «догонялки»: потоки людей, не попавших на Дворцовую, растеклись по всему центру, гвардейцы не успевали перебрасывать силы.

Тем временем еще одна группа демонстрантов, не попавших на Дворцовую, дошла до Сенной и теперь двигалась оттуда по переулку Гривцова. Скучавшим у «Астории» гвардейцам кто-то яростно проорал что-то по рации. Они встрепнулись и толпой человек в пятьдесят двинулись к переулку. В переулке Гривцова «космонавты» встали поперек улицы, грозно расставив ноги, будто готовились встретить вражеские танки. Со стороны Сенной несся гул, он становился громче, наконец, стало понятно, что толпа скандирует: «Питер, выходи — Путин, уходи!» В наступивших сумерках хорошо были видны огоньки над колонной. На омовцев грозно надвигались люди с фонариками, поднятыми надо головой. Гвардейцы ожили и помчались на огоньки.

Людей с фонариками винтили жестко. Кого-то отходили дубинками, кого-то били электрошокером. Все это снимали журналисты разных изданий, кадры появлялись в разных лентах. На набережной Мойки ждали автозаки. Два автобуса там забили задержанными под завязку. Но чем ближе к Сенной продвигались гвардейцы, тем дальше приходилось тащить людей к автозакам. Их подогнали к Сенной. Туда же передислоцировались отряды «космонавтов». Из метро голос объявлял, что станция закрыта, еще две соседние тоже. «По техническим причинам». Колонны автозаков и полицейских микроавтобусов стояли вдоль Садовой улицы, превратив ее в одну сплошную дудящую пробку. Гвардейцы мрачными группами слонялись по площади. Вдруг одинокий голос со стороны метро прокричал распространенную идиому в адрес президента. Омоновцы так обрадовались, что рванули на голос вдесятером.

После девяти вечера в телеграм-каналах еще появлялись новости, что демонстранты идут то на Невский — к Александринке, то на площадь перед ТЮЗом. Но сумерки уже становились ночью, в десятом часу все стало утихать, в десять и штаб Навального попросил всех разойтись.

Пустым, перекрытым, оглохшим и одуревшим, зато с отмытой до блеска Дворцовой площадью Питер закончил этот день.

Новая газета 26.04.2021 Автор Тумакова И.

Гостиница с полицейскими звездами

Начальника отдела УГРО судят за побои и удержание женщины в номере отеля.

Адвокаты называют его "непревзойденным профессионалом сыска"

В Оренбургской области начался суд над начальником отдела уголовного розыска 18-тысячного города Абдулино, майором полиции Александром Пожитковым. Его обвиняют в превышении должностных полномочий с применением насилия.

По версии следствия, полицейский, чтобы якобы улучшить показатели раскрываемости, задержал в Абдулино местную жительницу Наталью Царькову, после чего избил ее в отделении, требуя показаний против ее родственников по делу о разбойном нападении. Затем, согласно материалам дела, он якобы поручил отвезти Царькову в гостиницу, приставил возле дверей своих подчиненных и незаконно удерживал женщину в номере около суток. Теперь Пожиткову может грозить до 10 лет лишения свободы.

История началась в сентябре 2020 года, когда в полицию обратился житель Абдулино Фанис Шарапов. Он заявил, что на него напали два человека. И предположил, что это могут быть местные жители Иван Моисеев и Вадим Михайлов.

"Не убедившись", согласно обвинительному заключению, "в достоверности показаний Шарапова", Пожитков решил опросить тещу Моисеева и Михайлова Наталью Царькову. Царькова вспоминает, что полицейские приехали к ней 6 сентября и предложили проехать в отдел: "Я не знала, зачем они меня туда привезли. В кабинете мне сказали, что на Шарапова было совершено нападение, что якобы его совершили мои зятья и якобы я попросила их избить Фаниса. Я ответила, что понятия не имею, о чем речь.

Пожиткову, очевидно, такой ответ не понравился, он начал орать на меня, а затем ударил рукой по шее так, что я упала на пол". В обвинительном заключении (копия есть у "Новой газеты") говорится, что в итоге Царькова дала нужные полицейским показания. После этого Моисеев и Михайлов были задержаны.

Хотя у Царьковой был статус свидетеля, Пожитков, видимо, считал ее подстрекателем. По версии следствия, он поручил подчиненным отвезти женщину в гостиницу "Степные огни", а своему начальству пояснил, что Царькова якобы опасается за свою жизнь и просит обеспечить безопасность. В СК утверждают, что таким образом Пожитков "организовал фактическое задержание женщины без составления протокола".

Поздно вечером оперативник Игорь Паршиков увез Наталью и потерпевшего Шарапова в гостиницу. По словам Царьковой, полицейский сказал ей: "Смотри не убеги и никому не звони". В материалах дела говорится, что он действовал так, потому что был введен в заблуждение.

"В гостинице мы [с Шараповым] провели ночь под присмотром двоих пэпээсников. По зданию мы не могли свободно ходить: полицейские нас сопровождали и в туалет, и в душевую, и в

курилку. При этом пэпээсники, видимо, сами были не в курсе того, что происходит, так как спрашивали, зачем нас вообще привезли сюда", - рассказала Царькова.

На следующий день Царькову снова увезли в отдел полиции, где прошли опросы и очные ставки с Моисеевым и Михайловым. Последние удивлялись, что Наталья говорит про них неправду, и отрицали свою причастность к разбойному нападению. Поздно вечером Царькову отпустили домой к детям.

8 сентября Царькову снова привезли в отдел, где Пожитков будто бы сказал ей, что убедился в непричастности Михайлова и Моисеева. "Наконец-то понял, что я изначально ему правду говорила", - замечает Наталья. Царькова написала на Пожиткова заявление. СК возбудил уголовное дело. В пресс-службе оренбургского УМВД "Новой газете" сообщили, что Пожитков отстранен от должности начальника отдела уголовного розыска, а "вопрос о привлечении его к дисциплинарной ответственности отложен до принятия решения судом".

Сам полицейский на суде заявил, что не признает свою вину. В своих показаниях (копия есть у "Новой газеты") Пожитков говорит, что Царькову не оскорблял, угрозы не высказывал, в кабинете с ней разговаривал вежливо.

"Также хочу пояснить, что Царькова клеветает о том, что якобы я ее ударил в область шеи, что она падала, так как все происходящее в кабинете видели многие сотрудники полиции", - добавил Пожитков. По словам полицейского, Царькова сама захотела поехать в гостиницу. "Я преследовал только цель устранения опасности, угрожающей Царьковой и Шарапову", - сказал он, не став уточнять, от кого именно исходила опасность.

Адвокат Пожиткова Наиль Хабибуллин в разговоре с "Новой" о невиновности полицейского заявил эмоционально: "Наш подзащитный обвиняется в превышении должностных полномочий заведомо незаконно, будучи невиновным, поэтому признаваться ему не в чем. Все представленные стороной обвинения доказательства, как бы это ни звучало парадоксально, идут в ногу с позицией защиты. Полагаю, что должностные полномочия превысили те, кто незаконно вторгся в деятельность отдела полиции, парализовав работу отдела уголовного розыска, и сфабриковал уголовное дело в отношении непревзойденного профессионала сыска Пожиткова. Очень надеемся, что суд услышит нас".

Стоит отметить, что этот скандал для Александра Пожиткова не первый. Как рассказал "Новой газете" юрист "Комитета против пыток"* Тимур Рахматулин, в августе 2019 года майор вместе с подчиненными приезжал в село Малый Сурмет к пожилой паре Клавдии и Алексея Кондрашовых, чтобы узнать, где находится их сын, которого разыскивали по делу о разбое. Семья Кондрашовых. Пострадавший от действий полиции глава семьи Алексей Кондрашов (слева) сейчас подает жалобу в ЕСПЧ

Кондрашовы заявили, что не знают его местонахождения, после чего между ними и полицейскими завязалась потасовка. Врачи зафиксировали у Алексея Кондрашова ссадины и гематомы на лице и голове, закрытую черепно-мозговую травму, сотрясение головного мозга, перелом ребра. Полицейские заявили, что мужчина сам напал на них с гаечным ключом. Обе стороны подали заявления в Следственный комитет, но уголовное дело возбудили только против Кондрашова - по статье о применении насилия в отношении представителя власти.

По жалобе Кондрашова СК выписал восемь постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела против полицейских, не найдя в их действиях состава преступления. В июне этого года юристы "Комитета против пыток" подали жалобу в интересах Кондрашова в ЕСПЧ.

Новая Газета 20.11.2021. Автор Русланников И.

3.3. Контексты, актуализирующие ценностные компоненты образа полицей в проправительственных американских газетах

Chicago police union head apologizes for defending mob

CHICAGO (AP) — The president of the Chicago Police officers' union apologized Friday for defending the pro-Trump mob that stormed the U.S. Capitol and downplaying this week's violence that left four people dead.

In a statement posted on Facebook, John Catanzara, called his "poorly worded" comments made during an interview with WBEZ, Chicago's public radio station, a lapse in judgment.

"I certainly would never justify any attacks on citizens, democracy or law enforcement," he wrote.

Catanzara has been a staunch supporter of President Donald Trump. In the initial comments, he characterized participants as supporters of the president who believed— as Trump has falsely claimed repeatedly—that the election had been stolen. Catanzara, who said he, too, believes that "something shady" had happened to secure the election for former Vice President Joe Biden, said the crowd had merely "pushed past security" and did not engage in violent acts such as looting or arson once inside.

But those comments were also made before officials announced that a U.S. Capitol police officer who had been injured in the melee had died. Catanzara did not mention the officer's death, saying only, "After seeing more video and the full aftermath, my comments would have been different."

Catanzara's initial comments drew harsh criticism from Chicago Mayor Lori Lightfoot and others for his characterization of the ugly assault on the nation's Capitol that left four other people dead, including a woman who was shot by police.

And on Friday, the National Fraternal Order of Police President Patrick Yoes in a strongly worded statement joined the growing chorus of critics of Catanzara's initial comments.

"The National FOP rejects this gross mischaracterization and sees the incident for what it was — a violent mob of looters and vandals, visiting fear and destruction on one of our nation's most sacred spaces..." Yoes wrote.

Catanzara has appeared in public wearing a shirt emblazoned with the words "Cops For Trump." And after the president tweeted his congratulations when Catanzara was elected president of the union, Catanzara said he'd accepted an invitation to the White House to attend Trump's acceptance speech when he was nominated for a second term.

Associated Press 08/01/2021 by Don Babwin

After deadly siege, lawmakers ask why police so outnumbered

Only a few dozen guarded the West front of the Capitol when they were rushed by thousands of rioters bent on breaking into the building. Armed with metal pipes, pepper spray and other weapons, the mob pushed past the thin police line. One rioter hurled a fire extinguisher at an officer, according to video widely circulated on YouTube.

"They're getting into the Capitol tonight! They're getting in," the man filming shouts in delight.

They breached the line moments later, and rioters soon broke into the building, taking over the House and Senate chambers and running wild in Statuary Hall and other hallowed symbols of democracy. The mob ransacked the place, smashing windows and waving Trump, American and Confederate flags. The lawmakers who were voting to affirm President-elect Joe Biden's victory were forced into hiding for hours.

Throughout the melee, police officers were injured, mocked, ridiculed and threatened. One Capitol Police officer, Brian Sicknick, died Thursday night from injuries suffered during the riot. Four other people also died because of the Capitol violence. The melee was instigated by a mob of supporters of President Donald Trump who have professed their love of law enforcement and derided the mass police reform protests that shook the nation last year following the police killing of George Floyd in Minneapolis.

"We backed you guys in the summer," one person screamed at three officers backed against a door by dozens of men screaming for them to get out of their way. "When the whole country hated you, we had your back!"

The rampage shocked the world and left the country on edge, forcing the resignations of three top Capitol security officials over the failure to stop the breach. Lawmakers have demanded a review of operations and an FBI briefing over what they called a “terrorist attack.”

Despite plenty of warnings of a possible insurrection and ample resources and time to prepare, police planned only for a free speech demonstration — a decision that has come under increasing scrutiny since the riot.

Rank-and-file officers “were put in a incredibly dangerous situation. And that’s really where my frustration comes in, said Rep. Tim Ryan, D-Ohio, who leads a subcommittee that oversees the Capitol Police budget.

Police Chief Steven Sund, who along with other top security officials was ousted after the riot, is responsible for protecting lawmakers, “but also making sure that the rank-and-file members are put in situations where they’re as safe as possible and they have the support they need. And that clearly isn’t the case,” Ryan said.

One disturbing video shows a bloodied police officer screaming for help as he’s crushed by rioters inside the Capitol building. The young officer is pinned between a riot shield and metal door. Bleeding from the mouth, he cries out in pain and screams, “Help!”

Other images show police completely overwhelmed by rioters who shoved, kicked and punched their way into the building. In one stunning video, a lone police officer tries to hold off a mob of demonstrators from cracking into the lobby. He fails.

The riot focused renewed attention on Capitol Police, a force of more than 2,300 officers and civilian employees that protects the Capitol, lawmakers, staff and visitors. The agency has an annual budget of about \$515 million.

Three days before the riot, the Pentagon offered National Guard manpower. And as the mob descended on the building Wednesday, Justice Department leaders reached out to offer up FBI agents. Capitol Police turned down both offers, according to senior defense officials and two people familiar with the matter.

Like many other agencies, the Capitol Police have been hit hard by COVID-19, with frequent schedule changes for officers and many forced to work overtime to fill out rosters. The pandemic has put the police under strain going into the new session of Congress and the Jan. 20 inauguration.

Sund defended his department’s response, saying officers “acted valiantly when faced with thousands of individuals involved in violent riotous actions.”

By Saturday, prosecutors had filed 17 cases in federal district court and 40 others in the District of Columbia Superior Court for a variety of offenses, ranging from assaulting police officers to entering restricted areas of the U.S. Capitol, stealing federal property and threatening lawmakers. Prosecutors said dozens of other people were being sought by federal agents, and the U.S. attorney in Washington vowed that “all options were on the table” for charges, including possibly sedition.

Among those charged was Richard Barnett, an Arkansas man who was shown in a widely seen photo sitting in House Speaker Nancy Pelosi’s office with his boots on a desk. He also wrote a disparaging note to Pelosi. Acting Attorney General Jeffrey Rosen called the photo of Barnett a “shocking image” and “repulsive.”

“Those who are proven to have committed criminal acts during the storming of the Capitol will face justice,” Rosen said.

Two rioters whose photos had become synonymous with the riot were also taken into federal custody and charged on Saturday: Adam Johnson, 36, of Florida, who was photographed walking out with Pelosi’s lectern — where she stood to announce Trump’s impeachment — on theft, violent entry and disorderly conduct charges; and Jacob Anthony Chansley, more commonly known as Jake Angeli, who had become a staple in his fur-clad Viking-like costume and painted face at pro-Trump protests across the country.

Also charged was a West Virginia state lawmaker who posted videos online showing himself pushing his way inside the Capitol, fist bumping with a police officer and then milling around the Rotunda as he shouted “Our house!” The lawmaker, Derrick Evans, was arrested by the FBI at his home on Friday and charged with entering restricted federal property.

Sen. Mark Warner, the incoming chairman of the Senate Intelligence Committee, called the Capitol a “crime scene” with evidence that needs to be preserved.

The Virginia Democrat wrote 11 telecommunication and social media companies on Saturday asking them to immediately preserve messaging data and subscriber information from those who may have participated in the attack, saying it was “critical evidence in helping to bring these rioters to justice.” Those companies include mobile carriers AT&T, T-Mobile and Verizon and from the social media world — Apple, Facebook, Gab, Google, Parler, Signal, Telegram and Twitter.

Gus Papathanasiou, chairman of the Capitol Police Officers’ Union, said he was “incredibly proud of the individual officers whose actions protected the lives of hundreds of members of Congress and their staff.”

Once the breach of the Capitol building was inevitable, officers prioritized lives over property, leading people to safety, he said. “Not one member of Congress or their staff was injured. Our officers did their jobs. Our leadership did not. Our law enforcement partners that assisted us were remarkable.”

Associated Press 09/01/2021 by Matthew Daly and Michael Balsamo

2 Seattle officers placed on leave in probe into Capitol mob

SEATTLE (AP) — Seattle's police chief says two city officers were apparently in Washington, D.C., Wednesday when a violent mob of President Donald Trump's supporters stormed the nation's Capitol and that an investigation will be launched to find out whether they committed criminal acts.

The officers, who were not identified, have been placed on administrative leave.

In a statement late Friday, Adrian Diaz, the city's interim chief, said the department supports constitutionally protected free speech, "but the violent mob and events that unfolded at the U.S. Capitol were unlawful and resulted in the death of another police officer."

Diaz said the matter has been forwarded to the Office of Police Accountability, the city's independent police watchdog, to see if department policies were violated or if illegal activity involving Seattle officers needs to be investigated.

"If any SPD officers were directly involved in the insurrection at the U.S. Capitol, I will immediately terminate them," Diaz said.

Andrew Myerberg, the Office of Police Accountability's civilian director, told The Seattle Times his office was informed about the matter Thursday night.

"There's a picture that circulated on social media of the two officers at the protest rally. So, yes, we believe they were there, but we don't know all the facts yet, so that's why we're doing the investigation," he said, adding investigators will also try to find out if any other Seattle officers may have attended or participated in Wednesday's events.

Associated Press 09/01/2021

Washington Legislature set to meet amid pandemic, unrest

A Washington State Patrol trooper walks past new security fencing installed on Friday, Jan. 8, 2021, around the state Capitol in Olympia, Wash.. in anticipation of the legislative session opening on Monday. (Tony Overman/The Olympian via AP)

OLYMPIA, Wash. (AP) — When Washington lawmakers finished their legislative session last spring, COVID-19 response dominated their work. Nearly a year later, the economic and social impacts of the virus once again will be center stage as the Legislature convenes for the first time in person in nearly a year.

Lawmakers are meeting amid concerns about potential efforts by armed groups to occupy the Capitol, which is currently closed to the public due to the pandemic.

A right-wing militia group had initially encouraged its members to occupy the Capitol when the Legislature meets to kick off its 105-day legislative session Monday, and that intention was echoed by several of those who broke down a gate outside the governor’s mansion Wednesday and stormed the porch and front yard. That breach came hours after the siege of the nation’s Capitol building.

While an organizer of the planned occupation canceled the event in a Facebook post Wednesday night, he acknowledged Thursday he did expect some individuals to try to enter the Capitol despite the cancellation.

The Washington State Patrol, which oversees security of the Capitol campus, has said there will be a strong law enforcement presence. And on Friday, Gov. Jay Inslee announced he activated 750 members of the National Guard to help protect the Capitol campus.

Democratic Sen. Manka Dhingra said while she was concerned about the opening day of session on Monday, she said she had faith in law enforcement officials who have been working with the Legislature to address security concerns.

“I think we have to be cautious but I also think it is important that the state see their elected leaders do the job that they were elected to do in a safe way,” she said during an online preview of the legislative session hosted by The Associated Press on Thursday.

Lawmakers are meeting in person Monday largely to adopt rules that will allow them to meet virtually during the rest of the session. After that, in the Senate, regular floor votes will be conducted in a hybrid format, with a mix of senators present in the chamber and others participating remotely.

The House has decided to do the rest of its work remotely. All committee hearings, in both chambers, will be held remotely, with public participation. As before the pandemic, hearings and floor votes will continue to be broadcast or live streamed by TVW, the state’s government affairs channel.

Lawmakers’ agenda includes dealing with pressing issues related to the pandemic, such as support for struggling businesses and renters, and police reform.

Associated Press 10/01/2021 by Rachel la Corte

3 men charged in Ahmaud Arbery’s death convicted of murder

This photo combo shows, from left, Travis McMichael, William "Roddie" Bryan, and Gregory McMichael during their trial at the Glynn County Courthouse in Brunswick, Ga. Jurors on Wednesday, Nov. 24, 2021 convicted the three white men charged in the death of Ahmaud Arbery, the Black man who was chased and fatally shot while running through their neighborhood in an attack that became part of the larger national reckoning on racial injustice. (Pool, file)

BRUNSWICK, Ga. (AP) — Three men were convicted of murder Wednesday in the killing of Ahmaud Arbery, the Black man who was running empty-handed through a Georgia subdivision when the white strangers chased him, trapped him on a quiet street and blasted him with a shotgun.

The February 2020 slaying drew limited attention at first. But when video of the shooting leaked online, Arbery’s death quickly became another example in the nation’s reckoning of racial injustice in the way Black people are treated in their everyday lives.

Now the men all face a mandatory sentence of life in prison. The judge will decide whether their sentences are served with or without the possibility of parole.

As the first of 23 guilty verdicts were read, Arbery’s father had to leave the courtroom after leaping up and shouting. At the reading of the last criminal count, Arbery’s mother dropped her head and quietly pumped her fists.

“He didn’t do nothing but run and dream,” Marcus Arbery Sr. said of his son. Outside the courthouse, dozens of Black supporters hugged and cried.

The jury deliberated for about 10 hours before convicting Greg McMichael, son Travis McMichael and neighbor William “Roddie” Bryan.

The McMichaels grabbed guns and jumped in a pickup truck to pursue the 25-year-old Arbery after seeing him running outside the Georgia port city of Brunswick. Bryan joined the pursuit in his own pickup and recorded cellphone video of Travis McMichael fatally shooting Arbery.

The father and son told police they suspected Arbery was a fleeing burglar. But the prosecution argued that the men provoked the fatal confrontation and that there was no evidence Arbery committed any crimes in the neighborhood.

“We commend the courage and bravery of this jury to say that what happened on Feb. 23, 2020, to Ahmaud Arbery — the hunting and killing of Ahmaud Arbery — it was not only morally wrong but legally wrong, and we are thankful for that,” said Latonia Hines, Cobb County executive assistant district attorney.

Prosecutor Linda Dunikoski added: “The jury system works in this country. And when you present the truth to people and they see it, they will do the right thing.”

Travis McMichael, 35, stood for the verdict, his lawyer's arm around his shoulder. At one point, he lowered his head to his chest. After the verdicts were read, as he stood to leave, he mouthed "love you" to his mother in the courtroom gallery.

Greg McMichael, 65, hung his head when the judge read his first guilty verdict. Bryan, 52, bit his lip.

Speaking outside the courthouse, Ben Crump, attorney for Arbery's father, repeatedly said that "the spirit of Ahmaud defeated the lynch mob."

Arbery's mother, Wanda Cooper-Jones, thanked the crowd gathered for the verdict and said she did not think she would see this day.

"It's been a long fight. It's been a hard fight. But God is good," she said, adding that her son would now rest in peace.

Travis McMichaels' attorneys said both he and his father feel that they did the right thing, and that they believed the video would help their case. But they also said the McMichaels regret that Arbery got killed.

"I can tell you honestly, these men are sorry for what happened to Ahmaud Arbery," attorney Jason Sheffield said. "They are sorry he's dead. They are sorry for the tragedy that happened because of the choices they made to go out there and try to stop him."

They planned to appeal.

Bryan's attorney, Kevin Gough, said his team was "disappointed with the verdict, but we respect it." He planned to file new legal motions after Thanksgiving.

Superior Court Judge Timothy Walmsley did not immediately schedule a sentencing date, saying that he wanted to give both sides time to prepare.

In a statement, President Joe Biden said Arbery's killing was a "devastating reminder" of how much more work the country has to do in the fight for racial justice.

"While the guilty verdicts reflect our justice system doing its job, that alone is not enough. Instead, we must recommit ourselves to building a future of unity and shared strength, where no one fears violence because of the color of their skin," Biden said.

Though prosecutors did not argue that racism motivated the killing, federal authorities have charged them with hate crimes, alleging that they chased and killed Arbery because he was Black. That case is scheduled to go to trial in February.

The disproportionately white jury received the case around midday Tuesday.

Soon after returning to court Wednesday morning, the jury sent a note to the judge asking to view two versions of the shooting video — the original and one that investigators enhanced to reduce shadows — three times apiece.

Jurors returned to the courtroom to see the videos and listen again the 911 call one of the defendants made from the bed of a pickup truck about 30 seconds before the shooting.

On the 911 call the jury reviewed, Greg McMichael tells an operator: "I'm out here in Satilla Shores. There's a Black male running down the street."

He then starts shouting, apparently as Arbery is running toward the McMichael's idling truck with Bryan's truck coming up behind him: "Stop right there! Damn it, stop! Travis!" Gunshots can be heard a few seconds later.

Full Coverage: Death of Ahmaud Arbery

The graphic video emerged two months later, and the Georgia Bureau of Investigation took over the case, quickly arresting the three men.

Defense attorneys contend the McMichaels were attempting a legal citizen's arrest when they set off after Arbery, seeking to detain and question him after he was seen running from a nearby home under construction.

Travis McMichael testified that he shot Arbery in self-defense. He said Arbery turned and attacked with his fists while running past the truck where McMichael stood with his shotgun. At the time of his death, Arbery had enrolled at a technical college and was preparing to study to become an electrician like his uncles.

Shaun Seals, a 32-year-old lifelong Brunswick resident, rushed to the courthouse to join the crowd cheering the verdict. "We just came out to witness history," said Seals, pushing his 10-month-old daughter in a stroller. Seals, who is Black, called the convictions a victory not just for his community but for the nation.

“It’s not going to heal most of the wounds” from a long history of inequality, he said. “But it’s a start and shows people are trying.”

Associated Press 25/11/2021 by Russ Bynum

Rifle shooting suspect dies in Santa Rosa police custody

SANTA ROSA, Calif. (AP) — A 40-year-old man who witnesses said had been acting erratically and firing a rifle at random in a Santa Rosa street died in police custody after an officer used a stun gun to subdue him, authorities said.

Santa Rosa police officers who responded Thursday to 911 calls from several residents found a man who matched the description provided by witnesses, the Santa Rosa Police Department said in a statement. He was shirtless, holding a large rock and sweating profusely.

The man did not comply with orders from officers, so one of the officers shocked him with his stun gun, the department said. The man fell to the ground and continued to resist, but officers were able to handcuff him and turn him on his side, it said.

Shortly after, the man had what the department described as a “medical emergency.” It said the man was taken to a hospital where he was pronounced dead. The department did not provide details of the medical emergency.

Officers found a rifle and drugs in the area where he was detained, the department said. It said no one else was injured in the incident.

The Santa Rosa Police Department statement did not release the man’s name, but Sonoma County Sheriff’s Office spokesman Sgt. Juan Valencia identified him as Jordon Pas, 40, of Santa Rosa, the Press Democrat reported.

The Sonoma County Sheriff’s Office Coroner Unit will conduct the autopsy and investigate the in-custody death per standard practice, Valencia said.

Residents told the newspaper they saw the man walking around the neighborhood, shouting and firing a rifle. Edgar Gudino, whose car was pierced by one bullet, said the man had dropped his weapon by the time officers arrived.

Sonja Ellis, who lives on the block where the man was detained, said she heard several gunshots.

“I said to myself, ‘It sounds like that was next door.’ I was afraid to move,” she said.

Associated Press 19/11/2021

Prosecutor: No charges for officer in fatal court shooting

ROXBORO, N.C. (AP) — A police officer was justified in using deadly force and will not be charged with any crimes for fatally shooting a defendant who was scuffling with an armed bailiff in a North Carolina courtroom, a prosecutor said Friday.

Wake County District Attorney Lorrin Freeman said in a news release that his office concluded that Roxboro police officer, J.G. “Trey” Wright III, reasonably believed that he and others were in danger when he shot Christopher Thomas Vaughan, 35, in the Person County courtroom on Sept. 10.

“There is not sufficient evidence to support a prosecution. No further investigation is warranted,” Freeman’s office said.

Vaughan began arguing with Judge Caroline Burnette before he threw a chair and then rushed toward her, WRAL-TV has reported.

The News & Observer reports that a sheriff’s deputy working as a courtroom bailiff blocked Vaughan and scuffled with him on the ground. Wright ran to help when Vaughan reached for the deputy’s gun and shot Vaughan in the head during the altercation, the newspaper reports.

Roxboro is the county seat of Person County. Freeman’s office handled the case instead of Person County District Attorney Mike Waters to avoid a potential conflict of interest.

Associated Press 20/11/2021

Plan to replace Minneapolis PD worries many Black residents

Minneapolis Police Chief Medaria Arradondo addresses the media regarding the proposed charter amendment that would replace the police department, during a new conference at St. Mary's Greek Orthodox Church, Wednesday, Oct. 27, 2021, in Minneapolis. (Elizabeth Flores/Star Tribune via AP)

MINNEAPOLIS (AP) — Marques Armstrong had just got out of the shower one morning this fall when he heard gunshots that seemed to come from his Minneapolis backyard. After ducking, he ran upstairs to check on his wife and daughter, then looked out to see a car speed away.

It was a depressingly routine occurrence on the city's predominantly Black north side that reaffirmed Armstrong's staunch opposition to a proposal on Tuesday's ballot to replace the city's police department — and a required minimum number of officers — with a new Department of Public Safety.

"Everybody says we want the police to be held accountable and we want fair policing. No one has said we need to get rid of the police," said Armstrong, a Black activist who owns a mental health practice and a clothing store. "There needs to be a huge overhaul from the ground up, but we need some form of community safety because over here shots are ringing out day and night."

The ballot proposal that goes to voters Tuesday has roots in the abolish-the-police movement that erupted after George Floyd was killed by a Minneapolis police officer last year. It has drawn strong support from younger Black activists who were mobilized by Floyd's death, as well as from some Black and white residents across this liberal city.

Many people of color who live in the city's highest-crime areas say they fear a steep drop in the number of police officers will leave them more vulnerable amid a dramatic spike in violent crime.

The debate over racial justice in policing that erupted after Floyd's death has brought national attention to Tuesday's vote, as well as a river of out-of-state money seeking to influence an outcome that might shape change elsewhere, too.

The campaign has been bitter. Opponents have attacked the ballot question as vague, with no concrete plan for what comes after passage. Supporters say opponents are overblowing fears about a falloff in police presence — and the prospect that the city's popular Black police chief, Medaria Arradondo, will quit if the initiative passes. Mayor Jacob Frey, who opposes the ballot question, is facing a tough reelection fight, with his two top opponents urging their supporters to leave him off their ballots in the city's ranked-choice voting system.

Arradondo, the city's first Black chief, recently urged voters to reject the proposal after previously saying that an element that would give City Council members more oversight of policing would be "wholly unbearable." He has sidestepped questions about whether he would remain if it passes.

Raeisha Williams, an activist with Guns Down Love Up, said she believes the plan's supporters are mainly white residents who haven't experienced police misconduct or the violence that Black residents are seeing on the north side. Her brother, Tyrone, died in a shooting there in 2018.

"It's like our voices are not heard — they are hijacking a movement yet again and making it their own," said Williams, who is Black.

JaNaé Bates, one of the young, Black activists leading the movement to pass the ballot proposal, said her group worked hard to take all voices into account. Bates said more than 1,400 of the roughly 20,000 signatures on the petitions to get the measure on the ballot came from north side residents.

Bates said their effort to inform people about what the initiative would do involved knocking on the doors of north Minneapolis homes to hear the voices of those most affected by public safety issues.

"We've been extremely intentional because the residents of these neighborhoods are tired of accepting the status quo, both around police brutality and community violence," Bates said.

Steve Fletcher, a white City Council member who supports replacing the police department, said there's both support and opposition to the plan from all areas of the city.

"I think a lot of people are just recognizing that we cannot be the city that killed George Floyd and didn't grow or change," he said.

The ballot question calls for a new Department of Public Safety to take "a comprehensive public health approach to the delivery of functions" that would be determined by the mayor and City Council. Fletcher and other supporters argue it's a chance to reimagine what public safety can be and how money gets

spent. A frequent example from supporters is funding programs that don't send armed officers to call on people in crisis.

"Nobody is proposing to reduce our investment in public safety," Fletcher said. "We are proposing to change the way that we make those investments, and ultimately I think in the end, investing more in public safety than we ever have."

The change is being proposed as violent crime in the city is spiking. There have been roughly 80 homicides in Minneapolis so far this year – 35 on the north side, according to online police department crime data. Three victims were children, including one who was shot while jumping on a trampoline at a birthday party. The city could near the record 97 homicides of 1995, when it drew the nickname "Murderapolis."

That trend is compounded by the fact the city is down about 300 officers from its authorized force of 888, partly due to officers claiming post-traumatic stress disorder after Floyd's death and the unrest in the city that followed.

Jerome Rankine, a Black resident in the Kingfield neighborhood on the city's more affluent southwest side, strongly backs the amendment. Rankine, who also sits on his neighborhood association board, says dropping the city's requirement for a minimum number of officers would open the way to innovative ideas to change policing.

"Unfortunately, the way that our city charter is set up, we lack the power to turn those ideas into reality," he said. "I'm voting yes because a yes vote is a vote for taking the barrier to change out of the equation and taking these imaginative ideas of how our policing system can be better."

Rankine's board last week endorsed a vote in support of the public safety question. He said his own neighborhood is divided on the question, and that's fine: "There are no monoliths that cut cleanly across lines, there's no opinion that cuts cleanly across lines of race," he said.

"If we are in a movement against police brutality then I feel like all should be welcome in that movement," he said. "We have seen Minneapolis police take lives over the last several years and they've taken the lives of all races and backgrounds, so I feel like there should be no barriers to entry when it comes to being part of the movement."

Bishop Divar Kemp of New Mt. Calvary Missionary Baptist Church, back on the city's north side, said the ballot question comes up every day at his church. He said the police department needs to be changed, but the current proposal is dangerous.

"We need the police -- there's no other way I can say that," he said.

Associated Press 31/10/2021 by Mohamed Ibrahim and Amy Forliti

Inside the Secret Service's Training Lab for Cyber Crime Fighters

The U.S. Secret Service teaches law enforcement officers from across the country how to combat cybercriminals at a training center in Alabama. WSJ Pro Cybersecurity reporter James Rundle visited it, and he joins host Zoe Thomas to discuss how the training has grown to encompass more complex scenarios as cyber threats have grown.

Zoe Thomas: This is your Tech News Briefing for Friday, November 19th. I'm Zoe Thomas for The Wall Street Journal. Ransomware attacks have become a growing threat to individuals and national security, but cybercrime has been around for ages. To help stop it and track down the criminals, the Secret Service set up a training center in Alabama. Students from around the country head there to learn how to deal with hackers and other cyber threats, at a program that looks more like war games than a law enforcement seminar. On today's show, WSJ Pro cyber security reporter, James Rundle, who got to visit one of those trainings, joins us to discuss how it all works. That's after these headlines. A bipartisan coalition of at least eight state attorneys general, is investigating how Instagram attracts and affects young people. The announcement ramps up pressure on Instagram's parent company, Meta, formally Facebook, which has already been under scrutiny for how it impacts users. The State say, they're focused on whether the techniques used by Meta to increase how much young users engage with the platform, resulted in harm, and if the company violated consumer protection laws. A Meta spokesman said the investigation is based on a misunderstanding of issues that also affect other social media platforms. Two big makers of video game consoles are pressuring Activision Blizzard to address allegations about how its CEO Bobby Kotick handled accusations of sexual misconduct at the game publisher. The WSJ reported on Tuesday that Kotick knew

about certain claims of rape and sexual harassment at the company, but didn't inform the company's board. On Thursday, Xbox maker Microsoft said, it's evaluating its relationship with Activision. That follows a letter sent by the boss of Sony's PlayStation division, viewed by The Wall Street Journal, that said Sony didn't believe Activision's statement following the story's publication, properly addressed the situation. Activision has called the journal's story misleading and the board issued a statement in support of Kotick. Two big automakers are getting into the computer chip business. Ford says it signed an agreement with the US-based chipmaker, GlobalFoundries, to develop chips, and General Motors says it's also trying to forge deeper ties with chipmakers. The yearlong global semiconductor shortage has hit the auto industry hard, leading to production delays.

Mike Colias: What you're seeing is, car companies had really outsourced a lot of their key components over the last several decades, and now you're starting to see them, because some of these technologies that they had been seeded to third parties to supply to them, have become so important to the future. So like batteries for electric cars is probably the biggest example. Semiconductors also falls into this category. They want to control that part of the supply chain. They want to have the features and content that they think is important, and so they're kind of going backward and vertically integrating, when, for years, they had outsourced a bunch of this stuff.

Zoe Thomas: And new details on Zillow's decision to close its virtual home flipping or iBuying business. The company, best known for its real estate listing website, bet its future on using algorithms to buy and quickly sell homes. We report that initially, the program delivered strong profits, but as the housing market cooled over the summer, Zillow found it's algorithm was leading it to buy too many houses for too much money. Our reporter, Will Parker, explains what went wrong.

Will Parker: This computer model that's supposed to predict what a home price should be, both right now and possibly three to six months from now, that's always been a complicated prospect. Real estate is a lot different than other securities. There are all of these very subjective, aesthetic, even social thoughts and concerns that go into what someone is willing to pay for a house. So that was always a challenging prospect from the beginning. But then you combine that with the events of the pandemic and the way that changed, just about everything in the economy, but especially in housing. The decisions people were making about where they wanted to live and how much they were willing to pay, in combination, it just made things even more difficult.

Zoe Thomas: To hear more about Zillow and about Ford's chip deal, head over to our sister podcast, What's News. All right, coming up, going into battle against cybercrime takes training. We'll have the details about how the Secret Service is preparing US law enforcement to track down cyber criminals. That's after the break. You probably know the Secret Service as the agency that protects the president, but it also investigates financial crimes. And increasingly, those come in the form of cyber attacks. With that experience in fighting cybercrimes, the Secret Service has set up a training center outside Birmingham, Alabama, where law enforcement from around the country can learn how to deter and catch cyber criminals without having to call on the feds. So what's the training like? Well, to give you a sense, here's one training video. It sets out a scenario of a ransomware attack at a hospital.

Speaker 4: We knew it was something more. Then we found a message on a nurse technician's computer. It told us to follow a set of instructions if we wanted our data back.

Speaker 5: Your computer has been infected. You have six days to pay 21.27 bitcoins to decrypt your data.

Speaker 4: And we knew they could have accessed thousands of patient records. We had to reach out to authorities and experts on this matter.

Speaker 6: You've been called in to respond. The victim is a hospital, and all indications point to a ransomware attack. Launch your incident response tools from an analyst work...

Zoe Thomas: Of course, there's a lot more to training than the videos. WSJ Pro cyber security reporter, James Rundle, got to visit the center in Hoover, Alabama, and he's here now to tell us all about it. Hi James, thanks for coming on the show.

James Rundle: Thanks, I am happy to be here.

Zoe Thomas: So we know the Secret Service does more than protect the president, but when it comes to cybercrimes, how important is the role they're taking?

James Rundle: Increasingly. So, the Secret Service has a dual mission. One is executive protection, which we know it for. The other is investigating financial crimes. So everything from bank fraud to wire fraud, to everything else, and increasingly, all aspects of that have a cyber component to them, whether it's the actual crime taking place via hacking, or whether it's transmission of money through digital means or something else.

Zoe Thomas: So walk me through this training that they're now doing, what does it cover and who's taking part?

James Rundle: So the Secret Services had this facility called The National Computer Forensics Institute, located just outside of Birmingham and Alabama, for around 14 years. But it's recently been kicking into high gear and these guys cover all elements of digital evidence forensics, from analyzing computers, through to more recently, things like drones, increasingly things like cryptocurrency and everything else as well, kind of everything that investigators might need to really get to grips with all kinds of digital crimes. But in addition to that, they also host special weeks such as the one that I covered in October, where they brought around 300 law enforcement officers from around the country, national guards, federal agents, and other people, to really drill down on topics like ransomware, which the Biden administration is really taken seriously right now.

Zoe Thomas: Can you tell me a little bit about how it got started, because 14 years ago, we weren't really talking about cybercrime all that much?

James Rundle: We weren't, although it did exist. And what states and local governments found was that there was a growing mountain of digital evidence they needed to process, but the only people who could really handle it, were the Federal Bureau of Investigation and a handful of specialists around the country, and their labs were getting swamped with requests to process this, and it was taking months, sometimes, to get evidence, get forensics back and everything else. So the State of Alabama approached the Secret Service and said, Hey, we've got some space in Hoover. We'd love for you guys to train our law enforcement officers on how to do this in themselves. And the Secret Service was keen, but obviously they are a federal agency, so they said, fine, we can do this, but we have to train people from every state. And that's kind of how it got rolling. And in the first year, which was 2008, the first academic year, they had a relatively small budget and trained about 200 officers. Fast forward to today, they've gone from 4 million budget to over 30 million and they're training over three and a half thousand per year.

Zoe Thomas: So a lot more people getting involved and learning these things, but I feel like we still talk about ransomware attacks mostly. I mean, certainly on this show, we've covered a lot of ransomware attacks. There is a lot more to cybercrime though, isn't there?

James Rundle: There is. Ransomware gets the headlines because it's disruptive, right? You think about Colonial Pipeline back in May, that really affected gas prices on the East Coast. You think about things like JBS, where food prices might be affected by that happening. It's very in your face, very attention grabbing, but ransomware's not actually the real destructive force in cybercrime. The FBI released stats showing that things like business email compromise, siphon billions away from American corporations. You get things like, even on a personal level, cyber stalking, harassments, basically any crime that has digital component can be classified as a cybercrime. It's not just ransomware. One of the people I interviewed was Jeremy Sheridan, the assistant director for the Office of Investigations at the Secret Service. And here's how he put it:

Jeremy Sheridan: From our perspective, there is no element of criminality anymore that isn't cybercrime, whether it's the opportunity to commit the crime, the methods to execute it, the means to profit from it. It all involves some element of cyber. And that's why it's so important for us to have the NCFI, to have partnerships across all of government, because it is so wide-reaching and so pervasive, and so much work to go around, that we all have to have a hand in it.

Zoe Thomas: So talk to me about how these law enforcement officers are learning how to deal with some of these other cybercrimes that aren't ransomware.

James Rundle: Sure. The NCFI hosts a number of courses, from everything through to really getting to grips with network intrusion and how to detect hackers on networks, which is more applicable to ransomware and other crimes, through to things like learning how to repair mobile devices. If you think about it, when the police raid a criminal hideout, the first thing they do is break their phones or their tablets. So they

have to learn how to piece them back together to recover evidence. As I said, increasingly, you they're looking at things like drones as well, which are being used to airlift items into prisons. There was an example in 2018 with a Pennsylvania man who used a drone to drop pipe bombs on his ex-girlfriend's house over the course of 18 months. No one was hurt, but it's that kind of issue that frontline law enforcement officers now are dealing with, which they haven't necessarily been trained for in the past.

Zoe Thomas: Learning about the kind of training that they're getting, it sort of reminded me of how law enforcement are taught to deal with terrorist attacks or war scenarios, where there's all of these different agencies that have to learn about it. They're all working together. Is that a good comparison? How does this compare to other law enforcement trainings?

James Rundle: I think so, especially with the way that cybercrime has now been elevated by the Biden administration to the level of a national security threat. You're now starting to see, previously it was the FBI who would be the lead agency on it and maybe elements, the Department of Homeland Security, like CISA, now increasingly you're seeing the justice department, you're seeing treasury, you're seeing the energy department, commerce, all the state department, all these levers of government coming together to respond to it in a way that is very analogous to how government responds to terrorism and other threats as well.

Zoe Thomas: And how effective is the training? How much do these law enforcement officers use this?

James Rundle: Pretty effective, from what I gather from people I spoke to on the ground in Alabama last month. On a physical level, the NCFI not only trains them, it gives them equipment as well, which can serve as a mobile forensics lab, which for many of these departments, is beyond them in terms of resources and finance to do themselves. So that's a huge benefit to them. But on a more practical sense, I spoke with one gentleman called Devin King, who works for the Louisiana state police, who took the network intrusion course, and then two months later was the lead investigator on the ransomware attack that struck several school districts in Louisiana back in 2019. So that's a case of this training being put into practice, sort of almost immediately, straight afterwards.

Zoe Thomas: That's great. Always good when something you learn is immediately useful. All right. That was our WSJ Pro reporter, James Rundle. James, thanks so much for joining us.

James Rundle: Thank you very much.

Zoe Thomas: And that's it for Tech News Briefing this week. Our producer is Julie Chang. Our supervising producer is Chris Tinsley. Our executive producer is Kateri Yoakum, and I'm your host, Zoe Thomas. Thanks for listening and have a great weekend.

Wall Street Journal 19/11/2021 by James Rundle

Five Dead in Wisconsin After Driver Plows Into Waukesha Christmas Parade

Police in Wisconsin say they have recovered the vehicle and detained a person of interest

WAUKESHA, Wis.—A red SUV plowed through police barricades and into a local Christmas parade Sunday afternoon, killing five people and injuring more than 40, including children, the city said.

Police have recovered the vehicle and a person of interest is in custody, city police Chief Daniel Thompson said. Names of those killed were being withheld until next of kin notifications could be completed, he said late Sunday. The police were working with the medical examiner to confirm fatalities, he said. The investigation is ongoing.

Officials have not commented on a possible motive. The FBI said it was assisting local authorities in the investigation.

Officials said 22 people were taken by fire crews to six hospitals. Police and bystanders transported others to medical facilities. One hospital said Monday that 18 children, ages 3 to 16, had been brought to its emergency department, some suffering from “serious head injuries.” Ten were admitted to the pediatric intensive care unit, and the patients include three sets of siblings.

Wall Street Journal 22/11/2021 by Valerie Bauerlein, Ben Kesling and Joe Barrett

FBI Confirms Brian Laundrie's Remains Found in Florida Nature Reserve

Gabby Petito's fiancé was a person of interest in her murder case

Human remains found in a Florida nature reserve are those of Brian Laundrie, a person of interest in the death of his fiancée Gabby Petito, the Federal Bureau of Investigation said Thursday, after a weekslong manhunt that garnered national attention.

Investigators earlier this week had found what appeared to be human remains and a backpack and notebook that belonged to Mr. Laundrie in the Carlton Reserve near Myakkahatchee Creek Environmental Park in North Port, Fla., Michael McPherson, special agent in charge of the FBI's Tampa field office, said Wednesday. The area had been underwater until recently, Mr. McPherson said, making search efforts for the team more challenging.

The investigation included an examination of Mr. Laundrie's skeletal remains and work with a forensic anthropologist involving skeletal reconstruction, among other measures.

Wall Street Journal 21/10/2021 by Jennifer Calfas and Talal Ansari

'The Protesters Are in the Building.' Inside the Capitol Stormed by a Pro-Trump Mob

Lawmakers and aides described how a typically uneventful proceeding descended into violent tumult

WASHINGTON—Just after 2 p.m. Wednesday, senators were in their chamber debating an objection to President-elect Joe Biden's Electoral College win. One floor below, a mob of President Trump's supporters, who had been amassing outside since the morning, smashed glass and pushed their way past police to gain entry to the Capitol.

At first it didn't appear lawmakers were aware of the chaos unfolding during what is typically a ceremonial session to certify the election results. Vice President Mike Pence and two guests looked on from the gallery. Sen. Patrick Leahy of Vermont passed his phone back and forth to some of his Democratic colleagues, and scribbled notes to Sen. Dick Durbin of Illinois, the No. 2 Senate Democrat, in what appeared to be growing concern.

At about 2:10 p.m., a hot mic in the Senate chamber picked up ominous words told to Iowa Sen. Chuck Grassley, the Senate pro-tem.

"The protesters are in the building."

Soon he and Mr. Pence, who are both in the line of presidential succession, were evacuated from the chamber. Those remaining inside could hear pro-Trump rioters yelling and police screaming back, punctuated by a loud thwacking sound.

Capitol Police surrounded the Senate chamber and sealed it off. An officer holding what appeared to be a semiautomatic weapon stood on the floor between Senate Majority Leader Mitch McConnell (R., Ky.) and Minority Leader Charles E. Schumer (D., N.Y.).

Sen. Chris Coons (D., Del.) said the officer was dressed very casually and carried the weapon in a pink and gray sling that said "police" on it. "He stood right in the middle of the aisle," he said.

Police told senators to stand away from the doors. Before long, police evacuated lawmakers from both the Senate and House chambers, a woman was shot and someone set off gas munitions.

In the House chamber, aides piled up furniture to block the doors, while other staff members were told to evacuate their offices, but found they couldn't leave the buildings safely. Rioters, dressed in MAGA hats and emboldened by encouragement from the president, swarmed the Capitol as they sought to block the ratification of Mr. Biden's win.

The violent scene capped the bitterly fought 2020 campaign and the subsequent weeks marked by Mr. Trump's rejection of his loss despite no evidence of widespread fraud. At a midday rally, Mr. Trump encouraged protesters to march to the Capitol and "take back our country."

The unidentified woman shot inside the Capitol died, and law enforcement found two apparent explosive devices at the headquarters of both the Republican and Democratic National Committees. Lawmakers and aides described how a typically uneventful proceeding descended into violent tumult, threatening the session and undermining the democratic process.

"This is the most dismal day for democracy probably since the Civil War," said Rep. Emanuel Cleaver (D., Mo.), speaking by phone from a secure room. "We are experiencing, unless something happens to turn it around, the decline of the American empire."

At 1 p.m., the joint session in the House chamber formally gaveled into session as planned, with Mr. Pence, who serves as president of the Senate, standing beside House Speaker Nancy Pelosi. Moments earlier, Mr. Pence's office released a three-page letter rejecting calls to use his ceremonial role of recording the electoral votes to overturn the election, including from the president.

Lawmakers split into the separate chambers on either side of the Capitol to begin debating the merits of an objection to Arizona's electoral votes. Outside, protesters tore down barricades, clashed with Capitol Police and made their way to the entrances.

As they continued to debate, some lawmakers and staff began to realize what was happening outside. At about 1:30 p.m., Capitol Police sent alerts asking occupants to evacuate two congressional office buildings. Rep. Chip Roy, a Texas Republican opposed to overturning the Electoral College result, tweeted at 1:37 p.m. "To those storming the Capitol—I am on the House floor and I will not be deterred from upholding my oath, under God, to the Constitution by mob demand."

Outside, the first breach of the Capitol barricades came haltingly, as a small but growing group of Trump supporters arrived at the base of Capitol Hill, in the small roundabout that holds the marble Peace Monument. Though Mr. Trump and his son Eric Trump had called on protesters to march on the Capitol, some marchers initially expressed confusion about where to go.

"I guess this is the place," one middle-aged man in a brown hooded sweatshirt said. Others began to chant at the nearest figures on the other side of the fence: five helmeted Capitol Police officers who stood across the pathway leading to the building's West Front edifice.

Minutes later, as the crowd continued to grow, several protesters began to rock the temporary metal barricades that blocked their path. The police resisted, and soon turned and retreated up the hill, other officers running from the north to join them, as the Trump supporters surged through the gateway and up toward the Capitol itself.

On the stairs of the west side of the Capitol, dozens of protesters, some yelling "Take the Capitol!" faced off with police, who sprayed them with chemical agents.

"You're a traitor to your country," one man shouted. Others chanted "Pence is a traitor" and "stop the steal."

The rioters pushed forward and the outnumbered officers retreated, giving way to a flood of protesters who scaled walls and filled balconies outside the Capitol. Several waved pro-Trump flags and signs. Dozens of Trump supporters climbed scaffolding outside the Capitol that had been erected for the coming inauguration of President-elect Biden. Soon, they broke into the building.

As the tension grew, Mr. Trump remained focused on his grievances, tweeting: "Mike Pence didn't have the courage to do what should have been done to protect our Country and our Constitution, giving States a chance to certify a corrected set of facts, not the fraudulent or inaccurate ones which they were asked to previously certify. USA demands the truth!"

Scrolling her phone on the Senate floor, Sen. Amy Klobuchar (D., Minn.) yelled out, "Shots fired!" A veteran Capitol Police officer urged calm, saying reports of shots hadn't been confirmed. But at about 2:30 p.m., police rushed senators, staff and media to an undisclosed secure location.

At 2:38 p.m., Mr. Trump tweeted: "Please support our Capitol Police and Law Enforcement. They are truly on the side of our Country. Stay peaceful!" The president was in the Oval Office as the protests escalated, according to a person familiar with the matter. The mood at the White House was tense as officials watched the breaching of the Capitol unfold on television. Some privately expressed horror at what they were seeing, aides said.

"This will be the president's legacy," said one White House staffer. "And any members, allies, staff are sickened."

In the Capitol, staffers sheltered in place, locked in offices, watching the protests on TV. Some privately expressed anger toward the Capitol Police for not doing more to constrain the mob.

Rioters roamed the hallways and Rotunda carrying flags, including at least one Confederate battle flag, shouting.

In the House Chamber, the first sign that something was wrong was when Capitol Police whisked Mrs. Pelosi from the podium, where she was presiding. Confused lawmakers soon heard bangs from outside, unsure if they were gun shots or tear gas canisters. People scrambled to close the chamber doors.

“Verify every door is locked,” someone yelled. Rep. Dean Phillips (D., Minn.) shouted at Republicans, “This is because of you!”

Capitol Police told lawmakers they may need to duck under their chairs or hide in the cloakrooms. At the barricaded entrance to the chamber, officers stood with guns drawn as the mob outside pounded on the doors, breaking glass. At about 2:45, people inside the House could hear gunfire.

Rep. Pete Aguilar (D., Calif.) told himself to keep his head on a swivel. “I sent a message to my family and I’m just doing what every member was doing, which was just trying to prepare for what was ahead,” Mr. Aguilar said.

Getting out safely proved chaotic, he said. “We were down in the basement and navigated the tunnels, and there was confusion as to where they wanted us,” Mr. Aguilar said. “A handful of us went to the cafeteria, which was locked down, and they let us in.”

The mob inflicted damage across the complex, exploring offices and roaming the halls. There were broken windows on the House side of the Capitol. One man said rioters put MAGA hats on statues in the Capitol.

“I never thought they’d be scared of us,” said one man who stormed the building. “But they’re scared of us today.”

Before the attack on the Capitol, Mr. Trump had addressed supporters in the Ellipse, taking the stage just before noon and saying: “We will never give up, we will never concede. You don’t concede when there is theft involved.” He repeatedly called on Mr. Pence to take action to reject the Electoral College results.

After his tweet asking rioters to support the Capitol Police, several people close to the president, including his former chief of staff and former communications director, urged him to issue a more forceful call for calm. House Minority Leader Kevin McCarthy (R., Calif.) said he had called President Trump to give him a firsthand report of the violence in the Capitol and ask him to help calm down the rioters.

“I called him. I think we need to make a statement. Make sure that we can calm individuals down,” Mr. McCarthy said in a phone call to Fox News Wednesday.

In a video issued at 4:17 p.m., Mr. Trump urged supporters to go home, but continued to reject the election results, telling supporters: “So go home, we love you, you’re very special.”

He later tweeted: “These are the things and events that happen when a sacred landslide election victory is so unceremoniously & viciously stripped away from great patriots who have been badly & unfairly treated for so long. Go home with love & in peace. Remember this day forever!”

Twitter, which had earlier placed a warning on the tweet, locked the president’s account for 12 hours and removed some posts. Sen. Roy Blunt (Mo.), a member of Senate Republican leadership, called the day’s events disgraceful and the most tragic of his decades on the Hill.

Wall Street Journal 06/01/2021 by Lindsay Wise, Catherine Lucey and Andrew Restuccia

3.3. Контексты, актуализирующие ценностные компоненты образа

полиции в оппозиционных американских газетах

Police Officer Who Responded to Capitol Riot Dies Off Duty

Officer Howard Liebengood had been with the Capitol Police since 2005 and assigned to protect the Senate. The cause of his death was not provided.

WASHINGTON — Four days after a violent mob stormed the Capitol, overrunning its police force, an officer who was assigned to protect the Senate during the siege died off duty, the Capitol Police announced on Sunday.

The Capitol Police union said that Officer Howard Liebengood, a 15-year veteran of the force, “was among the officers who responded to the rioting at the U.S. Capitol” on Wednesday, when insurrectionists incited by President Trump attacked the seat of American government.

“We extend our deepest sympathies to Officer Liebengood’s family, and we mourn the death of a friend and colleague who worked alongside us to protect the lives of the members of Congress, their staff and all who serve at the U.S. Capitol,” the statement from the union said.

Officer Liebengood, 51, had been a Capitol Police officer since 2005 and was assigned to the agency’s Senate division. His father, who shared his name, served as the sergeant-at-arms, the chief security official, of the Senate from 1981 to 1983. Officer Liebengood is the second Capitol Police officer to die in the aftermath of the riot. In a statement on Sunday, the Capitol Police said only that Officer Liebengood’s death took place “off duty,” but did not provide the cause or answer further questions.

His family also declined to comment, releasing a statement through their lawyer, Barry J. Pollack: “Mr. Liebengood’s family members wish to grieve privately as they mourn the sudden and heartbreaking loss of Howard Liebengood. He will be sorely missed.”

“We are reeling from the death of Officer Liebengood,” said Gus Papathanasiou, the chairman of the union. “Every Capitol Police officer puts the security of others before their own safety, and Officer Liebengood was an example of the selfless service that is the hallmark of U.S.C.P. This is a tragic day.”

The news rocked the force days after another officer, Brian D. Sicknick, died on Thursday of injuries he sustained when he engaged with the mob that attacked the Capitol. At least four civilians have died in connection with the siege.

Lawmakers have demanded investigations and accountability based on arguably the most significant security failure in decades. The chief of the Capitol Police, as well as the sergeants-at-arms of both the House and the Senate, have been fired or resigned.

“The U.S. Capitol Police just announced the tragic death of Officer Howard Liebengood — for whom I mourn,” Representative Dean Phillips, Democrat of Minnesota, wrote on Twitter on Sunday. “Our officers need more than gratitude. They need authentic, capable leadership and meaningful support, and I call on my colleagues to join me demanding it immediately.”

Speaker Nancy Pelosi also offered condolences in a statement that called Officer Liebengood “a patriot who dedicated his life to defending the Capitol and protecting all who serve, work in and visit this temple of our democracy.”

“His passing is a great tragedy that compounds the horror of this past week,” Ms. Pelosi said.

Ian Koski, a former aide to Senator Chris Coons, Democrat of Delaware, posted to Twitter a photo of Officer Liebengood smiling with a handful of cookies in December 2014.

“He was a real person and a good guy, and this is a terrible tragedy,” Mr. Koski wrote.

New York Times 10/01/2021 by Nicholas Fandos and Luke Broadwater

Capitol Police Officer Dies From Injuries in Pro-Trump Rampage

The death of the officer, Brian D. Sicknick, appeared likely to lead to calls for profound changes to the Capitol Police, a centuries-old force.

A United States Capitol Police officer died on Thursday night from injuries sustained “while physically engaging” with pro-Trump rioters who descended on the U.S. Capitol the day before, the fifth fatality linked to the chaos that engulfed the nation’s capital on Wednesday, according to the authorities.

The officer, Brian D. Sicknick, was only the fourth member of the force to be killed in the line of duty since its founding two centuries ago. After the bedlam of Wednesday’s siege and the recriminations that filled the airwaves the next day, a silence descended over the Capitol grounds late Thursday as hundreds of law enforcement officers from scores of agencies lined the streets to pay tribute to their fallen comrade.

But the loss of life also underscored the failure of law enforcement agencies to prevent the siege of the Capitol. And with leaders of both political parties calling for investigations, it appeared likely to lead to calls for profound changes to the Capitol Police.

The circumstances surrounding Mr. Sicknick’s death were not immediately clear, and the Capitol Police said only that he had “passed away due to injuries sustained while on duty.”

Law enforcement officials initially said Mr. Sicknick was struck with a fire extinguisher, but weeks later, police sources and investigators were at odds over whether he was hit. Medical experts have said he did not die of blunt force trauma, according to one law enforcement official.

“He returned to his division office and collapsed,” the Capitol Police said in the statement. “He was taken to a local hospital, where he succumbed to his injuries.”

Mr. Sicknick, who joined the force in 2008, died at about 9:30 p.m. on Thursday, the Capitol Police said in a statement. The Washington police department’s homicide branch is one of several law enforcement agencies involved in an investigation into his death and the overall circumstances of the violence at the Capitol.

The officer’s death brings the fatalities from Wednesday’s mayhem to five. One participant in the pro-Trump rampage, Ashli Babbitt, was fatally shot by a Capitol Police officer inside the building as she climbed through a broken window leading to the Speaker’s Lobby. Three other people died after experiencing what were believed to be medical emergencies in the area around the Capitol, the police said.

It was unclear where Mr. Sicknick’s encounter with the rioters took place, but photos and a video posted by a local reporter during the night of chaos showed a man spraying a fire extinguisher outside the Senate chamber, with a small number of police officers overlooking the area on a nearby stairway.

Lawmakers in both chambers and from both parties vowed to find out how those responsible for Capitol security had allowed a violent mob to infiltrate the building. House Democrats announced a “robust” investigation into the law enforcement breakdown.

Three of Congress’s top security officials — Capitol Police Chief Steven A. Sund, House Sergeant at Arms Paul D. Irving and Senate Sergeant at Arms Michael C. Stenger — announced their resignations on Thursday.

The sergeants-at-arms are responsible for security in the chambers and related office buildings, while Mr. Sund oversaw roughly 2,000 Capitol Police personnel — a force larger than that of many small cities.

Early Friday, Representative Tim Ryan of Ohio, a Democrat who runs the House Appropriations subcommittee that oversees the Capitol Police’s budget, expressed sorrow in a Twitter post over Mr. Sicknick’s death.

“This tragic loss is a reminder of the bravery of the law enforcement who protect us every day,” Mr. Ryan wrote.

Representative Rosa DeLauro, a Connecticut Democrat who is chairwoman of the House Appropriations Committee, which opened a review into the law enforcement response to the Capitol riot, said her “heart breaks over the senseless death.”

“To honor his memory, we must ensure that the mob who attacked the People’s House and those who instigated them are held accountable,” she said on Twitter.

Hundreds of police officers and emergency response personnel lined the streets by the Capitol for a moment of silence to honor Mr. Sicknick on Thursday night. They stood in lines on Constitution Avenue and 3rd Street, saluting in silence as a police motorcade for Mr. Sicknick passed through the city, according to videos from local reporters at the scene.

The police force said in its own statement that “the entire U.S.C.P. department expresses its deepest sympathies to Officer Sicknick’s family and friends on their loss, and mourns the loss of a friend and colleague.”

Officials have said that about 50 police officers were injured as the mob swarmed barricades, threw objects, battered doors, smashed windows and overwhelmed some of the officers who tried to resist the advancing crowd.

The Capitol Police reported 14 arrests during the incursion, including two people accused of assaulting a police officer. The local police arrested dozens of others, mostly in connection with unlawful entry and violations of the city’s Wednesday night curfew.

The Capitol Police force is charged solely with protecting the Capitol and surrounding grounds.

Over the course of two centuries, the force has evolved, its mission shifting and growing with the nature of the threats to the institution.

An event that had one of the most profound impacts on the force played out on March 1, 1954, when Puerto Rican nationalists opened fire from the visitor’s gallery on lawmakers below, wounding five. Shortly afterward, the police were issued weapons for the first time.

Exactly 17 years later, on March 1, 1971, an explosion ripped through a ground-floor restroom in the Senate wing. The Weather Underground, a militant left-wing group that carried out a series of bombings in

the late 1960s and 1970s, took responsibility. The incident led to the requirement of checking all visitors for weapons and explosives.

The first recorded death of a member of the force was in 1984, when Sgt. Christopher Eney, 37, was killed during a training exercise.

The last time a Capitol Police officer was killed in the line of duty was in the summer of 1998, when Officer Jacob J. Chestnut and Detective John Gibson were fatally shot by Russell Eugene Weston Jr., a man tormented by visions of an oppressive federal government.

Mr. Weston, who was shot and injured in the incident, blasted his way into the nation's centerpiece of law and order. It all played out in a matter of minutes, reaching its bloody conclusion when he reached the majority whip's ground-floor office complex.

A fourth person, Angela Dickerson, 24, a tourist, was injured but recovered.

President Bill Clinton called the gunfight just inside the East Front entrance to the nation's lawmaking forum "a moment of savagery at the front door of American civilization."

Lawmakers from both parties said at the time that they hoped the bloodshed would allow for a moment reflection, when partisan divisions could start to be healed.

Two decades later, the fourth Capitol Police officer in history was killed.

New York Times 0801/2021 Updated 05/04/2021 by M. Santora, M. Specia, M. Baker

Police Failures Spur Resignations and Complaints of Double Standard

The chief of the Capitol Police indicated he would resign after an angry mob of Trump supporters stormed past officers and into the legislative chambers

Six days before a raucous rally of President Trump's supporters in Washington, Representative Maxine Waters anxiously grilled the chief of the Capitol Police about his preparations for various scenarios: Were the rooftops secured? Would streets be blocked off? Did he know that violent groups like the Proud Boys and the Oath Keepers were vowing to stir up chaos?

Ms. Waters, a California Democrat, said each of her concerns was met with a similar response from Chief Steven Sund during their hourlong call: "He assured me that they have everything under control, that they were on top of everything."

They weren't. Instead an angry mob of pro-Trump extremists swarmed the barricades around the Capitol on Wednesday, spraying chemical irritants and wielding lead pipes, injuring more than 50 officers. They battered doors, broke windows and scaled the walls, rampaging through the building as congressional leaders made desperate calls for help.

The Capitol Police seemed to offer little resistance and arrested only 14 people, making it much more difficult to find and charge the rioters, according to a law enforcement official involved in coordinating the response.

Chief Sund, who took over the 2,000-member Capitol Police force two years ago and whose biography lists him as an expert in "critical incident management," handed in his resignation on Thursday after pressure from congressional leaders. The sergeants-at-arms of the House and Senate resigned, too.

President-elect Joseph R. Biden Jr., who spent 36 years in the Senate, criticized the stark contrast between the militarized and sometimes violent phalanxes deployed against protesters of racial injustice over the summer and the outnumbered officers who cringed and retreated from — or posed for a selfie with — the mostly white pro-Trump mob.

"No one can tell me that if it had been a group of Black Lives Matter protesting yesterday, they wouldn't have been treated very, very differently than the mob of thugs that stormed the Capitol," Mr. Biden said in a video statement. "We all know that's true, and it is unacceptable."

Policing experts noted the absence of crowd-control tools such as mounted officers, police dogs or a heavily manned perimeter.

Pentagon officials said Thursday that the Capitol Police had turned down an offer for additional National Guard troops before Wednesday's storming of the Capitol, and two law enforcement officials said they had initially rebuffed help from the F.B.I. as the mob descended.

"How they were not ready for this today, I have no idea," said Charles Ramsey, a former D.C. police chief. "They were overwhelmed; they did not have the resources. You have to be able to protect the Capitol."

But others in law enforcement insisted that the president's encouragement of the mob could not have been anticipated.

"No one expected the president to say, 'Hey guys, let's all go down to the Capitol and show them who's boss,'" said Jose Cervino, who worked for the department for 14 years and helped plan security for large events and protests. "That is a completely different thing that no one's ever planned or prepared for. How could you?"

Mr. Cervino defended the hesitancy to use weapons, saying the department's primary mandate was to protect the lawmakers, not the building.

"We have the members and we have the leadership secured. Is it correct to start shooting people?" Mr. Cervino asked. "I can't imagine that I would be happier today if we found out we kept the crowd out, but wound up shooting 40 people."

Theortis Jones, a Black officer whose career stretched from the Nixon inauguration to Barack Obama's, said the agency had consistently overreacted to events with Black participants. He recalled that when Louis Farrakhan, the Nation of Islam leader, visited the Capitol with a handful of associates, all officers were required to stay at their posts and a SWAT team was stationed in the garage. "I thought that was an insult to every Black officer on the force," he said.

In 2001, more than 250 officers filed a suit against the Capitol Police Department, claiming discrimination was rampant in the ranks and that, at the time, Black and minority officers were severely underrepresented in the ranks. The initial breach of the barricades began before 1 p.m. and was followed by hours of chaos in which rioters looted, vandalized and livestreamed. Gov. Larry Hogan of Maryland received a frantic call from the House majority leader, Steny Hoyer, who told him that "the U.S. Capitol Police was overwhelmed, that there was no federal law enforcement presence."

"The leaders of Congress were pleading with me as the governor of Maryland for assistance," Governor Hogan said. He said though he wanted to authorize the mobilization of the Maryland National Guard, "We were repeatedly denied approval to do so," leading to a 90-minute delay, he said.

The breakdowns in coordination began long before Jan. 6. The departure of William P. Barr from his post as attorney general in mid-December left the Justice Department with a leadership vacuum and wary of the president, who was pressuring the department to investigate supposed voter fraud, according to a law enforcement official involved in coordinating the response. The official spoke on the condition of anonymity because he was not authorized to discuss the meetings or the investigations.

Mayor Muriel Bowser of the District of Columbia, unhappy about heavy-handed federal treatment of protesters, argued for the Metropolitan Police Department to take the lead, law enforcement officials said. She warned residents and counterprotesters to stay home.

But the Capitol Police have exclusive jurisdiction at the Capitol and its grounds.

Michael Chertoff, a Homeland Security secretary in the George W. Bush administration, questioned why Wednesday's rallies were not designated a National Special Security Event, which would have allowed the Secret Service to take the lead on the response.

The Capitol Police did not request assistance from the Homeland Security Department until 2:30 p.m., according to officials.

"The failure was the Capitol Police. They would have to be the requesting agency. But they were late in doing it," Mr. Chertoff said. "It wasn't a surprise attack, all you had to do was read the newspaper and see that the president was telling people to go wild. A 5-year-old would know this would be a center of focus here."

Though pro-Trump extremists chattered openly online about seizing the Capitol, and posted photos of their weapons, the federal government did not issue bulletins outlining that threat to "fusion centers" that were created to keep state and local law enforcement informed, said Mike Sena, the president of the National Fusion Center Association.

Chase Jennings, a spokesman for the Homeland Security Department, said the agency "had open channels with partners and shared information on those channels."

But Representative Tim Ryan of Ohio, who runs the House Appropriations subcommittee that oversees the budget for the Capitol Police, said none of the intelligence presented in the planning meetings leading up to Wednesday suggested that the Capitol might be stormed.

“We are going to do a deep dive to figure out exactly what happened from the intelligence side and from the threat assessment side,” Mr. Ryan said. “We did not have enough manpower there to hold the line.”

It took more than two hours to restore order. One woman, identified as Ashli Babbitt, was fatally shot by a Capitol Police officer, according to Robert J. Contee III, chief of the city’s Metropolitan Police Department, which was among the agencies called in for backup. Another woman and two men died during the events because of medical emergencies, he said.

The Metropolitan Police had arrested 69 adults and one minor by early Thursday morning, mostly for violating the city’s 6 p.m. curfew and unlawful entry. Four men ranging in age from 25 to 40 were charged with carrying handguns without permits. Only one of the 70 people arrested was a D.C. resident, according to documents released by the department.

The Capitol Police made 14 arrests, including one of a 70-year-old man from Alabama they said had a gun and materials to make several Molotov cocktails. The F.B.I. asked the public to call its hotline with any tips about the rioters.

Critics noted that Mr. Trump repeatedly lashed out at racial justice protesters but reacted to the mob on Wednesday with tenderness. After George Floyd’s death, he called demonstrators “thugs” and promised that those who got out of line would be met with “the most vicious dogs, and most ominous weapons, I have ever seen.”

Federal law enforcement officers swept people into unmarked vans and used pepper spray to clear peaceful protesters so that Mr. Trump could pose for photos in front of a church. “When the looting starts, the shooting starts,” he wrote.

But he was far kinder to those who stormed the Capitol. Hours after the riot began, he finally posted a video saying, “You have to go home now.” He added, “We love you. You’re very special.”

Shenita Binns, 42, a federal employee who has taken part in numerous racial justice protests in Washington and around the country, said she was struck by the deference given to the mob on Wednesday. Usually protesters cannot get anywhere near the Capitol steps.

At a demonstration in June, some participants tried to talk to police officers. “They stood there like statues and did not say anything back except stuff like ‘Don’t come up here’ or ‘Don’t go that way,’” she said. “If anybody tried to get past them they were pushed back down.”

*New York Times 07/01/2021 Updated 20/01/2021 by Shaila Dewan, Neil MacFarquhar,
Zolan Kanno-Youngs and Ali Watkins Videos by Christiaan Triebert, Haley Willis,
Stella Cooper, Cora Engelbrecht, Evan Hill and Arielle Ray*

Racial Double Standard of Capitol Police Draws Outcry

Black Lives Matter activists said the tepid response from law enforcement officers to mostly white protesters stood in stark contrast to the aggressive tactics they have endured for years.

While protesting the police killing of a Black teenager in Ferguson, Mo., several years ago, Johnetta Elzie said she was manhandled by officers. She said they pointed rifles at Black women who were pushing toddlers in strollers and cursed at them to turn around.

Similar scenes unfolded all summer, as police officers clashed with scores of Black Lives Matter protesters. Many times, officers used batons and chemical agents to disperse crowds.

And so what Ms. Elzie saw on television Wednesday afternoon infuriated her: A mob of mostly white Trump supporters stormed past police officers and vandalized the United States Capitol while officers, after initially offering resistance, mostly stood by. Some officers parted barricades, others held doors open and one was seen on video escorting a woman down steps.

“What a joke,” Ms. Elzie said. “I mean, they didn’t even pinch the white people. It wasn’t even like a family dispute. In a family dispute, you might at least hit your sister or something like that. This wasn’t even that. It was almost like tear gas was not readily available.”

Black Lives Matter activists across the country expressed outrage on Thursday at what they said was a tepid response from law enforcement officers to mostly white protesters, saying it stood in stark contrast to the aggressive tactics they have endured for years — officers in full riot gear who have used tear-gas, rubber bullets and batons. It also underscored the country’s uneven system of justice, many said, and lent credence to their insistence that Black people are devalued and viewed as inherently dangerous.

In a national address Thursday afternoon, President-elect Joseph R. Biden Jr. acknowledged the seemingly disparate treatment, saying he had received a text message from his granddaughter who questioned the police response at the Capitol.

“She said, ‘Pop, this isn’t fair. No one can tell me that if it had been a group of Black Lives Matter protesting yesterday, they wouldn’t have been treated very, very differently than the mob of thugs that stormed the Capitol,’” he said, adding, “We all know that’s true. And it is unacceptable. Totally unacceptable.”

Officials with the Capitol Police, a federal law enforcement agency responsible for securing the Capitol building, have defended Thursday’s response, saying the officers were under prepared and overwhelmed by the pro-Trump mob.

Joel Shults, a former police chief of Adams State University in Colorado, said “the right balance of quelling a disturbance versus allowing the disorder to continue” was a difficult calculation for law enforcement to make. Every case presents its unique challenges, he said, adding that a lack of information and the location of Wednesday’s riot might have influenced the police’s response — and not the race of the largely white crowd that stormed the building.

“To have a lot of citizen-police violence on the steps of the Capitol,” he said, “I think it was really important that that not happen.”

Black activists noted that when they have planned protests, the police have rarely seemed ill prepared. This week, for instance, National Guard troops descended on Kenosha, Wis., and metal barricades were erected around that city’s courthouse the day before a prosecutor announced that no charges would be filed against an officer who shot a man, Jacob Blake, multiple times in the back last summer.

Last summer, a peaceful violin vigil in Aurora, Colo., to memorialize a Black man who died during a police arrest was disrupted when officers in riot gear charged the park and dispersed pepper spray, sending families with children fleeing. The police argued that there was a small group of agitators among the crowd, a contention disputed by many in attendance, who had been sitting on the lawn listening to people play the violin when the police descended.

And the day after the presidential election in November, hundreds of activists marched through the streets of Minneapolis, advocating for an end to police brutality. The group, which was spirited but peaceful and included parents with children, eventually marched onto an interstate. The plan was to walk to the next exit, something that should have only taken about 15 minutes, said Sam Martinez, one of the organizers.

Instead, the State Police surrounded the group while on the highway and demanded that everyone sit down to be arrested. Local elected officials frantically tried to negotiate with the authorities to let the demonstrators leave the highway, to no avail.

The police, saying that the demonstrators violated the law and endangered public safety by entering the highway, either arrested or cited and released nearly 650 protesters. The process took about five hours. Most were given misdemeanor charges, but a 19-year-old woman received felony riot charges for shining a laser pointer into the eyes of a police officer.

“It’s a glaring example of how unjust this system really is,” said Mx. Martinez, noting the disparity between the hundreds of arrests on the highway versus the handful of arrests at the Capitol. “If that had been us, there would have been way more than one casualty.”

The highway protest in Minneapolis came months after city police officers killed George Floyd, sparking widespread protests and calls for an end to systemic racism. Amid chaotic demonstrations in the days following the killing, the police retreated from a police precinct headquarters, allowing protesters to descend on it and burn it down.

But even that was not comparable to what unfolded at the Capitol on Wednesday, said Jeremiah Ellison, a Minneapolis City Councilman. In the days preceding the burning of the precinct, the police had been firing rubber bullets and tear-gas at protesters in what Mr. Ellison said he believed was an overreaction at times.

The police at the Capitol did not show that same hostility toward the demonstrators there, he said.

“I think the police will view a leftist protester with a gas mask as more dangerous than a right-wing protester with a semiautomatic rifle,” Mr. Ellison said.

Activists who protest the police say they believe they are targeted because of their criticism of law enforcement. In a federal lawsuit against the city of St. Louis, a judge wrote in a 2017 ruling on a preliminary injunction that the plaintiffs were likely to prevail on their claim that the Police Department “has a custom or policy of using chemical agents without warning on citizens” criticizing the police.

The lawsuit centers on the arrest of more than 120 people in 2017 during a protest of the acquittal of a white officer who killed a Black man in St. Louis. Earlier that evening, some protesters had broken windows and knocked over large flower pots downtown. The police declared an unlawful assembly and ordered people to leave.

Hours later, there were still dozens of people peacefully milling about a downtown street corner that was a few blocks from where the police had told the crowd to leave. Officers eventually moved in and arrested everyone who was still out — sweeping up members of the Air Force who happened to be in the area and at least one journalist in the process.

Video of the mass arrest showed one officer firing pepper spray at the people being arrested, “who all appear to be on the ground and complying with police commands,” Judge Catherine D. Perry of Federal District Court wrote in her injunction.

Javad Khazaeli, a lawyer representing several of the plaintiffs, said that even though his clients were peaceful, “The police made the choice to use violence.”

But the Capitol Police on Wednesday “made the choice” not to, he said. “It couldn’t be a more perfect example for everybody to see the two different criminal justice systems we have in America.”

New York Times 07/01/2021 Updated 11/03/2021 by John Eligon

New York’s Next Police Boss, a Queens Native, Comes ‘Full Circle’

Keechant Sewell, chief of detectives in Nassau County, will become the city’s 45th police commissioner after she impressed Eric Adams with “emotional intelligence.”

It was only an exercise, but the scenario was painfully familiar: A white police officer had just killed an unarmed Black man, and now the candidates to become New York City’s next police commissioner needed to show how they would address the media.

Some went directly into the technical details of what had occurred, Mayor-elect Eric Adams said. But one candidate began by acknowledging the loss of the victim’s life.

“That made me sit up because she understood that there was a tragedy because a life was lost,” Mr. Adams said. “That’s what we have to understand.”

The mock news conference was one test in a monthslong selection process, but Mr. Adams had found his candidate. On Wednesday, he introduced Keechant Sewell, the 49-year-old chief of detectives for the Nassau County Police Department on Long Island, as the first woman to lead the New York Police Department and its 35,000 uniformed officers.

The appointment comes amid a push to remake policing from within after last year’s protests against police brutality and racism. Mr. Adams, who vowed during the campaign to choose a woman to lead the department where he was an officer for 22 years, said the way Chief Sewell handled the hypothetical situation demonstrated what he called an “emotional intelligence” that made her stand out.

“Those are the scenarios we’re going to be facing,” he said. “Hopefully we don’t have a shooting like that, but if we do, I need the police commissioner to stand in front of the room and let New Yorkers know we’re going to be all right, because it’s not only substantive, it’s the perception, right?”

Wednesday’s announcement at Community Capacity Development, an anti-violence organization in Long Island City, the Queens neighborhood where Chief Sewell was born, reflected what Mr. Adams has said will be a cultural shift for his administration, which will seek to work more with community organizations to give the public a greater role in helping the police to reduce crime.

“In this city and this moment, I have come full circle,” Chief Sewell said. “The N.Y.P.D. has an important role to play in making our communities safer, but we cannot do it alone.”

Chief Sewell is taking the helm of the Police Department at a moment of deep uncertainty.

“There’s never been a time in my 51 years in this profession that was quite as problematic as this,” said William J. Bratton, who served as police commissioner twice, most recently from 2014 to 2016. “You have the most challenging police role in the country, bar none.”

Chief Sewell is expected to play a crucial role in striking the balance that Mr. Adams wants to achieve between community-led safety strategies and traditional policing practices, including some controversial ones that Mr. Adams plans to revive, like plainclothes police units to target illegal guns. But it was unclear how much of a role she would play in steering the department from the outset: She faces a steep learning curve with just two weeks left until inauguration.

He has also charged her with diversifying a department that has made strides but is still struggling to mirror the city's population. Although the number of Asian and Hispanic officers has risen during the de Blasio administration, the force is only about 15 percent Black, while the city's population is roughly 25 percent Black. Female officers make up about 18 percent of the force.

Chief Sewell, who must retire as an officer and move from Long Island to New York City to take on the civilian position of commissioner, served 22 years in the Nassau County department, rising through the ranks in a variety of assignments, including narcotics and internal affairs. She was the first Black woman named chief of detectives, overseeing a division of about 350 personnel.

She was well liked among her colleagues and seen as a tough-but-fair leader of the detective bureau, said John Wighaus, the president of the Nassau County Detectives Association. In October, its members voted her Law Enforcement Person of the Year.

"She leads by example, and she has great appreciation for the men and women of our department," Mr. Wighaus said.

The department saw her potential early on, sending her in fall 2008 to the F.B.I.'s National Academy, a prestigious and competitive training program for law-enforcement managers. She was a standout student, her counselor and classmates said, and she was elected president of the class and gave the commencement speech.

"I found her to be absolutely remarkable," said Valerie Tanguay-Masner, who attended the academy while a member of the San Bernardino County sheriff's office, a post from which she has since retired.

"Keechant was very athletic, very energetic, very focused and driven on what it was that she wanted to do," she added. "I believe that her integrity is absolutely above reproach. She was a shining star."

Art Howell, a classmate who retired earlier this year as the chief of police in Racine, Wis., said that as a Black woman and a sergeant at the time, Chief Sewell was a rare figure in the academy. Most of the other officers held higher ranks, and only 26 of the 256 attendees were women, he said. But he said symbolism should not overshadow her qualifications. "She's got a lot of substance," he said. Enormous challenges await her in New York, where relations between police and communities of color have been strained for years and calls to shrink the Police Department predate the pandemic.

Perhaps her biggest challenge will be overcoming doubts about her ability to lead a department that is vastly larger and bureaucratically more complex than Nassau County's force of about 2,400 officers. As chief of detectives there, she has as many people under her command as the typical precinct commander in the city. She inherits a strained relationship with the City Council and State Legislature, which her predecessors criticized for enacting laws that were aimed at making the criminal justice system fairer, but that past commissioners say scapegoated cops, emboldened criminals and made the city less safe. Gun violence, which reached a high for the decade in 2020, remains higher than before the pandemic.

On Wednesday, Chief Sewell sounded unfazed. At the news conference, she said that those who doubted her should "come and talk to me in a year."

Dr. Tracie Keese, who was a Denver police officer for 25 years and a deputy police commissioner in New York, said the difficulties facing the next police commissioner also present opportunities for reshaping the culture and operations of the department.

The city has already begun experimenting with having social workers respond to some mental health calls that traditionally went to police and opened an Office of Neighborhood Safety to give communities more say in how they are protected. Dr. Keese, a co-founder of the Center for Policing Equity, a public policy nonprofit, said there's also room to root out inefficiencies in internal processes.

Frederick Brewington, a civil rights lawyer who has sought police reform in Nassau County, said he believed that as police commissioner, Chief Sewell would be able to showcase strengths that she had not been able to display on Long Island.

Had Chief Sewell been in charge of the department, he said, he expected that the county would have seen greater progress. “There would have been an opportunity to see meaningful reforms had she been the police commissioner in Nassau County,” he said.

Others described her as someone who impressed them with her confidence, sharp intellect and keen listening and problem-solving skills.

“There was no chink in the armor,” said Jeffrey Knotts, a retired F.B.I. special agent who was her counselor at the F.B.I. academy.

Paul Tonna, who first met Chief Sewell through a two-year leadership program he helps run at Molloy College on Long Island, said that she once led a policing demonstration for attendees alongside decorated SWAT team and K-9 unit officers — a group that Mr. Tonna noted was largely older white men.

“All of these guys with all these stars on their lapel, and Keechant absolutely commanded all of their respect,” he said. “She is the real deal and an unbelievable force of nature.”

One of the participants, Tracey Edwards, a member of Long Island Advocates for Police Accountability, said she has sought to enact reforms within the police department in Nassau County but found the department reluctant to embrace change. “But she didn’t have a place in that resistance,” Ms. Edwards said of Chief Sewell. “That to me says it all.”

Chief Sewell’s love of the city and her varied law enforcement background will be a strength as she takes on her new role, Ms. Tanguay-Masner said. “I think that everything that has happened in Keechant’s career up until today has prepared her for this challenge,” she said.

New York Times 15/12/2021 by Ashley Southall, Ali Watkins and Troy Closson

The F.B.I. Deployed Surveillance Teams Inside Portland Protests

Federal agents infiltrated Portland’s unruly racial justice protests, dressing to blend in and capturing clandestine video. The tactics raised internal concern.

PORTLAND, Ore. — In the hours after President Biden’s inauguration this year, protesters marched once again through the streets of Portland, Ore., sending a message that putting a Democrat in the White House would not resolve their problems with a system of policing and corporate wealth that they saw as fundamentally unfair.

“No cops, no prisons, total abolition,” they chanted. Some of the activists, dressed in the trademark uniform of solid black clothing and masks that often signals a readiness to make trouble without being readily identifiable, smashed windows at the local Democratic Party headquarters.

The event — like others that had consumed the city since the murder of George Floyd by a police officer in Minneapolis in 2020 — included a variety of anarchists, antifascists, communists and racial justice activists. But there were others mingling in the crowd that day: plainclothes agents from the Federal Bureau of Investigation.

The F.B.I. set up extensive surveillance operations inside Portland’s protest movement, according to documents obtained by The New York Times and current and former federal officials, with agents standing shoulder to shoulder with activists, tailing vandalism suspects to guide the local police toward arrests and furtively videotaping inside one of the country’s most active domestic protest movements.

The breadth of F.B.I. involvement in Portland and other cities where federal teams were deployed at street protests became a point of concern for some within the bureau and the Justice Department who worried that it could undermine the First Amendment right to protest against the government, according to two officials familiar with the discussions.

Some within the departments worried that the teams could be compared to F.B.I. surveillance transgressions of decades past, such as the COINTELPRO projects that sought to spy on and disrupt various activist groups in the 1950s and 1960s, according to the officials, one current and one former, who spoke on condition of anonymity because they were not authorized to discuss the debate.

There has been no evidence so far that the bureau used similar surveillance teams on right-wing demonstrators during the Jan. 6 riot at the U.S. Capitol, despite potential threats of violence against the heart of federal government — though the F.B.I. did have an informant in the crowd that day. The bureau has at times used secretive tactics to disrupt right-wing violence, such as efforts that led to charges against men accused of conspiring to kidnap Michigan’s governor.

The F.B.I. has broad latitude to conduct surveillance when agents suspect threats to national security or that federal crimes may be committed. But bureau guidelines warn that agents should not cross into actions that could have a chilling effect on legitimate protest, and should instead prioritize less-intrusive techniques.

In Portland, federal teams were initially dispatched in July 2020 to protect the city's federal courthouse after protesters lit fires, smashed windows and lobbed fireworks at law enforcement personnel in the area. One demonstrator had attacked a federal officer with a hammer. But the F.B.I. role quickly widened, persisting months after activists turned their attention away from the courthouse, with some targeting storefronts or local institutions whose protection would normally be up to the local police.

Both local and federal law enforcement officials have complained that lawful peaceful protests were hijacked in many cases by criminals.

But organizers of the protests and civil rights groups, after being told of The Times's findings, said that surveillance agents recording and following protesters in the midst of a demonstration was a form of domestic spying.

"These are all insidious tactics that chill First Amendment expression and erode trust with local officials," said Bobbin Singh, executive director of the Oregon Justice Resource Center, one of several civil rights organizations that objected to the mass arrests and violent crackdowns that followed the protests. He called the government's operations an "alarming" misuse of resources.

Kieran L. Ramsey, the F.B.I.'s special agent in charge of the Portland field office, said the office was committed to pursuing "violent instigators who exploit legitimate, peaceful protests and engage in violations of federal law."

"At all times, our focus was on those planning or committing significant criminal activity or acts of violence," Mr. Ramsey said in a statement.

Police officers made more than 1,000 arrests during the course of the protests, and more than 200 people ultimately faced criminal prosecution; more than 100 cases had to be dropped because there was not sufficient evidence.

In fast-moving street gatherings where people concealed their identities and demanded that cameras not be present, working invisibly inside the crowd may have given the authorities more opportunity to identify and apprehend those engaging in the most serious mayhem.

In one case, F.B.I. agents in plain clothing were credited in court records with helping catch a man accused of throwing Molotov cocktails at law enforcement officers. He faced federal explosives charges in addition to state charges that included attempted murder.

New York Times 22/12/2021 by Mike Baker, Sergio Olmos and Adam Goldman

We Need Policemen': Even in Liberal Cities, Voters Reject Scaled-Back Policing

Around the country, local elections suggested that voters were rejecting the most sweeping calls to reinvent law enforcement.

MINNEAPOLIS — After a Minneapolis police officer murdered George Floyd last year, protesters marched across the country demanding sweeping change to law enforcement. But given the opportunity Tuesday to dismantle their city's troubled Police Department and replace it with something new, Minneapolis voters said no.

The results in Minneapolis, an overwhelmingly Democratic city, as well as returns in local races from Long Island to Seattle, suggested that voters saw an enduring need for policing even as they supported some incremental changes. In an election season that played out amid a national rise in homicides, Americans across racial and geographic lines rejected the most far-reaching calls for reinventing law enforcement and, in many cases, elected candidates who backed the current policing structure.

"I do want to see some changes," said Deborah Diggins, 60, a social worker in Minneapolis who said she supported having mental health workers respond to more emergency calls. "But most certainly I do not want to see them defund the Police Department — in no form or fashion. We need policemen."

In Seattle, where a majority of the City Council had endorsed cutting the police budget by half, Bruce Harrell, a candidate who favors adding police officers, was far ahead in the city's mayoral race with counting still underway. In New York City, Eric Adams, a former police captain who won the Democratic primary this year after rejecting the defund-the-police movement and emphasizing the role of the police in public safety,

sailed to election. And in Minneapolis, Mayor Jacob Frey, who oversaw the city when Mr. Floyd was killed and was heckled by demonstrators after bucking calls to abolish the Police Department, decisively won a second term. Some of his opponents ran on replacing the Police Department.

We need deep and structural change to policing in America. [crowd clapping and cheering] And at the same time, we need police officers to make sure that they are working directly with community to keep us safe. There will be many that will try to argue that this is a blow to reform — that is dead wrong. [crowd clapping and cheering] Reform — reform has begun, but it must continue with the necessary — with understanding the magnitude of this particular moment, and making sure that we're all, each and every one of us, rallying around the cause of change.

“All of the work around safety and accountability is complex — none of it you can fix with a hashtag or a slogan,” said Mr. Frey, who pledged to improve the existing Police Department during his victory speech on Wednesday.

Republican candidates running on explicitly “Back the Blue” platforms won or were leading in some closely contested races, including for county executive and prosecutor posts on New York’s politically diverse Long Island. But the debate in many cities over how far to go in reimagining policing played out largely among different factions of Democrats.

In Atlanta, where homicides are up, policing defined much of this year’s mayoral election. Officials were still tallying the votes on Wednesday but named as the top vote-getter in a preliminary election Felicia Moore, who has promised to hire more police officers while also making the department more transparent and accountable. In Buffalo, Mayor Byron W. Brown, a moderate Democrat, appeared on track to win another term after waging a write-in campaign against a democratic socialist, India Walton, whom he accused of planning to cut police jobs.

Even as more moderate candidates prevailed, voters in many places expressed their continuing concerns about police conduct and the need for more accountability. In Cleveland, for instance, residents voted to expand civilian oversight of the police and elected a mayoral candidate, Justin Bibb, who positioned himself as a progressive committed to improving law enforcement. In Austin, Texas, voters rejected a ballot measure that would have required the city to hire hundreds more officers, despite a campaign by supporters that emphasized a sharp rise in homicides.

“I really thought people would buy into a lot of the fearmongering that came from the other side,” said Chas Moore, executive director of the Austin Justice Coalition, which opposed the measure.

But the results in Minneapolis, where a proposed amendment would have replaced the Police Department with a new agency focused on public health, showed how the strongly held views that policing needs to change clashed with concerns about rising gun violence and homicides. The proposed safety agency in Minneapolis would have almost certainly still employed police officers, but the measure would have dismantled the existing system and eliminated minimum staffing requirements.

“The undeniable factor in that victory in Minneapolis — and I think it shows through in elections nationwide at every level — is a growing concern on the part of the electorate over the rising violent crime rate in the United States,” said Jim Pasco, the executive director of the National Fraternal Order of Police, a law enforcement union. “I believe, in terms of these draconian proposals to reduce or even eliminate police departments in this so-called defunding effort, that ship has sailed.”

F.B.I. statistics showed the steepest year-to-year homicide increase on record from 2019 to 2020, though killings remained below the levels seen in the 1990s and major crimes overall dropped about 5 percent last year.

Supporters of the Minneapolis amendment said that they were disappointed but that their campaign had succeeded in shifting the debate around policing, perhaps in a lasting way. That a large American city held an election on getting rid of its Police Department, and that more than 40 percent of voters supported it, they said, showed how much the discourse had broadened since only a few years ago, when far narrower changes, such as requiring body cameras or tightening use-of-force policies, were hotly debated.

“We’re doing the work and people are not ready yet,” said Rashad Robinson of the Color of Change PAC, which supported the Minneapolis amendment. “I fundamentally believe that we are on the right track. We would have not even been part of the conversation a couple of years ago.”

When protests spread following the murder of Mr. Floyd last year, “defund the police” became a progressive slogan. Across the country, many police department budgets were cut. A veto-proof majority of the Minneapolis City Council vowed to dismantle the police force, though some members soon backtracked. Given the opportunity to dismantle their city’s troubled Police Department and replace it with something new, Minneapolis voters said no.

The conversation has shifted again as homicides rose, with killings in Minneapolis reaching levels not seen since the 1990s. “Defund the police” has become a potent Republican attack line, and a slogan that all but the most liberal Democrats now avoid. Some of the cities that cut police budgets last year have now restored funding.

There have been some enduring changes to the current system, many with broad political support. Several cities, including Minneapolis, have invested more money in mental health services and in dispatching social workers to emergency calls. Officers in some places are no longer pulling people over for some minor offenses. And Minneapolis remains a place where liberal policies have found support: Even as voters chose not to get rid of their Police Department, they approved an amendment that would allow for rent control.

In Seattle, another liberal city that saw large, sometimes destructive protests in 2020, the Republican candidate for city attorney, Ann Davison, was leading in the vote over an opponent who had posted messages about her hatred of the police and sought to abolish the criminal justice system as it exists.

In the mayor’s race, Mr. Harrell, a Democrat who had criticized the defund effort and was leading, said on Wednesday that voters wanted improvements in policing but also wanted a police force that could respond to crimes quickly and conduct thorough investigations. His push for more officers, he said, had clearly resonated.

“I think it was a major issue, perhaps a determinative factor,” Mr. Harrell said.

Still, Mr. Harrell said he was committed to changes to policing. He said he would seek, for instance, to have every sworn officer watch video of Mr. Floyd’s murder and sign a letter stating that the inhumane treatment of people would not be tolerated in Seattle.

In Minneapolis, the city where the defund movement gained national prominence after Mr. Floyd’s murder and where many still speak with disgust about how their neighborhoods are patrolled, residents said they saw the election results as a reflection of their daily concerns. The ballot language contained few specifics about the proposed public safety agency, and residents said getting rid of the Police Department without a clearer alternative was a risk they could not take at a time when homicides have risen.

“For Black residents of Minneapolis, it’s not about politics,” said Nekima Levy Armstrong, a civil rights lawyer who has long protested police violence, but who opposed the amendment to replace the department. “It’s about our day-to-day realities of too often feeling unsafe with the things that are unfolding. Hearing the stories of children being shot and killed, and meeting the families of those children.”

Reporting was contributed by Jay Senter in Minneapolis, Jesse McKinley in Buffalo and Mike Baker in Seattle. Richard Fausset, Shaila Dewan and Luis Ferré-Sadurní also contributed reporting.

New York Times 03/11/2021 by Mitch Smith and Tim Arango

Train the Police to Keep the Peace, Not Turn a Profit

Some police departments across the country have embraced the corrupting and unjust practice of raising revenue for their municipalities by pushing officers to write as many traffic tickets as possible.

Policing for profit encourages unfair enforcement of the law. It also increases the likelihood that motorists stopped for infractions largely unrelated to public safety will be killed or injured during encounters with officers who are trained to view traffic stops as moments of mortal peril.

The situation cries out for departments to change how officers are trained. Ultimately, these departments need to stand down from practices that bring many more people than necessary into contact with the law under circumstances that too often lead to what one district attorney refers to as “anticipatory killings” by police officers.

The New York Times lays out these and other issues in an alarming investigation of the culture that too often transforms traffic stops for common violations into unnecessary beatings, car chases or shootings.

The Times investigation found that over the past five years, police officers have killed more than 400 drivers who were not brandishing guns or knives or who were not being pursued for dangerous crimes.

Many of these motorists ended up dead in stops that began with standard violations like having broken taillights or running a red light. Over and over again, prosecutors convinced the courts that the killings were legally justified because the officers felt that their lives were endangered.

Only five officers were convicted of crimes in connection with these deaths — but local governments ended up paying at least \$125 million to settle about 40 wrongful-death suits and other claims.

The Times investigation found in a number of encounters that officers often seemed to exaggerate the threat to their lives. Worse still, officers commonly manufactured dangerous situations by stationing themselves in front of fleeing cars or reaching inside of vehicles. They then fired their guns in what they later described as self-defense.

African American motorists were overrepresented among those killed. A criminologist told The Times that the act of exaggerating the danger of stops compounded racial bias: “Police think ‘vehicle stops are dangerous’ and ‘Black people are dangerous,’ and the combination is volatile,” he said.

Officers are sometimes killed during traffic stops, but statistically speaking, the odds of that actually happening are low. Traffic stops are far and away the most common point of contact between people and the law. Given that there are tens of millions of such stops each year, studies have found that an officer’s chances of being killed during one are less than 1 in 3.6 million.

Nevertheless, police academies tend to show trainees gory videos and worst-case scenarios, while depicting the traffic stop as the most dangerous encounter an officer can engage in.

As one police official told The Times: “All you’ve heard are horror stories about what could happen. It is very difficult to try to train that out of somebody.” A culture of gross exaggeration creates an atmosphere in which outrageous police conduct leading up to a civilian death is judged acceptable.

For example, The Times investigation found that more than three-quarters of the unarmed motorists who died were killed while attempting to flee. Dashboard and body-camera footage showed officers “shooting at cars driving away, or threatening deadly force in their first words to motorists, or surrounding sleeping drivers with a ring of gun barrels — then shooting them when, startled awake, they tried to take off.”

The federal government worsens this problem by spending more than \$600 million a year to subsidize the writing of tickets. At least 20 states have responded to this policy by evaluating police officers based on how many stops they make per hour.

Communities that are dependent on traffic-ticket revenue sometimes maintain larger police departments than are really necessary only for the purpose of raking in money. The Times investigation found more than 730 municipalities that rely on fees and fines for at least 10 percent of their revenue.

The town of Henderson, La., with a population of about 2,000, got nearly 90 percent of its general revenue from fines and fees in 2019. Oliver, Ga., home to about 380 people, gets more than half its budget from fines. A state investigation found that last year the town’s police force had written more than \$40,000 worth of tickets outside its legal jurisdiction.

Departments that trawl poor communities in particular for ticket revenue — and whose officers sometimes manufacture infractions — undermine trust in the law. Policing for profit also subjects motorists to unfair scrutiny and potentially dangerous encounters with officers during traffic stops. States and municipalities need to move away from this practice.

New York Times 20/11/2021 by The Editorial Board

Missouri Detective Is Convicted in Fatal Shooting of Black Man Outside His Home

A judge convicted Detective Eric DeValkenaere of involuntary manslaughter in the death of Cameron Lamb outside his home in 2019.

A Missouri police detective was found guilty on Friday in the death of a Black man who was fatally shot in 2019 as he sat in a pickup truck outside his home, a remarkable decision given the rarity of convictions in on-duty killings by police officers.

Judge J. Dale Youngs ruled that the detective, Eric J. DeValkenaere of the Kansas City Police Department, had no reason to go on the property of Cameron Lamb, 26, who was shot twice as he was backing into his garage on Dec. 3, 2019. Detective DeValkenaere, 43, and another detective had driven to Mr. Lamb’s house after receiving a report about a traffic incident involving the truck that Mr. Lamb was driving.

But they had no warrant and did not have reason to believe a crime had been committed when they rushed into Mr. Lamb's backyard and confronted him, argued Jackson County prosecutors, who also suggested during the trial that the police had planted evidence at the scene to make it look as if Mr. Lamb had a gun.

Judge Youngs rejected Detective DeValkenaere's claim that he believed Mr. Lamb was going to shoot his partner and convicted the officer of second-degree involuntary manslaughter and armed criminal action, a charge that carries a minimum sentence of three years in prison. As he ruled, Judge Youngs said that Detective DeValkenaere had put himself in a position in which he could harm someone.

Detective DeValkenaere, who is white, and his partner were the "initial aggressors in the encounter with Cameron Lamb on Dec. 3, 2019, and had a duty to retreat from the encounter under the circumstances," Judge Youngs said.

After the decision, Detective DeValkenaere, who has worked for the Kansas City Police Department for about 20 years, was "suspended without pay pending termination," said Officer Donna Drake, a department spokeswoman.

Molly Hastings, a lawyer for the detective, said they "absolutely plan to appeal" Judge Youngs's decision. Laurie Bey, Mr. Lamb's mother, wept after the verdict and said she was happy and overwhelmed by the judge's decision.

"But I miss my baby, and this just did not have to be," Ms. Bey told reporters. "My son was at his home and he was minding his own business when they took it upon themselves to go into the backyard."

The conviction came on the same day that Kyle Rittenhouse was acquitted of homicide and other charges by a jury in Kenosha, Wis.

Mr. Rittenhouse, 18, who fatally shot two men and wounded another last year amid protests and rioting over police conduct, had argued that he acted in self-defense. Legal analysts said that by charging Mr. Rittenhouse with homicide, prosecutors created an uphill battle to prove to the jury that Mr. Rittenhouse did not act out of a reasonable fear that his life was in danger.

In Missouri, the prosecutors focused on the decision by the detectives to enter private property even though there was no evidence of a crime and they did not have a search warrant.

Mr. Lamb, a father of three young children who ran a car repair business at his home, was driving a red pickup truck. He and his girlfriend had been involved in a dispute, and a police helicopter saw the truck following her car at high speeds.

Detective DeValkenaere and his partner, Troy Schwalm, drove to Mr. Lamb's address. By then, prosecutors said, the situation had de-escalated. Mr. Lamb had stopped speeding and he was heading home, said Michael Mansur, a spokesman for the Jackson County Prosecutor's Office.

Detective DeValkenaere and Detective Schwalm arrived in separate vehicles and approached the house.

As Mr. Lamb backed into the garage, Detective DeValkenaere, who testified in his own defense, said he stood on one side of the truck and saw Mr. Lamb slide his left hand down his body, reach into a waistband and pull out a gun that he pointed at Detective Schwalm. Detective DeValkenaere fired his weapon four times, hitting Mr. Lamb twice.

During the trial, prosecutors suggested that evidence was planted to make it seem as if Mr. Lamb had a gun. Two bullets were found in Mr. Lamb's pockets at the morgue even though that evidence was not logged at the crime scene, prosecutors said.

In his ruling, Judge Youngs did not allude to the theory that evidence was planted. Instead, he examined the decision by the officers to confront Mr. Lamb at his home, when they had no probable cause to approach him or step on his property.

"The court concludes that this conduct was a gross deviation from the standard of care that a reasonable person would exercise in this situation and constituted criminal negligence," the judge said.

Mr. Mansur, the spokesman for the prosecutor's office, said that by charging the detective with manslaughter instead of murder, prosecutors took the focus away from the "split-second decision" that officers often say they have to make when confronting a life-or-death situation.

The prosecution's argument became a more straightforward one about whether the officers had violated Mr. Lamb's Fourth Amendment right to be safe on his own property and created a situation in which someone could be harmed as a result of those actions.

Jean Peters Baker, the Jackson County prosecutor, said the case had involved "a lot of sleepless nights."

"There is a somberness that comes with all verdicts," Ms. Baker told reporters after the verdict. "Someone misses someone around their dining room table and then there's another individual that faces punishment for the harm that's been done."

She said that prosecutors had sought a "just outcome."

"I believe that's where we stand today," Ms. Baker said. The family of Mr. Lamb has called on the Justice Department to investigate the Kansas City Police Department, and it is suing the agency in federal court.

Officer Drake, the Kansas City police spokeswoman, said in a statement that "every detective-involved shooting is difficult not only for the members in the community, but also the members of the Police Department." "We acknowledge the court's decision," she said.

New York Times 20/11/2021 by Maria Cramer

Black Man Stomped by South Carolina Officer Will Receive \$650,000 Settlement

When the man did not lie on the ground quickly, because he has metal rods and pins in his leg and hip, a police officer stomped on the back of his head.

After being stopped by the police in South Carolina in July, a Black man was ordered to lie on the ground. When he did not do so quickly, because he has metal rods and pins in his leg and hip, an officer stomped on the back of his head.

The man, Clarence Gailyard, 58, will now receive \$650,000 in compensation from Orangeburg, S.C., the city announced on Wednesday. Body camera footage from July 26 shows Mr. Gailyard being stopped by Officer David Lance Dukes. The officer points a gun at Mr. Gailyard, who is on his hands and knees. In the video, Mr. Dukes, who was later fired, yells, "Get on the ground!" He then stomps on Mr. Gailyard, causing his forehead to hit the ground.

Mr. Gailyard sustained a head injury. He was stopped by the police that day after "an erroneous 911 call placed stating someone out there had a gun," his lawyer, Justin Bamberg, said. Mr. Gailyard, who has had rods and pins in his body since being struck by a vehicle while riding a bicycle a few years ago, was holding a piece of wood wrapped in duct tape that he used to keep stray dogs away when he went walking, Mr. Bamberg said.

In a statement on Wednesday, the city said that in addition to an apology, Mr. Gailyard would receive the compensation paid by the city's insurance carrier. City officials said that the city would also establish a citizens' task force to "provide oversight and guidance with regard to interactions" between residents and the Orangeburg police.

Sidney Evering, the Orangeburg city administrator, said in a statement that the "vast majority" of the city's police officers "do their jobs with honor and ensure that the citizens they are entrusted to protect and serve are treated fairly and with respect."

He added: "However, when an officer falls short of these expectations and conducts themselves in ways unbecoming to their department and the city, that officer must and will be held accountable. That's exactly what we have done in this instance."

Mr. Dukes was fired after an investigation into the encounter and was charged with first-degree assault and battery. His lawyer and the Orangeburg Department of Public Safety did not immediately respond to requests for comment on Wednesday night.

At a news conference in August, Mr. Gailyard said he was still in pain. "Every time I look in the mirror and see the scar on my face, it is not OK," he said. In a statement to the city on Wednesday, Mr. Bamberg said that Mr. Gailyard was "pleased to put this very troubling incident behind him."

"We appreciate how quickly Orangeburg city leadership moved to make this right by Mr. Gailyard," Mr. Bamberg said. "I've handled numerous cases involving police violence previously, and rarely have I seen a city swiftly accept responsibility and also work to ensure that this never happens to another person."

Mr. Bamberg said he gave credit to Aqkwele Polidore, a sergeant who was at the scene in July, “who refused to cover for a co-worker.”

“This incident should give all good officers around the country a positive sign that it is OK to take a stand against police brutality in your agencies,” Mr. Bamberg said. “Amazing things can happen when dedicated law enforcement officers choose what’s right over what’s ‘blue.’”

Mr. Bamberg also credited the city of Orangeburg for “changing its police department for the betterment of both its own officers and the citizens it serves.” “This is what progress looks like,” he said.

New York Times 17/11/2021 by Jesus Jiménez

Idaho Sheriff Is Accused of Pointing Gun at Woman Who Delivered a Thank-You Card
Sheriff Craig Rowland of Bingham County, Idaho, threatened to shoot a neighbor in November, according to an affidavit. Local officials are calling on him to resign.

When Chelsea Cox dropped off a card at the sheriff’s house, she did not expect to have a gun pointed at her forehead.

She had driven some girls from her church to his house in Blackfoot, Idaho, on the evening of Nov. 9. They taped a “thankful turkey” card to the door and sprinted back to the car, according to an affidavit filed this month by the Idaho attorney general’s office. The delivery was supposed to be a nice surprise.

But the sheriff, Craig Rowland of Bingham County, Idaho, saw them and thought that they were casing the neighborhood, according to the affidavit. He brought his service gun outside and waved at the car to stop driving. Ms. Cox, a family friend, stopped the car and opened the door.

“We are just here to drop something off for Lisa,” she said, referring to the sheriff’s wife, according to the affidavit. The sheriff yanked Ms. Cox out of the car by her hair, according to the affidavit.

As Ms. Cox explained who she was, Sheriff Rowland held the gun two inches from her forehead. “I will shoot you,” he said, using an expletive, according to the affidavit.

“Get out of here,” he added.

The next morning, he told Chief Scott Gay of the Blackfoot Police Department that he “had really screwed up,” according to the affidavit. The police chief reported the confrontation to the state authorities.

But the confrontation would not draw attention for another month, with the filing of the affidavit, which was reported earlier by the Post Register in Idaho. Sheriff Rowland was charged with aggravated battery, aggravated assault and exhibition or use of a deadly weapon.

It was unclear what penalty the sheriff would face if convicted. The Idaho attorney general’s office did not respond to phone calls on Sunday. The sheriff appeared in court last week.

The sheriff and his lawyer, Justin B. Oleson, did not respond to phone calls on Sunday.

A number of local officials have called on Sheriff Rowland to resign because of the confrontation and some comments he made afterward.

In an interview with state investigators, he made disparaging comments about Native Americans from a nearby reservation, the affidavit said.

“I’ve had drunk Indians drive down my cul-de-sac. I’ve had drunk Indians come to my door,” he said in an interview with state investigators, according to the affidavit. “We have a lot of reservation people around us that are not good people.”

Blackfoot, which is about 200 miles east of Boise, is near the Fort Hall Reservation, where the Shoshone-Bannock Tribes live. The tribes said in a statement this month that the confrontation did not involve its members.

Devon Boyer, the chairman of the Fort Hall Business Council, the tribes’ governing body, called on the sheriff to resign. Mr. Boyer said in the statement that the sheriff’s actions proved “racism still exists.”

“Rowland’s use of racial slurs about ‘Indians’ is extremely offensive,” he added.

In separate statements, the local chapter of the Fraternal Order of Police, a police organization, and Marc Carroll, the mayor of Blackfoot, both called on Sheriff Rowland, who has held the position since 2012, to step down.

“We find Sheriff Rowland’s comments to be repulsive,” Mr. Carroll said.

Sheriff Rowland’s colleagues in the sheriff’s office did not denounce his actions in a statement last week, but they said they valued their relationship with the nearby tribes.

Ms. Cox did not respond to phone calls on Sunday, but she told state investigators that she “really got scared” when it became clear that Sheriff Rowland did not recognize her. Ms. Cox lived down the road from him and he kept a trailer on her property, according to the affidavit. That is likely why she did not think there would be any problems when she dropped off a “thankful turkey” at his house.

New York Times 27/12/2021 by Alyssa Lukpat

Officer Whose Bullet Killed a 14-Year-Old Girl Wanted to ‘Change’ the Police

As an L.A.P.D. officer, William Jones Jr. said he wanted the public “not to be scared of us.” He is now under investigation for a shooting that killed Valentina Orellana Peralta and an unarmed assault suspect.

LOS ANGELES — When he first moved to Los Angeles 15 years ago, William Dorsey Jones Jr. was like many others before him, hoping to find a career in the entertainment industry. He went so far as to start his own company, Entourage Entertainment Group.

But when those dreams didn’t pan out, Mr. Jones became a community relations specialist and patrol officer in the North Hollywood area — and he loved it. On social media, he seemed to have a sense of obligation, as a Black police officer, to confront head-on the issues of racism and policing.

He ran a nonprofit that mentored at-risk youth and helped coach a high school football team. Earlier this month, he drove a car filled with presents to hand out to children.

But on the day before Christmas Eve, Mr. Jones became the latest face of an all-too-familiar story of American policing: a rapid-fire tactical operation in a store, crowded at one point with holiday shoppers, that left two unarmed civilians dead.

After responding to calls about a man attacking customers at a North Hollywood clothing store with a heavy bike lock, it was Mr. Jones, his lawyer confirmed on Thursday, who shot and killed the man, Daniel Elena Lopez, 24. One of the bullets the 42-year-old officer fired skipped off the floor and through a wall, killing 14-year-old Valentina Orellana Peralta, who had been hiding in a dressing room with her mother.

“This is somebody who, four days ago, everybody in our country would be wanting to hire,” Tom Saggau, a spokesman for the Los Angeles police union, said of Mr. Jones, whose future with the department now depends on the outcome of at least two investigations, as well as what lawyers representing Ms. Orellana Peralta’s parents said would be a probable lawsuit.

Officers arrived at the Burlington clothing store and rushed in with weapons drawn; a store employee had alerted a dispatcher to customers being attacked with a bike lock, but other 911 callers reported that the assailant had a gun and had fired shots, the police said.

In body camera footage released this week, Mr. Jones could be seen racing past his fellow officers with a drawn rifle, even as his colleagues called out to him to “slow down” and “hold up.”

“Let me take point with the rifle,” he said.

Only seconds after the officers encountered a woman with a bloodied head who had been scrambling to get away from Mr. Elena Lopez, Mr. Jones opened fire, the footage showed. Mr. Elena Lopez fell to the ground as an anguished wail emanated from the dressing room where Ms. Orellana Peralta and her mother were hiding.

Mr. Jones, who was on paid administrative leave and declined to discuss the episode, has a visible “heaviness on him,” his lawyer, Leslie Wilcox, said in an interview. She said he had never before been disciplined for a police shooting, and was surprised by the level of public anger directed at him, “as if Valentina’s death was intentional, or reckless on his part, which it was neither.”

Earlier this week, Mr. Jones’s identity and badge number began to circulate on social media. At a news conference on Tuesday where Ms. Orellana Peralta’s family spoke, an attendee held a sign showing Mr. Jones’s in-uniform portrait. Above the photo it read: “WANTED.”

Mr. Jones scrubbed his digital footprint, shutting down the Twitter accounts he ran for his nonprofit, his work as a coach and his police work. In his tweets, recovered through digital archives, he sometimes described racism that he had experienced and his hopes of improving the work of the Police Department and its relations with the community.

“I’m a Black man, I’m the father of a Black son,” he wrote on Twitter on Aug. 27, saying that he had himself been a victim of “racism.”

“I’m the LAPD. I have the power & determination to affect CHANGE in the community,” he wrote.

In 2019, he spoke with a local news station about his approach to law enforcement.

“There’s no better crime reduction strategy than to engage with our youth, for them not to be scared of us, to let them know there are people out there who care,” Mr. Jones said.

In a profile of Mr. Jones on the website of the University of Louisville, where he had attended college after growing up in Kentucky, Mr. Jones said he’d had a modest upbringing. His mother, Toya J. Brazley, worked multiple jobs to help raise her three sons. His father, the elder William D. Jones, worked in insurance.

In 2006, Mr. Jones dropped out of college and moved to Los Angeles, a city eight times the size of his hometown. Initially, according to the profile, he had hoped to break into the entertainment industry. But he discovered a new calling in 2009, when he joined the Los Angeles Police Department. He liked it, as his lawyer said, because of his strong desire to help others.

Mr. Jones eventually married, had a son and, in 2015, purchased a home in Santa Clarita, a town in the foothills north of Los Angeles where middle-class families often go to find a slice of suburbia.

In 2020, Mr. Jones finished the credits he needed for his communications degree from Louisville. That same year, he and his wife started their nonprofit, Officers for Change, which distributed donations of backpacks and school supplies from fellow officers, according to the police union.

Mr. Jones also started an at-home business called Use of Force Fitness, public records show. He found time to serve as an assistant football coach for the Valencia High School Vikings, joining the program within the past couple of years as a wide receiver coach. The team celebrated winning a major regional title in November.

Kassie Devoll, the varsity team manager, said that members of the Valencia football community were “devastated” to hear that Mr. Jones had been involved in the shooting that has been on the television news almost daily.

She said that Mr. Jones had been a mentor and a role model for the football program. “He made a direct impact on the entire team immediately.”

Ms. Devoll said that high school football can be a high-pressure environment for teen boys. Coaches can be tough and angry. But Mr. Jones, she said, was unfailingly positive and “really built them up as people.”

That was something Mason Turek, an 18-year-old senior on the team, said he experienced firsthand. He said he talked with Mr. Jones about what to pursue after high school — and told him that he had been thinking about becoming a police officer. Mr. Jones, he recalled, listened and told him about how many of his colleagues on the force had interests and careers outside of law enforcement, as well.

Still, Mr. Jones did not talk much about his job when he was at practice or games, Mr. Turek said — although he sensed it might have weighed on him at times.

“As a Black police officer, with everything going on — I have tremendous respect for him,” Mr. Turek said.

The case is set to be an early, closely watched test of two of California’s most significant police accountability reforms in recent years.

In 2019, Gov. Gavin Newsom signed into law one of the nation’s toughest standards for the use of deadly force by police officers, requiring that officers use it only “when necessary in defense of human life.”

The law, which also requires the authorities to evaluate whether an officer took steps to de-escalate a situation or use less lethal weapons, was inspired by the death of Stephon Clark, who was shot by Sacramento police officers who mistook a cellphone he was holding for a gun.

The second change, which went into effect in July, requires that the California Department of Justice independently investigate — and decide whether to pursue criminal charges — in incidents in which officers shoot and kill unarmed people.

California’s attorney general, Rob Bonta, said the investigation into the deaths of Mr. Elena Lopez and Ms. Orellana Peralta was still in its early stages. He said his office would look at the question of criminal liability for the officers involved “with the same objective eyes that we do all our other cases.”

Philip M. Stinson, a professor of criminal justice at Bowling Green State University who studies police violence, said that, given the chaos that awaited officers arriving at the Burlington store, “this is going

to be a difficult case for investigators and prosecutors in making the determination about whether the officer was justified in using deadly force.”

Earlier this week, Ms. Orellana Peralta’s parents described their daughter as a bright, sweet girl who hoped to become an engineer and an American citizen. They spoke at a news conference outside the headquarters of the Los Angeles Police Department, flanked by their lawyers, led by the high-profile civil rights attorney Ben Crump.

Mr. Crump on Thursday said it appeared clear that Ms. Orellana Peralta’s death should have been prevented.

“We think that they have training for these exact situations and dynamics,” he said. “Literally, you’re going into a public facility — how do you use the least intrusive measure to ensure that innocent people aren’t harmed?”

But Ms. Wilcox, the officer’s lawyer, said the police officers who responded had been trained in how to confront such situations, and Mr. Jones had been attempting to save lives.

“I don’t think any officer can ever imagine that such a tragic outcome would come from them following their training and procedure,” she said.

Washington Post 30/12/2021 by Jill Cowan, Giulia Heyward and Christine Chung

Opinion: Prince William police shot and killed a 79-year-old man.

Was it a preventable tragedy?

ON DEC. 10, Prince William County police responded to a 911 call from a woman seeking help for her husband, who had a gun and was talking about shooting himself. A little more than an hour after police arrived at the home, the 79-year-old man was dead, shot by officers as he raised his gun, walked toward them and said “shoot me.” Acting police chief Jarad Phelps called the events “heartbreaking.” Commonwealth’s Attorney Amy Ashworth ruled the use of deadly force “justified and reasonable under the circumstances of this tragic encounter.”

It is hard to quarrel with either assessment. But the events that played out that night in Dumfries should serve as a cautionary tale that prompts questions of whether there were steps that could have been taken that might have averted the deadly outcome and that could prevent future tragedies.

The death of Kurtis Kay Frevert appears to be a classic case of “suicide by cop,” in which a person who wants to die acts in a threatening manner so as to provoke a lethal response from police. Frevert, who had been behaving so erratically as to prompt his wife to call 911, had wandered from his home and was shot when he returned to his porch and aimed his handgun at police after being told to drop the weapon. Officials said five officers almost simultaneously fired their guns. A nearby home was also hit, but fortunately no one else was injured. Ms. Ashworth, whose investigation included review of body-cam footage and more than 900 photographs, said, “In this incident, the danger posed by the decedent was real. Each of the officers expressed that they believed either they, individually, were in danger of being shot or killed or that other officers present were in danger of being shot or killed.”

Of the nearly 1,000 fatal police shootings in the United States every year, experts estimate that about 100 of them are suicide by cop. The Police Executive Research Forum, a leading think tank, has made a project of figuring out ways to reduce or eliminate these incidents, including development of a special training protocol that stresses de-escalation strategies, such as trying to converse with a person in distress rather than shouting commands and pointing a gun. Prince William police say they pair their training with those standards. But that protocol, which emphasizes that police must first consider their own safety and that of others, doesn’t apply if the subject has a gun, as Frevert did.

No doubt acting chief Phelps was correct when he said the incident underscores the dangers officers face, but one has to wonder whether sending armed police to deal with a suicidal 79-year-old is the best approach. Part of the national reckoning about policing that has followed the death of George Floyd has centered on questions about police departments’ role and whether there are other agencies that could better handle situations of people in mental distress. We don’t know whether there were other things that could have been done to prevent Frevert’s death. But we do know that what happened was a tragedy for all involved, and that includes those five police officers.

Washington Post 01/01/2021 by Editorial Board

Rioters breached the Capitol as they waved pro-police flags.

Police support on the right may be eroding, experts warn

A boom from the Capitol steps sent protesters scurrying back. Stun grenades had begun to rain down on the mob that had laid siege to the U.S. Capitol for nearly three hours.

A man standing on a folding chair on the Capitol lawn raised a middle finger toward the advancing line of police and joined in a chant quickly sweeping the grounds: “Traitors! Traitors! Traitors!”

In a crowd where some carried flags bearing a thin blue line — a pro-police symbol that critics claim also stands for white supremacy and opposition to the Black Lives Matter movement — and shirts adorned with “Blue Lives Matter,” a tide of anger and frustration rose as officers pushed them back. Nearly three hours after the building was breached, police cleared the grounds and used batons and chemical munitions to confront the mob.

“You should be on our side,” a woman in a Trump 2020 sweatshirt called at them. “‘We the people’ means police, too!”

“Is this honoring your oath? Pushing patriots around?” another man yelled as an officer shoved him backward with a baton.

Some promised to return with weapons, ready to fight if necessary. A man repeatedly announced he would be back with his rifle for the inauguration of President-elect Joe Biden.

Police experts worry this souring sentiment may lead to more violence in the months ahead. They caution that officers in Washington should prepare to be met with increasing hostility from crowds that previously have clamored for selfies and handshakes from them.

“In general, the public has this mistaken assumption that the police are there to serve and protect them,” Maria Haberfeld, a professor of police science at John Jay College, said. “The police do what the politicians and other officials tell them to do or not to do.”

Neither D.C. police nor Capitol Police responded to a request for comment.

Conservatives and members of the far-right long have sought to position themselves on the same side of the societal and cultural divide as police. Republicans backed President Trump’s campaign message of “law and order,” and amid rising calls to “defund the police” during racial justice protests last year, the GOP was swift to criticize efforts to shrink police budgets. Police unions and officers vocally supported Trump’s bid for a second term.

But on Wednesday, as the Capitol was being breached and ransacked, people who see themselves as friends of the police were confronted with the reality that law enforcement would not always respond in kind.

“When police have to move against various groups that have supported them, they expect the police to be on their side when they do illegal things, but policing is not really a discretionary behavior,” Haberfeld said. “When people behave the way they behaved at the Capitol, it mandated only one response: Move them out. Arrest them all.”

The law enforcement response, which has been roundly criticized, was tepid compared to police responses to summer protests when demonstrators were arrested en masse. But Trump supporters, who were mostly White, balked at any amount of police resistance Wednesday.

In far-right online forums after the insurrection — during which five people, including a Capitol Police officer, died — Proud Boys, conspiracists, members of armed groups and white nationalists sought to further erode Trump supporters’ veneration of the police by posting videos of officers and rioters exchanging punches and unleashing streams of pepper spray.

“The blue does not back you,” reads a message posted in a pro-Proud Boys group with more than 37,000 followers on social media app Parler. “They back the men who pay them.”

Ashli Babbitt, who was killed during the insurrection, “was shot by cowards protecting traitors,” wrote Jeremy Bertino, a self-described Proud Boy who was one of four people stabbed in D.C. during a chaotic street fight after pro-Trump rallies Dec. 12. “Hang them on the capitol steps.”

Another user commented: “DC blue showed they [chose] a side.”

At a rally the day before the Capitol riot, Cindy Chafian — an organizer with the Eighty Percent Coalition, which sponsored the Tuesday event — told the crowd that it wasn’t police who were keeping them safe, but rather the Proud Boys, anti-government militias and other far-right groups.

“All of those guys keep us safe,” she told a crowd of hundreds.

On Wednesday, three hours after the 6 p.m. curfew by D.C. Mayor Muriel E. Bowser (D) went into effect, a reinforced squad of police officers, Capitol Police officers and National Guard members pushed back a diminishing crowd of Trump's supporters, who continued to shout abuse at police.

The rhetoric was, at times, similar to far-left protesters who have coined a phrase for police that includes an expletive, while also posting violent anti-police memes in online chats and social media forums.

At racial justice protests over the summer, following a spate of police killings of Black men and women around the country, protesters called police "murderers" and implored officers to join them or take a knee to express solidarity.

But unlike at racial justice demonstrations, where police would fire chemical munitions into areas where protesters were being treated by medics or advance on ailing protesters, several officers at the Capitol on Wednesday seemed sympathetic to the rioters.

Police helped some supporters of the president wash out their eyes after being hit with chemical irritants. At the Capitol gates, some smiled and posed for photos.

Jamie Longazel, who has studied the "Blue Lives Matter" movement since it was formed as backlash to the Black Lives Matter movement, said many of the people who espouse a pro-police ideology are unlikely to change their stripes overnight.

But, he noted, they may make a distinction between the police department of a progressive city like the District — where many officers are Black and Latino — and police of their hometowns.

"I think, for them, seeing the police standing against them probably came as a surprise," Longazel said. "In their worldview, which is very racialized, they do not see themselves as being part of that savage horde that the police are meant to stand against — no matter what they do."

Bill Harrison, a 59-year-old supporter of Trump who traveled to D.C. this week from North Dakota, beamed at his wife as the couple walked east from the seat of the U.S. government and darkness fell over the Capitol grounds.

"We just stormed the Capitol," he said, a tone of awe in his voice.

In truth, he had not stormed the Capitol, only tried.

Along the west security perimeter, Harrison said, he and others had been pepper-sprayed and hit with batons by officers.

"It was wonderful," he beamed.

Harrison said he has great respect for cops — just not the ones who protect members of Congress.

"These police are protecting the villains inside that building. Somebody back in a small town, that's my neighbor," he said. "Here, they're protecting Schumer. They're protecting Pelosi."

Several people in the crowd assailed police officers for protecting the "traitors" inside the Capitol. They beckoned officers to join them, to stand on their "side."

One woman yelled: "We're peaceful protesters — do your job and protect us!"

One D.C. police officer in riot gear responded: "Not right now you're not. Move!"

Nate and Tanya Mitchell, who had traveled to the District from Southern California to show their support for the president, watched from the nearby grass.

They didn't think the day would have much impact on Trump's base and its adoration for law enforcement.

The destruction and mob violence at the Capitol a few hours earlier had been the work of a few bad apples, they said. They said they had remonstrated with some of them.

The Mitchells said the police before them in riot gear were just doing their jobs. The couple spoke several hours after the city's 6 p.m. curfew had gone into effect and were among those defying it — despite a line of police yelling at the stragglers to go home.

"I'm not going home until I feel like going home," Tanya said.

Washington Post 08/01/2021 by Marissa J. Lang and Peter Jamison

Killings by police are undercounted by more than half, new study says

More than half of police killings in the United States over the past 40 years have been mislabeled, according to a new study, leading to a stark undercount of deaths at the hands of officers and a lopsided perception of what experts say is a public health crisis.

Researchers from the University of Washington found that from 1980 to 2019, more than 55 percent of 31,000 deaths attributed to police violence were assigned other causes in official federal death data. Black men are killed by police at disproportionately high rates, and their deaths are mislabeled at higher rates than for any other race, according to the study, which was published Thursday in the *Lancet*, a peer-reviewed medical journal.

The study underscores a grim reality: Despite years of scrutiny, criticism, protests and calls for reform, no government agency tracks how often law enforcement officers in America kill people. Since 2015, The Washington Post has been counting how often on-duty police shoot and kill people. But there is no comprehensive federal attempt to keep track of these deaths or other uses of force by law enforcement, including chokeholds and nonfatal shootings. One of the study's authors called the deaths poorly catalogued and preventable, and an expert said the lack of meaningful tracking of these deaths underscores the deep-rootedness of systemic racism.

High-profile police killings over the past several years, such as that of George Floyd in May 2020, have led to nationwide calls for police reform and an examination of why Black men are disproportionately killed during police encounters. But until now, this study's authors say, the true scope of police killings has been largely unknown.

Police shootings continue daily, despite a pandemic, protests and pushes for reform

Police and a medical examiner initially attributed Floyd's death to drug use and underlying conditions, despite bystander video showing former police officer Derek Chauvin kneeling on Floyd's neck and back for more than nine minutes. Chauvin was found guilty of murder and manslaughter in April.

The study compared decades of data from the National Vital Statistics System, which tracks births and deaths, to three databases that track police violence: Fatal Encounters, Mapping Police Violence and the Guardian's The Counted. The databases sift through news reports and public records for instances of people killed during police encounters.

Mohsen Naghavi, the study's senior author, told The Post that it is critical to look beyond the incomplete data provided by government agencies.

"Here the role of the media is very important," he said. "If we didn't have the media, we wouldn't have open-source data."

Noting the striking discrepancy between the study's findings and the government's data, the authors called for public health officials and researchers to "swiftly adopt open-source data-collection initiatives to provide accurate estimates and advocate for policy change to address this long-neglected public health crisis."

Researchers identified places where misclassification of deaths often occurred, noting that medical examiners or coroners — who must fill out the cause of death when there is suspicion of foul play, including police violence — can be embedded in or work for police departments.

If the medical examiner, coroner or other certifier fails to indicate police involvement in the cause of death on the death certificate, the incident could be misclassified.

The study underscores how deeply enmeshed systemic racism is in different aspects of life — including health, said Edwin G. Lindo, assistant dean for social and health justice at the University of Washington School of Medicine.

"We have to really sit back and say, 'What does this mean?'" the critical race theory scholar told The Post. "In my mind there is a deep-seated undercurrent of systemic racism to the point that a medical examiner doesn't have to declare that they're racist. The practices are already showing, and the racism is occurring, not just during the encounter itself, but even after the individual has passed away.

"There's still acts of racism trying to hide the murder or the killing that occurred," he said.

The study's authors said forensic pathologists should be independent from law enforcement to avoid incorrectly identifying the cause of death due to outside pressures. They also said the experts should be offered whistleblower protections so they can fully investigate police violence.

"We need the government and policymakers to fix this conflict of interest because violence is a public health crisis," Naghavi said.

Researchers found Black people were 3½ times more likely than White people to be killed by police, and Latinos and Native Americans also faced higher rates of fatal violence at the hands of law enforcement. About one in every thousand Black men in the United States is killed by police, the study found.

“Systemic and direct racism, manifested in laws and policies as well as personal implicit biases, result in Black, Indigenous, and Hispanic Americans being the targets of police violence,” it read.

Lindo said the number of people dying at the hands of police highlights how this violence is a major public health problem.

“That is a mortality rate greater than the likelihood of you dying of riding your bicycle in the United States, and riding your bicycle is dangerous,” he said.

The push to remake policing takes decades, only to begin again

Underreporting also most dramatically affected Black people, the study found, with nearly 60 percent of deaths misclassified. Men were more than 20 times more likely to be killed than women. In 2019, the study said, more than twice as many men died from police encounters than from testicular cancer.

“This is important because it kills more than some important disease, and it is preventable,” Naghavi said.

Misclassification rates varied broadly from state to state, with researchers finding Oklahoma incorrectly labeled more than 83 percent of deaths by police, Wyoming more than 79 percent, and Alabama, Louisiana and Nebraska all over 72 percent. Maryland had the fewest estimated misclassified police killings at around 16 percent.

Oklahoma, Arizona, Alaska and the District of Columbia had the highest rates of police killings, according to the study.

After police in Ferguson, Mo., killed Michael Brown in 2014, a Post investigation found that the FBI undercounted fatal police shootings by more than half. Most U.S. police departments have declined to share data with the National Use-of-Force Data Collection since its launch in 2019 — despite a presidential order and other pressure.

Lindo said the underreporting is “an act of dehumanizing the death of these communities.”

Obscuring the actual figures of deaths from police violence compounds mistrust in the government and could also lead to greater impunity for officers, Lindo said.

With such discrepancies in how police deaths are reported, Lindo said the study is primed to generate attention. Yet, more than a rude awakening, the professor said, the findings should catalyze action.

“What the study doesn’t speak to and what we need to focus on ... is that the underreporting doesn’t necessarily mean that the behavior of the police brutality changes immediately,” he said. “And so while, yes, we focus on how severe this underreporting is, we also have to identify the tactics to make sure that this police violence no longer exists.”

Washington Post 01/10/2021 by Caroline Anders and María Luisa Paúl